

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Стракевич Анастасия Алексеевна

Перспективы транснационального сотрудничества крайне правых популистов на примере «Альтернативы для Германии» и «Австрийской партии свободы»

Научная специальность 5.5.4. Международные отношения

Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук,
доктор политических наук
Еремина Наталья Валерьевна

Санкт-Петербург

2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. Правый популизм: проблема дефиниции	12
1.1 Понятие популизма в политических науках	12
1.2 Дихотомия правый/левый в соотношении с популизмом	21
1.3 Соотношение правого популизма и смежных понятий (правый радикализм, евроскептицизм, фашизм).....	26
1.4 Трансграничные контакты правых популистов в научной литературе	31
2. Теоретико-методологическая база исследования	38
2.1 Социальный конструктивизм в международных отношениях	38
2.2 Сравнительные исследования в политических науках	46
2.3 Контент-анализ как метод исследования	49
3. Австрийские и немецкие правые популисты: анализ национальных кейсов.....	54
3.1 Правый популизм в Германии: основные этапы развития.....	60
3.2 Правый популизм в Австрии: основные этапы развития	76
3.3 Сравнение траекторий развития «Австрийской партии свободы» и «Альтернативы для Германии»	83
4. Перспективы сотрудничества австрийских и немецких правых популистов	86
4.1 Германские и австрийские правые популисты – взаимное восприятие и отношение к трансграничному сотрудничеству	86
4.2 Сравнительный анализ политических установок «Австрийской партии свободы» и «Альтернативы для Германии»	99
4.3 Перспективы сотрудничества австрийских и немецких правых популистов	117
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	122
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	129
ПРИЛОЖЕНИЕ	146

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что термин «популизм» был введен в научный оборот еще в 1960-е гг., вплоть до середины 1990-х гг. данная проблематика практически не рассматривалась исследователями, в фокусе внимания которых находились страны Западной Европы. На рубеже веков явление, считавшееся прежде присущим «отсталым» аграрным обществам, начинает ассоциироваться с праворадикальными группами, возникающими в развитых странах. Одни видят в нем очередную инкарнацию фашистской идеологии либо попытки «устаревшего» правого радикализма адаптироваться в новой реальности (подобных точек зрения придерживаются, в частности, Х.-Г. Бетц¹, Р. Штёсс², Н. Копси³), другие (к примеру, один из ведущих теоретиков популизма К. Мад⁴, а также Р. Итвелл⁵) – говорят о принципиальной новизне явления и несводимости его характеристик к «обычной» праворадикальной риторике. Расходятся и взгляды на причины его возникновения, при этом среди наиболее упоминаемых предпосылок следует назвать чрезмерное сближение левых и правых политических сил (на которое ссылаются К. фон Байме⁶, К. Мад⁷, Ф. Николи⁸), вытеснение спорных вопросов за рамки политических дебатов (о чем пишут, в частности, Ш. Муфф⁹, С. А. Ланцов¹⁰, В. А. Ачкасов¹¹), разделяемый значительной частью населения страх перед стремительными изменениями, происходящими в мире (упоминается еще в 1970-е гг. у Ф. Э. Кардозо и Э. Фалетто¹², в видоизмененном виде встречается у П. А. Тагиеффа¹³, Н. А. Баранова¹⁴).

К середине 2010-х гг. популизм окончательно перестает быть темой, обсуждаемой лишь в академических кругах. Решение о Брексите в Великобритании, рост популярности М. Ле Пен во Франции, развертывание ПЕГИДА и последующие успехи «Альтернативы для Германии»,

¹ Betz H.-G. Die identitätspolitische Herausforderung rechtspopulistischer Parteien in Europa // Die neue rechte Herausforderung. Rechtsextremismus in Deutschland und Europa. Berlin, Heinrich-Böll-Stiftung, 2005. S. 10

² Stöss R. Rechtspopulismus und Rechtsextremismus // Die neue rechte Herausforderung. Rechtsextremismus in Deutschland und Europa. Berlin, Heinrich-Böll-Stiftung, 2005. S. 19

³ Copsey N. Fascism... but with an open mind. Reflections on the Contemporary Far Right in (Western) Europe // Fascism. 2013. 2. P. 1-11

⁴ Mudde C. The War of Words Defining the Extreme Right Party Family // West European Politics. 1996. 19 (2). P. 226

⁵ Eatwell R. Populism and Fascism // Oxford Handbook of Populism / Rovira Kaltwasser C., Taggart P., Ochoa Espejo P., Ostiguy, P. (eds.). Oxford University Press, 2017. P. 3-4

⁶ Mudde C. The Populist Zeitgeist // Government and Opposition. 2004. P. 542-552

⁷ Ibidem

⁸ Nicolì F. Populism, polarization, politicization, participation, projecting the EU beyond the market? [Электронный ресурс] // Rising Populism and European Elections: Collection of selected contributions. Institute of European Democrats, 2014. Режим доступа: <https://www.iedonline.eu/download/2014/Rising-Populism-European-Elections-IED--2014.pdf> P. 11-18

⁹ Mouffe C. The Democratic Paradox. Verso, 2000. P. 23-26

¹⁰ «Политика постправды» и популизм / под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2018. С. 141

¹¹ Там же. С. 156-157

¹² Cardoso F. H., Faletto E. Dependency and development in Latin America. University of California Press, 1979. P. 132

¹³ Taguieff P.-A. Political Science Confronts Populism: From a Conceptual Mirage to a Real Problem // Telos. 1995. №103. P. 27-31

¹⁴ «Политика постправды» и популизм... Там же. С. 123-132

укрепление позиций сил, считающихся недемократическими, в Италии, Польше, Венгрии, наконец, избрание Д. Трампа в США – все эти события зачастую рассматриваются в прессе как звенья одной цепи, знаменующей наступление некой волны правого популизма, захлестнувшей Европу и США. Таким образом, **актуальность настоящего исследования** проистекает из двух основных представлений, сформировавшихся в Западной Европе к середине прошедшего десятилетия. Первым из данных представлений является идея «контагиозности» популизма, его индуцированности внешними по отношению к отдельной национальной политической системе факторами. Второе представление – тезис о возможности установления трансграничных связей правопопулистских сил, приобретающий особое значение на фоне электоральных успехов рассматриваемых партий как на национальном, так и на европейском уровне.

В рамках настоящей работы гипотеза о возможности трансграничного сотрудничества правых сил проверяется на основе двух национальных кейсов – в качестве **объекта исследования** выступают партии Германии («Альтернатива для Германии») и Австрии («Австрийская партия свободы»). Подобный выбор кейсов не является самоочевидным: несмотря на лингвистическую общность двух стран, разговор о формировании трансграничных политических общностей между Германией и Австрией неизменно отсылает к травматичному опыту аншлюса, а потому, как правило, избегается. Принимая во внимание традиционно присущую популистским партиям ориентацию на великое прошлое, а также концептуальную близость понятий «народ» и «нация» в ряде популистских интерпретаций (о чем пишут, к примеру, Б. де Клин¹⁵, Э. Де Блазио и М. Сориче¹⁶), мы полагаем необходимым не только привести краткий обзор процессов формирования немецкой и австрийской национальных идентичностей, но и рассмотреть, каким образом историческая тематика поднимается в риторике рассматриваемых партий. Выбирая немецкую и австрийскую популистские партии в качестве объекта исследования, мы стремимся особо подчеркнуть, что взаимодействия между ними не следует воспринимать как попытки возродить старые идеи о немецком единстве. Обращаясь к текущим событиям, мы отмечаем многочисленные личные официальные и неофициальные контакты их членами, а также подчеркиваем примечательность данных кейсов в качестве примера взаимодействия «новой» и «старой» популистских партий.

Предметом настоящего исследования являются позиции «Альтернативы для Германии» и «Австрийской партии свободы» по вопросам, имеющим потенциально трансграничную значимость (иммиграция, европейская интеграция), а также их взаимное восприятие. **Цель**

¹⁵ de Cleen B. Populism and Nationalism // Oxford Handbook of Populism / Rovira Kaltwasser C., Taggart P., Ochoa Espejo P., Ostiguy, P. (eds.). Oxford University Press, 2017. P. 342-362

¹⁶ De Blasio E., Sorice M. Populism between direct democracy and the technological myth [Электронный ресурс] // Palgrave Communications. 2018. Режим доступа: <https://www.nature.com/articles/s41599-018-0067-y>

исследования – установить, в какой мере взгляды партий способствуют либо, напротив, препятствуют эффективному установлению трансграничных контактов между ними. На пути к достижению поставленной цели нам представляется необходимым решить ряд задач:

1. Рассмотреть многообразие подходов к понятию «популизм», существующих в академических кругах;
2. Выявить соотношение понятия «правый популизм» со смежными категориями, используемыми для обозначения соответствующих сил (правый радикализм, фашизм, евроскептицизм);
3. Установить тенденции в интерпретации дихотомии «правые/левые» в рамках политических наук;
4. Изучить процесс становления правопопулистских сил в Германии и Австрии;
5. Провести сравнительный анализ позиций партий по проблемам, имеющим трансграничный компонент;
6. Проанализировать существующую практику взаимодействия «Альтернативы для Германии» и «Австрийской партии свободы»;
7. Выявить тенденции развития взаимоотношений рассматриваемых партий, а также их позиции по вопросам трансграничного сотрудничества в целом.

Несмотря на то, что в работе приводится краткий обзор процессов формирования австрийской и немецкой национальной идентичностей (начиная с XIX в.), а также прослеживаются процессы формирования и развития праворадикальных/правопопулистских сил Германии и Австрии (период с 1950-х гг.), основные **хронологические рамки исследования** охватывают промежуток 2000-2020-х гг.

Теоретической базой исследования является конструктивистская теория с ее особым акцентом на конституирующую роль восприятий и интерпретаций (сформулированную, в частности, в работах А. Вендта^{17,18,19}) и производимые акторами тексты как отражения правил, в соответствии с которыми они организуют социальную реальность (о чем пишут Н. Онуф²⁰, Ф. Кратохвил²¹). Следует отметить, что выбор конструктивистской теоретической рамки в работах, посвященных проблематике правого популизма, является в последние годы достаточно

¹⁷ Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. 46 (2). P. 391-425

¹⁸ Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // The American Political Science Review. 1994. 88 (2). P. 384-396

¹⁹ Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge University Press, 2003. 429 p.

²⁰ Zehfuss M. Constructivism in International Relations // Cambridge University Press, 2002. P. 20-22

²¹ Price R., Reus-Smit Ch. Dangerous Liaisons? Critical International Theory and Constructivism // European Journal of International Relations. 1998. 4 (3). P. 261-268

распространенной исследовательской стратегией. Подобная теоретическая модель удобна для анализа подвижных сетевых структур, каковыми являются, с одной стороны, зачастую виртуальные группы граждан, разделяющих популистские идеи на национальном уровне, с другой стороны – трансграничные популистские объединения. Как на внутрисоциальном, так и на транснациональном уровне популистские сети обладают уникальной адаптивностью: в разные временные отрезки они охватывают неодинаковый круг идей, общим знаменателем которых является противодействие предполагаемым элитам во имя интересов «истинного народа».

К числу методов, составляющих ядро **методологической базы исследования**, относится сравнительный анализ (поиск общих черт и различий как в траекториях развития, так и в риторике правопопулистских партий Германии и Австрии, что в конечном счете подводит нас к выводам о паттернах их идентификации и возможности формирования на их основе трансграничной общности), а также контент-анализ продуцируемых партиями текстов. Обращение к методу контент-анализа во многом обусловлено стремлением охватить как можно больший пласт данных, отражающих особенности публичной коммуникации «Австрийской партии свободы» и «Альтернативы для Германии». Отобранные материалы анализируются при помощи специализированного программного обеспечения для контент-анализа – *MAXQDA*. Добавленные в *MAXQDA* документы анализируются при помощи инструментов «Лексического поиска» и комплекса инструментов *MAXDicio* (частота использования слов, ключевые слова в контексте), а также подвергаются процедурам кодирования, т. е. присвоения отдельным лексическим единицам, словосочетаниям или более крупным фрагментам текста обозначений («кодов»), позволяющих в дальнейшем картировать содержание текста в целом.

Работая с небольшими по объему документами (программы, стенографии выступлений представителей партий), мы преимущественно прибегали к сочетанию автоматизированного и ручного кодирования: прочитанному исследователем фрагменту текста вручную присваивалась одна из соответствующих смысловых категорий. В случае с большими объемами (к примеру, пул сообщений, оставленных представителями партий в социальных сетях) кодирование производилось в автоматизированном режиме на основе ключевых слов. При этом наибольшее внимание уделялось трем тематическим блокам, имеющим сильный внешнеполитический компонент: (1) иммиграционная политика и политика по отношению к беженцам; (2) внешняя политика и восприятие интеграционных процессов в Европе; (3) идентификация партий и представления об угрозах.

Источниковую базу исследования составляет несколько групп материалов:

- Программные документы, выпущенные Альтернативой для Германии и Австрийской партией свободы к общенациональным выборам^{22,23,24}, выборам в отдельных федеральных землях^{25,26}, выборам в Европейский парламент^{27,28}. Анализируя данную группу документов, мы стремились выявить паттерны идентификации партий, а также их позиции по наиболее релевантным для настоящего исследования вопросам (трансграничное сотрудничество, иммиграция, европейская интеграция). Включая в число рассматриваемых документов программы разных периодов и уровней, мы стремились взглянуть на партии в разных контекстах – в периоды электоральных успехов и поражений, в случае АПС – как в контексте ее нахождения у власти, так и в оппозиционные периоды.
- Материалы официальных сайтов партий и их страниц в социальных сетях (*Facebook*²⁹, *Twitter*^{30,31}, в ряде случаев – *YouTube*³²). Обращаясь к данной группе источников, мы одновременно стремимся проанализировать как можно более широкий пул неофициальных текстов, генерируемых рассматриваемыми партиями (что отвечает заданным конструктивистской рамкой представлениям об отражении идентичности через текст), и признаем тот факт, что коммуникация посредством социальных сетей во многом становится основой политической стратегии правопопулистских партий.
- Материалы средств массовой информации, освещающие взаимодействие партий, высказывания их представителей друг о друге, реакцию партий на текущие события. В условиях, когда доступ к внутренним сведениям о сотрудничестве партий (интервью с представителями соответствующих сил, анализ внутренних документов) невозможен, мы

²² Freiheitliches Wahlprogramm zur Nationalratswahl 2017 [Электронный ресурс] // FPÖ. 2017. Режим доступа: www.fpoe.at/fileadmin/user_upload/Wahlprogramm_8_9_low.pdf

²³ Programm für Deutschland. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland [Электронный ресурс] // Alternative für Deutschland. 2018. Режим доступа: https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2018/01/Programm_AfD_Druck_Online_190118.pdf

²⁴ Deutschland. Aber normal. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 20. Deutschen Bundestag [Электронный ресурс] // Alternative für Deutschland. 2021. Режим доступа: <https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2021/05/2021-05-20--AfD-Bundestagswahlprogramm-2021.pdf>

²⁵ Landtagswahl-programm 2021. Alternative für Deutschland Baden-Württemberg [Электронный ресурс] // Alternative für Deutschland Baden-Württemberg. 2021. Режим доступа: https://afd-bw.de/afd-bw/wahlprogramme/landtagswahlprogramm_afd_2021_a4.pdf

²⁶ Wien braucht eine starke FPÖ. Unser Programm für Wien 2020 [Электронный ресурс] // FPÖ Wien. 2020. Режим доступа: https://web.archive.org/web/20200928201211/https://www.fpoe-wien.at/fileadmin/user_upload/www.fpoe-wien.at/documents/Wahlprogramm_2020_v5_Web.pdf

²⁷ EU-Wahl 2019 [Электронный ресурс] // Freiheitliche Partei Österreichs. 2019. Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20190527230337/https://www.fpoe.eu/sichere-grenzen/>

²⁸ Europawahlprogramm. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 9. Europäischen Parlament 2019 [Электронный ресурс] // Alternative für Deutschland. 2019. Режим доступа: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2019/03/AfD_Europawahlprogramm_A5-hoch_web_150319.pdf

²⁹ FPÖ [Электронный ресурс] // Facebook. Режим доступа: <https://www.facebook.com/fpoe/>

³⁰ Alternative für Deutschland [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: <https://twitter.com/afd>

³¹ FPÖ [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: https://twitter.com/FPÖE_TV

³² FPÖ TV [Электронный ресурс] // YouTube. Режим доступа: <https://www.youtube.com/channel/UCRdEdkAlZetdf74bYaBRv3g>

полагаем необходимым обратиться к открытым сведениям, публикуемым средствами массовой информации. В отличие от материалов социальных сетей, отражающих лишь ту часть событийного поля, которую хотят осветить соответствующие акторы, СМИ зачастую обращаются к сложным и неоднозначным темам, что позволяет сформировать более объемные представления о происходящем.

- Стенографии заседаний национальных парламентов Германии³³ и Австрии³⁴, Европейского парламента³⁵ (тип материалов, позволяющих дополнить сведения о подходе рассматриваемых партий к определенным тематическим блокам), поименные данные о голосовании в Европейском парламенте³⁶ (данные, позволяющие судить о когерентности линий поведения соответствующих партий на европейском уровне).
- Статистические данные, в частности, сведения о результатах выборов – данные, позволяющие составить объективную картину об основных этапах развития партий в контексте их электоральных успехов.

Степень научной разработанности темы. Несмотря на то, что проблематика популизма исследуется на протяжении многих десятилетий и широко освещается как в западных (Г. Ионеску и Э. Геллнер³⁷, М. Канован³⁸, К. Мад³⁹, Э. Лакло⁴⁰), так и в отечественных публикациях (В. Заславский⁴¹, А. Малько⁴², Н. А. Баранов⁴³ и др.), лишь незначительное число работ посвящено трансграничным контактам правых популистов. Одним из первых авторов, поставивших вопрос о возможности сотрудничества праворадикальных партий (здесь следует отметить, что рассматриваемые им партии в настоящее время, вероятно, были бы обозначены большинством исследователей именно в качестве правопопулистских) был Р. Штёсс, выдвинувший тезис, что национализм становится одновременно и единственным, что

³³ Stenografische Berichte [Электронный ресурс] // Deutscher Bundestag. Режим доступа: https://www.bundestag.de/services/glossar/glossar/S/stenografische_berichte-247112

³⁴ Stenographische Protokolle [Электронный ресурс] // Republik Österreich. Parlament. Режим доступа: <https://www.parlament.gv.at/PAKT/STPROT/>

³⁵ Protokolle. Plenartagung [Электронный ресурс] // Europäisches Parlament. Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/plenary/de/minutes.html>

³⁶ Abstimmungsergebnisse. Plenartagung [Электронный ресурс] // Europäisches Parlament. Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/plenary/de/votes.html?tab=votes>

³⁷ Ionescu G., Gellner E. Populism: Its Meaning and National Characteristics. London: The Macmillan Company, 1969. 263 p.

³⁸ Canovan M. Populism. Harcourt, Brace, Jovanovich, 1981. 351 p.

³⁹ Mudde, C. The Populist Zeitgeist. Ibidem.

⁴⁰ Laclau E. On Populist Reason. Verso, 2005. 276 p.

⁴¹ Заславский В. Россия на пути к рынку: государственно-зависимые работники и популизм // Полис (Политические исследования). 1991. №5. С. 65-79

⁴² Малько А. В. Популизм как тормоз демократии // Общественные науки и современность. 1994. №1. С. 104-111

⁴³ Баранов Н. А. Национальные аспекты популизма как метода политической борьбы : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. СПб., 1998. 12 с.

объединяет европейских правых, но и разъединяет их.⁴⁴ Почти на два десятилетия позже Б. де Клин выступает с тезисом о возможности формирования наднационального популизма на базе общности, которую он называет «угнетаемый народ, понимаемый в транснациональных терминах» (*transnational people-as-underdog*).⁴⁵ На наш взгляд, справедливо утверждать, что концепция подводит черту под целым комплексом работ, ставящих во главу угла не столько формальные проявления сотрудничества (формирование организаций, коалиций в наднациональных институтах и т. п.), сколько влияние деятельности правых популистов на идентификационные процессы в Европе (формирование новых разделительных линий, закрепление новых норм и идентичностей, освещаемое, в частности, Х. Граббе и Н. Грут⁴⁶, М. Тарчи⁴⁷, Ф. Николи⁴⁸). Напротив, Д. Алмейда представляет группу сторонников формального подхода. Говоря о потенциале сотрудничества правых популистов, исследователь указывает на связь между их внутривнутриполитическим статусом и стремлением к взаимодействию с зарубежными коллегами (так, партии, находящиеся у власти или имеющие шансы прийти к власти, в его интерпретации менее склонны к сотрудничеству).⁴⁹

Исследователи, занимающиеся тенденциями развития австрийских и немецких правых популистов (к примеру, Ф. Декер⁵⁰, Х. Штеглих⁵¹, О. Геден⁵², Х.-Г. Бетц⁵³, А. Пелинка⁵⁴), нечасто обращаются к проблематике трансграничного сотрудничества, по необходимости ограничиваясь лишь сравнениями национальных кейсов. Среди зарубежных исследователей заметное исключение составляет Р. Штёсс⁵⁵, рассматривающий неформальные контакты правых популистов; среди российских авторов следует упомянуть П. В. Осколкова⁵⁶, один из разделов диссертации которого посвящен сотрудничеству отдельных правопопулистских партий в

⁴⁴ Stöss R. Zur Vernetzung der extremen Rechten in Europa. Referat auf den DVPW-Kongress 2000 in Halle im Rahmen der Sektion «Politische Soziologie» 4. Oktober 2000 [Электронный ресурс] // Freie Universität Berlin. 2000. Режим доступа: <http://www.polsoz.fu-berlin.de/polwiss/forschung/systeme/empsoz/schriften/Arbeitshefte/RexDVPW.pdf> S. 2

⁴⁵ de Cleen B. Populism and Nationalism. Ibidem. P. 342-362

⁴⁶ Grabbe H., Groot N. Populism in the European Parliament: What Implications for the Open Society? // The International Spectator. 2014. 49 (4). P. 34-39

⁴⁷ Campani G. The Blurred Borders of Racism, Neo-Fascism and National Populism // Časopis za Kritiko Znanosti, Domišljivo in Novo Antropologijo. 2015. 43(260). P. 24-25

⁴⁸ Nicoli F. Populism, polarization, politicization, participation... Ibidem.

⁴⁹ Almeida D. Europeanized Eurosceptics? Radical Right Parties and European Integration // Perspectives on European Politics and Society. 2010. 11(3). P. 247

⁵⁰ Decker F. Der neue Rechtspopulismus. Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2004. 316 s.

⁵¹ Steglich H. Rechtsaußenparteien in Deutschland: Bedingungen ihres Erfolges und Scheiterns. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. 463 s.

⁵² Geden O. Diskursstrategien im Rechtspopulismus. Freiheitliche Partei Österreichs und Schweizerische Volkspartei zwischen Opposition und Regierungsbeteiligung. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. 246 s.

⁵³ Betz H.-G. Die identitätspolitische Herausforderung rechtspopulistischer Parteien in Europa // Die neue rechte Herausforderung. Rechtsextremismus in Deutschland und Europa. Berlin: Heinrich-Böll-Stiftung, 2005. S. 9-16

⁵⁴ Pelinka A. Die FPÖ in der vergleichenden Parteienforschung: zur typologischen Einordnung der Freiheitlichen Partei Österreichs // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2002. 31(3). S. 281-290

⁵⁵ Stöss R. Rechtspopulismus und Rechtsextremismus. Ibidem.

⁵⁶ Осколков П. В. Правый популизм в современном Европейском союзе: формы и тенденции развития : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2019. 206 с.

Европейском парламенте. Таким образом, **научная новизна настоящего исследования** обусловлена обращением к ранее практически не освещавшемуся в литературе кейсу трансграничного сотрудничества немецких и австрийских правых популистов. Авторской инновацией является и комбинирование формального (внимание к организациям, соглашениям, институализированному сотрудничеству) и неформального (внимание к формируемым идентичностям, разделяемым представлениям) подходов к взаимодействию партий.

Теоретическая значимость работы обусловлена вкладом, вносимым ей как в развитие отечественных европейских исследований, так и исследований популизма в целом. Большинство публикаций, посвященных тематике правого популизма, не рассматривает его международный аспект, концентрируясь лишь на обзоре отдельных национальных кейсов. **Практическая значимость исследования** определяется возможностью использования его разделов при разработке учебно-методических материалов по дисциплинам, посвященным изучению политических партий, национализма, негосударственных акторов международных отношений, политических процессов в Европе. Поскольку действующие на международной арене политические партии зачастую становятся объектом действий других акторов (в том числе государственных), представляется возможным использовать материалы настоящего исследования при выработке стратегии взаимодействия с соответствующими силами. Кроме того, изложенные в настоящей работе выводы могут обсуждаться в ходе дискуссий, круглых столов, семинаров, освещающих проблематику правого популизма и тенденции развития европейских обществ.

На защиту выносятся следующие положения:

- несмотря на синонимичность подходов к ряду проблем, «Австрийская партия свободы» и «Альтернатива для Германии» основывают свою идентификацию на внутринациональных единицах и не формируют трансграничных общностей своих потенциальных сторонников;
- нормализация правопопулистской партии политической системой своей страны способствует смещению ее фокуса к проблематике низкого уровня и снижению заинтересованности в трансграничных контактах;
- различие статусов «старой» (признанной своей политической системой и имеющей реальную возможность доступа к власти) и «новой» (бескомпромиссно отвергаемой правящими элитами) правопопулистских партий является значимым препятствием к их эффективному сотрудничеству.

Структура работы обусловлена предметом, целью и задачами исследования, включает введение, четыре главы, заключение, список использованных источников и литературы и приложение. В первой главе раскрываются основные понятия исследования (популизм, дихотомия правый/левый), рассматриваются смежные термины, зачастую используемые для характеристики анализируемых политических сил (правый радикализм, фашизм), а также приводится обзор исследований, посвященных трансграничным контактам правых популистов. Вторая глава очерчивает теоретико-методологические рамки исследования – в частности, базовые положения конструктивистского подхода, а также особенности применения сравнительного анализа и контент-анализа в политических науках. Третья и четвертая главы посвящены анализу избранных национальных кейсов; в их рамках обосновывается выбор австрийской и германской партии в качестве объекта исследования, последовательно прослеживается развитие «Альтернативы для Германии» и «Австрийской партии свободы», выявляются их позиции по вопросам, признанным нами релевантными для целей исследования (сотрудничество с зарубежными силами, европейская интеграция, иммиграция), рассматриваются паттерны их идентификации и взаимного восприятия. В заключительном разделе четвертой главы подводятся основные итоги исследования, приводится заключение автора о перспективах сотрудничества немецких и австрийских правых популистов.

1. Правый популизм: проблема дефиниции

1.1 Понятие популизма в политических науках

В последние годы тематика правого популизма активно поднимается как в научной литературе, так и в публицистике. Данной политической практике посвящают диссертации^{57,58,59,60,61}, монографии^{62,63}, сборники статей^{64,65}; средства массовой информации пишут о наступлении волны популизма как о реальной угрозе западной политической системе и системе ценностей⁶⁶. Подобный интерес порождает впечатление, что речь идет о принципиально новом явлении, получившем свое развитие лишь на рубеже XX-XXI веков. Между тем, первая научная дискуссия о популизме была инициирована Лондонской школой экономики еще в мае 1967 г. В этот период начинается выделяться два основных подхода к популизму: один рассматривает его как особую форму идеологии, другой – как движение.

Так, сторонник идеологического подхода Д. МакРей предлагал проследить корни популизма в работах Ж.-Ж. Руссо. Идеологическую основу популизма, писал он, составляет особая форма примитивизма, воспевающая «старые добрые времена» – жизнь традиционного общества в контексте циклического времени, где не существует ни перемен, ни революций.⁶⁷ М. Канован, подготовившая в 1981 г. обзор определений популизма, пишет, что исследователи называют популизмом «веру в то, что добродетель принадлежит простому народу, составляющему абсолютное большинство» и даже «социализм, возникающий в отсталых крестьянских обществах, сталкивающихся с проблемами модернизации».⁶⁸ В свою очередь К. Миноуг, являвшийся одним из видных представителей конкурирующего подхода, определял популизм как «движение против действующей власти, [организованное] бесправными местными

⁵⁷ Деркач М. А. История популистских партий Швеции и Финляндии в 2006-2015 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. М., 2017. 266 с.

⁵⁸ Осколков П. В. Правый популизм в современном... Там же.

⁵⁹ Silva B. C. Contemporary Populism: Actors, Causes, and Consequences Across 28 Democracies [Электронный ресурс] / B. C. Silva. Budapest, 2017. 256 p. Режим доступа: <https://dsps.ceu.edu/sites/pds.ceu.hu/files/attachment/basicpage/478/castanhoesilvabruno-dissertation2017.pdf>

⁶⁰ Neumann-Ernst N. Comparing populist communication across media channels: How political actors utilize populist messages and styles. Zurich, 2019. 194 p. Режим доступа: <https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/170929/1/170929.pdf>

⁶¹ Hatakka N. Populism in the hybrid media system. Populist Radical Right Online Counterpublics Interacting with Journalism, Party Politics, and Citizen Activism / Turku, 2019. 98 p. Режим доступа: <https://www.utupub.fi/bitstream/handle/10024/148270/AnnalesB487Hatakka.pdf>

⁶² «Политика постправды» и популизм / под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2018.

⁶³ Mudde C., Kaltwasser C. R. Populism: A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2017. 136 p.

⁶⁴ The Rise of the Far Right in Europe. Populist Shifts and Othering / Lazaridis G., Campani G., Benveniste A. (eds.). Palgrave Macmillan, 2016. 289 p.

⁶⁵ Albertazzi D., Vampa D. Populism and New Patterns of Political Competition in Western Europe. Routledge, 2021. 314 p.

⁶⁶ Mounk Y. How populist uprisings could bring down liberal democracy [Электронный ресурс] // The Guardian. 2018. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/mar/04/shock-system-liberal-democracy-populism>

⁶⁷ MacRae D. Populism as an ideology // Ionescu G., Gellner E. (eds.) Populism: Its Meaning and National Characteristics. The Macmillan Company, 1969. P. 153-156

⁶⁸ Canovan M. Populism. Harcourt, Brace, Jovanovich, 1981. P. 4

жителями либо в их пользу, делающее особый акцент на «народе» как носителе будущих перемен».⁶⁹ М. Канован указывает, что большинство исследователей видят в качестве социальной базы популистских движений «крестьянство, стремящееся жить традиционными ценностями в меняющемся мире», но также цитирует оговорку Дж. Брауна Тиндалла, согласно которой поддержка популизма крестьянами и рабочим классом не проистекает из автономной организации одной из этих сил.⁷⁰ Таким образом, обозначенные подходы можно условно маркировать как «позитивный» (популизм как система взглядов, определяющих восприятие реальности и задающих желаемое направление изменений) и «негативный» (популизм как практика формирования групп, рассматривающих себя в качестве угнетенных и противостоящих такому положению).

Следы обеих концепций обнаруживаются в более поздних исследованиях, однако граница между ними весьма условна. К примеру, теория Я.-В. Мюллера, согласно которой популизм характеризуется неприятием плюрализма, критическим отношением к элитам и опорой на идентичности, выдвигает на первый план идеологический компонент.⁷¹ Подход, понимающий популизм как движение, за прошедшие десятилетия существенно расширился, вместив в себя новые формы политических действий, при этом акцент в рамках нового «перформативного» подхода сместился от физических действий к высказываниям, в том числе сделанным с применением новейших технологий. Пример «перформативного» восприятия популизма – концепция У. Бека, определяющая популизм как практику, которая нарушает существующие дискурсивные табу. У. Бек исходит из предположения, что всякое политическое пространство структурируется доминирующими на определенный момент силами таким образом, что некоторые значимые темы (миграция, изоляционизм, экономическое неравенство и т. п.) оказываются вытеснены из сферы свободных дебатов – и популистские силы получают политические очки за счет обращения к таковым.⁷² Таким образом, социальной базой популистов становятся угнетаемые в информационном, а не экономическом смысле группы.

Исследователи, работавшие над тематикой популизма в конце 1960-х-80-е гг., преимущественно опирались на опыт стран Латинской Америки. Несмотря на то, что негативные коннотации, присущие термину в современном контексте, становятся заметны уже в этот период, на том этапе популизм рассматривался исследователями в качестве естественной стадии развития обществ. Так, Ф. Э. Кардозо и Э. Фалетто в работе «Зависимость и развитие в Латинской

⁶⁹ Minogue K. Populism as a political movement // Ionescu G., Gellner E. (eds.) Populism: Its Meaning and National Characteristics. The Macmillan Company, 1969. P. 197

⁷⁰ Canovan M. Ibidem

⁷¹ Мюллер Я.-В. Что такое популизм? М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. С. 16-18

⁷² Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма: новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-традиция, 2007. 464 с.

Америке» 1979 г. пишут: «Очень сложно социально инкорпорировать широкие массы и нижнюю долю среднего класса в процессы индустриализации. Поэтому национализм и популизм выражают попытки развивающихся обществ гармонизировать интересы групп, которые противостоят друг другу, но объединяются в поиске нового базиса национального возрождения».⁷³ В 1990-е гг. о популизме начинают говорить в контексте европейских событий. Так, внимание исследователей привлекает деятельность Ж.-М. Ле Пена во Франции, основу которой составляли попытки апеллировать к народу как широкой внеклассовой и внеидеологической общности – в противовес «испорченным», «оторванным от реальности» элитам – и призывы радикально порвать с существующей системой и вернуться к корням, отбросив все чуждое.⁷⁴ П. А. Тагиефф, один из исследователей, занимавшихся феноменом европейского популизма, увязывал появление подобных сил с глобализацией, а также ускорением интеграционных процессов, решения о которых принимаются международными элитами, «не заботящимися о демократичности».⁷⁵

В 2004 г. К. Мад, являющийся, пожалуй, наиболее известным на сегодняшний день теоретиком популизма, публикует статью под названием «Популистский дух времени» (*The Populist Zeitgeist*). Критикуя сложившееся в литературе размытое представление о популизме (сам К. Мад выделяет два признака популистской риторики: (1) разделение общества на «истинный народ» и «испорченные элиты» и (2) призыв превратить политику в выражение воли народа), голландский политолог, тем не менее, признает повсеместность популистских практик. Причины, по мнению К. Мада, кроются не в том, что элиты стали более коррумпированными, чем в прежние времена – но в том, что именно этот образ начинает соответствовать общественным представлениям. Цитируя К. фон Байме, К. Мад соглашается с тезисом о «картелизации европейских партийных систем», т. е. отдалении политического класса от своей социальной базы и углублении сотрудничества между отдельными партиями центра.⁷⁶

Вхождение в лексикон политологов термина «популизм» породило и иной тип критики, связанный не с поиском «верного» определения, но с деконструированием самого понятия. Одной из наиболее известных данного типа является опубликованная в 2005 г. книга Э. Лакло «О популистском разуме» (*On Populist Reason*). По мнению теоретика, популизм в политической философии традиционно воспринимался как нечто опасное, нарушающее «рациональный» политический процесс. Сам же Э. Лакло полагает, что приписываемые популизму черты

⁷³ Cardoso F. H., Faletto E. Dependency and development... Ibidem. P. 132

⁷⁴ Taguieff P.-A. Political Science... Ibidem. P. 27-31

⁷⁵ Ibidem. P. 40

⁷⁶ Mudde C. The Populist Zeitgeist. Ibidem. P. 542-552

присущи многим социально-политическим отношениям.⁷⁷ Тщательно препарирова определения популизма, разработанные другими авторами, Э. Лакло задается вопросом: как вышло, что теоретики, выдвигающие сложные, детализированные описания, не только затрудняются применить свою теорию к практике, но и вынуждены посвящать заметную долю в каждой из своих работ исключениям из собственных правил?⁷⁸

Одним из основных тезисов, подвергаемых критике в «О популистском разуме», является идея об отличающемся популизмом стремлении к упрощению. Э. Лакло полагает, что любой политический лозунг является упрощенным и оторванным от предмета дискуссии, и любые политические дебаты естественным образом стремятся к схематичным дихотомиям.⁷⁹ Автор описывает политический процесс как бесконечное формирование коллективных идентичностей, осуществляемое благодаря действию двух сил, которые он обозначает как «логика различия» и «логика эквивалентности». В то время как «логика различия» направлена на формирование внешней границы и отделение «другого», «логика эквивалентности» вынуждает отдельных акторов отказаться от частных особенностей – и признать прерогативу общей для них характеристики.⁸⁰

Именно формирование «цепочек эквивалентности» находится в центре внимания Э. Лакло. С одной стороны, его интересует, каким образом отдельные знаки становятся системообразующими и начинают воплощать в себе общность. В его теории системообразующий знак утрачивает связь со своим изначальным значением (которое, заметим, также не является «естественно» ему присущим); чем больше скрывающаяся за ним цепочка эквивалентности – тем дальше уходит от него знак. С другой стороны, от первоначальных значений уходят и организуемые им знаки. Показательной здесь является приводимая Э. Лакло иллюстрация: в период революции 1917 г. народные чаяния кристаллизировались в требованиях «хлеба, мира и земли»; при этом весь комплекс скрывавшихся за ними требований был намного шире, а лозунг «хлеб, мир и земля» утратил свое прямое значение.⁸¹ Подобный процесс, утверждает теоретик, является естественным для политики в целом, и не характеризует лишь популистские практики.

Несмотря на то, что значительная часть авторов, исследовавших тематику популизма после 2005 г., так или иначе делает отсылки к работам Э. Лакло, деконструируемая им концепция популизма отнюдь не утрачивает своей востребованности. На фоне событий середины 2010-х гг. (так называемый иммиграционный кризис в Европе, избрание Д. Трампа президентом США,

---

⁷⁷ Laclau E. On Populist Reason. Verso, 2005. P. x-xi

⁷⁸ Ibidem. P. 6-9

⁷⁹ Ibidem. P. 18

⁸⁰ Ibidem. P. 78

⁸¹ Ibid. P. 95-97

голосование по выходу Великобритании из Европейского союза) термин стремительно утрачивает свою академичность, все чаще используется журналистами для описания текущих событий по всему миру. Так, согласно подсчетам *The Guardian*, в 1998 г. популизм упоминался лишь в 300 опубликованных ими статьях, тогда как в 2016 г. их число достигло 3000. Комментируя данный факт, голландский социолог М. Родайн фактически указывает на прямую корреляцию между ростом электоральной поддержки популистов и растущим числом отсылок к данной теме в СМИ.⁸² В свою очередь, ирландский исследователь Б. Кэннон косвенно утверждает неоднозначность данного подхода, указывая, что термин не обладает концептуальной строгостью, часто используется как ярлык, призванный запятнать репутацию политических соперников говорящего – и рекомендует вернуться к классической дихотомии «левые/правые» в качестве альтернативы.⁸³

В отличие от исследователей, занимавшихся проблематикой популизма в конце 1990-х – начале 2000-х гг., современные политологи и социологи все чаще обращаются не к электоральным успехам популистов, но к развиваемым ими неформальным моделям коммуникации. П. Гербаудо пишет о наступлении эпохи так называемого «Популизма 2.0», где популизм понимается как идеология, «рассматривающая социальные сети как средство, позволяющее обратиться к народу, т. е. политическому сообществу в целом (или практически в целом)». Согласно подходу автора, традиционные характеристики популизма (антиэлитарность, претензия на представление всеобщих интересов, восхваление прямой демократии) объединяются в «Популизме 2.0» с «идеологией социальных сетей», т. е. присущими социальным сетям особенностями – интерактивностью, открытостью, возможностью устанавливать не опосредованные контакты между акторами.⁸⁴ В схожих терминах рассуждает и голландский исследователь И. Мали, пишущий об «алгоритмическом популизме». В современном мире, утверждает политолог, социальные сети перестали быть простым методом передачи информации – передаваемые сообщения формируются и меняются под воздействием их алгоритмов, следовательно, социальные сети приобретают некую форму акторности. Политические дискурсы все в меньшей степени производятся самими политиками; при этом

⁸² Rooduijn M. Why is populism suddenly all the rage? [Электронный ресурс] // *The Guardian*. 2018. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/political-science/2018/nov/20/why-is-populism-suddenly-so-sexy-the-reasons-are-many>

⁸³ Cannon B. Must We Talk about Populism? Interrogating Populism's Conceptual Utility in a Context of Crisis // *New Political Science*. 2018. Vol. 40, 3. P. 477-496

⁸⁴ Gerbaudo P.: *Populism 2.0: Social Media Activism, the Generic Internet User and Interactive Direct Democracy* / D. Trotter, D. Fuchs // *Social Media, Politics and the State: Protests, Revolutions, Riots, Crime and Policing in the Age of Facebook, Twitter and YouTube*. Abingdon : Routledge, 2014. P. 69

задачей политиков-популистов, претендующих на представление народа в целом, становится аккумуляция цифровых голосов своих подписчиков.⁸⁵

Наконец, анализу подвергается структура правопопулистских партий. Канадский исследователь А. Заслов указывает на взаимосвязь между внутренней организацией партий и избираемыми ими стратегиями. Будучи протестными, антиэлитарными силами, правопопулистские партии вынуждены постоянно обновлять свою повестку и «формировать коалиции на базе разных социальных групп».⁸⁶ Отсюда проистекает подвижность партийных структур, их привязка не к идеологическим конструктам или изначально учредившим партию силам, но к харизматичным лидерам и протесту как таковому. К. М. Йоханссон указывает на склонность к расколам как одну из характерных особенностей правопопулистских сил, сопровождающих даже стремящиеся к жесткой централизации партии. При этом речь может идти как о конфликте потенциальных лидеров и формирующихся вокруг них группировок, так и противостоянии более умеренных и более радикальных сил.⁸⁷

В отечественных исследованиях интерес к понятию «популизм» относится преимущественно к постсоветскому периоду. Как демонстрирует работа В. Заславского, популизм становится одной из теоретических рамок, позволяющих осмыслить политические процессы конца 1980-х-начала 1990-х гг. Так, В. Заславский обращает внимание на негативистский и антиэлитарный компоненты популизма – и указывает на то, что кандидатов, воспроизводивших антипартийную повестку на (пост)советских территориях, но не имевших собственной содержательной и последовательной программы преобразований, справедливо назвать популистами.⁸⁸ Д. Выдрин, говоря о популизме, использует термин «антитехнологии» – под последним он понимает политические приемы, направленные на достижение результата в краткосрочной перспективе (преимущественно победы на выборах) при игнорировании долгосрочных целей (решения реально стоящих перед обществом проблем). Исследователь отмечает такие характеристики «антитехнологий», как упрощенное представление существующих проблем, а также «эксплуатация недовольства масс», т. е. стремление заработать популярность за счет солидаризации с недовольными слоями общества и сознательное подстегивание этого недовольства. Наконец, нельзя не отметить внимание, уделяемое Д. Выдриным особенностям языка политиков-популистов: автор пишет о присущих их речам

⁸⁵ Maly I. Algorithmic populism and algorithmic activism [Электронный ресурс] // Diggit Magazine. 26.11.2019. Режим доступа: <https://www.diggitmagazine.com/articles/algorithmic-populism-activism>

⁸⁶ Zaslove A. Here to Stay? Populism as a New Party Type // European Review. 2008. Vol. 16, No. 3. P. 327

⁸⁷ Johansson K.M. How populist parties organize [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A699764&dswid=9130> P. 29-35

⁸⁸ Заславский В. Россия на пути к рынку... Там же. С. 76-77

синтаксических особенностях, призванных подкреплять приписываемую им самим себе позицию силы.⁸⁹

О популизме как выдвигании нереалистичных, но популярных в конкретной ситуации лозунгов и обещаний пишет также А. Малько. Примечательно, что А. Малько обрисовывает схему общественных настроений, в рамках которой политический слой (элиты) отделен от народа; популистские практики становятся инструментом, который одни элиты используют для борьбы с другими, пользуясь низким уровнем политической культуры масс, не способных отделить реалистичные предложения от демагогии. Популизм возможен только в тех странах, где существуют определенные демократические институты – именно поэтому, пишет А. Малько, в СССР поле для расцвета популизма появляется лишь в результате «перестройки». Несмотря на тезис об увязке между незрелостью демократии и симпатиями к популистским политикам (как то происходит в случае с позднесоветской/российской практикой), исследователь указывает, что популистскими справедливо назвать и некоторые выступления британских и американских политиков второй половины XX века.⁹⁰

Следуя критической традиции, Н. А. Баранов указывает, что популизм в той или иной степени является инструментом любого публичного политика; находит свои проявления не только в общепризнанно переломные периоды, но и в условиях нормального политического процесса демократических стран. Тем не менее, в рамках практического анализа Н. А. Баранов, анализирующий политические процессы в Литве накануне и после распада Советского Союза, сосредотачивается лишь на одной из разновидностей популизма – национальном популизме, рассматриваемом им в негативном ключе. Так, по мнению Н. А. Баранова, приход к власти национал-популистских лидеров отвлекает внимание общества от реальных социально-экономических проблем и препятствует эффективному функционированию демократии.⁹¹

П. В. Осколков, защитивший диссертацию, посвященную проблематике правого популизма в Европейском Союзе, в 2019 г., отмечает повышенный интерес к термину во второй половине 2010-х гг. и сопутствующее ему стремление обозначить в качестве популистских едва ли не любых политиков и партий, чуждых доминирующим силам центра. Сопоставляя индекс спроса на праворадикальный экстремизм DEREK с показателями электоральной успешности правых популистов, П. В. Осколков приходит к выводу об отсутствии прямой корреляции. Так, в западноевропейских странах с низким индексом DEREK поддержка правых популистов

⁸⁹ Выдрин, Д. И. Технология популизма // Диалог. 1990. № 3. С. 36-46

⁹⁰ Малько А. В. Популизм как тормоз демократии. Там же. С. 104-111

⁹¹ Баранов Н. А. Национальные аспекты популизма как метода политической борьбы : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Санкт-Петербург, 1998. 12 с.

зачастую оказывается более выраженной, чем в странах Южной Европы и Балкан, где индекс демонстрирует высокие показатели. Исследователь также указывает на многообразие популистской риторики в Европе (от яркого евроскептицизма и цивилизационного представления о национализме в Западной Европе до этнического национализма и недоверия к национальным, но не наднациональным органам управления в странах ЦВЕ). Работа П. В. Осколкова примечательна также многоуровневостью проведенного анализа: хотя основное внимание автора сосредоточено на национальных кейсах, отдельная часть исследования посвящена взаимодействию правых популистов на наднациональном уровне (Европейский парламент).⁹²

Отвечая на политические события конца 2010-х гг., монографию, посвященную проблематике популизма, выпускает и группа исследователей Санкт-Петербургского Государственного Университета. Понятие популизм в монографии рассматривается параллельно с понятием постправды. В работе отсутствует введение, обосновывающее правомерность объединения данных категорий в рамках одной монографии; тем не менее, авторы отдельных глав в той или иной степени обращаются к обеим заданным темам. Так, Г. В. Лукьянова указывает на превращение обоих понятий в своеобразные стигмы, основой которых является эпистемологическая матрица научного познания, сложившаяся в Новое время и предполагающая разделение всех представлений на истинные и ложные. Многие интерпретаторы феномена постправды, пишет Г. В. Лукьянова, говорят о необходимости противостоять неразумной и манипулятивной технологии конструирования политической повестки. Между тем, то, что «для одних участников коммуникативного процесса является демонстрацией политического цинизма, «популизма» [...], для других это – естественное состояние, некая безусловная «правда» жизни и способ поддержания политической идентичности и государственного суверенитета».⁹³

Безусловным достоинством монографии является множественность представленных в ее рамках подходов к популистским практикам, отражающих, в целом, многообразие сложившихся в мировой науке представлений о популизме. К примеру, С. А. Ланцов указывает на идеологический эклектизм популизма (нарушение привычных границ между правой и левой риторикой), а также стремление представителей популистского лагеря предложить простые решения на сложные вопросы.⁹⁴ О. Д. Сафонова отмечает, что популистская риторика не является эксклюзивным инструментом неких маргинальных акторов, но широко применяется как

---

⁹² Осколков П. В. Правый популизм в современном Европейском союзе: формы и тенденции развития : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2019. 206 с.

⁹³ «Политика постправды» и популизм. Там же. С. 8

⁹⁴ Там же. С. 141-151

политический инструмент и вполне «нормализованными» политической системой силами.⁹⁵ Красной нитью через главы книги проходит вопрос о причинах текущего подъема правого популизма в странах Европы. С. А. Ланцов называет в качестве одной из предпосылок отсутствие реальной альтернативности в рамках общепринятых либеральных ценностей⁹⁶, А. В. Шентякова (в контексте анализа политических процессов в России) пишет о несформированности институциональной структуры поиска баланса интересов между элитой и широкими слоями населения.⁹⁷ Открыто озвучивается и тезис о причинно-следственной связи между интенсификацией иммиграционных процессов и ростом поддержки популистских политиков. Н. А. Баранов говорит о подстегиваемых иммиграцией страхах местного населения перед ухудшением собственного экономического положения⁹⁸; В. А. Ачкасов замечает, что консенсус право- и левоцентристских сил по вопросу мультикультурализма во многом опережал общественное мнение, однако не предусматривал реальных дискуссий.⁹⁹

Таким образом, в промежуток между концом 1960-х-1990-ыми гг. в западной науке сложилось представление о популизме как особой идеологической практике либо движении, идейную основу которого составляет представление о «прекрасном прошлом», возвращение к которому теоретически возможно путем совершения неких простых, понятных преобразований – однако не осуществимо практически ввиду сопротивления элит, противостоящих интересам «простого народа». Первоначально ассоциируемое с «отсталыми» обществами стран третьего мира понятие к 1990-ым гг. начинает использоваться и для характеристики событий в странах Запада; примерно в этот же период оно перенимается отечественной наукой, отмечавшей те же присущие популизма характеристики, на которые обращали внимание западные коллеги (стремление к сенсационности, провокационности высказываний, отсутствие долгосрочных целей, упрощенная репрезентация сложных социальных процессов). В 2000-е гг. оформляется критическая традиция восприятия популизма в западной науке: о практике обозначения политических соперников в качестве «популистов» все чаще говорят как о стигматизирующей, препятствующей нормальному демократическому процессу. Данный подход активно развивается в работах отечественных исследователей 2010-х гг.; в свою очередь в западной науке алармизм середины последнего десятилетия скорее ослабляет критическую традицию и порождает интерес к новым коммуникативным моделям, используемым популистами в эпоху социальных сетей.

---

⁹⁵ Там же. С. 207

⁹⁶ Там же. С. 141

⁹⁷ Там же. С. 193

⁹⁸ Там же. С. 123-132

⁹⁹ «Политика постправды»... Там же. С. 156-157

1.2 Дихотомия правый/левый в соотношении с популизмом

Само употребление терминов «правый» и «левый» для обозначения политических групп восходит к Французской революции. Первоначально речь шла о чисто пространственном делении между сторонниками революции и более консервативными членами Национальной Ассамблеи – в этом смысле, отмечает Н. Боббио, происхождение терминов является достаточно случайным.¹⁰⁰ «По меньшей мере сотню лет после революций в США и Франции, – пишет Дж. Лукаш, – существовала фундаментальная разница [между правыми и левыми]. Правые, в общем и целом, боялись и отрицали принцип народного суверенитета. Левые защищали и поддерживали – либо хотя бы предлагали демократию».¹⁰¹ Классический, «старый» консерватизм (в терминах Э. Гидденса) во многом основывался на представлении о первичности общественного по отношению к индивидуальному. Сторонники консервативной идеи не отрицали перемен как таковых, однако полагали, что всякое изменение должно учитывать накопленный веками опыт предков; в связи с этим государство виделось им не неким договором между гражданами, основанным на представлениях об абстрактных правах, но «партнерством живущих, умерших и еще не рожденных». Особую роль в данном контексте играла и иерархия – классический консерватизм превозносил социальную иерархию, унаследованную от предков, с ее особым положением аристократии.¹⁰²

В отличие от консерватизма, уверенно относимого к правой части политического спектра, либерализм не поддается столь однозначно классификации. Либерализм – с его идеями индивидуализма и свободы – очевидно противоречил старым порядкам – и в этом смысле был вызовом классической консервативной иерархичности общества. Тем не менее, либерализм не отрицал иерархию как таковую, переводя, в терминах Э. Галеотти, легальное неравенство в экономическое, рыночное поле. Постепенный переход к всеобщему избирательному праву, а также формирование рабочего класса в качестве политической силы способствовали развитию социалистических идей – и появление последних, пишет Н. Боббио, привело к установлению в Европе представлений о либерализме как о правой, либо по меньшей мере центристской политической идее.¹⁰³ Между тем, в левой части политического спектра отмежевание более радикальных групп от умеренных происходит в первой четверти XX века; водоразделом во многом становится успех революции в России, обозначивший разрыв между теми левыми, которые настаивали на неизбежности революции как средства достижения равенства, и теми,

¹⁰⁰ Bobbio N. *Left and Right. The Significance of a Political Distinction*. The University of Chicago Press, 1996. P. 33

¹⁰¹ Lukacs J. *Democracy and Populism : Fear and Hatred*. Yale University Press. 2005. P. 18

¹⁰² Giddens A. *Beyond Left and Right. The Fate of Radical Politics*. Polity Press, 2007. P. 25-26

¹⁰³ Bobbio N. *Ibidem*. P. 51-53

которые утверждали, что постепенные, эволюционные изменения возможны и в рамках капиталистической системы.¹⁰⁴

Примечательно, что появление на политической карте Советской России, а затем и Советского Союза обозначило также поворот в восприятии дихотомии «правые»/«левые» современниками описываемых событий. Так, в опубликованной в 1930 г. в эмиграции статье «По ту сторону правого и левого» С. Л. Франк пишет, что «правое» традиционно воспринималось как синоним реакции, угнетения, ограничения свободы слова, «левое» – как собирательное понятие для идеалов свободы, законности, уничтожения цензуры и произвола власти. Оглядываясь на события в родной стране, С. Л. Франк замечает, что понятия поменялись местами: «левое» стало синонимом деспотизма, «правое» – уважения к человеческой личности.¹⁰⁵ Об особом понимании дихотомии, сложившемся по другую сторону границы – в советской науке, пишут, к примеру, А. А. Лютых и В. А. Тонких: согласно их определению, под левыми понимали политиков и идеологов, выступающих против частной собственности и прежней системы власти.¹⁰⁶ Обозначение «правые» или «левые» нередко применялось советскими учеными и публицистами для характеристики политической ситуации в зарубежных странах – и становилось своеобразным ориентиром, подталкивающих читателя к определенному восприятию описываемых событий.

Тезис о трансформации границ левой и правой частей идеологического спектра – равно как и границы между ними – во второй половине XX века является достаточно распространенным, однако интерпретации, предлагаемые отдельными авторами, зачастую различаются. Э. Гидденс, к примеру, пишет о том, что в современном мире человечество сталкивается с принципиально новыми рисками и новой неопределенностью, отсюда – невозможность и далее опираться на старые идеологические представления об обществе (в том числе – на традиционные разделительные линии между левыми и правыми). К числу новых угроз безопасности Гидденс относит, к примеру, риск масштабной войны, крах мировой экономики, перенаселение, эпидемии, экологические проблемы, включая глобальное потепление. Процессы глобализации порождают противодействие в виде беспрецедентной фрагментации; по Э. Гидденсу современное человечество живет в постмодернистском мире множественных представлений о правде. При этом особенность восприятия автора заключается в представлении «там, где множество Других, Других не существует»: хотя в политике по-прежнему сохраняется поле для традиционных партийных дебатов, пишет Э. Гидденс, политический процесс

¹⁰⁴ Caprara G. V., Vecchione M. On the Left and Right Ideological Divide: Historical Accounts and Contemporary Perspectives // *Advances in Political Psychology*. 2018. Vol. 39, Suppl. 1. P. 53-55

¹⁰⁵ Франк С. Л. По ту сторону «правого» и «левого» [Электронный ресурс] / С. Л. Франк. Режим доступа: http://www.odinblago.ru/frank_po_tu_storonu

¹⁰⁶ Лютых А. А., Тонких В. А. Политология: курс лекций. Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1992. С. 133

становится все менее линейным; распад универсального открывает пространство для нового диалога.¹⁰⁷

Иную интерпретацию представляют Ж. К. Росас и А. Р. Феррейра. Левое и правое в их представлении невозможны друг без друга; хотя каждая из сторон использует риторику, символически исключая другую, они нуждаются друг в друге и образуют естественный баланс. По мнению авторов, воспринимать заявления конкретных политиков о том, что они «не принадлежат ни к левому, ни к правому идеологическому полю», следует критически: такие политики, как правило, либо порождены недемократической системой, либо стремятся к недемократическим методам управления.¹⁰⁸ Несмотря на то, что Ж. К. Росас и А. Р. Феррейра, очевидно, полагают дихотомию по-прежнему значимой для политики, работы, вошедшие в изданный под их редакцией сборник, демонстрируют многочисленность современных политических столкновений и их несводимость к классическим представлениям о левом и правом. К примеру, П. Коуз указывает на конфликты жизненных укладов и идентичностей (условная «западная» модель против «восточной»)¹⁰⁹, в то время как А. Росас и Дж. Р. Каэтано пишут о новом типе протеста, порожденном современными Интернет-технологиями.¹¹⁰ С данными подходами согласуется и концепция Й. Ридгрена, согласно которой в современном мире на первый план выходит неравенство, связанное не только с экономикой, но и этничностью, миграционным опытом, гендером.¹¹¹ Поставив задачу свести многообразие описанных противоречий к классической дихотомии, наблюдатель оказывается перед необходимостью пересмотреть само понимание «правого» и «левого». Так, в подобной системе координат «правыми» становятся силы, которые апеллируют к человеку, *полагающему* себя привилегированным – к примеру, белому европейцу, выступающему за ограничение миграции ради сохранения собственной национальной культуры.

Наконец, существует пласт исследователей, полагающих, что трансформация идеологического поля приводит не к расцвету плюрализма, а к его фактическому ограничению. Данной точки зрения придерживается, к примеру, автор «Демократического парадокса» Ш. Муфф. Согласно ее заключению, в обществе сложился некий либеральный компромисс левых и правых центристских сил, дискурсивно маркирующий часть политических дебатов в качестве

¹⁰⁷ Giddens A. Ibidem. P. 78-93, P. 251-253

¹⁰⁸ Rosas J. C., Ferreira A. R. Left and Right: The Great Dichotomy Revisited. Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 5-6

¹⁰⁹ Caws P. A Multi-Axial Analysis of the Left/Right Opposition in Society and Politics // Rosas J. C., Ferreira A. R. Left and Right: The Great Dichotomy Revisited. Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 38-46

¹¹⁰ Rosas A., Caetano J. R. Which Ideologies are Canonical and which are Black and White? A Materialist and Non Essentialist Approach to Ideologies // Rosas J. C., Ferreira A. R. Left and Right: The Great Dichotomy Revisited. Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 120-139

¹¹¹ Rydgren J. The Radical Right: An Introduction // Rydgren J (ed.). The Oxford Handbook of the Radical Right. New York City : Oxford University Press, 2018. P. 1-13

«разумных» и, следовательно, допустимых, и вытесняющий за границу политического другую часть.¹¹² Прямым следствием этого является возникновение групп, стремящихся набрать политические очки за счет обращения к «неразумным», табуированным темам.¹¹³

Как отмечает К. Мад, в первые десятилетия расцвета академического интереса к популизму данное понятие преимущественно ассоциировалось с левой частью политического спектра. Объектом исследования политологов, занимавшихся популистской тематикой, становились преимущественно движения, формировавшиеся в странах Латинской Америки (здесь уместно вновь вспомнить как цитату М. Канован о «социализме, возникающем в отсталых крестьянских обществах», так и работу Ф. Э. Кардозо и Э. Фалетто). В контексте первого мира популистские лозунги ассоциировались с «новыми левыми», участниками антивоенного движения, движения за гражданские права, позднее – «зелеными». В последнее десятилетие XX века и особенно первые десятилетия XXI века о популизме все чаще говорят с привязкой к правым. По мнению К. Мад, подобное смещение фокуса было довольно простым и даже не лишенным логики: одним из базовых понятий правой риторики является «нация», что концептуально близко к используемому популистами понятию «народ».¹¹⁴

В терминологии М. Фридена, различавшего тотальные (*thick-centered*, т. е. стремящиеся объяснить все многообразие социальных процессов) и фрагментарные идеологии (*thin-centered*, имеющие ограниченное число объяснительных моделей и использующие концепции других идеологий)¹¹⁵, популизм традиционно называют фрагментарным. Как отмечает Н. Хатакка, именно фрагментарность позволяет антиэлитарным популистским лозунгам сливаться как с левыми эгалитарными, так и правыми консервативными идеями.¹¹⁶ Обращаясь к конкретным практическим кейсам, Д. Альбертацци и Д. Вампа¹¹⁷, а также С. А. Ланцов¹¹⁸ отмечают особенно характерное для Восточной Европы стремление популистских партий объединять в своей риторике как левые, так и правые идеи с целью максимизировать собственную привлекательность для избирателя. В свою очередь Э. Лакло поднимает вопрос о перетекании электората от левых к правым на примере Франции. Во Франции, пишет политолог, протестные голоса традиционно принадлежали левым партиям. Крах социалистического блока, а также сближение левых и правых партий центра привело к общему разочарованию в левых идеях –

¹¹² Mouffe C. The Democratic Paradox. Ibidem. P. 23-26

¹¹³ Ibidem. P. 3-10

¹¹⁴ Mudde C. The Populist Zeitgeist. Ibidem. P. 548

¹¹⁵ Чутков С. С. Морфологический анализ идеологии М. Фридена // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2016. С. 342

¹¹⁶ Hatakka N. Ibidem. P. 29

¹¹⁷ Vittori D., Morlino L. Populism and Democracy in Europe // Populism and New Patterns of Political Competition in Western Europe. Routledge, 2021. P. 16-47

¹¹⁸ Ланцов С. А. Там же

однако *потребность в выражении протеста* оказалась сильнее приверженности им. В результате часть тех, кто прежде выступал с поддержкой коммунистов, отдают свои голоса «Национальному фронту».¹¹⁹

В ситуации, когда основным объектом академического внимания становится именно правый популизм, значимость обретает вопрос о принадлежности тех или иных характеристик к популизму как явлению в целом либо к его вариациям, находящимся в правой части политического спектра. В данном контекст интерес для исследователей, занимающихся изучением правого популизма, представляют работы, посвященные левопопулистским практикам. К числу таковых относится, среди прочих, сборник статей под редакцией Г. Хараламбуса и Г. Иоанну. Подводя черту под работами своих коллег, исследователи отмечают свойства левого популизма, созвучные характеристикам правого популизма, встречающимся в упомянутых выше работах. Так, Г. Хараламбус и Г. Иоанну указывают, что расцвету левопопулистских практик (т. е. политических выступлений, опирающихся на громкие слоганы о равенстве и предлагающих простые решения комплексных проблем – в отсутствие подробных программ преобразований и анализа причин, приведших к текущей ситуации) способствует кризис как политической системы в целом, так и левых партий в частности.¹²⁰ Об этом же – в схожих с описанием правопопулистских партий терминах – пишет О. Гарсиа Агустин: согласно его замечанию, финансируемые государством центристские партии стремятся защищать собственные интересы, но не интересы своего электората. В результате формируется демократия, «в центре которой не стоит народ (*demos*)» – что позволяет популистам набрать политические очки за счет обещания вернуть народу его голос.¹²¹

Как и в случае с правым популизмом, возникающим в ответ на частные события политической жизни (рост иммиграции, интенсификацию интеграционных процессов), левый популизм по Г. Хараламбусу и Г. Иоанну может характеризоваться реактивностью: там, где происходит расцвет националистической, ксенофобной, расистской риторики, левопопулистские силы берут на вооружение противоположные дискурсивные практики.¹²² Наконец, не чуждым левому популизму представляется и размывание границ между левой и правой риторикой: так, О. Гарсиа Агустин и М. Бриццарелли говорят о некоем замещении дихотомии «правый»/«левый» противостоянием демократии и популизма.¹²³ Таким образом, базовым различием лево- и правопопулистских практик становится идеологический конструкт, лежащий в их основе: хотя

¹¹⁹ Laclau E. Ibidem. P. 87-88

¹²⁰ Charalambous G., Ioannou G. Conclusions: populism and left radicalism in Europe across time and space // Left Radicalism and Populism in Europe / Charalambous G., Ioannou G. (eds.). Routledge. 2020. P. 257-265

¹²¹ Agustín Ó. G. Left-Wing Populism: The Politics of the People. Emerald Publishing, 2020. P. 7-8

¹²² Charalambous G., Ioannou G. Ibidem. P. 260

¹²³ Agustín Ó. G. Ibidem. P. 9

правая и левая критика «коррупцированных элит» может формулироваться в схожих терминах, левые полагают неравенство несправедливым как явление, правые противоят лишь тому неравенству, которое ставит в угнетенное положение их электорат.

В рамках настоящей работы объектом исследования являются «Австрийская партия свободы» и «Альтернатива для Германии» – силы, относимые исследователями к правой части популистского спектра. Несмотря на отдельные попытки партий апеллировать к левому избирателю (о чем подробнее пойдет речь в главе 3), определяющей идеологической характеристикой их деятельности является не отрицание неравенства как такового, но критика привилегированного положения действующих элит. Стремясь избежать стигматизации рассматриваемых партий, мы не принимаем тезис о попытках популистских сил заменить дихотомию «правый»/«левый» парой «популизм»/(отражающий, с точки зрения своих сторонников, «истинные» интересы народа)/«демократия» (отражающая интересы элит), однако учитываем существование данной точки зрения в академических кругах. В то же время нами принимаются во внимание тезис об увязке электоральных успехов популистских партий и концептуальном сближении риторики левых и правых партий центра, а также описанные выше представления о трансформации понятия «привилегированности» в современном мире и утрата ее исключительной связи с экономическим благополучием.

1.3 Соотношение правого популизма и смежных понятий (правый радикализм, евроскептицизм, фашизм)

Политические силы, становящиеся объектом исследования теоретиков правого популизма, нередко упоминается и в литературе, посвященной правому радикализму. К примеру, В. С. Грибовский, в диссертации которого рассматриваются «Альтернатива для Германии», «Австрийская партия свободы» и «Швейцарская национальная партия», говорит о них как о «партиях политической альтернативы» и «радикальных партиях». Приводимое им определение радикалов во многом созвучно встречающимся в литературе представлениям о популистах: по мнению В. С. Грибовского, радикальной можно считать партию, стоящую вне сложившегося идейно-политического консенсуса системных партий, однако не бросающую (в отличие от экстремистской партии) вызова существующему конституционному строю.¹²⁴ О неразрывной связи категорий правого радикализма и популизма пишет, также Х.-Г. Бетц: по его мнению, «сегодняшние успешные правые радикалы – это, прежде всего, правые популисты, сознательно представляющие себя выразителями голоса народа».¹²⁵ С ним отчасти соглашается и Р. Штёсс,

¹²⁴ Грибовский В. С. Правые партии «политической альтернативы» в Германии, Австрии и Швейцарии : дис. ... канд. политич. наук : 23.00.02. М., 2019. С. 40-41

¹²⁵ Betz H.-G. Die identitätspolitische... Ibidem. S. 10

утверждающий, что приписываемые «новым правым» (т. е. правым популистам) характеристики были в той же мере присущи правым радикалам и ранее.¹²⁶ В то же время исследователи, концентрирующиеся на отдельных национальных кейсах, нередко отмечают перетекание кадров между крайне правыми силами улицы (теми, кого в литературе чаще всего обозначают как «правых радикалов») и правыми популистскими партиями.¹²⁷

Подобно «популизму», «правый радикализм» (*right-wing extremism*) является сложным в определении понятием. В то время как разница между умеренными правыми и левыми силами исторически определялась через их восприятие социально-политических нововведений, граница между умеренными и радикальными правыми отнюдь не является простой разделительной линией между консерваторами и ультраконсерваторами. Так, по мнению К. фон Байме, правые радикалы зачастую имеют обширную программу социальных преобразований в соответствии со своими идеологическими установками.¹²⁸ В то же время, пишет К. фон Байме, приписывать всем правым характеристики, традиционно ассоциируемые с правым радикализмом (прежде всего, этноцентризм), не совсем верно. Обосновывая данный тезис, автор ссылается на исследование Д. Дж. Левинсона. Последний утверждает: хотя консерватизм в некотором смысле и коррелирует с этноцентризмом, далеко не всем консерваторам присуща враждебность по отношению к иным этнонациональным группам.¹²⁹

Еще одним термином, сопровождающим силы, обозначенные нами в качестве правопопулистских, является «фашизм». Об исторической преемственности фашизма и правого радикализма пишут, к примеру, Р. С. Тарасенко и И. Н. Барыгин. По их мнению, современная новая волна правого радикализма выросла из постфашизма, т. е. фашистских движений, действовавших после окончания Второй мировой войны. Переломным моментом в этом смысле исследователи называют период 1970-х-начала 1980-х гг., когда соответствующие силы решают принять демократические правила игры – шаг, немислимый в рамках фашистской идеологии, представлявшей себя в качестве альтернативы существующей системе. В рамках новой крайне правой идеологии пересматриваются многие базовые для фашизма положения. Превосходство одной нации над другими отныне не формулируется столь прямо; акцент переносится на атмосферу страха и уязвимости, порождаемые миграционными потоками. Кроме того, меняется восприятие частной собственности: в то время как фашистская идеология содержала, по утверждению Р. С. Тарасенко и И. Н. Барыгина, левопопулистские черты, новые радикально-

¹²⁶ Stöss R. Rechtspopulismus und Rechtsextremismus. Ibidem. S. 19

¹²⁷ Grumke T., Wagner B. Handbuch Rechtsradikalismus: Personen – Organisationen – Netzwerke vom Neonazismus bis in die Mitte der Gesellschaft. Opladen: Leske + Budrich, 2002. S. 233-349

¹²⁸ von Beyme K. Right-wing extremism in post-war Europe // West European Politics. 1988. 11(2). P. 1-2

¹²⁹ Levinson D. J. Politico-economic ideology and group membership in relation to ethnocentrism / Adorno T.W. et al. // The Authoritarian Personality. Verso, 2019. P. 179-182

консервативные силы в большинстве своем отстаивают принцип незыблемости частной собственности.¹³⁰

Схожей точки зрения придерживается также британский исследователь Н. Копси. «Политическое сообщество стремится убедить нас, что в 1980-е гг. в (Западной) Европе появилось нечто, полностью оторванное от фашизма или неофашизма <...> – радикальный крайне правый популизм. Однако концепция радикального крайне правого популизма проблематична, поскольку она предполагает, что современные крайне правые (Западной) Европы по своей сущности абсолютно отличаются от тех форм правого радикализма, которые ему предшествовали», – отмечает он. Автор ссылается на итальянского политолога П. Игнаци как одного из первых представителей академической среды, предложивших в начале 1990-х гг. разграничивать «новых» (или даже «постиндустриальных») и «старых» крайне правых. Сам Н. Копси полагает подобный подход односторонним. Действительно, пишет он, крайне правые популисты не являются точной копией фашистских сил прошлого, однако отказывать в преемственности этим силам на основании существующих различий антиисторично.¹³¹

Итальянский исследователь М. Тарчи указывает, что в наши дни и популистские, и неофашистские силы обретают поддержку благодаря обращению к одной и той же социальной проблеме, а именно страху электората перед утратой собственной идентичности в период глобализации. Речь преимущественно идет о размывании культурных, расовых, национальных границ – однако в условиях интенсификации трансграничного экономического сообщения подобные страхи подпитываются также представлениями об экономических рисках (утрата рабочих мест в пользу мигрантов, перенос производств из страны, общее снижение уровня жизни). Впрочем, утверждает М. Тарчи, соответствующая проблематика играла неодинаковую роль в дискурсах двух сил. Возникшие после окончания Второй мировой войны неофашистские силы долгое время строили свой дискурс вокруг противостояния левым – в этом смысле крах коммунистического блока стал для них серьезным ударом. Тематика глобализации стала для них спасительной ветвью; в свою очередь, популистские дискурсы изначально сделали данный нарратив центральным. По мнению М. Тарчи, именно под влиянием правых популистов неофашистские силы объявляют своим новым врагом мигранта из Третьего мира.¹³²

В то время как представители социальных наук, избравшие фашизм и правый радикализм в качестве объекта своих исследований, неоднократно подчеркивали искусственность границы

---

¹³⁰ Тарасенко Р.С. Соотносимость понятий «крайне правые» и «фашизм» в современном политологическом и политическом дискурсах // Праворадикальные политические партии и движения современной Европы / под ред. Барыгина И.Н. СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2011. С. 28-40

¹³¹ Copsy N. Ibidem. P. 1-11

¹³² Campani G. The Blurred Borders of Racism... Ibidem. P. 24-25

между (нео)фашизмом и правым популизмом, теоретики правого популизма неизменно критиковали данный подход. К числу последних относится, к примеру, К. Мад, полагающий, что вхождение в обиход термина «неофашизм» объяснялось скорее политическими, нежели внутринаучными причинами. Подобные «эмоциональные и нормативные суждения», считает он, «вносят большой вклад в общественные, нежели академические дебаты» и направлены на стигматизацию политических соперников со стороны левых сил.¹³³ В этом смысле термин «популизм» также не является свободным от негативных коннотаций, однако не содержит прямой отсылки к травматичным историческим событиям XX века.

На строгом разграничении терминов «популизм» и «фашизм» настаивает также Р. Итвелл. По мнению Р. Итвелла, фашизм представляет собой идеологию, объединяющую три типа дискурсов: (1) идею формирования «нового человека», лишённого буржуазного индивидуализма и готового выполнять намеченные общественные и военные цели; (2) идею единения нации как единственного способа сопротивляться внутренним и внешним угрозам; (3) идею создания авторитарного государства третьего типа, не следующего ни коммунистическим, ни социалистическим путем («власть для народа, но не власть народа»). Популизм Р. Итвелл определяет синонимично К. Маду, а именно как идеологию, превозносящую «обычного человека», критикующую элиты, сконцентрированные лишь на собственном благе, и требующую преобразовать политическую систему в соответствии с «народной волей».¹³⁴

Действительно, пишет он, фашизму присущи некоторые из черт популизма (к примеру, особые дискурсивные практики: попытки разговаривать с народом на его языке, демонизация врагов, опора на харизматичных лидеров, избегание конкретных ответов на политические вопросы). Имеется, однако, и ряд отличий, важнейшим из которых является восприятие демократии: хотя популизм, по мнению Р. Итвелла, и стремится к некому пересмотру сложившихся правил игры, он, в отличие от фашизма, не отрицает ценности демократии как таковой. Кроме того, фашизм включает военизированные практики (создание полувоенных группировок для реализации поставленных задач и т. п.), как правило, не присущие популистским силам.¹³⁵

Выход Великобритании из состава Европейского союза породил интерес исследователей к соотношению между евроскептицизмом и правым популизмом. Как отмечает М. Кнойер, вплоть до недавнего времени исследования евроскептицизма и исследования правого популизма существовали параллельно; причина, по мнению автора, кроется в том факте, что далеко не все

---

¹³³ Mudde C. The War of Words... Ibidem. P. 226

¹³⁴ Eatwell R. Populism and Fascism. Ibidem. P. 3-4

¹³⁵ Ibidem P. 4-21

партии, критикующие интеграционные процессы, проявляли популистские черты. Между тем, работы, посвященные евроскептицизму, обращаются к целому ряду направлений общественной дискуссии, актуальных для популистской риторики. Так, среди причин, порождающих массовое недовольство европейской интеграцией, называют ее возможные негативные экономические последствия (рост безработицы, сокращение производства внутри страны, перетекание экономических проблем внутри еврозоны), размывание национальной идентичности и снижение демократичности на фоне трансфера власти на наднациональный уровень.¹³⁶ Как замечает М. О. Шибкова, антиэлитарный (т. е. популистский) компонент евроскептицизма достаточно очевиден: консенсус в пользу углубления интеграционных процессов после Второй мировой войны был достигнут именно на уровне европейских элит; вплоть до подписания Маастрихтского договора участие общественности в интеграционном строительстве было ограниченным.¹³⁷

Будучи по своей сути фрагментарной, подвижной идеологией, популизм легко абсорбирует антиевропейский протест в периоды, когда данная тематика становится актуальной для конкретных политических систем. Тем не менее, исследователи рекомендуют не ставить знака равенства между популизмом и евроскептицизмом. Так, Д. Соренсен полагает, что евроскептицизм – в отличие от популизма – не обязательно обладает чертами антиполитичности и антидемократичности (т. е. стремлением вытеснить нормальный политический диалог левых и правых).¹³⁸ В свою очередь С. Колл и С. Джолли подчеркивают многообразие форм евроскептицизма (включающего, к примеру, поддержку интеграции как таковой, но критику отдельных политических решений и текущей конфигурации европейских институтов) и его несводимость к популистским лозунгам о немедленном выходе из Европейского союза.¹³⁹ Наконец, некоторые исследователи (к примеру, упомянутый выше В. С. Грибовский) предлагают в своем анализе отталкиваться не от групповых характеристик (евроскептические партии, популистские партии), но от конкретных политических сил – и в дальнейшем рассматривать соответствующие элементы риторики как две разные стороны, образующие одно протестное движение.¹⁴⁰

Избирая термин правый популизм в качестве базовой характеристики рассматриваемых партий, мы стремимся одновременно преодолеть стигматизацию данных политических сил и

---

¹³⁶ Kneuer M. The tandem of populism and Euroscepticism: a comparative perspective in the light of the European crises // *Contemporary Social Science*. 2019. 14 (1). P. 27

¹³⁷ Шибкова М. О. Популизм и евроскептицизм: соотношение понятий // *Современная Европа*. 2019. 4 (90). С. 122

¹³⁸ Sørensen D. Right-wing Euroscepticism and populism: investigating the concept of 'the people' // *Journal of Political Ideologies*. 2020. 25 (2). P. 10-13

¹³⁹ Call S., Jolly S. Euroscepticism in the Populism Era // *The Journal of Politics*. 2019. 82 (1). P. e9

¹⁴⁰ Грибовский В. С. Указ. соч. С. 14

вывести на передний план не их предполагаемую приверженность антидемократическим методам (что присуще правому радикализму и фашизму) либо евроскептическим взглядам, но антиэлитарность и претензию на представление всеобщих, истинно народных интересов – какую бы форму они не предпринимали в риторике партий в конкретный исторический период. Признавая определенную преемственность правых радикалов прошлого и правых популистов настоящего (особенно очевидную при обращении к истории «Австрийской партии свободы»), а также отмечаемое исследователями «перетекание» кадров между системными правыми популистами и радикальными силами улицы, мы, тем не менее, стремимся сместить фокус с ядерного крайне правого электората на среднего избирателя, отдавшего голос за АдГ или АПС, его страхи и мотивацию.

1.4 Трансграничные контакты правых популистов в научной литературе

Возможность превращения праворадикальных/правопопулистских сил в транснационального актора европейской политики обсуждается теоретиками на протяжении многих лет. С одной стороны, подобные суждения являются естественным продолжением тезиса о вступлении на международную арену все большего числа негосударственных сил (будь то транснациональные корпорации, неправительственные организации или «первичные» акторы – классы, религиозные конфессии, расы и т. п.). С другой стороны, представляется, что репрезентация трансграничных контактов правых сил в качестве потенциальной проблемы проистекает из глубокой травматичности опыта Второй мировой войны для европейского наблюдателя. Учитывая рассмотренную ранее склонность европейских авторов сближать понятия правого популизма и фашизма, мы можем предположить, что всякая попытка правых радикалов Европы наладить транснациональное сотрудничество будем восприниматься едва ли не как возрождение «оси» на европейском континенте.

Еще в начале 2000-х гг. исследователи скептически относились к возможности формирования прочных связей между правыми популистами Западной Европы. В своей опубликованной в 2000 г. статье «О контактах правых радикалов в Европе» немецкий теоретик Р. Штёсс заключает: основными преградами на пути превращения правых радикалов в транснационального актора европейской арены являются как многочисленные частные противоречия (конфликтность интересов отдельных националистически настроенных сил, персональные противоречия лидеров), так и отсутствие международных устремлений в идеологической базе правого радикализма.¹⁴¹ Р. Штёсс ссылается здесь на известного представителя правых сил Германии, Ф. Шёнхубера, отмечающего: в отличие от левых партий,

---

¹⁴¹ Stöss R. Zur Vernetzung der extremen Rechten in Europa. Ibidem. S. 2

стремящихся заменить существующие порядки новыми интернациональными нормами, правые выступают за сохранение национальных границ. Как следствие, утверждал Ф. Шёнхубер, «единственное, что объединяет многие европейские правые партии, их и разъединяет».¹⁴²

Уже к концу 2000-х гг. алармистские настроения в академической среде нарастают. Среди европейцев растет беспокойство собственным будущим, отмечает К. Шори Лианг; согласно опросам, западные европейцы опасаются радикальных исламистов, изменения демографического баланса в Европе в пользу иммигрантов, а также внешнего управления – будь то управление со стороны США или «недемократической» Европейской Комиссии. Указанные темы являются базовыми для крайне правых популистов – отсюда – их массовое *возвращение* в политику европейских стран.¹⁴³ По мере роста популярности, утверждает К. Шори Лианг, в повестку соответствующих сил все прочнее входят вопросы внешней политики. В этот период популистские правые партии разных европейских стран синонимично критикуют глобализацию, утверждая, что единственными выигравшими от нее акторами являются США и ассоциированные с ними международные экономические институты и транснациональные корпорации. Скептически воспринимается правыми популистами и европейская интеграция, развитие которой приводит, по их мнению, к общему сокращению демократического контроля над политическими процессами в Европе.¹⁴⁴

Впрочем, при ближайшем рассмотрении обнаруживается неодинаковость подходов партий к наиболее спорным политическим вопросам. В то время как немецкие «Республиканцы» видели в европейской интеграции инструмент контроля над Германией со стороны США, итальянская «Лига Севера» называла европейские институты «Советским Союзом Европы» и «логовом коммунистов».¹⁴⁵ Отдельного упоминания заслуживает и тот факт, что многие высказывания французского «Национального фронта», посвященные европейской тематике, выглядят откровенно антигерманскими. Так, в 2015 г. заместитель председателя партии Ф. Филиппо сетовал, что Германия «никогда не прекращает диктовать свою волю Европе, будь то евро, миграционная политика или бюджет».¹⁴⁶

Разграничительные линии присутствуют и между правыми популистами отдельных стран: так, Э. Де Блазио и М. Сориче, основываясь на выступлениях итальянских политиков, выделяют

---

¹⁴² Ibidem

¹⁴³ Schori Liang Ch. Europe for the Europeans: The Foreign and Security Policy of the Populist Radical Right // Europe for the Europeans: The Foreign and Security Policy of the Populist Radical Right / Ch. Schori Liang (ed.) Routledge, 2007. P. 1

¹⁴⁴ Ibidem. P. 9-12

¹⁴⁵ Ibidem. P. 12

¹⁴⁶ Faye O. Crise des migrants : le FN tient Angela Merkel pour responsable [Электронный ресурс] // Le Monde. 2015. Режим доступа: https://www.lemonde.fr/politique/article/2015/09/24/1-alle-magne-nouveau-bouc-emissaire-de-marine-le-pen_4770239_823448.html

несколько типов правого популизма. Силы, представляющие каждый из данных типов, апеллируют к «народу», однако акценты их риторики заметно отличаются. Так, «неолиберальные популисты» (в терминологии Э. Де Блазио и М. Сориче) рассматривают «народ» как налогоплательщиков, способных самостоятельно распоряжаться своими экономическими ресурсами без вмешательства коррумпированных элит. «Этнические популисты» винят правительство в неспособности сохранить христианское наследие и защитить страну от иммиграции – подобные силы, по мнению авторов, видят идеал в более сильном, даже авторитарном государстве. Наконец, «технопопулисты» склонны концентрироваться не столько на конкретных политических вопросах, сколько на методах реализации демократического процесса: они полагают необходимым переход к прямой демократии, в т. ч. посредством современных Интернет-технологий.¹⁴⁷

Впрочем, даже теоретики, отмечающие конфликтность интересов и позиций правых радикалов Западной Европы, призывают не абсолютизировать тезис об их неспособности к трансграничному сотрудничеству. Р. Штёсс указывает на наличие множества стимулов к сближению, к числу которых он относит схожую антидемократическую идеологию, синонимичность программ и схожесть электоральной базы. По мнению исследователя, установление сетевых связей (*Vernetzung*) может позволить правым радикалам выполнять внутренние задачи (т. е. переносить свою активность из собственной страны, где действуют некие ограничения, на соседнюю территорию), а также высказывать свои идеи на международной арене – к примеру, посредством создания фракции в Европейском Парламенте. Преобладающей формой связи правых радикалов Р. Штёсс в 2000 г. называл неформальные личные связи сторонников соответствующих идей, формируемые в ходе музыкальных фестивалей и крупных мероприятий, организованных отдельными национальными партиями (в качестве примера упоминается французский фестиваль «*Bleu-Blanc-Rouge*», организованный «Национальным фронтом»). Кроме того, возрастающее значение, по мнению Р. Штёсса, уже в начале десятилетия приобретали сети правых радикалов, формируемые в Интернет-пространстве.¹⁴⁸

К. Грабов, на протяжении многих лет занимающийся исследованием популистских сил, также не исключает укрепления связей между ними. «Правый популизм является исключаящим. Он проводит границу между «нами» – порядочными местными маленькими людьми – и «ними» – другими, к числу которых относятся устоявшиеся элиты на уровне собственной страны или

---

¹⁴⁷ De Blasio E., Sorice M. Populism between direct democracy... Ibidem.

¹⁴⁸ Stöss R. Zur Vernetzung... S. 4-12

Европейского Союза, иммигранты, беженцы», – пишет К. Грабов.¹⁴⁹ Правые популисты разных стран в схожих терминах обращаются к проблеме «отчуждения» европейских отечеств, причиной которому служат слабый контроль границ, недостаточно жесткая иммиграционная политика и передача властных полномочий европейским институтам. Кроме того, популисты играют на страхе перед снижением уровня жизни, вызванном «чужими проблемами» (яркий пример здесь – выделение финансовой помощи Греции со стороны других стран ЕС).¹⁵⁰ Таким образом, потенциал объединения сторонников правопопулистских идей как в национальных рамках, так и на европейском уровне формируется на базе общей идентичности, синонимичной концепции «Другого».

Одной из наиболее заметных работ последних лет, посвященных контактам правых популистов, является статья Б. де Клина «Популизм и национализм». Автор настаивает на четком разграничении понятий; согласно его точке зрения, националистические дискурсивные практики являются лишь одной из разновидностей популистских крайне правых практик. Так, пишет Б. де Клин, обращаясь к условному сообществу «нация», крайне правые популисты апеллируют к части «угнетаемого народа» (*people-as-underdog*).¹⁵¹ Именно дефиниционное разделение популизма и национализма позволяет автору сделать вывод о теоретической возможности транснационального популизма. Б. де Клин предлагает выделять две модели транснационального популизма: (1) интернациональный популизм, т. е. трансграничное сотрудничество национально организованных популистских партий и движений; (2) истинный транснациональный популизм, т. е. популизм, политической базой которого служит угнетаемый народ, понимаемый в транснациональных терминах (*transnational people-as-underdog*). Впрочем, приводимый де Клином эмпирический материал относится к левой, а не правой части политического спектра – упоминается, к примеру, движение «Оккьюпай», претендовавшее на представление 99% угнетаемого населения Земли в противовес 1% транснациональных элит.¹⁵²

В свою очередь Д. Алмейда полагает, что оценивать потенциал трансграничных взаимодействий конкретных сил следует с оглядкой на их внутривнутриполитическое положение. Согласно его теории, партии, находящиеся у власти или стремящиеся заполучить доступ к ней, скорее ограничат свои контакты с крайне правыми силами других стран, поскольку курс на умеренность и построение внутренних коалиций является несовместимым с активизацией борьбы на европейской арене. В то же время оппозиционные партии, напротив, стремятся

---

¹⁴⁹ Grabow K. Das Volk, des Volkes, dem Volk. Merkmale und Trends zum Begriff Populismus // Konrad-Adenauer-Stiftung. Nr. 539, Juli/August 2016, 61. Jahrgang. S. 25-26

¹⁵⁰ Grabow K. Ibid

¹⁵¹ de Cleen B. Populism and Nationalism. Ibidem. P. 342-362

¹⁵² Ibidem

обрести легитимность через налаживание трансграничных контактов.¹⁵³ Прямым подтверждением теории Д. Алмейды может считаться, к примеру, выход «Национального Фронта» из «Альянса европейских национальных движений» в 2012 г. После того как во главе «Национального Фронта» встала М. Ле Пен, партия взяла курс на нормализацию. Как следствие, объединение в составе представителей французского и бельгийского «Национальных Фронт», итальянского «Трехцветного пламени», венгерского «Йоббика» и шведских «Национал-демократов» было сочтено слишком радикальным для потенциального союзника.¹⁵⁴

Отдельного упоминания заслуживает направление исследований, в рамках которого анализируются не столько сами контакты правых популистов с точки зрения их устойчивости, сколько трансграничные социально-политические последствия их установления. В фокусе внимания исследователей данного направления находятся фракции, создаваемые правыми популистами в Европейском парламенте. Алармистски настроенные политологи (к примеру, представляющие брюссельский Институт европейской политики «Открытое общество» Х. Граббе и Н. Грут) высказывают опасения, что рост числа правых популистов в Европейском парламенте будет способствовать демонтажу европейской инфраструктуры, защищающей права человека в целом и права меньшинств в частности. «Неспособность сформировать политическую группу приводит к тому, что наиболее ксенофобные члены парламента довольствуются индивидуальным финансированием суммой около 40 тыс. евро на поддержку своей деятельности, в то время как группа получает более 3 млн. евро (значения на 2012 г.) приблизительно на 40 парламентариев – что повышает сумму финансирования для отдельного политика почти в два раза». В результате, пишут Х. Граббе и Н. Грут, крайне правые парламентарии получают сцену, с которой они могут транслировать свои идеи, и финансовую базу для соответствующей деятельности. Как следствие, ксенофобный дискурс распространяется все более широко, и размывает социальные нормы и ценности, «необходимые для поддержания открытого общества».¹⁵⁵

Проанализировав основные модели поведения крайне правых популистов в Европейском парламенте, политолог Н. Брак приходит к менее негативному заключению: по ее мнению, присутствие соответствующих партий не столько угрожает европейской интеграции, сколько легитимизирует ее. «Противоречащие большинству голоса могут рассматриваться как знак утверждения ЕС в качестве демократической политической системы, открытой к дебатам», –

---

¹⁵³ Almeida D. Europeanized Eurosceptics? Ibidem. P. 247

¹⁵⁴ Stolz J., Salles A., Mestre A. Les infréquentables cousins de Grèce et de Hongrie [Электронный ресурс] // Le Monde. 2013. Режим доступа: https://www.lemonde.fr/europe/article/2013/11/14/les-infrequentables-cousins-de-grece-et-de-hongrie_3513447_3214.html

¹⁵⁵ Grabbe H., Groot N. Populism in the European Parliament. Ibidem. 34-39

пишет Н. Брак. Многие политологи, продолжает он, сходятся во мнении, что ЕС во многом основывается на консенсусной модели взаимодействия между участниками, а общеевропейские институты занимаются скорее техническими, нежели политическими аспектами. Политическое начинается там, где есть оппозиция – следовательно, правые популисты способствуют политизации деятельности Европейского парламента.¹⁵⁶

Схожую концепцию развивает итальянский исследователь Ф. Николи: согласно его точке зрения, рост популизма является естественным симптомом превращения ЕС в «пре-федеративную политику». Исследователи, занимающиеся проблемами интеграции, склонны, по мнению Ф. Николи, рассматривать европейские институты в качестве унитарных акторов – между тем, пример Европейского парламента демонстрирует растущую дифференциацию мнений внутри них. Подвешенной в воздухе остается неявная параллель между национальным и наднациональным, очерченная Ф. Николи. Так, в разделе своей работы, посвященной национальным успехам правых популистов, политолог замечает, что взлет крайне правых во многих случаях следовал за закреплением «больших коалиций» у власти. Вступая в Европейский парламент, правые популисты, содействуют, таким образом, не принципиальному краху системы, но естественному появлению в ней новых голосов и новых групп интересов, а следовательно – и формированию единого публичного политического пространства ЕС.¹⁵⁷

* * *

Хотя целый ряд исследователей (от искренне верящей в целесообразность его использования М. Каннован до деконструирующего понятие Э. Лакло) демонстрируют нагруженность термина «популизм» негативными коннотациями, в рамках настоящей работы мы принимаем критический подход лишь отчасти. Так, мы солидаризируемся с тезисами П. В. Осколкова и Г. В. Лукьяновой, указывающих на превращение понятия в определенную стигму, препятствующую эффективному диалогу центристских партий с так называемыми правыми популистами и их сторонниками. Тем не менее, мы полагаем целесообразным использование данного термина в исследовательском контексте. На наш взгляд, существует ряд присущих рассматриваемым нами политическим силам характеристик, совокупность которых не может быть целиком описана иными смежными понятиями (правый радикализм, фашизм и т. п.). К числу таковых относятся: (1) базовый тезис противостояния «коррупцированным элитам», правящим партиям центра, якобы скрывающим общественно значимую информацию и игнорирующим мнение значительной части не лояльного им населения; (2) неизменное

---

¹⁵⁶ Brack N. The roles of Eurosceptic Members of the European Parliament and their implications for the EU // International Political Science Review. 2015. 36(3). P. 346-347

¹⁵⁷ Nicoli F. Populism, polarization... Ibidem. P. 11-18

апеллирование к демократии как к базовой ценности; обращение к проблемам, обсуждение которых позиционируется традиционными партиями в качестве «неразумного»; (3) способность привлечь голоса широкого круга избирателей, несмотря на очевидную стигматизацию со стороны правящих элит.

Говоря о дихотомии «правый/левый», мы принимаем во внимание произошедшие за последние десятилетия трансформации в ее восприятии, в том числе отмечаемый Й. Ридгреном рост значимости компонента, ассоциированного с этничностью, миграционным опытом, гендером и т. п. В настоящей работе мы разделяем встречающийся, в частности, у Н. Хатакка тезис о фрагментарном (в терминах М. Фридена) характере популизма, т. е. его неспособности объяснить все многообразие социальных процессов за счет собственного инструментария и проистекающую из этого склонность использовать концепции других идеологий. Выдвинутый, среди прочих, Д. Альбертаци и Д. Вампой, тезис о стремлении популистских партий объединять в своей риторике как левые, так и правые идеи с целью максимизировать собственную привлекательность для избирателя рассматривается нами как дополняющий концепцию фрагментарности.

Наконец, проанализировав пул исследований, посвященных трансграничным контактам правых популистов, мы выделили для себя три наиболее значимых тезиса: (1) тезис Б. де Клина, согласно которому истинный транснациональный популизм предполагает не просто сотрудничество отдельных национальных партий и движений, но существование политической базы в виде «угнетаемого народа, понимаемого в транснациональных терминах» (*transnational people-as-underdog*); (2) тезис Ф. Шёнхубера, полагающего, что сотрудничеству правых крайне партий препятствует именно акцент на национальном государстве (в противоположность левым, фокусирующимся на наднациональном уровне); (3) тезис Д. Алмейды о большой склонности правых популистов к сотрудничеству в периоды, когда они находятся вне правящей коалиции и/или осознают несостоятельность своих претензий на власть. В рамках настоящей работы мы стремимся проверить их состоятельность в отношении взаимодействия германских и австрийских правых популистов.

2. Теоретико-методологическая база исследования

2.1 Социальный конструктивизм в международных отношениях

Выбор конструктивистской/постструктуралистской теоретической базы в работах, посвященных проблематике правого популизма, является в последние годы достаточно распространенной исследовательской стратегией.¹⁵⁸ В качестве одной из причин следует, по всей видимости, назвать влияние работ Э. Лакло, деконструирующих понятие популизма и отчасти популяризированных критикой К. Мада, одного из наиболее авторитетных теоретиков популизма, активно критикующего лаклодианские позиции. Впрочем, сила примера не является главным фактором, определившим выбор теоретической базы в рамках настоящего исследования.

В отличие от теорий, стоящих по другую сторону баррикад «четвертых больших дебатов», конструктивистская теория ставит в центр внимания представления и идентичности. Там, где позитивистская мысль фиксирует социальный факт, конструктивистская мысль допускает множественность интерпретаций, порождающих неодинаковые исходы всякого совершенного действия. Избирая конструктивизм в качестве теоретической рамки настоящего исследования, мы исходим из тезиса, что данная теоретическая модель удобна для анализа подвижных сетевых структур, каковыми являются, с одной стороны, группы граждан, разделяющих популистские идеи на национальном уровне, с другой стороны – трансграничные популистские объединения. Как на внутригосударственном, так и на транснациональном уровне популистские сети обладают уникальной адаптивностью: в разные временные отрезки они охватывают разный круг идей, общим знаменателем которых является их предполагаемая «замалчивание политическими элитами».

Кроме того, мы принимаем во внимание тот факт, что на настоящий момент правым популистам Европы не удалось, несмотря на заметные успехи на национальном уровне, создать сколь-либо устойчивого и успешного трансграничного объединения. Учитывая, что попытки создать подобную конструкцию предпринимались разным составом партий в разные временные отрезки (подробнее см. раздел 4.1), мы делаем предположение, что основное препятствие лежит не в формально-организационной плоскости, но в сфере идеологии. Отсюда – предположение, что успешность будущего сотрудничества отдельных сил можно предсказать, картировав их идеологические установки и выявив, насколько схожими являются их представления об угрозах

---

¹⁵⁸ см., например, (1) Hellström A. Trust Us: Reproducing the Nation and the Scandinavian Nationalist Populist Parties. Berghahn Books, 2016. 246 p. (2) Bakare N. Redefining Democracy and Political Assertiveness: A Constructivist Exposition of European Populism // Baldassari M., Castelli E., Truffelli M., Vezzani G. (eds) Anti-Europeanism. Springer, 2019. P. 57-73

и ценностях. Таким образом, представления об идентичности, составляющие идейную основу конструктивизма, позволяют нам апеллировать к избранному объекту исследования с учетом его уникальных особенностей (подвижность, примат неформальных связей) и формулировать предположения о нем на основе имеющихся в нашем распоряжении данных (данные открытых источников, материалы социальных сетей).

***

Пожалуй, одной из ключевых особенностей социального конструктивизма является «внешний» характер его идейных основ для науки о международных отношениях. Согласно замечанию Санкт-Петербургских исследователей, корни конструктивизма следует искать в советском искусстве 1920-х гг. – периоде, когда художники, архитекторы, литераторы стремились пересмотреть устоявшиеся эстетические принципы и противопоставить ригидной роскоши простоту исходных форм и подвижность их комбинаций. Из области искусства конструктивизм постепенно переходит в социальные науки: психологию, социологию, а в дальнейшем – и в науку о международных отношениях.¹⁵⁹

Дж. Г. Рагги указывает, что наибольший вклад в формирование социального конструктивизма в его нынешнем виде внесли социологи Э. Дюркгейм и М. Вебер. Так, Э. Дюркгейм исследовал, насколько те или иные модели поведения зависят от межличностных связей конкретного индивида и социального порядка, в рамках которого он существует – к примеру, одним из объектов исследования социолога было суицидальное поведение среди католиков. Исследуя каузальную роль идей в социальных процессах, Дюркгейм одновременно дистанцировался от идеалистов (возносивших ментальные факторы над всеми иными, познаваемыми с помощью методов науки) и утилитаристов (полагавших, что отделение ментального от физического искусственно и ошибочно). Социальная реальность по Дюркгейму есть комбинация индивидуальных фактов и социальных взаимодействий: «Когда определенные элементы соединяются и, посредством соединения, образуют нечто новое, это новое является не просто продуктом составляющих его элементов, но следствием общности, порожденной их единением».¹⁶⁰

Подобно Э. Дюркгейму, М. Вебер стремился найти третий путь между субъективизмом и позитивизмом. Как естественные науки, так и науки об обществе, писал он, исследуют каузальные отношения. Однако в то время как естественные науки видят в качестве своей цели

¹⁵⁹ Современные теории международных отношений / под ред. В.Н. Конышева, А.А. Сергунина. Санкт-Петербургский гос. ун-т. Москва : РГ-Пресс, 2013. С. 327

¹⁶⁰ Ruggie J. G. What Makes the World Hang Together? Neo-Utilitarianism and the Social Constructivist Challenge // International Organization. 1998. 52 (4). P. 857-858

поиск универсально действующих законов, в рамках которых возможно было объяснить и предсказать индивидуальные события, науки об обществе должны сконцентрироваться на исследовании значений, придаваемых отдельным фактам в конкретном ценностном, идейном контексте. Именно рассматривая социальные действия в контексте, полагал Вебер, мы можем выявить связь между ними и конкретными предпосылками, вследствие которых данные факты имели место.¹⁶¹

Первым конструктивистским исследованием в науке о международных отношениях считается опубликованная в 1989 г. работа Н. Онуфа «Мир, который мы создаем», хотя ряд высказанных им тезисов, как отмечает Т.А. Алексеева, встречается и в более ранней работе Р. Эшли.¹⁶² Важной пресуппозицией, с которой начинается исследование Н. Онуфа, является тезис, что именно социальные отношения делают человека тем, чем он является; человек и общество находятся в постоянном двустороннем процессе формирования друг друга. Значения конкретных действий определяются существующими в данном сообществе правилами – следовательно, правила (т. е. утверждения, диктующие, что люди должны делать) являются одним из базовых, конструирующих компонентов социальной реальности. Именно существование правил создает возможность акторности – так для отдельного индивида, так и для государства, поскольку акторы представляют себе цели и «стремятся достичь их методами, предоставленными природой и обществом в их распоряжение».¹⁶³

Концепция Н. Онуфа базируется на особой роли акта речи. Последний, согласно Онуфу, строится по следующей модели: «Настоящим я утверждаю (требую, обещаю) тому, кто меня слушает, что некоторое положение дел существует или может быть достигнуто». Посредством речи правила обретают форму и конструируют отношения между говорящим и слушателем. Всякое обращение к проблеме правил приводит нас к вопросу о неравномерном распределении ресурсов: в распоряжении разных агентов имеется неодинаковое количество ресурсов для их реализации. При этом наличие материального компонента реализации правил также является значимым для Онуфа: «Нам нужен воздух, чтобы дышать; у нас нет крыльев, чтобы летать. Сами по себе правила не меняют этих фактов, однако правила позволяют нам, агентам, изменить их границы, создав, к примеру акваланг или самолет». Таким образом, существование материальных фактов не отрицается, однако граница между ними представляется размытой и социально конструируемой.¹⁶⁴

---

¹⁶¹ Ibidem. P. 859-860

¹⁶² Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. 1(14). С. 4

¹⁶³ Zehfuss M. Constructivism in International Relations.... Ibidem. P. 20

¹⁶⁴ Ibidem. P. 21-22

О социальном конструировании значений писал в своих работах и другой теоретик конструктивизма – Ф. Кратохвил. Исследователь подчеркивал интерпретативность социальных действий: согласно его представлениям, политические взаимодействия происходят в контексте частично разделяемых (а порой и оспариваемых) представлений, придающих отдельным фактам определенные значения в глазах участников и наблюдателей, при этом всякая попытка устранить интерпретативность и сделать анализ «объективным» обречена на неудачу. Отдельное внимание работам Кратохвила уделяется концепции рациональности. Определяя некое действие как «рациональное», писал Кратохвил, мы пытаемся выстроить некую цепочку утилитарных по своей природе аргументов, однако в сущности – подводим логическое объяснение под решение, уже принятое нами.

Как и Н. Онуф, Ф. Кратохвил призывал направить исследовательское внимание на категорию норм. Всякое политическое действие по Ф. Кратохвилу обретает свое значение в контексте правил и норм, среди которых оно реализуется. Как и у Н. Онуфа, у Ф. Кратохвила нормы определяются как речевые акты, функционирующие только в том случае, если они оказывают ожидаемый эффект на своего адресата. Кратохвил соглашается со своим коллегой и в том, что нормы и правила не определяют человеческое поведение в окончательном виде. Поскольку социальные проблемы не имеют предустановленных решений и включают в себя пространство неопределенности, следование правилам не является слепой привычкой, но основывается на аргументации. При этом аргументация также подразумевает вариативность. Нормы, пишет Кратохвил, дают нам базу для аргументации (*reasoning*), в рамках которой одни нарушения правил признаются допустимыми, а другие – нет. Процессы аргументации, согласно его теоретическим построениям, не приводят нас к единственному правильному решению, хотя некоторые тезисы и кажутся более убедительными, нежели другие.¹⁶⁵

Одной из основных проблем в определении конструктивизма является неоднородность представленных в его рамках течений. Некоторые исследователи используют понятие «конструктивизм» в широком смысле (т. е. как интеллектуальное течение, задавшее тон «Четвертым большим дебатам» в науке о международных отношениях) – что подразумевает необходимость введения более узких категорий для разделения его теоретических вариаций. К примеру, Р. Прайс и К. Риус-Смит говорят о «конструктивистском повороте», интеллектуальную основу которого составляли: (1) эпистемологически – критика позитивистского подхода к знаниям, стремления сформулировать объективную, эмпирически верифицируемую правду; (2) методологически – акцент на значимость интерпретаций, отрицание существования единственно

---

¹⁶⁵ Zehfluss M. Ibidem. P. 16-18

верного научного метода; (3) онтологически – отказ от рационалистических концепций человеческой природы, внимание к роли социально конструируемых идентичностей; (4) нормативно – тезис о невозможности нейтральной теории.¹⁶⁶

В свою очередь, внутри направления, возникшего в результате «конструктивистского поворота», согласно Р. Прайсу и К. Риус-Смиту, выделяются модернистский и постмодернистский конструктивизм, причем граница между ними является «аналитической»: тогда как модернистский конструктивизм преимущественно концентрируется на социолингвистическом конструировании субъектов и объектов мировой политики, постмодернистский уделяет особое внимание взаимоотношениям между знанием и властью.¹⁶⁷

Открытым остается вопрос об отношении конструктивистов к *социальной реальности* и, как следствие, о границе между социальным конструктивизмом и постструктурализмом. К примеру, Э. Адлер определяет в качестве объекта исследования конструктивизма то, «как человеческие действия и взаимодействия влияют на материальный мир и трансформируются под его влиянием» – автоматически заключая, таким образом, что конструктивистская мысль признает объективное существование материального мира и его значимость в формировании социальных интерпретаций.¹⁶⁸ Схожей точки зрения придерживается Кэмпбелл, проводящий четкую границу между конструктивизмом и постструктурализмом:

Некоторые конструктивисты указывают на существование материального мира, внешнего по отношению к языку, в качестве детерминанты, определяющей социальную и политическую истину. В своих спорах с постструктуралистами они утверждают, что дискурсивный подход едва ли поможет в ситуации, когда придется столкнуться с чем-то столь же материальным, как пуля в виске [...]. Как же ответит постструктуралист? Во-первых, он скажет, что вопрос состоит вовсе не в материальности пули или реальности смерти человека, определенным образом настигнутого этой пулей. [...] Во-вторых, [постструктуралист] заметит, что тело, лежащее на земле, пуля в виске и гильза, лежащая неподалеку, ничего не говорит нам о значении всех этих элементов. Интерпретация события и его элементов есть продукт его дискурсивного формирования, которое может определяться одним из конкурирующих нарративов. Оказались ли тело и пуля там, где

¹⁶⁶ Price R., Reus-Smit Ch. Dangerous Liaisons? Ibidem. P. 261

¹⁶⁷ Price R., Reus-Smit Ch. Ibidem. P. 268

¹⁶⁸ Adler E. Seizing the Middle Ground: Constructivism in World Politics // European Journal of International Relations. 1997. 3(3). P. 322

они находятся, в результате самоубийства, убийства, этнических чисток, племенной войны, геноцида или конфликта государств?¹⁶⁹

Иначе формулирует различие внутри «социальных» теорий международных отношений один из ключевых теоретиков конструктивизма А. Вендт. Различные теории (как относящиеся к социологии международных отношений, так и представляющих иные направления внутри дисциплины) Вендт предлагает относить либо к «тонким» (*thin*), либо к «насыщенным» (*thick*). Базовыми компонентами «тонкой» теории рационального выбора – а именно на примере теории рационального выбора Вендт строит свой тезис – являются желание (*desire*, стремление обладать чем-то или чего-то достичь) и убежденность в чем-либо (*belief*). Неважно, насколько истинными являются представления; главное в них – тот импульс к реализации желаний, который они придают. В свою очередь, «насыщенная» теория рационального выбора добавляет некоторый базовый компонент, определяющий содержание желаний и представлений.¹⁷⁰ Как следствие, между материальными факторами и базирующимися на них действиями актора возникает новый слой – идейный, представляющий собой некое подобие линзы, сквозь которую акторы оценивают окружающую их действительность. При этом, пишет А. Вендт, представители разнообразных течений разделяют два основных тезиса конструктивизма: (1) структуры человеческих отношений преимущественно определяются идеями, а не материальными силами; (2) идентичности и интересы соответствующих акторов формируются скорее разделяемыми идеями, нежели их природой, т. е. некими «исходно» присущими им характеристиками.¹⁷¹

Остановимся подробнее на категории «идентичности», являющейся, одной из базовой для теоретиков конструктивизма. В работе «Анархия – это то, что из нее делают государства» А. Вендт приводит следующее определение идентичности:

Актеры приобретают идентичности – относительно стабильные понимания и представления о себе и своей социальной роли – разделяя некие коллективные представления. Идентичности относительны; по словам Питера Бергера, «идентичность, со всеми присущими ей психологическими атрибутами, всегда является таковой в рамках специфической социально конструируемой реальности». У всякого человека есть множество институциональных ролей: брат, сын, учитель, гражданин. Подобно этому,

¹⁶⁹ Campbell D. Writing security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Manchester University Press, 1992. P. 235-236

¹⁷⁰ Wendt A. Social Theory... Ibidem. P. 117-118

¹⁷¹ Ibidem. P. 1

государство может иметь множественные идентичности, к примеру, «суверен», «лидер свободного мира», «империя» и т.д.¹⁷²

Таким образом, А. Вендт переносит фокус исследовательского внимания с категорий присущих факторов (в частности, описываемой теоретиками реализма естественной конфликтности национальных государств или естественного импульса к сотрудничеству, рассматриваемого политическими идеалистами) к факторам конструируемым. В условиях анархии на международной арене может полагать окружающих друзьями, соперниками, врагами – и выстраивать свою линию поведения в зависимости от существующих в данном контексте представлений. Диалогичность и подвижность становятся определяющими характеристиками всякой идентичности. К вопросу об относительной (*relational*) природе идентичности А. Вендт возвращается в более поздней публикации «Формирование коллективной идентичности...». По мнению исследователя, «идентификация – это континуум между негативным и позитивным – от полного отторжения другого до признания его в качестве продолжения самого себя. <...> В каждой конкретной ситуации природа идентификации определяет, каким именно образом мы очерчиваем границы "своего"».¹⁷³

Вокруг упомянутой А. Вендтом дихотомии «я/Другой» строится опубликованная в 1999 г. работа норвежского исследователя И. Нойманна «Использование Другого. Восток в формировании европейской идентичности». И. Нойманн подробно отслеживает путь данной дихотомии в философии и области социальных наук. В качестве особенно значимых для становления концепции отмечаются работы Гегеля, согласно которому «я» посредством познания «Другого» получает возможность признавать и быть признанным и, следовательно, конструируется как таковое.¹⁷⁴ В дальнейшем, пишет И. Нойманн, тематика соотношения «я/Другой» переходит в область социальной антропологии, психологии и теории литературы, открывая дорогу четырем различным подходам: этнографическому, психологическому, подходу континентальной философии и «восточному экскурсу». Этнографическим путем, что очевидно из самого обозначения данного подхода, пошли исследователи, сосредоточившиеся на проблемах национализма и/или избравшие этнические группы в качестве изучаемого объекта – к их числу И. Нойманн относит Э. Дюркгейма и Ф. Барта. Формирование идентичности в рамках этнографической концепции есть продолжающийся процесс, сопровождающийся отграничением «внутренних» групп от «внешних» на базе тез или иных культурных маркеров. При этом значение политически релевантных показателей границы может приобретать любая

¹⁷² Wendt A. Anarchy is what States... Ibidem. P. 398

¹⁷³ Wendt A. Collective Identity... Ibidem. P. 386

¹⁷⁴ Neumann I. Uses of the Other: The «East» in European Identity Formation. Manchester University Press, 1999. P. 3

характеристика, хотя большинство обсуждаемых показателей относится к таким сферам, как язык, история, религия.

Психологический подход добавляет к числу изучаемых в контексте идентичности те характеристики, которые уместно было бы обозначить как «позитивные» (в противоположность «негативным» характеристикам, анализируемым в рамках этнографического подхода). Основным исследовательским вопросом становится вопрос о формировании групповой идентичности «мы», находящейся – здесь И. Нойманн цитирует исследователей Хогга и Абрамса – в состоянии «мира, порядка, закона» по отношению друг к другу и «войны» по отношению к не-членам этой группы. Конструирование групп происходит базе типирования собственного «я» (*self-stereotyping*), потребность в котором, согласно подходу ряда исследователей (к примеру, Э. Нортон) обостряется в моменты амбивалентности, некие пороговые моменты, когда типирование становится попыткой преодоления недостаточности собственного «я».

Следующий по списку И. Нойманна «континентальный подход» практически не раскрывается автором и упоминается, как нам представляется, единственно с целью сформулировать преимущества четвертого подхода, а именно «Восточного экскурса». «Континентальный подход» критикуется И. Нойманном за свою «стерильность»: так, разрабатываемые в его рамках категории «я/Другого» помещены в идеальный контекст, избавленный от присущих всякому социуму отношений власти. В свою очередь «Восточный экскурс» стремится вернуть отношения власти в фокус внимания исследователей. Его истоки И. Нойманн прослеживает в работах Ф. Ницше, утверждавшего, что познание мира не основывается на твердом фундаменте, а потому «я» познает «Другого» в виде изменчивой перспективы, но не фиксированного факта.

Окончательный вид, согласно утверждению И. Нойманна, «Восточный экскурс» приобретает в работах М. Бахтина. Норвежский исследователь отмечает последнего как выдающегося критика «гносеологизма», присущего континентальной философии. Так, континентальная философия по М. Бахтину замкнута в рамки гносеологического сознания, не допускающего иного суверенного сознания вне себя и превращающего всякое единство в собственное единство. Сам М. Бахтин настаивал, что значение создается лишь в дискурсе, где встречаются сознания – следовательно, «Другой» является онтологической необходимостью. В интерпретации Ю. Кристевой заслуга М. Бахтина заключается, таким образом, в

формулировании идеи диалогизма – в противовес присущему континентальной философии диалектизму.¹⁷⁵

Концепция диалогизма появляется и в упомянутой выше базовой для конструктивистских исследований популизма работе – «О популистском разуме» Э. Лакло (2005 г.). Социальные значения (и коллективные идентичности в их числе) по Э. Лакло формируются под действием двух сил, которые он обозначает как «логика различия» и «логика эквивалентности». В то время как описанная выше *логика различия* направлена на формирование внешней границы и отделение «Другого», *логика эквивалентности* вынуждает отдельных акторов отказаться от частных особенностей – и признать прерогативу общей для них характеристики.¹⁷⁶

2.2 Сравнительные исследования в политических науках

Хотя сравнение в качестве инструмента, позволяющего систематизировать знания о социальном и политическом, использовалось еще античными авторами, формализация его применения относится к XX веку. Исследователи Дж. Мунк и Р. Снайдер предлагают выделять следующие периоды в развитии политической компаративистики: (1) оформление политической науки как дисциплины (1880-1920 гг.), (2) бихевиоралистская революция (1921-1966 гг.), (3) пост-бихевиоралистский период (1967-1988 гг.), (4) вторая научная революция (с 1989 г. по настоящее время). Первый из выделяемых периодов был лишен какой-либо метатеории, исследователи концентрировались на формальных элементах существовавших систем правления. Начало второго этапа отсчитывается от публикации чикагского исследователя Ч. Мерриама, в рамках которой ученый сформулировал необходимость перехода к проблемно ориентированному подходу в политической науке.¹⁷⁷

Установление нацистского режима в Германии затормозило развитие бихевиоралистских тенденций в американской политической науке: с одной стороны, пишут Дж. Мунк и Р. Снайдер, это стало следствием массовой эмиграции в США европейских исследований, следовавших классическому нормативному подходу, с другой – начало Второй мировой существенно изменило приоритеты самих американских ученых. Уже в 1950-е гг. начинается новый виток развития политической науки. Отчетливо проявляются два новых принципа исследований, принесенных в науку бихевиоралистским поворотом: во-первых, внимание к неформальным элементам политической жизни (политической культуре, политической социализации, массовой коммуникации) и моделям поведения отдельных акторов (групп интересов, политических

¹⁷⁵ Neumann I. Ibidem. P. 13-14

¹⁷⁶ Laclau E. On Populist Reason. Ibidem. P. 78

¹⁷⁷ Munck G. L., Snyder R. Passion, Craft, and Method in Comparative Politics. John Hopkins University Press, 2007. P. 40-41

партий); во-вторых, стремление принести в политическую науку систематичность и эмпиризм. Постепенно происходит внедрение статистических методов исследования, в том числе с привлечением больших объемов данных, собранных в разных национальных контекстах (примером подобного исследования может служить опубликованная в 1963 г. «Гражданская культура» Г. Алмонда и С. Вербы).¹⁷⁸

Третий период развития политической компаративистики и политических наук в целом (1966-1988 гг.), выделяемый Дж. Мунком и Р. Снайдером, характеризуется ими как некая переходная фаза. С одной стороны, в академической среде наступает некое разочарование в бихевиоралистских идеях, отчасти порожденное событиями Вьетнамской войны. Исследователи нового поколения (но и старое поколение исследователей) стремятся вернуть в фокус внимание государство, исключенное из него бихевиоралистским поворотом в пользу экономических и социальных процессов. С другой стороны, общее разочарование не порождает некой новой метатеории, готовой прийти на смену существующей. Исследования развиваются нелинейно, стремясь заполнить собой области, прежде не подвергавшиеся прицельному анализу. Так, именно в этот период политологи начинают обращаться к таким вопросам, как становление государств, демократический транзит, крушение демократических режимов. Что касается методологии, отмечают Дж. Мунк и Р. Снайдер, в 1970-е гг. намечается спад интереса компаративистов к количественным методам исследования; большая часть сравнительных исследований, опубликованных в этот период, представляет собой кейс-стади, основанные на небольшом числе кейсов.¹⁷⁹

«Вторая научная революция» конца 1980-х гг. ознаменовала рост интереса к количественным исследованиям – в том числе в таких сферах, как демократизация, этнические конфликты и гражданские войны, экономическая политика и модели голосования. Стремительность политических изменений, происходящих в мире в этот период, обеспечила исследователей значительным массивом данных, для обработки которых идеально подходили статистические методы. Сохраняется, впрочем, и интерес к «малым» кейс-стади; предпринимаются попытки найти третий методологический путь, примиряющий количественные и качественные исследования. Подобно тому, как «первая» бихевиоралистская революция сблизила политические науки и социологию, «вторая» революция ассоциирована с интересом к достижениям экономических наук. Благодаря этому повороту в политические исследования входит теория рационального выбора. Именно ее применение – либо критика ее

---

¹⁷⁸ Ibidem. P. 42-46

¹⁷⁹ Munck G.L., Snyder R. Ibidem. P. 48-51

применимости – становится, по мнению Дж. Мунка и Р. Снайдера, своеобразной доминантой политической компаративистики конца 1990-х-начала 2000 гг.¹⁸⁰

Несмотря на принадлежность науки о международных отношениях к числу политических, становление компаративистики в рамках ТМО имело специфическую динамику. Развитие науки о международных отношениях в одном русле с политическими науками отчасти ограничивал «двойственный» характер международных отношений. В то время как политическая компаративистика традиционно концентрировалась на внутриполитических проблемах, реалистическая традиция международных отношений (сыгравшая, как известно, системообразующую роль в становлении ТМО в целом) проводила четкую грань между внутренней и внешней политикой. Означает ли это полной несовместимости компаративистики и реализма? Нет – утверждает Т. Лэндман; реалистская традиция также выделяет переменные, подвергающиеся сравнительному анализу (экономическая и военная сила, размер населения, географическое положение).¹⁸¹

Впрочем, полноценное развитие сравнительных исследований в рамках ТМО становится возможным благодаря вторым/третьим «большим дебатам», принесшим в дисциплину как интерес к методам других наук, так и особое внимание к негосударственным акторам мировой политики. В результате происходит размывание сферы ответственности политологии и науки о международных отношениях: как политологи, так и специалисты по международным отношениям имеют дело как с локальными последствиями глобальных процессов, так и с трансграничными амбициями локальных игроков. Так, за последние десятилетия при помощи методов сравнительного анализа исследователи проверяли теорию демократического мира (Б. М. Расетт и Дж. Р. О'Нил), фиксировали эффекты глобализации (Кв. Ли, Р. Рёвени), сопоставляли траектории развития «акторов вне суверенитета» (К. Боб)¹⁸², оценивали потенциал региональных интеграционных группировок.¹⁸³ Наконец, сравнительному анализу подвергалась и традиционная для теории международных отношений сфера – а именно внешняя политика государств, включая, впрочем, и внутренний компонент ее выработки.¹⁸⁴

В сущности, сравнительный подход представляет собой нечто большее, чем инструмент анализа частных процессов и явлений. Сравнение становится своеобразной линзой, через которую исследователь смотрит на мир; оно помогает генерировать теории (к примеру, теории о

¹⁸⁰ Ibidem. P. 54

¹⁸¹ Landmann T. Issues and Methods in Comparative Politics: An Introduction. Routledge, 2008. P. 266-267

¹⁸² Landmann T. Ibidem. P. 268-272

¹⁸³ Mufti A. R. Global Comparativism // Critical Inquiry. 2005. 31 (2). P. 472-489

¹⁸⁴ The Comparative Study of Foreign Policy: Perspectives on the Future [Электронный ресурс] / Caporaso J.A. et al. – 1986. Режим доступа: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED271365.pdf>

связи внутренней и внешней политики, тезисы о первостепенности тех или иных факторов в определении поведения актора на международной арене) и оспаривать их.¹⁸⁵ Избирая сравнение в качестве исследовательской стратегии, мы отчасти легитимизируем отбор соответствующих партий для целей настоящего исследования. В условиях неоднозначности определения популизма именно сравнение политических позиций отдельных партий позволяет выявить релевантные характеристики. Кроме того, следуя заданному работами Э. Лакло тезису о «логике сходства», мы предполагаем, что эффективной базой сотрудничества являются разделяемые акторами представления о мире и своем месте в нем. Сопоставляя программные отдельных партий, особенности их взаимодействия с целевой аудиторией и пути, пройденные ими в рамках национальных политических контекстов, мы стремимся установить наличие общностей, которые могли бы способствовать эффективному сотрудничеству.

2.3 Контент-анализ как метод исследования

Официальное вхождение контент-анализа в исследовательский инструментарий социальных наук относится к середине XX века, тем не менее, известный теоретик контент-анализа К. Криппендорфф указывает, что первые – пусть и методологически не выверенные – «систематические попытки вычитки текста, изображений и символов» обнаруживаются в исследованиях начиная с XVII века. На первых этапах речь преимущественно шла о теологической литературе: исследователи, обладавшие хорошей репутацией в церковной среде, анализировали светские тексты на предмет наличия в них опасных, греховных идей. К. Криппендорфф пишет, что именно в этот период зарождается исследовательский интерес к текстам СМИ, ставший основой развития контент-анализа на рубеже XIX-XX веков. «Количественный анализ [текстов] газет представлял, как казалось, необходимую научную обоснованность журналистским аргументам», – замечает он. Анализируя совокупность статей популярных изданий, журналисты стремились доказать преобладание «деморализующих» и «тривиальных» новостей над «по-настоящему важными»; некоторые из них делали следующий шаг, пытаясь увязать характер сообщений в прессе с ростом преступности.¹⁸⁶

В 1930-е гг. контент-анализ как метод исследования оказывается в фокусе внимания социологов, а затем и политологов. Именно к этому периоду относятся, к примеру, работы Дж. Макдирмида, анализировавшего инаугурационные речи президентов США в рамках заданных им символических категорий (идентификационные категории, категории власти,

¹⁸⁵ Kaarbo J., Lantis J.S., Bealsey R.K. The Analysis of Foreign Policy in Comparative Perspective // Foreign Policy in Comparative Perspective: Domestic and International Influences on State Behavior / Beasley R.K. et al. CQ Press, 2012. P. 1-93

¹⁸⁶ Krippendorff K. Content Analysis: An Introduction to Its Methodology. Sage Publications, 2004. P. 4-5

ожиданий, исторической важности и т. д.). В конце 1930-х гг. и особенно в период Второй мировой войны в среде американских исследователей наблюдается беспрецедентный интерес к анализу пропаганды. Особых успехов в этом направлении добивается исследовательская группа с участием Г. Ласуэлла и Х. Шпайера, анализировавшая германские трансляции с целью предсказать действия стран Оси. В послевоенный период А. Л. Джордж проанализировал доклады группы и выпустил работу под названием «Анализ пропаганды», формализовавшую усилия исследователей и обрисовавшую рамки контент-анализа как исследовательского метода. По мнению К. Криппендорфа, именно в рамках данной работы формулируется потенциальное поле применения контент-анализа – изучение феноменов, к которым, как в случае с военной стратегией противника, у исследователя нет прямого доступа.¹⁸⁷

Данная особенность контент-анализа во многом обусловила его востребованность среди специалистов самых разных направлений – психологов, антропологов, лингвистов, социологов, историков. В конце 1950-х гг. развитие компьютерных технологий приводит к первым попыткам автоматизации контент-анализа. В скором времени энтузиазм по поводу автоматизированной обработки текстовых данных становится настолько велик, что научное сообщество видело единственным препятствием на пути его развития необходимость разработки более сложных алгоритмов.¹⁸⁸ Впрочем, даже в 2002 г. – десятилетия спустя после первых попыток применить компьютерные технологии в целях контент анализа – К. Нойендорф пишет, что полноценный анализ не текстовых материалов по-прежнему требует высокой вовлеченности самого исследователя.¹⁸⁹ Аналогичное верно и для текстовых данных: как отмечает А. Саймон, основным недостатком компьютерного анализа является то, что «компьютер попросту не способен понять человеческий язык во всем его богатстве, в его сложности и нюансах, как то делает человек-кодировщик».¹⁹⁰

В начале XXI века – по мере все более глубокой информатизации общества – анализ текстовых данных претерпевает заметные изменения. Становящийся повсеместным доступ к сети Интернет приводит к тому, что количество данных, имеющих в распоряжении исследователей, возрастает в геометрической прогрессии. Более того, все большую долю этих данных составляют материалы социальных сетей – неструктурированные данные, исходящие, в отличие от традиционных материалов СМИ, одновременно от множества пользователей. В результате исследователи все чаще обращаются к нативным технологиям, специально

---

¹⁸⁷ Ibidem. P. 8-10

¹⁸⁸ Ibidem. P. 13

¹⁸⁹ Neuendorf K. The Content Analysis Guidebook. Sage Publications, 2002. P. 126

¹⁹⁰ Op. cit: Lewis S., Zamith R., Hermida A. Content Analysis in an Era of Big Data: A Hybrid Approach to Computational and Manual Methods // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2013. 57(1). P. 38

заточенным под работу с определенными платформами, для отбора релевантного «среза» данных. Компьютерные технологии могут применяться для первичной классификации данных (к примеру, отделить оригинальный контент от т. н. «репостов»), однако современные технология по-прежнему не позволяют искусственному интеллекту считывать социокультурные контексты с эффективностью, присущей человеческому интеллекту, а потому интерпретация полученных данных невозможна в автоматическом режиме без участия исследователя.¹⁹¹

К. Нойендорф подчеркивает множественность методов исследования текста и некорректность использования термина «контент анализ» в качестве общей характеристики. К числу инструментов, применяемых по отношению к текстам, относят, к примеру, риторический анализ, фокус внимания которого сосредоточен не на том, что говорится в тексте, но на способе донести это сообщение посредством определенной структуры и средств выразительности. Нарративный анализ направлен на выявление характеристик, присущих упоминаемым в тексте личностям – и применяется для поиска характерных ролей и сценариев, присущих определенным видам текста. При помощи дискурс-анализа, ставшего популярным аналитическим инструментом в конце XX века, исследователи пытаются проследить комплексные процессы конструирования значений – и таким образом выявить то, как властные отношения и идеологические конструкты находят свое отражение в языке. Концептуально близким к нему методом является критический анализ текстов, широко применяемый для деконструкции транслируемых средствами массовой информации образов и ролей. Семиотический анализ, призванный выявить скрытые, неявные характеристики символов, вводит более широкое понимание текста, охватывающее в том числе звуковые, визуальные, видеографические материалы.¹⁹² Наконец, контент-анализ – и здесь мы обратимся к удачному, на наш взгляд, определению Л. Я. Аверьянова – занимается «анализом статистических закономерностей частотного распределения смысловых единиц в тексте».¹⁹³

Первоочередные этапы, которые проходит исследователь, избравший контент-анализ в качестве своего инструмента, не являются специфичными именно для этого метода. Так, пишет К. Нойендорф, первоначально требуется сформулировать исследовательский вопрос и гипотезу. Следующий этап – концептуализация, т. е. определение базовых для исследования понятий.¹⁹⁴ Л. Я. Аверьянов называет их признаками, где признак понимается как особый класс свойств и функций объектов. «Когда человек внимательно читает текст, то он старается, чаще всего интуитивно, установить частотное распределение того или иного признака и тем самым сделать

---

¹⁹¹ Ibidem. P. 39-45

¹⁹² Neuendorf K. Ibidem. P. 5-9

¹⁹³ Аверьянов Л. Я. Контент-анализ. М.: РГИУ, 2007. С. 17

¹⁹⁴ Ibidem. P. 50

вывод, о каком сущностном явлении в тексте идет речь», – отмечает социолог.¹⁹⁵ Формулируя базовые для своего исследования понятия, исследователь учитывает также синонимы, обрисовывая нечто вроде концентрических кругов в рамках понятийного поля. При этом в качестве признака может выступать отдельное слово, словосочетание либо некая распределенная по тексту смысловая характеристика.¹⁹⁶

В дальнейшем исследователь приступает к процессу операционализации, т. е. устанавливает, каким именно образом кодировщик будет соотносить анализируемый текст с базовыми категориями, отобранными на предыдущем этапе. Согласно Л. Ньюману, в основе системы кодирования могут лежать следующие характеристики: частота (к примеру, частота упоминания определенного предмета), направленность (позитивный/негативный, подтверждающий/опровергающий характер сообщений внутри текста), интенсивность (смягчение/усиление смыслового содержания сообщения), пространство (объем сообщения относительно текста в целом). Л. Ньюман выделяет два основных вида кодирования: манифестное, учитывающее простой факт появления некоего слова или фразы в тексте, без учета контекста, и латентное, направленное на выявление имплицитного содержания сообщений. Использование латентного кодирования позволяет преодолеть поверхностность, априори присущую манифестному кодированию, однако обладает меньшей степенью надежности: так, контекстуальная интерпретация отдельных сообщений в высокой степени зависит от того, насколько исследователь владеет языком и принятыми в определенном сообществе значениями.¹⁹⁷

К. Нойендорф приводит обширную классификацию факторов, снижающих надежность анализа: от неверной интерпретации со стороны кодировщика (т. е. ситуаций, когда кодировщик не осознает, что тот или иной элемент следовало бы интерпретировать определенным образом) до невнимательности и случайных ошибок. В отдельных случаях причиной повторяющихся ошибок может являться осознаваемая или неосознанная предвзятость кодировщика, склонного к определенной интерпретации.¹⁹⁸ Стремясь обеспечить надежность анализа и избежать описанных искажений, исследователи разрабатывают строгие схемы кодирования, допускающие воспроизведение анализа силами стороннего наблюдателя. Кроме того, благоприятное влияние на надежность исследования оказывает увеличение числа кодировщиков: в ситуации, когда текст

---

¹⁹⁵ Аверьянов Л.Я. Указ. соч. С. 162

¹⁹⁶ Там же. С. 176

¹⁹⁷ Ньюман Л. Неопросные методы исследования // Социология за рубежом. 1998. С. 119-129. С. 122-123

¹⁹⁸ Neuendorf K. Ibidem. P. 112

прорабатывает сразу несколько исследователей, сокращается роль субъективных факторов, неосознаваемой предвзятости.¹⁹⁹

В рамках настоящей работы обращение к методу контент-анализа во многом обусловлено стремлением охватить как можно больший пласт данных, отражающих особенности публичной коммуникации «Австрийской партии свободы» и «Альтернативы для Германии». Так, к числу отобранных материалов относятся не только программные документы партий (ограниченные в своем масштабе тексты, поддающиеся, в частности, дискурс-анализу и риторическому анализу), но и материалы социальных сетей, совокупный объем которых превышает возможности ручного анализа и требует обращения к автоматизированным инструментам. При этом сама по себе опора на продуцируемые акторами тексты как источник сведений об их идентификации является логичным в контексте избранной нами конструктивистской рамки исследования. Приняв пресуппозицию, что социальная реальность не обладает объективными значениями, мы стремимся понять правила и ценности, определяющие поведение акторов, через производимые ими тексты.

---

¹⁹⁹ Ibidem. P. 142

3. Австрийские и немецкие правые популисты: анализ национальных кейсов

Несмотря на лингвистическую общность и наличие многочисленных пересечений в историческом опыте двух стран, говорить о пространстве Германии и Австрии в политическом ключе не принято. Приведенные в изданной в середине XIX века «Практической немецкой национальной экономике» слова З. Вайсса о «способности Германии и Австрии взаимно обогатить друг друга в экономическом и политическом смысле»²⁰⁰ уже не могут быть восприняты нейтрально после аншлюса Австрии гитлеровской Германией. Большинство немецкоязычных работ, в которых обсуждается общий опыт двух стран, а также сопоставляется их политический и социально-экономический климат, относятся к периоду 1990-х-2000-х гг. Очевидно, свою роль в наблюдаемом ослаблении табуированности темы сыграли окончание «холодной войны», объединение Германии и последующее углубление интеграционных процессов. Новый мировой порядок уже не определялся Второй мировой войной в той мере, как прежний, что способствовало переосмыслению самой нанесенной войной травмы.

Между тем, само представление о значимости лингвистического компонента в формировании наций восходит к XVIII веку. Данная концепция встречается, к примеру, у И. Г. Гердера, полагавшего язык – наряду с общностью исторического опыта и культуры – одной из основ народного самосознания. Особый интерес философ испытывал к «народным песням» – фольклору народов мира, воплощавшему коллективную память этносов.²⁰¹ Следует отметить, что И. Г. Гердер представлял целое поколение немецкоязычной интеллигенции второй половины XVIII века, стремившееся отказаться от французских литературных канонов и вдохновлявшееся в своем творчестве германской мифологией и фольклором. По мнению О. Данна, именно из этого движения выросло представление «ведущих слоев гражданского общества» о собственных культурных интересах и особенностях, но также и своих отличиях от правящих элит.²⁰²

Так или иначе, «эпоха гениев» стала лишь одной из стадий длительного процесса формирования немецкой общности, во многом направлявшегося не культурными, но внутри- и внешнеполитическими событиями. Значимые вехи данного процесса обозначаются авторами по-разному. Так, Э. Фри пишет об особой роли Семилетней войны (1756–1763) в становлении прусской идентичности в ее увязке с военным делом. С этого момента, полагает автор, среди аристократии складывается особый тип военного патриотизма, а среди других народов Европы – представление о Пруссии как родине наиболее искусных военных.²⁰³ В свою очередь,

²⁰⁰ Weiss S. Die praktische Deutsche Nationalökonomie in Verbindung mit ihrer Politik. Leipzig : Fernau, 1852. S. 50

²⁰¹ Glaser R. Aspekte der Herder-Rezeption in der deutschen Volkskunde // Ethnologia Europaea. 1994. 24 (2). S. 134

²⁰² Данн О. Нации и национализм в Германии. 1770-1990. СПб : Наука, 2003. С. 49-50

²⁰³ Frie E. Preußische Identitäten im Wandel (1760-1870) // Historische Zeitschrift. 2001. 272(2). S.356-360

Г. С. Рагозин говорит об особом влиянии наполеоновских войн на становление субъектности австрийского народа: согласно его тезису, именно в этот период Габсбургская монархия впервые допустила расцвет национального патриотизма, на время прекратив попытки заместить его имперским патриотизмом.²⁰⁴

Наконец, ключевое значение имеют процессы середины и особенно второй половины XIX века, сопровождавшие объединение Германии. По мнению историка Р. Остенсена, к 1840-м гг. отчетливо формулируется расхождение между позициями Австрии и Пруссии по отношению к германскому вопросу, влияние которого прослеживается в течение многих последующих десятилетий. Австрия во главе с Меттернихом встает на позицию *Einigkeit ohne Einheit* (единство без объединения), Пруссия – окончательно приходит к идее *Einheit* (объединения), подразумевавшей создание единого германского государства. Следствием последнего, пишет Р. Остенсен, стала не только экспансионистская политика Пруссии, но и (последовавшее за успешной экспансией) стремление представлять германскую историю XVIII-XIX вв. именно как прусскую историю, находившее свое отражение в том числе в работах историков второй половины XX века.²⁰⁵

В конце XIX-начале XX вв. среди исключенных из процесса германского национального строительства немцев Австро-Венгрии начинает усиливаться тезис о единстве немецкой нации. По мнению А. Дж. П. Тейлора, подобные идеи подпитывал тот факт, что австрийские немцы фактически оказались проигравшими в своей стране – по мере того, как другие народы империи укреплялись в своем национальном осознании, немецкое население, прежде находившееся на привилегированном положении, чувствовало себя преданным собственными элитами.²⁰⁶ В то же время отношение германских немцев к Австрии было неоднозначным: согласно замечанию Я. Вермейрена, хотя элиты публично и заявляли о прочных этнокультурных связях, общности языка и исторической памяти, включение Австрии в состав Германской империи не рассматривалось как целесообразные – слишком многочисленны были бы вопросы, порожденные таким поглощением. Помимо формальных вопросов устройства будущего государства (к примеру, выбора правящей династии) на повестке дня оказалось бы изменение соотношения сил внутри страны: включение католической Австрии значительно укрепило бы

²⁰⁴ Рагозин Г. С. Австро-прусский дуализм в Германии, 1763-1866 гг.: идеологический аспект : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Архангельск, 2018. С. 111-120

²⁰⁵ Austensen R. A. "Einheit oder Einigkeit"? Another Look at Metternich's View of the German Dilemma // German Studies Review. 1983. 6(1). P. 41-57

²⁰⁶ Taylor A. J. P. The Habsburg Monarchy, 1809-1918 : A History of the Austrian Empire and Austria-Hungary. London: Hamish Hamilton, 1976. P.160-161

положение южных земель и, следовательно, поставило бы под вопрос политическое и социально-экономическое преобладание протестантской Пруссии.²⁰⁷

Окончание Первой мировой войны и распад Австро-Венгрии нанесли серьезный удар по австрийским немцам. «Говоря словами французского премьер-министра Жоржа Клемансо, Австрия представляла собой оставшуюся часть [империи]», – пишет историк М. Раухенштайнер, – однако этот исход не соответствовал представлениям австрийских немцев, бывшей доминирующей нации империи, о собственном месте в Европе.²⁰⁸ Как работавшие в Австрии немецкие дипломаты (указывавшие на якобы сложившийся общественный запрос на объединение), так и немецкое военное руководство (рассматривавшее возможное приращение территории в качестве способа обеспечения безопасности страны) активно поддерживали тезис о нежизнеспособности Австрии. Впрочем, пишет историк А. А. Борисова, широкие круги австрийского населения не испытывали явного воодушевления по поводу объединения: сказывался и негативный опыт сотрудничества в период войны, и страхи промышленников перед конкуренцией, и недоверие католического населения к соседям-протестантам.²⁰⁹

В 1920-е-1930-е гг. в работах немецких историков все чаще звучит тезис об особом пути германской нации. Особенно выделяются работы Х. Р. фон Србика, разработавшего концепцию общегерманского (*gesamtdeutsch*) развития нации. Данная концепция противопоставлялась как малогерманскому (*kleindeutsch*) сценарию, т. е. развитию немецкой нации в границах Германской империи 1871 г., так и большегерманскому (*großdeutsch*), включавшему все земли, входившие в Германский союз накануне 1866 г. – с приданием особой роли Австрии. Общенемецкий путь подразумевал перенесение акцента с государства на нацию, формируемую по лингвистическому и культурному признаку. Германская нация, полагал фон Србик, является единственной нацией, которая проживает на большей части Центральной Европы, пусть и не всегда является доминирующей на конкретных территориях. Исходя из этого, фон Србик наделяет немецкую нацию особой исторической миссией по объединению Центральной Европы.²¹⁰

Меж тем, как пишет В. Блази, в межвоенный период австрийское общество переживало раскол: на первый план выходят не государственные и национальные, а партийные

²⁰⁷ Vermeiren J. The First World War and German National Identity: The Dual Alliance at War. Cambridge University Press, 2016. P. 30-34

²⁰⁸ Rauchensteiner M. Der „Rest“ // Die Anfänge der Republik Österreich im internationalen Kontext. Wien: Österreichische Nationalbibliothek, 2018. S. 13

²⁰⁹ Борисова А. А. Австро-Германские дипломатические контакты по вопросу создания великогерманского государства 1918-1919 гг. // Вестник ВГУ, Серия: История. Политология. Социология. 2006, № 2. С. 15-23

²¹⁰ Ross R. J. Heinrich Ritter von Srbik and "Gesamtdeutsch" History // The Review of Politics. 31 (1). P. 89-92

идентичности, возникают многочисленные негосударственные военные формирования.²¹¹ Любопытна оценка состояния австрийского общества накануне аншлюса, даваемая историком Э. Б. Баки. Согласно имеющимся в его распоряжении данным, число сторонников национал-социализма достигало не более трети населения. Тем не менее, по-настоящему воспринимали Австрию как отдельную нацию лишь коммунисты: социал-демократы, хотя и сопротивлялись национал-социализму, видели в возможном воссоединении с Германией путь к общенемецким революционным преобразованиям, а христианско-социальная партия рассматривала Австрию как часть единого религиозного пространства.²¹² В свою очередь, историк Г. Бишоф в своей работе «Австрия в Первой «холодной войне», 1945-1955», цитируя американского консула в Вене, отмечает, что накануне плебисцита аншлюс поддерживало 25% австрийцев, еще 25% относилось к объединению с Германией негативно, оставшаяся половина была скорее безразлична. По всей видимости, утверждает Г. Бишоф, подобное безразличие было порождено желанием просто прожить свою жизнь, абстрагировавшись от политики; на протяжении жизни этих людей неоднократно происходила смена власти, и они просто приспособивались к нему. Акцентируя внимание на внутривнутриполитических факторах, исследователь, впрочем, не отрицает решающей роли международного контекста – именно молчание великих держав во многом сделало аншлюс возможным и неизбежным.²¹³

Соответствующие события сделали статус Австрии после окончания Второй мировой войны двояким: с одной стороны, речь шла о территории, освобожденной от гитлеровской Германии, с другой – о ее составной части. Процесс формирования австрийской национальной идентичности в новых условиях оказался непростым. Согласно данным опросов, в 1956 г. лишь 49% населения полагало, что австрийцы являются отдельным народом, 46% придерживались точки зрения, что австрийцы принадлежат к немецкому народу (для сравнения: к 1980 г. уже 67% утверждало, что австрийцы являются отдельной нацией и 19% – что австрийцы медленно начинают чувствовать себя отдельной нацией).²¹⁴ Учитывая данный контекст, появление в австрийском политическом поле «Австрийской партии свободы», указывавшей на искусственность границы между немецким и австрийским народами, представляется логичным.

В условиях блокового противостояния австрийская сторона проявляла благожелательную осторожность при взаимодействиях с западногерманскими коллегами. Сближение Бонна с

---

²¹¹ Blasi W. Der bedrohte Staat. Über rivalisierende Wehrverbände, ein ausgehöhlttes Gewalt-monopol und die latente Bürgerkriegsgefahr in der Ersten Republik // SIAK-Journal – Zeitschrift für Polizeiwissenschaft und polizeiliche Praxis. 2015. №2. S. 88-90

²¹² Bukey E. B. Hitlers Österreich. Hamburg: Europa Verlag GmbH, 2006. S. 50-63

²¹³ Bischof G. Austria in the First Cold War, 1945–55: The Leverage of the Weak. Palgrave Macmillan, 1999. P. 9-10

²¹⁴ Weinzierl E. Meilsteine auf dem Weg zur österreichischen Nation [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://politicum.at/wp-content/uploads/2015/02/politicum_13.pdf S. 18

Западом открывало, как представлялось в Вене, хорошие перспективы для безопасности Австрии. Австрийское руководство опасалось демонстрировать свое положительное отношение к новой Германии слишком открыто, полагая, что советская сторона может воспринять это как попытку нового аншлюса и предпринять попытку разделить Австрию, как то произошло с Германией. В то же время, как свидетельствуют комментарии австрийского министра иностранных дел К. Грубера, в 1953 г. австрийское правительство полагало, что Бонн по-прежнему видит сценарий объединения с Австрией в качестве желательного.²¹⁵

Несмотря на то, что после Второй мировой войны тематика аншлюса и единства австрийского и немецкого народов была табуирована, подобные опасения нельзя назвать абсолютно беспочвенными. Как замечает М. Эллисон, о глубине непризнания Германией послевоенного положения свидетельствует тот факт, что вплоть до начала 1970-х гг. ежегодные статистические отчеты, выпускаемые государственными ведомствами ФРГ, содержали данные не только по территориям, перешедшим к ГДР, но и по отчужденным от Германии землям. ФРГ полагала себя единственным законным государством немцев – тезис, воплощенный в т. н. доктрине Хальштейна, направленной на изоляцию Восточной Германии, а также в подходе к предоставлению гражданства этническим немцам, переселявшимся в ФРГ.²¹⁶

Согласно многочисленным стенограммам переговоров австрийских должностных лиц, вплоть до 1980-х гг. в Вене не верили в возможность воссоединения Германии в обозримом будущем. Следуя в фарватере политики ФРГ, Австрия вплоть до 1972 г. не устанавливала дипломатических отношений с ГДР – несмотря на то, что на территории последней проживало порядка 20 тысяч австрийских граждан. Как отмечают М. Гейлер и М. Граф, Советский Союз не оказывал жесткого давления на Австрию в этом направлении, ограничиваясь лишь устными призывами признать восточногерманское государство. Куда более жестким был подход Москвы к возможному участию Австрии в интеграционных процессах: согласно позиции Советского Союза, подобный шаг следовало бы трактовать как нарушение статьи 4 Договора о восстановлении Австрии, запрещавшей действия, направленные на объединение с Германией.²¹⁷

Подобное заявление основывалось на идее, что Германия, в сущности, играет доминирующую роль в процессах европейской интеграции. Несмотря на то, пишет Х. фон Рикхофф, что Австрия вынуждена была считаться с этим подходом, к середине 1980-х гг. экономическое давление в пользу присоединения к Европейским сообществам становится особенно сильным. Среди всех нейтральных стран Европы Австрия имела наибольшую долю

---

²¹⁵ Gehler M., Graf M. Österreich und die deutsche Frage 1987–1990. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2018. S. 14-15

²¹⁶ Allison M. Germany and Austria 1814-2000. Routledge, 2013. P. 181

²¹⁷ Gehler M., Graf M. Ibidem. S. 23-36

экспорта, завязанную на страны Сообществ. Кроме того, утверждает Х. фон Рикхофф, участие в общеевропейских процессах начинает в этот период восприниматься как один из составных элементов безопасности. Сторонники присоединения к Сообществам указывали, что сотрудничество ограничивается экономической и политической областями, а ключевые решения принимаются единогласно – что позволит Австрии сохранить нейтральный статус; противники возражали, что технически необязательные решения большинства на практике зачастую навязываются меньшинству, а граница между политическим и военным сотрудничеством весьма условна.²¹⁸

Решающим в определении будущей судьбы Австрии становится период окончания «холодной войны». Как замечают М. Гейлер и М. Граф, Вена до последнего очень сдержанно смотрела на перспективы скорого объединения Германии: даже после падения Берлинской стены канцлер Вранцицкий акцентировал внимание на определяющей роли общеевропейского политического контекста, т. е. воли держав-победительниц. Лишь убедившись, что позиция Советского Союза по Германии изменилась, Австрия окончательно утверждает в своей поддержке процессов объединения. По мнению М. Гейлера и М. Графа, на фоне происходящих изменений перспективы скорого присоединения к Европейским Сообществам начинают восприниматься в Вене как реальные, отсюда – стремление заручиться поддержкой объединенной Германии как ключевого члена Сообществ.²¹⁹ Таким образом, дискуссия о немецкой нации (и тематика аншлюса как один из ее компонентов) уходит из австрийской политики после окончания «холодной войны».

В то же время, пишет О. Данн, начиная с 1990-х гг. политику в Германии перестает формировать старшее поколение, взгляды которого сформировались под влиянием того понимания нации, которое сложилось в Германской империи.²²⁰ Для большинства населения Германии в этот период «проблемами нации» становятся вопросы выравнивания между восточно- и западногерманскими землями, а также взаимодействия с переселенцами из восточноевропейских государств, формально являющихся немцами, однако зачастую не владеющими немецким языком. Уже в 2000-е гг. – по мере того, как немецкая иммиграция превысит потоки переселенцев – сместятся и акценты в выступлениях тех сил, для которых категория «нация» остается значимым политическим инструментом.

---

²¹⁸ von Riekhoff H. *Unequal Partners: A Comparative Analysis of Relations Between Austria and the Federal Republic of Germany and Between Canada and the United States*. Routledge, 2019. P. 175-177

²¹⁹ Gehler M., Graf M. *Austria, German Unification, and European Integration: A Brief Historical Background* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wilsoncenter.org/publication/austria-german-unification-and-european-integration-brief-historical-background>

²²⁰ Данн О. Указ. соч. С. 369

***

Оглядываясь на события, сопровождавшие появление германского и австрийского паттернов национальной самоидентификации в их нынешнем виде, мы не раз сталкиваемся с риторикой, напоминающей выступления современных правых популистов. Так, представление об униженном положении немецкого народа, обладающего, меж тем, «особым внутренним духом» прослеживается по крайней мере с 1760-х гг.; тезис о моральном упадке аристократии и величии народа активно воспроизводится интеллигенцией в период Наполеоновских войн; в последней трети XIX в. множатся локальные патриотические общества, стремящиеся воссоздать исконные народные песни, сказания, традиции – и тем самым приблизиться к мифическому «благополучному прошлому», воспеваемому и современными правыми популистами.

Тем не менее, события XX века привели к глубокому расхождению паттернов национальной идентификации австрийцев и немцев. Как будет подробнее продемонстрировано в разделе 4.2, риторике «Альтернативы для Германии» и «Австрийской партии свободы» в ее нынешнем виде свойственна определенная размытость в восприятии прошлого. Понятие «народ» хотя и увязывается немецкими и австрийскими правыми популистами с европейской и христианской традициями, однако не формулируется в терминах «великой немецкой нации». Правопопулистские силы по обе стороны границы не претендуют на какую-либо особую роль немецко-австрийских отношений; выбирая их в качестве объекта исследования, мы стремимся особо подчеркнуть, что взаимодействия между ними не следует воспринимать как попытки возродить старые тезисы о трансграничном немецком единстве. Тем не менее, выбор данных национальных кейсов не является простым выбором двух соседних европейских стран. Как будет показано далее, членов партий объединяют многочисленные личные официальные и неофициальные контакты. Кроме того, избрав в качестве объекта анализа партии двух немецкоязычных стран, мы несколько облегчаем свою задачу: анализируя и сопоставляя риторику партий, мы можем обойтись без перевода, неизменно приводящего к утрате части смысловых слоев.

3.1 Правый популизм в Германии: основные этапы развития

Несмотря на замечание Ф. Декера о «вакууме, существовавшем в правопопулистском поле ФРГ до «Альтернативы для Германии»²²¹, представляется, что лозунги, так или иначе созвучные риторике партии, использовались немецкими политиками и ранее. Пополнение пула идей

---

²²¹ Decker F. The «Alternative for Germany». Factors Behind its Emergence and Profile of a New Right-wing Populist Party // German Politics and Society. 2016. Issue 119. Vol. 34. No. 2. P. 1

происходило, прежде всего, силами тех, кого в литературе традиционно называют «правыми радикалами». Первые попытки переосмыслить праворадикальные идеи в новом ключе предпринимаются в ФРГ непосредственно в послевоенные годы. Так, в результате региональных выборов 1951 г. в Нижней Саксонии 11% голосов завоевала «Социалистическая имперская партия» (*Sozialistische Reichspartei*), указывавшая в своей программе как на «роковую роль евреев в общественной жизни», так и на «продажность демократической партийной системы». В 1952 г. данная партия была запрещена – что, по мнению Р. С. Тарасенко, стало своеобразным сигналом о недопустимости прямой ориентации на идеологию национал-социализма.²²²

В 1964 г. раздробленные праворадикальные силы объединяются, чтобы создать «Национал-демократическую партию Германии» (*Nationaldemokratischen Partei Deutschlands*). Анализируя социальные характеристики группы избирателей, поддерживавших за НДПГ, немецкий исследователь Р. Штёсс отмечает присущую ей неоднородность. Свои голоса за НДПГ отдавали как рабочие, так и предприниматели – однако наибольшую популярность, утверждает Р. Штёсс, партия имела в среде лиц, не принадлежащих крупным социальным объединениям (церкви, профсоюзу и т. п.). Кроме того, исследователь отмечает, что «национал-демократы» получали бóльшую поддержку среди необразованного населения.²²³ Как и современная нам «Альтернатива для Германии», НДПГ нарушала существовавшие в свое время дискурсивные табу: так, в «Манифесте НДПГ» 1967 г. речь шла о необходимости пересмотреть тезис о коллективной вине немцев за развязывание Второй мировой войны. Помимо этого, утверждалась важность проведения независимой от великих держав внешней политики; укрепления роли государства во внутренней политике; поддержки немецких (а не иностранных) рабочих; защиты молодежи как от коммунизма, так и от «тлетворного влияния окружающей среды». Естественность неравенства постулировалась через печально известное «*Jedem das Seine*» («Каждому свое», немецкий перевод латинского выражения, написанного над входом в концентрационный лагерь Бухенвальд).²²⁴

Как отмечает Р. Штёсс, в качестве одной из причин, приведшей к сокращению избирательной поддержки НДПГ, можно назвать поляризацию политического пространства ФРГ на рубеже 1960-1970-х гг. Так, в то время как на выборах 1969 г. партия получила 4,3% голосов, уже в 1972 г. их число упало до 0,6%.²²⁵ Напомним, в начале 1970-х гг. политические дебаты

²²² Тарасенко Р.С. Соотносимость понятий «крайне правые» и «фашизм» в современном политологическом и политическом дискурсах // Праворадикальные политические партии и движения современной Европы / под ред. Барыгина И.Н. СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2011. С. 32-33

²²³ Stöss R. Rechtsextremismus im Wandel. Bonn: Bonner Universitäts Buchdruckerei, 2010. S. 76

²²⁴ Dudek P., Jaschke H.-G. Entstehung und Entwicklung des Rechtsextremismus in der Bundesrepublik: zu Traditionen einer besonderen politischen Kultur. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984. S. 300-301

²²⁵ Stöss R. Ibidem

между христианскими демократами и социал-демократами преимущественно разворачивались вокруг «новой восточной политики» Вилли Брандта: находившиеся тогда в оппозиции ХДС/ХСС опасались, что складывавшаяся система договоров лишь закрепит разделенный статус Германии.²²⁶ В результате расхождение основных сил стало более видимым; слоган «*Man kann wieder wählen*» («Вы вновь можете выбирать»), обеспечивший успех НДПГ в 1969 г.²²⁷, утратил свой смысл. Свою роль сыграли и растущие внутренние противоречия, быстро сменившие первоначальную эйфорию внутри партии.

На фоне сформировавшегося замешательства условно «конвенциональных» (т. е. работающих в партийном поле) правых сил возрастает активность групп, приемлющих радикальные методы борьбы: «Фронта действия национал-социалистов» (*Aktionsfront Nationaler Sozialisten*), «Народно-социалистического движения Германии» (*Volkssozialistische Bewegung Deutschlands*) и т. п.²²⁸ Деятельность соответствующих сил отличалась заметно бóльшей антисистемностью: вновь звучат неонацистские лозунги, призывы к «революции» и «установлению национал-социализма» – логично приводившие к запретительным мерам со стороны федерального правительства.²²⁹ Тем не менее, несмотря на некоторое перетекание кадров между «структурами партии» и «группами улицы», фиксируемое по биографиям отдельных лиц²³⁰, представляется возможным применить к западногерманскому контексту замечание Р.С. Тарасенко, сделанное им относительно иных западноевропейских сил: к концу 1970-х гг. крупнейшие радикально националистические партии соглашаются принять существующие правила игры, дабы не остаться маргинальными силами.²³¹

В начале 1980-х гг. НДПГ предпринимает попытку восстановить прежний авторитет, обратившись к новой для ФРГ миграционной повестке. В 1980 и 1982 гг. партия основывает региональные инициативы против иммиграции в Северном Рейне-Вестфалии, Киле и Гамбурге.²³² Однако добиться нового всплеска популярности не удалось; в отличие от Германии 2000-х гг., ФРГ начала 1980-х гг. официально не признавала себя страной иммиграции.²³³ Тема иммиграции еще не стала табуированной и не приобрела первостепенного значения для

²²⁶ Wettig G. Alois Mertes und die Haltung der CDU/CSU zu den Ostverträgen der sozialliberalen Bundesregierung [Электронный ресурс] // НРМ Heft. 2009. 16. Режим доступа: <http://www.kas.de/wf/de/33.19194/> S. 199-200

²²⁷ Mudde C. *The Ideology of the Extreme Right*. Manchester: Manchester University Press, 2013. P. 27

²²⁸ Stöss R. *Ibidem*. S. 77

²²⁹ Pfahl-Traugber A. *Rechtsextremismus in der Bundesrepublik*. München: Beck, 2006. S. 55-56

²³⁰ Grumke T., Wagner B. *Handbuch Rechtsradikalismus: Personen – Organisationen – Netzwerke vom Neonazismus bis in die Mitte der Gesellschaft*. Opladen: Leske + Budrich, 2002. S. 233-349

²³¹ Тарасенко Р. С. Указ. соч. С. 34

²³² Mudde C. *Ibidem*. P. 29

²³³ Bade K. J. *Migration, Flucht, Integration. Kritische Politikbegleitung von der ‚Gastarbeiterfrage‘ bis zur ‚Flüchtlingskrise‘*. Karlsruhe: Loeper Literaturverlag, 2017. S. 27

немецкого общества – следовательно, обращение к ней в рассматриваемый период еще не могло предоставить популистским силам какого-либо решающего преимущества.

Между тем, процесс образования партий в правой части политического спектра отнюдь не остановился. В 1983 г. от ХСС откалывается группа политиков, основавших «Республиканскую партию» (*Die Republikaner*). Хотя формальным поводом к расколу послужило недовольство части членов ХСС выделением крупного кредита Восточной Германии, исследователи полагают, что истинную причину следует искать в федеральных (а не региональных) амбициях отдельных представителей партии.²³⁴ Будущий курс «Республиканцев» быстро становится предметом внутренних споров. Так, первый председатель партии – Франц Хандлос – выступал за сохранение программы ХСС, тогда как часть «Республиканцев» во главе с Францем Шёнхубером поддерживала широкое включение в партию радикальных правых и ее дальнейшую трансформацию по образцу французского «Национального фронта».²³⁵

Базовым пунктом программы «Республиканцев» с середины 1980-х гг. становится «декриминализация немецкой истории», т. е. отказ от чувства вины за развязывание Второй мировой войны, формировавшего немецкую идентичность на протяжении всего послевоенного периода. Впрочем, по-настоящему высокой популярности «Республиканцы» достигли благодаря обращению к теме, безуспешно поднимавшейся НДПГ в начале десятилетия – иммиграции. Рекламный ролик с играющими турецкими детьми, вышедший в рамках берлинской предвыборной кампании 1989 г., привлек к «Республиканцам» внимание всей страны – в результате партия неожиданно для аналитиков получила 7,5% голосов. В скором времени партия сумела повторить успех уже на европейских выборах, получив более двух миллионов голосов (7,1%).²³⁶

Следует отметить, что «Республиканцы» были не единственной радикально правой партией, выдвигавшейся на европейских выборах 1989 г. Более 400 тыс. голосов (1,6%) избирателей было отдано за «Немецкий народный союз» (*Deutsche Volksunion*) – основанную в 1987 г. партию, выступавшую за «ограничение потока иностранцев». Наконец, чуть меньше 20 тыс. голосов (0,1%) на европейских выборах завоевала ультраправая «Свободная немецкая рабочая партия» (*Freiheitliche Deutsche Arbeiterpartei*).²³⁷ Несмотря на прочно закрепившийся за

²³⁴ Pfahl-Traugber A. Ibidem. S. 31

²³⁵ Schellenberg B. Die Republikaner // Handbuch des Antisemitismus. Judenfeindschaft in Geschichte und Gegenwart. Band 5: Organisationen, Institutionen, Bewegungen / Benz W. 2012. S. 536-538

²³⁶ Kailitz S. Die Deutsche Volksunion und die Republikaner: Vergleichende Betrachtungen zur Entwicklung und zum ideologischen Profil // Strategien der extremen Rechten: Hintergründe – Analysen – Antworten / Braun S., Geisler A., Gerster M. Springer-Verlag, 2009. S. 116

²³⁷ Europawahl 1989. Wahl zum 3. Europäischen Parlament am 18. Juni 1989 [Электронный ресурс] // Der Bundeswahlleiter. – Режим доступа: <https://www.bundeswahlleiter.de/europawahlen/1989.html>

«Республиканцами» образ неонацистской силы, лозунги из их предвыборного ролика едва ли удивят современного наблюдателя. «Мы требуем следующего. Во-первых, сохранения самостоятельных наций. Во-вторых, принятия последовательных законов против мнимых беженцев, наркотрафика, преступников-иммигрантов. В-третьих, создания рабочих мест в собственной стране. В-четвертых, сохранения национального сельского хозяйства для поддержания своего народа. В-пятых, последовательной защиты окружающей среды с введением строгих наказаний за нанесение ей вреда. Мы выступаем за Европу с равными правами и обязанностями, а не ту Европу, где некоторые платят за всех».²³⁸

Рассмотренная программа на удивление созвучна не только другим правым программам того времени (чем, вероятно, и объясняется ограниченный успех СвНРП), но и лозунгам, которые будут сформулированы праворадикальными партиями середины 2000-х гг. – тем более интересно проследить, как менялся социальный состав соответствующего электората. По данным, имеющимся в распоряжении немецкого исследователя Р. Штёсса, до половины избирателей, поддержавших в 1989 г. одну из крайне правых сил, ранее голосовали за христианских демократов либо христианских социалистов. Две трети избирателей отличались низкой образованностью; большинство из них составляли рабочие и фермеры. С некоторыми оговорками особенно подверженными «праворадикальной пропаганде» Р. Штёсс называет также практикующих католиков.²³⁹

Объединение Германии оказало двоякое влияние на развитие крайне правых партий. С одной стороны, правые партии получили возможность заполнить идеологический вакуум, образовавшийся в ГДР после падения коммунистического режима. Известны случаи нападения правых радикалов на беженцев в Хойерсверде и Ростоке (территория бывшей ГДР).²⁴⁰ С другой стороны, статистика популярности крайне правых политических партий, систематизированная Ш. Кайлитцем, наглядно демонстрирует «провал» 1990-1991 гг.²⁴¹, отчасти объясняющийся замешательством правых сил, не способных быстро приспособить свои программы к изменившемуся политическому ландшафту.

Относительно мало внимания в литературе уделяется реакции крайне правых партий на новое явление миграционной политики 1990-х гг. – а именно массовое прибытие «поздних переселенцев». Прибытие в страну «русских немцев» кардинально отличалось от иных типов

---

²³⁸ Europawahl 1989: Werbespot FAP [Видеозапись] // YouTube. – 2011. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=7cNVKyoTJco>

²³⁹ Stöss R. Ibidem. S. 80-81

²⁴⁰ Schellenberg B. Ibidem. S. 45

²⁴¹ Kailitz S. Ibidem. S. 112, 117

иммиграции. Так, в отличие от иных иностранцев, репатрианты получили право на посещение курсов немецкого языка, налоговые льготы, «интеграционные пособия», а также государственное содействие в трудоустройстве.²⁴² Считается, что именно благодаря прибытию «поздних переселенцев» в 1999 г. правительство ФРГ официально признало: Германия уже давно стала страной иммиграции.²⁴³

Несмотря на первоначальные ожидания, немецкое общество столкнулось с серьезными проблемами в интеграции «поздних переселенцев». Уже с середины 1990-х гг. в германских СМИ закрепляется негативный образ «русского немца», ассоциированный с преступностью, употреблением наркотиков и исключительной опорой на социальные пособия.^{244,245,246,247} Проблема приобретает такую значимость, что даже партии центра выступают с открытой критикой переселенческой политики. Так, глава СДПГ Оскар Лафонтен неоднократно высказывался за ограничение иммиграции: «...наше гостеприимство не безгранично. Общины оказались перегружены».²⁴⁸ Согласно данным, приводимым А. Клековски фон Коппенфельс, в 1996 г. порядка 60% граждан Германии поддерживали позицию Лафонтена.²⁴⁹

Свою реакцию на происходящие демографические изменения представили и крайне правые партии. Как отмечает К. Мад, в отличие от Лафонтена, члены ННС достаточно явно разделяли свою позицию по отношению к «поздним переселенцам» и иностранцам в целом: «Хотим ли мы шторм из миллионов иностранцев совершенно других культур или усиления за счет этнических немцев?»²⁵⁰ Как следствие, мы можем заключить, что наиболее значимая для ННГ проблема состояла не в иммиграции как таковой, а в предполагаемом размывании культурной идентичности Германии. Более противоречивой позиции по «поздним переселенцам» придерживались «Республиканцы». Уже в 1992 г. они, принципиально поддерживая прием репатриантов, уточняли, что «массовый приток» следует предотвращать, а

²⁴² Takle M. (Spät)Aussiedler: From Germans to Immigrants // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2011. 17. S. 171-176

²⁴³ Weber R. Integrationsland Deutschland Vielfalt leben und gestalten / R. Weber // *Zeitschrift für die Praxis der politischen Bildung*. 2011. 2. Режим доступа: http://www.politikundunterricht.de/2_11/integrationsland.pdf S. 5

²⁴⁴ Faß auf, Augen zu [Электронный ресурс] // *Der Spiegel*. – 1996. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-8891349.html>

²⁴⁵ Die verlorenen Schafe von Marzahn [Электронный ресурс] // *Der Spiegel*. 2004. Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/aussiedler-schicksale-die-verlorenen-schafe-von-marzahn-a-298564.html>

²⁴⁶ Deutsch, aber nicht ganz [Электронный ресурс] // *Zeit online*. 2000. Режим доступа: http://www.zeit.de/2000/14/200014.aussiedler.3_.xml/

²⁴⁷ Der Insider [Электронный ресурс] // *Deutsche Welle*. 2002. Режим доступа: <http://www.dw.com/de/der-insider/a-715271>

²⁴⁸ Faß auf, Augen zu. Ibidem

²⁴⁹ Klekowski von Koppenfels A. Who Organizes? The Political Opportunity Structure of Co-Ethnic Migrant Mobilization // *Diasporas and Ethnic Migrants: Germany, Israel and Russia in Comparative Perspective* / Münz R. & R. Ohliger. Frank Cass Publishers, 2004. P. 290

²⁵⁰ Mudde C. *The Ideology of the Extreme Right*. Manchester: Manchester University Press, 2013. P. 70

самих «переселенцев» – реалистично информировать о том, чего ожидает от них принимающая сторона.²⁵¹ В ходе европейских выборов 1994 г. «Республиканцы» вновь ужесточают свою позицию: в предвыборной программе говорится, что мнимые репатрианты (наряду с иными беженцами) не только превращаются в тяжкий груз для земельных бюджетов, но и пополняют ряды преступников.²⁵² Впрочем, комментируя антииммигрантские высказывания социал-демократов в 1996 г., «Республиканцы» заметно меняют тон: «Ложный гуманизм социалистов вновь оказался человеконенавистническим взглядом».²⁵³

Признание Германии страной иммиграции вызвало внеочередной всплеск активности правопопулистских сил. В 2001 г. впервые заявляет о себе «Партия Шилля» (названная так по имени своего лидера), получившая феноменальные 19,4% голосов на выборах в Гамбурге. Риторика партии, как правило, не содержала конкретных предложений, однако носила выраженный антиэлитарный характер. Апеллируя к «безмолвному» среднему гражданину, «Партия Шилля» утверждала: коррумпированные элиты лишь отвлекают народ запутанными обещаниями, реальные решения принимаются без учета его мнения.²⁵⁴ «Наши порядочные граждане жалуются, к примеру, на то, что некоторые политики в последние десятилетия стремятся привезти сюда людей, пострадавших в катастрофах по всему миру. [...] Наши граждане жалуются, что вопросы, должна ли Германия стать страной иммиграции, должно ли произойти восточное расширение ЕС – были фактически решены за них», – заявлял Р. Шилль.²⁵⁵

Краеугольным камнем программы партии стала внутренняя безопасность: бывший судья Р. Шилль открыто обвинял власти в неспособности обеспечить «порядок и законность» перед лицом растущей преступности, насилия и наркоторговли. В определенный момент тема действительно оказалась востребованной; как отмечает А. Ганликс, успех в Гамбурге осенью 2001 г. можно рассматривать как реакцию на события 11 сентября.²⁵⁶ Тем не менее, проблема безопасности не стала системообразующей для германской политики того периода – повторить или воспроизвести успех на более высоком уровне «Партии Шилля» не удалось.

Первая половина 2000-х гг. стала для германских партий временем повышенного внимания к социально-экономической повестке. На первый план выходит проблема

---

²⁵¹ Neubacher B. Die Republikaner im baden-württembergischen Landtag – von einer rechtsextremen zu einer rechtsradikalen, etablierten Partei? : Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors der Philosophie. Stuttgart, 2001. S. 112

²⁵² Ibidem. S. 116

²⁵³ Ibidem. S. 197

²⁵⁴ Hartleb F. Recht- und Linkspopulismus. Eine Fallstudie anhand von Schill-Partei und PDS. VS Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH. Wiesbaden, 2004. 361 s. S. 179-180

²⁵⁵ Ibidem. S. 182-183

²⁵⁶ Gunlicks A. The Länder and German federalism. Manchester: Manchester University Press, 2003. P. 310

безработицы. Еще в ходе кампании 1998 г. кандидат от социал-демократов Г. Шрёдер обещал сократить число безработных до 3.5 млн. чел. к 2002 г. (на момент выборов их число превышало 4 млн. чел.). Последовавший в 2001 г. экономический спад не позволил канцлеру выполнить своих обещаний, новые выборы были выиграны социал-демократами лишь с небольшим отрывом.²⁵⁷

По-настоящему серьезная критика обрушивается на правительство Шрёдера уже после начала масштабной реформы занятости, проект которой обсуждался еще до выборов 2002 г. Объединение помощи по безработице и социальной помощи, выплата пособий по фиксированной ставке, расширение понятия «подходящей работы» и ужесточение санкций за отказ от предложенных вакансий – все эти меры, объединяемые общим понятием «реформы Хартца», были направлены на радикальную трансформацию социальной политики страны. Система, при которой «людям платили, чтобы они оставались безработными», сменяется механизмом принуждения к трудовой деятельности – пусть и на условиях, далеких от желаемых работниками.²⁵⁸

Хотя в целом вопросы занятости не являются центральными для правопопулистских партий, многие из них все же предпринимают попытку использовать сложившуюся ситуацию в своих целях. В 2004-2005 гг. «Национал-демократическая партия Германии» идет на выборы под лозунгами отмены реформ Хартца, закрытия границ для иностранных рабочих (приток которых, по мнению НДПГ, приводит к снижению зарплат коренных немцев) и формирования альтернативы «неолиберальному глобализму».²⁵⁹ Исследователи сходятся во мнении, что именно недовольство, порожденное реформами Хартца, позволило НДПГ впервые за несколько десятилетий получить мандаты в земельных правительствах.²⁶⁰ Примечательно, что триумфальное возвращение НДПГ (как и совпавшее по времени преодоление Немецким народным союзом» пятипроцентного барьера) произошло в восточной части страны, заметно отстававшей от западных земель по экономическим показателям.

На протяжении всего периода 2000-х гг. правопопулистские партии пользовались неизменной поддержкой избирателей восточных федеральных земель (Саксония, Саксония-Анхальт, Мекленбург-Передняя Померания, Бранденбург, Тюрингия), тогда как на выборах в

---

²⁵⁷ Zohlnhöfer R. Putting Together the Pieces of the Puzzle: Explaining German Labor Market Reforms with a Modified Multiple-Streams Approach // The Policy Studies Journal. 2016. 44 (1). P. 93-99

²⁵⁸ Шершнева Е. Л. Реформы Харца: поворотный пункт в политике занятости и благосостояния в Германии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Том XVII. Вып. 3(74). С. 169-174

²⁵⁹ Steglich H. Rechtsaußenparteien in Deutschland: Bedingungen ihres Erfolges und Scheiterns. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. S. 318

²⁶⁰ Steglich H. Ibidem. S. 90

ландтаги западных земель им лишь изредка удавалось преодолеть пятипроцентный барьер. При этом успех «системных» крайне правых заметно коррелирует с развитием «ультраправой улицы»: по данным Р. Штёсса, порядка 40% скинхедов объединенной Германии происходит именно из новых федеральных земель. Особых успехов в работе с данной группой добилась НДПГ – в отличие от «Немецкого народного союза» и «Республиканцев», стремящихся отграничиться от внесистемных правых радикалов Восточной Германии.²⁶¹

В чем же кроется причина более высокой популярности праворадикальных идей в восточных землях Германии по сравнению с западными? По мнению Штёсса, истоки проблемы следует искать в особом статусе правого радикализма в ГДР: праворадикальная субкультура рассматривается им как своего рода альтернатива доминировавшему дискурсу, ассоциированная не столько с национал-социалистическим наследием, сколько с оппозиционными идеями в целом.²⁶² Подчеркивается в исследовательской среде и роль экономического фактора: спустя годы после воссоединения сохранялись экономические диспропорции между западными и восточными федеральными землями. В сложившейся ситуации правопопулистские партии небезосновательно могли рассчитывать на успех на востоке страны, апеллируя к группам, испытывающим высокую экономическую незащищенность.²⁶³

Доклад, подготовленный по заказу федерального правительства в 2017 г. (в связи с более поздними событиями), называет среди причин восприимчивости восточногерманских земель к праворадикальным идеям особенности идентификации жителей региона. Речь идет о том, что после воссоединения граждане бывшей ГДР почувствовали себя чужими в своей новой стране: все правила игры – включая правила игры политической – были приняты до них и за них. Отсюда – готовность поддержать политические группы, обещающие наконец озвучить их голоса.²⁶⁴ Кроме того, среди факторов, подпитывающих правый радикализм, называют (уходящий корнями в ГДР) «недостаток политической образованности» и скепсис по отношению к демократии.²⁶⁵

«Визитной карточкой» правых радикалов 2000-2010-х гг. становится антииммиграционная и особенно – антиисламская риторика.²⁶⁶ Вокруг иммиграционной тематики формулируются сразу два типа представлений об угрозах: с одной стороны, речь идет о традиционных «жестких» угрозах безопасности (терроризм, наркотрафик, рост этнической

²⁶¹ Stöss R. Ibidem. S. 102-103

²⁶² Ibidem. S. 107

²⁶³ Steglich H. Ibidem. S. 201-202

²⁶⁴ Walter F. Ursachen und Hintergründe für Rechtsextremismus, Fremdenfeindlichkeit und fremdenfeindlich motivierte Übergriffe in Ostdeutschland sowie die Ballung in einzelnen ostdeutschen Regionen. Göttinger Institut für Demokratieforschung, 2017. S. 161

²⁶⁵ Ibidem. S. 118-120

²⁶⁶ Stöss R. Ibidem. S. 40

преступности), с другой – об утрате «национальной идентичности». Подобная риторика пользуется заметной поддержкой в новых федеральных землях – хотя и не коррелирует с долей иммигрантов в регионе.²⁶⁷ Как и в случае с иными проявлениями правого радикализма, группа исследователей под руководством Ф. Вальтера предлагает искать причины межрегиональных диспропорций в разнице политического опыта ФРГ и ГДР. Согласно заключению группы, многие жители восточной Германии и по сей день полагают ограничительную иммиграционную политику ГДР сравнительно более успешной, нежели политику ФРГ, вылившуюся в конечном счете в неизбежность признания Германии страной иммиграции.²⁶⁸ Добавим, что враждебность к «чужакам» можно объяснить в свете описанных выше проблем идентификации: отграничивая условных иммигрантов, исключенные прежде группы могут испытывать большую сопричастность к «своему» немецкому обществу.

Пожалуй, именно слом обозначившихся в 2000-е гг. региональных различий сделал успех «Альтернативы для Германии» столь впечатляющим. Действительно, показатели партии на востоке в среднем заметно выше, чем на западе (исключениями на выборах в региональные парламенты стали Баден-Вюртемберг и Рейнланд-Пфальц с 15,1% и 12,6% соответственно), однако АдГ сделала то, что не удавалось до нее ни одной правопопулистской силе – перешагнула пятипроцентный барьер практически во всех федеральных землях. Более того, портрет среднего избирателя АдГ заметно отличается от портретов, приписываемых прежним сторонникам правого популизма ФРГ. Так, доход среднего избирателя АдГ лежит в промежутке 1.500-3.000 евро (картина, типичная для всех крупных партий, за исключением «Левых», привлекающих также избирателей с меньшим доходом). Образование среднего сторонника АдГ ограничилось реальной школой – что также вписывается в типичную для основных партий картину (здесь исключение составляют «Зеленые», поддерживаемые наиболее образованными избирателями). Расхождения наблюдаются на уровне мнений, а не социально-экономических характеристик: электорат АдГ заметно сильнее проблематизирует иммиграцию и придает большее значение вопросам внутренней безопасности (терроризм, преступность). Гораздо резче – в сравнении со сторонниками иных партий – избиратели АдГ высказываются и в отношении европейской интеграции.²⁶⁹

Так означает ли это, что АдГ – принципиально новое для германского политического ландшафта явление? Прежде чем отвечать на этот вопрос, обратимся к истории и взглядам

---

²⁶⁷ Steglich H. Ibidem. S. 179

²⁶⁸ Walter F. Ibidem. S. 37

²⁶⁹ Steffen T. Nicht nur die kleinen Leute [Электронный ресурс] // Zeit online. 2017. Режим доступа: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-08/afd-waehler-terrorbekaempfung-integration>

рассматриваемой партии. В качестве партии АдГ оформляется в 2013 г. – однако немецкие исследователи предпочитают проследить ее корни вплоть до 1990-х гг., когда в консервативных кругах Германии формируется группа недовольных заключением Маастрихтского договора лиц. Ключевые лица группы евроскептиков отнюдь не были «людьми из народа», происходили из финансовых, академических, промышленных и политических элит. Первоначальные попытки группы выйти на политическую сцену были связаны с критикой единой европейской валюты – однако ожидаемой высокой мобилизации не произошло, и на выборах в Европейский парламент созданный группой «Союз свободных граждан» набрал чуть более 1% голосов. К 1999 г. электоральная поддержка партии (отметившейся к тому времени также заявлениями о необходимости ограничить миграцию и повысить внутреннюю безопасность) не составляла уже и половины процента – и вскоре она прекратила свое существование.²⁷⁰

Главной причиной, по которой «Союз свободных граждан» называют предшественником АдГ, является пересечение их персональных составов. Указывают также на некоторое сходство партийных программ; тем не менее, преемственность в этой сфере достаточно условна. «Союз свободных граждан» не позиционировал себя в качестве антиэлитарной партии, не стремился развивать дискурс «близости к народу».²⁷¹ Большинство партийных деятелей, пришедших в «Союз», происходило из СвДП; в рамках «Альтернативы для Германии» соответствующее крыло было дополнено христианскими демократами. Еврокритицизм соединился в АдГ с христианским консерватизмом и национализмом – и обратил свой взгляд в сторону тех, кто прежде не состоял ни в каких партиях.²⁷² Расчет партии оказался верным: более 1,4 млн. человек, не участвовавших в парламентских выборах 2013 г., в 2017 г. отдали свои голоса за АдГ. Около миллиона поддержавших АдГ избирателей голосовало прежде за христианских демократов, еще чуть менее миллиона – за левые партии (СДПГ и «Левые»)²⁷³ Последнее является ярким подтверждением тому, что сущность АдГ не исчерпывается крайне правой риторикой – сопоставимое (если не большее) значение играет сконцентрированный в ее лице протестный потенциал.

По какой же причине АдГ появилась именно в 2013 г.? Ссылаясь на теорию американского историка Л. Гудвина, Ф. Декер утверждает: для появления подобной партии необходим «популистский момент» – глубокий социальный кризис, потрясший общество. Таким моментом

²⁷⁰ Decker F., Neu V. Handbuch der deutschen Parteien. Springer VS., 2018. S. 238-240

²⁷¹ Ibidem. S. 239

²⁷² Ibidem. S. 161-162

²⁷³ Blickle P. Merkel-Enttäuschte und Nichtwähler machen die AfD stark [Электронный ресурс] // Zeit Online. 2017. Режим доступа: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-09/wahlverhalten-bundestagswahl-wahlbeteiligung-waehlerwanderung>

для АфГ, по мнению Декера, стал финансовый кризис, поразивший еврозону.²⁷⁴ В пользу этой версии говорит тот факт, что первая предвыборная программа АдГ преимущественно апеллировала к проблематике отношений Германии и единой Европы.²⁷⁵ Впрочем, отмечает Декер в более поздней работе, формирование АдГ было обусловлено не только социальными, но и партийными причинами. В первую очередь, речь идет о расколе, сформировавшемся внутри ХДС (именно из лагеря христианских демократов пришли многие ведущие фигуры партии): под управлением А. Меркель ХДС стала заметно ближе к СДПГ, оставив консервативные позиции в семейной и социальной политике. Критику вызывала также европейская политика А. Меркель: к примеру, упомянутый выше Б. Лукке покинул ХДС именно из-за несогласия с курсом на «спасение» еврозоны.²⁷⁶

Существенное влияние на позиционирование партии оказали события 2014-2015 гг. В октябре 2014 г. формируется ПЕГИДА (аббревиатура от немецкого «Патриотические европейцы против исламизации Западной Европы») – движение, выросшее из группы в Фейсбуке. Первоначально большинство членов ПЕГИДА проживало в Дрездене – стоявший у его истоков предприниматель Лутц Бахманн позднее разъяснял, что источником недовольства его единомышленников были проходившие в городе демонстрации Рабочей партии Курдистана, а также этнорелигиозные конфликты, обусловленные динамикой на Ближнем Востоке. Кроме того, поводом к мобилизации послужил ожидавшийся в городе приток беженцев. На первую демонстрацию, состоявшуюся в Дрездене в октябре 2014 г., вышло до 350 человек. В ноябре демонстрация ПЕГИДА состоялась в Вюрцбурге, в декабре примеру последовали Кассель, Бонн, Мюнхен и Дюссельдорф, после нового года присоединились Ганновер, Лейпциг, Киль и другие города. На пике популярности ПЕГИДА (январь 2015 г.) число демонстрантов достигло 25.000 человек.²⁷⁷ В ряде городов выступления ПЕГИДА сопровождались антидемонстрациями левых сил – причем в Лейпциге последние сумели собрать порядка 30.000 сторонников.²⁷⁸

Несмотря на многочисленные обвинения в попытках возродить нацистские лозунги, уже на первых этапах своего существования движение ПЕГИДА определенно прилагало усилия, чтобы сделать звучание своей программы более нейтральным. В выпущенных в конце 2014 г. «19

²⁷⁴ Decker F. The «Alternative for Germany». Factors Behind its Emergence and Profile of a New Right-wing Populist Party // German Politics and Society. 2016. Issue 119. Vol. 34. No. 2. P. 2

²⁷⁵ Хришкевич Т.Г. «Альтернатива для Германии» между федеральными выборами: феномен популярности малой партии // Метаморфозы истории. 2017. Вып. 9. С. 176

²⁷⁶ Decker F. Die «Alternative für Deutschland» aus der vergleichenden Sicht der Parteienforschung / Häusler A. // Die Alternative für Deutschland. Programmatik, Entwicklung und politische Verortung. Wiesbaden: Springer, 2016. S. 14

²⁷⁷ Vorländer H., Herold M., Schäller S. PEGIDA. Entwicklung, Zusammensetzung und Deutung einer Empörungsbewegung. Wiesbaden: Springer, 2016. S. 5-8

²⁷⁸ Pegidas Hochburg – Pegidas Gegner [Электронный ресурс] // Der Spiegel. – 2015. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/pegida-ueberblick-wo-sind-die-anhaenger-wo-die-gegner-a-1011480.html>

пунктах» значится, что «ПЕГИДА выступает ЗА прием беженцев, спасающихся от войны, преследуемых по политическим и религиозным причинам», однако настаивает на «включении в конституцию Германии обязанности интегрироваться». Не менее примечательным представляется пункт о «сохранении нашей западноевропейской культуры, сформировавшейся при влиянии христианства и иудаизма» – отчетливый реверанс в сторону сил, стремящихся отмежеваться от открытого антисемитизма.²⁷⁹ В январе 2015 г. в движении происходит раскол, внешней причиной которого представлялся скандал вокруг ставших достоянием общественности расистских высказываний Л. Бахманна и его фотографии в образе Адольфа Гитлера. Впрочем, истинной причиной, по мнению исследователей, были глубокие расхождения между радикальным и более умеренным крылом ПЕГИДА. Последние стремились расширять контакты с прессой и политическими партиями, в то время как радикалы проявляли большую приверженность внесистемным, протестным формам деятельности. В результате часть умеренных членов покидает движение, чтобы основать собственную партийную организацию.²⁸⁰

Взлет ПЕГИДА оказал заметное влияние на «Альтернативу для Германии». Взгляды представителей партии разделились: либеральное крыло (во главе с Б. Лукке) предпочло дистанцироваться от «враждебных по отношению к иностранцам» или даже «расистских» протестов, тогда как консервативная часть партии предложила рассматривать ПЕГИДА как «естественных союзников».²⁸¹ Именно разногласия по вопросу взаимодействия с «правой улицей» называют в качестве одной из причин раскола АдГ летом 2015 г. – тогда партию покинули, среди прочих, пятеро из семерых депутатов, представлявших ее в Европейском парламенте.²⁸² Примечательно, что отношения консерваторов от АдГ и ПЕГИДА также не были безоблачными: исследователи указывают на личную неприязнь между Л. Бахманном и Ф. Петри. После того, как Петри выступила против Бахманна в ходе описанного выше скандала с фотографией, последний и вовсе дистанцировался от АдГ, которую он называл «провалившейся протестной партией».²⁸³

Между тем, предвыборная программа АдГ 2017 г. была во многом созвучна программным документам ПЕДИГА. Так, обе силы призывали к проведению референдумов по швейцарскому образцу и ограничение власти партий. В схожих терминах формулируется угроза исламизации; постулируется значимость сохранения суверенной государственности в Европе. Во внешней политике обе силы выступают за нормализацию отношений с Россией, отвергаются

²⁷⁹ Positionspapier der PEGIDA [Электронный ресурс] // wins media UG. 2014. Режим доступа: <https://www.menschen-in-dresden.de/wp-content/uploads/2014/12/pegida-positionspapier.pdf>

²⁸⁰ Vorländer H., Herold M., Schäller S. Ibidem. S. 13

²⁸¹ Ibidem. S. 39-40

²⁸² Decker F., Neu V. Ibidem. S. 379

²⁸³ Vorländer H., Herold M., Schäller S. Ibidem. S. 41

всеобъемлющие торговые соглашения с участием ЕС.^{284,285} Впрочем, программу АдГ отличала более глубокая проработанность части, посвященной экономической и социальной повестке (в т. ч. политике занятости, налогообложению, образованию). АдГ утверждала, что «сильная экономика создает социальный мир», тогда как ПЕГИДА делала акцент на политических инструментах. Кроме того, сравнительно большее внимание в риторике АдГ уделялось тематике европейской интеграции – что во многом объясняется сохранившимся в рядах партии наследием «свободных демократов».

Прорыв осени 2017 г. стал для партии одновременно феноменальным и ожидаемым – в свете предшествующих успехов на региональных выборах. Став третьей политической силой в стране, АдГ нарушили устоявшийся политический ландшафт. Стремясь избежать сотрудничества с АдГ, основные партии долгое время не могли сформировать правящую коалицию: в результате напряженных переговоров первоначально обсуждавшаяся «ямайка» сменилась «большой коалицией». Параллельно развивался процесс трансформации самой АдГ. Уже в сентябре 2017 г. Ф. Петри, одна из ключевых фигур партии, объявила, что не намерена находиться в Бундестаге в составе фракции АдГ. Комментируя свой уход в интервью изданию *Tagesspiegel*, Петри назвала среди разногласий, сподвигнувших ее покинуть АдГ, скандалы вокруг депутатов партии В. Гедсона и Б. Хёкке (первый известен своими антисемитскими высказываниями, второй – призывами пересмотреть восприятие событий конца Второй мировой) – таким образом, создание собственной партии («Синий поворот»/«Синие») можно рассматривать как попытку уйти от частных негативных ассоциаций, сформировавшихся вокруг АдГ, сохранив заданную ей повестку.²⁸⁶

По многим пунктам программа «Синих» действительно повторяла программу АдГ, с которой последняя выступила на выборах 2017 г. Оба документа требовали ограничить миграцию прибытием квалифицированных специалистов, не допускать внешнего финансирования религиозных обществ и двойного гражданства, усилить внешний контроль границ. Партии соглашались по вопросам введения налоговых льгот для семей с детьми, сохранения дифференцированной школьной системы и снижения роли государства в экономике.

²⁸⁴ Dresdner Thesen [Электронный ресурс] // LEGIDA. 2015. Режим доступа: https://legida.eu/images/legida/Dresdner_Thesen_15_02.pdf

²⁸⁵ Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017 [Электронный ресурс] // Alternative für Deutschland. Режим доступа: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf

²⁸⁶ Fiedler M. Wir wollen eine bundesweite CSU sein [Электронный ресурс] // Der Tagesspiegel. 2017. Режим доступа: <https://www.tagesspiegel.de/politik/frauke-petry-im-interview-wir-wollen-eine-bundesweite-csu-sein/20569778.html>

Обе силы полагали евро неудачным проектом и ратуют за приведение внешней политики Германии в соответствие с ее национальными интересами.

Впрочем, имелись и некоторые заметные расхождения. Так, «Синие» отказались от типичных для АдГ и ПЕГИДА пророссийских заявлений, ограничиваясь лишь тезисом о необходимости включения США, России и иных партнеров в совместную структуру безопасности – решение, направленное, очевидно, на преодоление образа силы, финансируемой извне. Кроме того, в разделе, посвященном внешней политике, появляется заявление о стратегическом партнерстве с Израилем, а в разделе о культуре – будто бы процитированный из документов ПЕГИДА (и предполагающий дистанцирование от антисемитизма) тезис о «христианско-иудейской традиции» в немецкой культуре. Изменения наблюдаются и в позиции по социальной политике: в отличие от АдГ, «Синие» отвергали законодательно закреплённую минимальную заработную плату, называя последнюю следствием «ошибочной социальной политики» и предлагая в качестве альтернативы введение «базового дохода».²⁸⁷

Повторить успех «Альтернативы» «Синим» не удалось. Весной 2019 г. Ф. Петри объявила, что партия не намерена участвовать в выборах в Европейский парламент, назвав в качестве причины желание сконцентрироваться на региональных выборах.²⁸⁸ Впрочем, последовавшие в сентябре 2019 г. саксонские выборы также обернулись провалом: «Синие» заработали лишь 0,4% голосов. Уже после выборов секретарь регионального отделения партии У. Вурлитцер объявил, что партия не сожалеет о своем отделении от АдГ, несмотря на поражение: по его словам, «Синие» не считают иностранцев самой большой проблемой Саксонии и пытались предложить региону более широкую повестку.²⁸⁹ Уже в ноябре 2019 г. – после провала на выборах в Тюрингии, где синие получили 0,1% голосов – Ф. Петри объявила о готовящемся роспуске партии.²⁹⁰

Между тем, «Альтернатива для Германии», несмотря на успехи, достигнутые как на общенациональном уровне, так и на уровне федеральных земель, по-прежнему не воспринимается «большими» партиями центра в качестве возможного партнера. Особенно ясно сложившийся подход взаимодействия с «Альтернативой» проявился в феврале 2020 г., когда представитель СвДП Т. Кеммерих был избран премьер-министром Тюрингии при поддержке

²⁸⁷ Programm [Электронный ресурс] // Blaue Wende. 2018. Режим доступа: <https://www.blauewende.de/programm/programmatik/>

²⁸⁸ Ex-AfD-Chefin Petry kritisiert ihre frühere Partei [Электронный ресурс] // Welt. 2019. Режим доступа: <https://www.welt.de/regionales/sachsen/article194265673/Ex-AfD-Chefin-Petry-kritisiert-ihre-fruehere-Partei.html>

²⁸⁹ Dippmann I. Freie Wähler und Blaue Partei – Hoch gepokert, nichts gewonnen [Электронный ресурс] // mdr AKTUELL. 2019. Режим доступа: <https://www.mdr.de/nachrichten/politik/regional/freie-waehler-blaue-partei-nach-landtagswahl-sachsen-100.html>

²⁹⁰ Blaue Partei löst sich auf [Электронный ресурс] // Zeit Online. 2019. Режим доступа: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2019-11/frauke-petry-die-blauen-aufloesung>

АдГ, однако вынужден был отказаться от поста под давлением общественности. Примечательно, что с осуждением предполагаемого соглашения с АдГ выступило не только руководство СвДП, от которой баллотировался Т. Кеммерих, но и представляющая ХДС А. Меркель.²⁹¹

Еще одной связанной с АдГ темой, обсуждавшийся в последние месяцы в прессе, стала ситуация вокруг так называемого «Крыла» (*Flügel*). «Крыло» представляет собой своеобразную «партию внутри партии» – группу политиков, сформировавшуюся вокруг фигур Ю. Хёке и А. Кальбитца, представляющих, соответственно тюрингское и бранденбургское отделения партии. Позиции «Крыла» считаются внутри партии более радикальными, при этом примечательна географическая особенность данной группы: большинство ее представителей происходит из восточных федеральных земель. Несмотря на опровержения раскола со стороны центрального руководства партии, члены «Крыла» неоднократно пытались дистанцироваться в своих высказываниях от АдГ.²⁹² В марте 2020 г. Федеральное ведомство по защите конституции объявило, что берет под контроль деятельность «Крыла» в связи с продемонстрированными им «радикальными устремлениями». В скором времени руководство партии настояло на роспуске группы, породив спекуляции относительно готовящегося выхода его бывших членов из «Альтернативы».²⁹³

Наконец, значимой доминантой, определявшей риторику партии в 2020-2021 гг. стала тематика коронавируса. Выступая в начале марта 2020 г. на очередном заседании Бундестага, депутат от АдГ А. Вайдель выступила с резкой критикой правительства, которое, как утверждалось, сознательно преуменьшало опасность коронавируса и медлило с принятием систематических мер, направленных на спасение жизни и здоровья немецких граждан.²⁹⁴ По мере введения дополнительных ограничений риторика АдГ приобретает конкретику: партия поддерживает закрытие границ, критикует власти за неспособность обеспечить медицинские учреждения средствами индивидуальной защиты, препаратами и техникой, при этом полагает, что вынуждая граждан ограничить контакты, правительство «снижает число коронавирусных смертей за счет суицидов».²⁹⁵ К лету 2020 г. в выступлениях представителей партии все чаще

²⁹¹ Wir haben der AfD ermöglicht, die Demokratie zu verhöhnen [Электронный ресурс] // Zeit Online. 2020. Режим доступа: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2020-02/fdp-christian-lindner-afd-thueringen-wahl>

²⁹² Schwietzer K. Der «Flügel» – radikal und doch genehm? [Электронный ресурс] // Tagesschau.de. 2019. Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/inland/afd-fluegel-105.html>

²⁹³ Riedel K. Liegt Spaltung in der Luft? [Электронный ресурс] // Tagesschau.de. 2020. Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/inland/afd-fluegel-streit-101.html>

²⁹⁴ Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht 148. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 4. März 2020 [Электронный ресурс] // Deutscher Bundestag. Режим доступа : <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19148.pdf> S. 16-17

²⁹⁵ Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht. 154. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 25. März 2020 [Электронный ресурс] // Deutscher Bundestag. Режим доступа: <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19154.pdf> S. 11-12

звучит критика ограничений с экономической точки зрения; кроме того, ставится вопрос о соотношении новых ограничений и защиты персональных данных.²⁹⁶

В отличие от партий центра, осудивших августовскую демонстрацию в Берлине как угрожающую новыми случаями заражения, «Альтернатива для Германии» поддержала протестующих. «Люди вышли на улицу для защиты своих базовых прав. Такое можно разве что приветствовать – и за это выступает АдГ», – заявил тогда сопредседатель партии Т. Хрупалла.²⁹⁷ Проблематика защиты прав человека в свете анти-коронавирусных мер правительства постепенно занимает центральное место в риторике АдГ. Партия саботировала обязательность ношения масок в Бундестаге и затем пыталась отстоять свое решение через суд²⁹⁸, выступала против масштабных ограничений для бизнеса, принудительного тестирования и вакцинации. Как и в случае с другими поднимавшимися партией темами (миграцией, европейской интеграцией и т. д.), АдГ видит проблему в отсутствии широкой общественной дискуссии относительно принимаемых мер. Предпринимаемые правительством шаги кажутся АдГ преувеличенными, поскольку приводят, по словам представителей партии, к ситуации, когда 99.8% населения вынуждены нести ущерб из-за мер, принятых ради 0.2% получающих положительный тест на коронавирус.²⁹⁹

3.2 Правый популизм в Австрии: основные этапы развития

«Австрийская партия свободы» была основана в 1956 г. в качестве преемницы существовавшего с конца 1940-х гг. «Союза Независимых»; в свою очередь последний был сформирован в условиях устойчивой двухпартийной системы в качестве неудавшейся альтернативы действовавшим «Социалистической партии Австрии» и «Австрийской народной партии». Как и предшественница, АПС стала площадкой, в рамках которой бывшие функционеры национал-социалистического режима смогли вернуться в политическое поле.³⁰⁰ Особая привлекательность партии для данной группы избирателей определялась ее программой. Так, АПС отрицала существование Австрии как отдельной нации, подчеркивала принадлежность

²⁹⁶ Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht. 165. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 17. Juni 2020 [Электронный ресурс] // Deutscher Bundestag. Режим доступа: <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19165.pdf> S. 21-22, 30

²⁹⁷ Reifenrath I. AfD lobt Anti-Corona-Demonstranten [Электронный ресурс] // Tagesschau. ARD-aktuell. 04.08.2020. Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/inland/corona-demos-afd-101.html>

²⁹⁸ Maskenpflicht im Bundestag ist rechters [Электронный ресурс] // ZDF. 20.11.2020. Режим доступа: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/corona-bundestag-maskenpflicht-100.html>

²⁹⁹ Bundesparteitag in Dresden beschließt Corona-Resolution [Электронный ресурс] // AfD. 10.04.2021. Режим доступа: <https://www.afd.de/bundesparteitag-in-dresden-beschliesst-corona-resolution/>

³⁰⁰ Geden O. Diskursstrategien im Rechtspopulismus. Freiheitliche Partei Österreichs und Schweizerische Volkspartei zwischen Opposition und Regierungsbeteiligung. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. S. 64

австрийцев к германскому культурному пространству – впрочем, об отказе от государственности речь в этот период уже не шла.³⁰¹

В первой половине 1980-х гг. происходит поворот АПС в сторону либерализма. Часть партийной элиты стремилась посредством данного шага превратить АПС в «уважаемую и полностью интегрированную» силу – столкнувшись, впрочем, с активным противодействием более радикальных соратников. В 1983 г. партия впервые оказывается в составе возглавляемой социалистами правящей коалиции, что лишь обостряет противоречия внутри нее. В результате в 1986 г. руководство АПС переходит в руки Й. Хайдера, вокруг которого в предшествующие годы сплотились «пронемецкие» группы.³⁰² Американский политолог М. Вилльямс называет две группы факторов, способствовавших появлению фигуры Й. Хайдера на политической арене. С одной стороны, пишет она, речь идет о непроработанности проблемы национальной идентификации. В послевоенный период союзники по антигитлеровской коалиции навязали австрийцам роль коллективных жертв гитлеровской политики, в результате чего начавшаяся денацификация была быстро свернута. С другой стороны, Й. Хайдер принял на себя роль выразителя общественного недовольства внутренней политикой двух основных партий (в т. ч. организованными их членами коррупционными схемами). По мнению М. Вилльямс, Хайдер сумел создать образ выразителя народных чаяний в условиях, когда основные партии не были готовы к ним прислушаться.³⁰³

Деятельность руководимой Хайдером АПС исследователи нередко называли «постмодернистской политикой», где термин «постмодернизм» преимущественно ассоциировался с фрагментарностью программ, размытостью идеологических границ и перформативностью партийных практик.³⁰⁴ Действительно, риторика АПС была и остается мозаичной по своему характеру и характеризуется высокой изменчивостью. В одни периоды партия стремилась дистанцироваться от прямых ассоциаций с национал-социализмом; в другие – ее лидеры восхваляли ветеранов СС³⁰⁵ и призывали использовать слово «НАЦИ» (в пер. с нем. «нацист») как акроним «новый, привлекательный, целеустремленный, инициативный». Подобные лозунги, очевидно, способствовали удержанию в сфере влияния партии «ультраправой улицы», т. е. тех правых, чьи радикальные лозунги не могли быть приняты в

³⁰¹ Betz H.-G. The Two Faces of Radical Right-Wing Populism // Review of Politics. 1993. 55 (4). P. 667

³⁰² Geden O. Ibidem

³⁰³ Williams M.H. The Impact of Radical Right-Wing Parties in West European Democracies. NY: Palgrave Macmillan. 2006. P. 154-155

³⁰⁴ Preglau M. Umbruch der politischen Kultur in Österreich: von der schwarz-blau/orange Wende 2000 über das rot-schwarze Interregnum 2006-2017 zu Schwarz/Türkis-Blau 2.0 [Электронный ресурс] // Universität Innsbruck. 2018. Режим доступа: https://www.uibk.ac.at/soziologie/dokumente/pdf/mitarbeiter/team/info_fpo_e_preglau_max.pdf S. 6-8

³⁰⁵ Hainsworth P. The Extreme Right in Western Europe. Routledge, 2008. P. 15

официальном политическом поле. Иные протестные силы привлекались АПС посредством агрессивной антиэлитарной риторики (так, правительство СПА и АНП партия именовала «красно-черной пиявкой», евробюрократов – «самопровозглашенными палачами Европы»).³⁰⁶

В 1999 г., обогнав АНП на несколько сотен голосов, АПС впервые становится второй политической силой в стране и входит в состав «черно-синего» правительства. Согласно данным, приводимым А. Пелинкой, большая часть избирателей, отдавших свои голоса за АНП в 1999 г., не имела высшего образования, редко посещала церковь, не состояла в профсоюзной организации³⁰⁷ – картина, в целом вписывающаяся в теорию Р. Штёсса. Последний, напомним, основываясь на западногерманском материале, утверждал, что лица, не принадлежащие крупным социальным объединениям (профсоюз, церковь и т. п.), более склонны голосовать за правых популистов.³⁰⁸ В целом, полагает А. Пелинка, АПС традиционно формулировала общность «мы» таким образом, чтобы вобрать как правый, так и левый протестный потенциал. С одной стороны, их лозунги были направлены против неравенства и монополизации политической и экономической власти представителями основных партий. С другой стороны, неравенство подавалось АПС как нечто естественное – к примеру, в контексте дискурсивного исключения иммигрантов.³⁰⁹

Электоральный успех АПС 1999 г. вызвал жесткую реакцию со стороны Европейского Союза. В конце января 2000 г. – вскоре после провала переговоров АНП и СПА о создании коалиционного правительства – 14 стран ЕС заявили, что не будут поддерживать двусторонних контактов с австрийским правительством в случае вхождения в него АПС. После того как коалиционное соглашение между АПС и АНП все же было заключено, последняя столкнулась с бойкотом со стороны других европейских консервативных партий. Впрочем, уже в сентябре 2000 г. формируется понимание: санкции воспринимаются внутри Австрии как давление на страну в целом, а не как меры против АПС, что лишь способствует росту антиевропейских настроений.³¹⁰

В 2002 г. АПС столкнулась с чередой внутренних конфликтов. Скандалом обернулся визит в Ирак Й. Хайдера и состоявшаяся там встреча политика с С. Хусейном. На тот момент

---

³⁰⁶ Preglau M. Ibidem. S. 11-12

³⁰⁷ Pelinka A. Die FPÖ im internationalen Vergleich. Zwischen Rechtspopulismus, Deutschnationalismus und Österreich-Patriotismus // Conflict & Communication. 2002. 1 (1). S. 9

³⁰⁸ Stöss R. Ibidem. S. 76

³⁰⁹ Pelinka A. Die FPÖ in der vergleichenden Parteienforschung: zur typologischen Einordnung der Freiheitlichen Partei Österreichs // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2002. 31(3). S. 285

³¹⁰ van der Bellen A. Die Torheit der Regierenden: Die EU-Sanktionen und ihr Ende [Электронный ресурс] // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2000. 2001. Режим доступа: http://www.jahrbuch-politik.at/wp-content/uploads/Alexander-van-der-Bellen_Die-Torheit-der-Regierenden-oder-die-sanktionsbewehrte-Causa-Austria-als-Akt-EUropa%CC%88ischer-Verblendung.pdf S. 456-457; 469-470

Й. Хайдер формально отказался от руководства партией, однако фактически оставался одной из ключевых фигур АПС. Позднее внутрипартийные конфликты возникали по вопросам сотрудничества с иными европейскими правыми (проект, горячо поддерживаемый Й. Хайдером, но не пришедшей ему на смену во главе партии С. Рисс-Пассер), а также проведения налоговой реформы. Своего пика разногласия достигли во время партийного собрания в Книттельфельде 7 сентября 2002 г. – на следующий день несколько крупных политиков АПС во главе с вице-канцлером Рисс-Пассер ушли в отставку. На последовавших в ноябре выборах АПС существенно сдала позиции: с 26,9% в 1999 г. ее электоральная поддержка упала до 10%.³¹¹

Несмотря на поражение, АПС сумела вновь войти в правящую коалицию, сформированную в феврале 2003 г. Впрочем, достигнутое с АНП соглашение не встретило единогласной поддержки в партии, разрывавшейся в последние годы меж двух альтернатив – стать «обычной» правительственной партией или вернуться в ряды непримиримой оппозиции. В 2005 г. внутренний раскол обострился: несколько крупных фигур АПС во главе с Й. Хайдером покидают партию, чтобы основать «Союз за будущее Австрии». В результате все члены правительства и большинство членов парламента от АПС меняют партийную принадлежность – «синие» автоматически утрачивают статус одной из правящих партий и возвращаются к своему традиционному антиэлитарному курсу.³¹²

В последующие годы одной из центральных тем для АПС становится борьба с исламизацией. В 2006 г. партия инициирует не слишком удачный сбор подписей против приема Турции в ЕС. В экономической части программы АПС отходит от чисто неолиберальной риторики; наравне с призывами к снижению налогов и свертыванию государственного присутствия в экономике звучат слова о необходимости сохранить в Австрии государство всеобщего благоденствия. Одной из основных угроз последнему закономерно объявляются безработные иммигранты.³¹³ Отдельного упоминания заслуживает позиция, занимаемая АПС в отношении европейской интеграции. Показательным здесь является выступление депутата от партии Р. Бёша: «Речь идет о том, что заключение государственных договоров всякий раз должно проходить через процедуру референдума – если документ существенно меняет договорные

³¹¹ Hämmerle W. Jahreschronik 2002 // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2002. 2003. S. 577-582

³¹² Hämmerle W. Die Spaltung der FPÖ: Annus horribilis für das freiheitliche Lager // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2005. 2006. S. 241-246

³¹³ Meret S. The Danish People's Party, the Italian Northern League and the Austrian Freedom Party in a Comparative Perspective: Party Ideology and Electoral Support. Aalborg: Institut for Historie, Internationale Studier og Samfundsforhold, Aalborg Universitet. 2010. P. 188-191

основы ЕС <...> Если в этом отношении не будет близости к гражданам, проект Европейского Союза провалится».³¹⁴

Следует отметить, что период конца 2000-х гг. отметился некоторым отступлением традиционных партий от проевропейских позиций. Заявления о необходимости выносить последующие договоры ЕС на референдумы озвучиваются не только оппозиционной АПС, но и СПА, входившей на тот момент в правящую коалицию. Растут опасения перед нелегальной иммиграцией: представлявший АНП австрийский министр внутренних дел раскритиковал идею выдачи «голубых карт» высококвалифицированным специалистам, поскольку та могла открыть путь «иммиграции через черный ход». Особые меры по охране границ были приняты в Австрии и в связи с вхождением соседних государств в шенгенское пространство – что было расценено в Чехии как «нарушение Шенгенских соглашений». Наконец, австрийское правительство неоднократно высказывалось за усиление мер безопасности перед лицом террористической угрозы. Вовлекались основные партии (прежде всего, АНП) и в дискуссию о роли ислама в австрийском обществе, выступая, среди прочего, за запрет на ношение бурки в общественных местах, ограничение исламской иммиграции и строительства мечетей.³¹⁵

Наглядно продемонстрировали общее «поправение» Австрии региональные выборы 2008 г.: в то время как АНП, АПС и «Союз за будущее Австрии» набирают голоса, социал-демократы теряют своих избирателей.³¹⁶ На федеральных выборах 2008 г. АПС и «Союз за свободу Австрии» получили 17,5% и 10,7% голосов, став третьей и четвертой силой в стране соответственно. Обе традиционные партии, включая правую АНП, получили заметно меньше голосов в сравнении с предыдущими выборами.³¹⁷ Достаточно низкий результат (15,2% голосов против 79,3% у победителя) показала АПС на президентских выборах 2010 г.; несмотря на это, кандидат от партии Б. Розенкранц стала одним из главных ньюсмейкеров гонки, заявив о необходимости прекратить действие Закона о запрете национал-социализма. Необходимость соответствующего решения мотивировалась Розенкранц через принцип свободы совести.³¹⁸

Наиболее впечатляющий результат АПС на президентских выборах был достигнут в 2016 г., когда кандидат от крайне правых Н. Хофер получил 35,1% голосов в первом туре, в то

³¹⁴ Nationalrat, XXIII. 72. Sitzung, 24.09.2008 [Электронный ресурс] // Republik Österreich. Parlament. 2008. Режим доступа: https://www.parlament.gv.at/pd/stvorwww/XXIII/NRSITZ/NRSITZ_00072/B_-_01_38_07_Abgeordneter_Dr_Reinhard_Eugen_Bosch_FPO_.pdf

³¹⁵ Preglau M. Ibidem. S. 281-287

³¹⁶ Ibidem. S. 302

³¹⁷ Nationalratswahl 2008 [Электронный ресурс] // Bundesministerium für Inneres. 2008. Режим доступа: https://www.bmi.gv.at/412/Nationalratswahlen/Nationalratswahl_2008/

³¹⁸ Rosenkranz für Aufhebung von NS-Verbotsgesetz [Электронный ресурс] // Die Presse. 2010. Режим доступа: <https://diepresse.com/home/politik/hofburgwahl/543760/Rosenkranz-fuer-Aufhebung-von-NSVerbotsgesetz>

время как его главный конкурент, представляющий «Зеленых» А. ван дер Беллен, завоевал лишь 21,3%. Ситуация изменилась во втором туре – с небольшим отрывом ван дер Беллену удалось заполучить президентский пост. Само по себе решающее столкновение «свободных» и «зеленых» на президентских выборах стало принципиально новым явлением для политического ландшафта Австрии. Согласно опросам партийных предпочтений, АПС серьезно опережала основные партии уже осенью 2015 г. Ф. Плассер и Ф. Зоммер называют в качестве одной из основных причин размывание традиционной партийной лояльности; по их данным, лишь треть австрийских избирателей чувствовало связь с определенной партией. При этом электоральное ядро оппозиционных партий представляется Плассеру и Зоммеру более консолидированным; кроме того, дополнительные шансы последним дает обращение к беспартийным группам. Наконец, отмечается общая разочарованность избирателей в партиях и политиках как акторах, эффективно решающих общественные проблемы – ситуация, благоприятствующая расцвету популистских сил.³¹⁹

В декабре 2017 г. было объявлено о формировании «черно-синей» коалиции АНП и АПС. Х.-К. Штрахе получил пост вице-канцлера, пост канцлера достался молодому представителю «Народной партии» С. Курцу. Первый год существования коалиции прошел относительно спокойно: австрийская пресса отмечала стремление партнеров по коалиции не афишировать внутренние противоречия. В то же время в австрийском обществе росли опасения перед возможным сдвигом риторики умеренных консерваторов вправо.³²⁰ В 2018 г. правительство отказалось подписать миграционный пакт ООН, что было неоднозначно воспринято общественностью.³²¹

Ситуация кардинально меняется уже несколько месяцев спустя. В мае 2019 г. немецкие издания публикуют снятую в 2017 г. видеозапись, на которой представитель АПС, вице-канцлер Г.-К. Штрахе обсуждает с некой состоятельной россиячкой возможности финансовой поддержки политической партии. Среди прочего, упоминается приобретение ежедневной газеты *Kronen Zeitung* – ее предполагается превратить в лояльное издание, поддерживающее «Австрийскую партию свободы» и обеспечивающее ей дополнительные голоса. «Мы хотим создать медийный ландшафт, как [это сделал] Орбан», – цитируют Г.-К. Штрахе немецкие издания. Германская

³¹⁹ Plasser F., Sommer F. Bundespräsidentenwahlen 2016: Politische Einstellungen und Motive der Wähler, regionale Trends und Wählerströme // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2016. 2017. S. 3-6

³²⁰ Der öffentliche Diskurs ist nach rechts gerückt [Электронный ресурс] // Deutschlandfunk Kultur. 2018. Режим доступа: https://www.deutschlandfunkkultur.de/ein-jahr-schwarz-blaue-regierung-in-oesterreich-der.1008.de.html?dram:article_id=436248

³²¹ Nach Nein zu Migrationspakt: Österreich will UNO-Flüchtlingspakt zustimmen [Электронный ресурс] // Kurier. 2018. Режим доступа: <https://kurier.at/politik/inland/nach-nein-zu-migrationspakt-oesterreich-will-uno-fluechtlingspakt-zustimmen/400340599>

пресса интерпретировала заявление как знак: АПС стремится ограничить свободу журналистики.³²²

Впрочем, критика в адрес Штрахе была основана не только на предполагаемых будущих ограничениях свободы прессы. На видеозаписи описана схема, согласно которой российские пожертвования в пользу АПС должны направляться в адрес некой коммерческой организации – что позволит обойти закон о финансировании партий. В ходе разговора Штрахе упоминает, что подобная схема уже применялась ранее.³²³ В качестве благодарности за поддержку, комментирует *Der Spiegel*, Штрахе обещает фирмам женщины доступ к государственным контрактам.³²⁴ Следует, впрочем, заметить, что распространяемая в сети Интернет видеозапись представляет собой отрывки высказываний вице-преьера, что затрудняет их контекстуализацию (по словам журналистов *Süddeutsche Zeitung*, в открытом доступе оказалась только «представляющая общественный интерес» часть шестичасовой записи³²⁵) и создает пространство для интерпретаций. Вследствие разразившегося вокруг его фигуры скандала Х.-К. Штрахе объявил о своей отставке с поста вице-канцлера, вскоре с заявлением об отставке выступил глава фракции АПС с Национальным Совете Й. Гуденус.³²⁶ Партия принимает решение исключить Х.-К. Штрахе, возглавлявшего «свободных» на протяжении 14 лет. В ответ ряд сторонников Штрахе покидают партию, чтобы основать собственный «Альянс за Австрию».³²⁷ Между тем, на последовавших после распада коалиции досрочных выборах АПС потеряла 9,9% голосов, однако сохранила статус третьей партии страны.³²⁸

Как и немецкие коллеги, в ситуации разворачивающегося коронавирусного кризиса «Австрийская партия свободы» довольно быстро приняла на вооружение тезис о неспособности правительства подготовиться к эпидемии. Парадоксальным образом в австрийском сценарии слова правых популистов о неподготовленности системы здравоохранения оказались ближе к истине, нежели успокаивающие заявления партий центра; более того, требования АПС (введение

³²² Wir wollen eine Medienlandschaft ähnlich wie der Orbán aufbauen [Электронный ресурс] // *Süddeutsche Zeitung*. 2019. Режим доступа: <https://www.sueddeutsche.de/politik/strache-video-aussagen-1.4449588>

³²³ FPÖ-Chef stellte gegen Wahlkampfhilfe Staatsaufträge in Aussicht [Электронный ресурс] // *Spiegel Online*. 2019. Режим доступа: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/heinz-christian-strache-geheim-videos-belasten-fpoe-chef-a-1268059.html>

³²⁴ Ibidem

³²⁵ Obermayer B., Obermaier F. Könnt ihr nicht das ganze Material veröffentlichen? [Электронный ресурс] // *Süddeutsche Zeitung*. 2019. Режим доступа: <https://www.sueddeutsche.de/politik/strache-videos-recherche-leserfragen-1.4455611>

³²⁶ Strache tritt zurück – gibt es jetzt Neuwahlen? [Электронный ресурс] // *Tagesschau*. 2019. Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/ausland/strache-ruecktritt-101.html>

³²⁷ Heinz-Christian Strache aus FPÖ ausgeschlossen [Электронный ресурс] // *Zeit Online*. 2019. Режим доступа: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2019-12/christian-strache-fpoe-oesterreich-ibiza-video-ausschluss>

³²⁸ Alle Zahlen und Grafiken zur Österreich-Wahl im Überblick [Электронный ресурс] // *Welt*. 2019. Режим доступа: <https://www.welt.de/politik/ausland/article199784328/Oesterreich-Wahl-Alle-Parteien-Zahlen-Grafiken-FPOe-abgestraft.html>

контроля в аэропортах, закрытие границ) зачастую превосходили реальные шаги властей.³²⁹ Тем не менее, требование жестких мер по борьбе с коронавирусом отнюдь не являлось отражением стратегической позиции АПС. Вводимые правительством ограничения для бизнеса и граждан правые популисты встретили критически: уже в мае 2020 г. глава АПС Н. Хофер обвинил руководство страны в «пропаганде страха» и сравнил коронавирус с гриппом, не представляющим опасности для более чем 80% населения.³³⁰

Несмотря на то, что представители АПС, как и немецкие правые популисты, публично заявляли о том, что коронавирусные ограничения нарушают базовые права человека^{331,332}, данный тезис нельзя назвать базовым элементом их риторики. В отличие от своих немецких коллег, не имеющих реального управленческого опыта, «Австрийская партия свободы» акцентирует отсутствие диалога не между народом и руководством страны, а внутри политических элит. Указывая на непрозрачность данных, которыми пользуются при принятии решений правящие партии, АПС намекает³³³, что создание коалиционного правительства (разумеется, с участием самой «Партии свободы») могло бы решить проблему.

3.3 Сравнение траекторий развития «Австрийской партии свободы» и «Альтернативы для Германии»

Выдержанная в синонимичных тонах антиевропейская и антииммигрантская риторика привела к тому, что восприятие двух немецкоязычных партий является, в целом, достаточно схожим. Между тем, анализ траектории развития «Альтернативы для Германии» и «Австрийской партии свободы» демонстрирует множество различий.³³⁴ В отличие от своих немецких коллег, АПС принадлежит к числу «старых партий», и, хотя ее позиции воспринимались и воспринимаются как более радикальные, чем у классических правых консерваторов, австрийская политическая система целиком приняла ее как свою неотъемлемую часть. Даже в ситуации, когда лозунги АПС трактуются определенной частью электората как антидемократические, широкие

³²⁹ Die FPÖ und das Coronavirus: Einsamer Mahner oder Panikmacher? [Электронный ресурс] // Der Standard. 2020. Режим доступа: <https://www.derstandard.at/story/2000116073365/die-fpoe-und-das-coronavirus-einsamer-mahner-oder-panikmacher>

³³⁰ Corona für FPÖ-Hofer nur "ein Grippevirus", das großteils "nicht gefährlich" sei [Электронный ресурс] // Kurier. 2020. Режим доступа: <https://kurier.at/politik/inland/corona-fuer-fpoe-hofer-nur-ein-grippevirus-das-grossteils-nicht-gefaehrlich-sei/400840742>

³³¹ LAbg. Wall: „Beschränkte Freiheitsrechte während Corona-Krise auch für Volksanwaltschaft problematisch“ [Электронный ресурс] // FPÖ Landtagsklub Oberösterreich. 2021. Режим доступа: <https://www.fpoe-ltklub-ooe.at/labg-wall-beschaenkte-freiheitsrechte-waehrend-corona-krise-auch-fuer-volksanwaltschaft-problematisch/>

³³² „Schwarz-Grün greift unsere Grundrechte an!“ – Herbert Kickl über die Corona-Demo-Untersagung [Видеозапись] // FPÖ TV. YouTube. 2021. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=M8IyAqz4-BY>

³³³ Corona-Maßnahmen: FPÖ will Allparteienregierung [Электронный ресурс] // Die Presse. 2020. Режим доступа: <https://www.diepresse.com/5884680/corona-massnahmen-fpo-will-allparteienregierung>

³³⁴ Подробнее см.: Стракевич А. А. «Старые» и «Новые» правые популисты в Западной Европе (на примере «Альтернативы для Германии» и «Австрийской Партии Свободы») / Россия и современный мир. 2019. №2(103). С. 126-140

слои населения проявляют готовность поддерживать партию на выборах. Вопреки своему образу «антиэлитарной силы», АПС имеет реальный опыт вхождения в правительство. Как демонстрирует риторика партии в период коронавирусного кризиса, АПС стремится не просто аккумулировать голоса недовольных, но конвертировать их в реальные политические преимущества для самих себя.

В свою очередь «Альтернатива для Германии» по-прежнему сохраняет маргинальный статус в германской политической системе. Как показала ситуация вокруг избрания Т. Кеммерниха премьер-министром Тюрингии, система не просто не готова «нормализовать» статус АдГ, но и наказывает всякое поведение, идущее вразрез с избранной стратегией. Между тем, как АдГ проявляет готовность двигаться в сторону умеренного электората, даже при необходимости отсечь от себя часть электората радикального – на что указывают попытки сгладить ситуацию с «Крылом». Как будет продемонстрировано далее, «курс на центр» присущ также политике АПС; ситуация с исключением Х.-К. Штрахе также является, на наш взгляд, показателем данного курса – но одновременно отражает текущие репутационные потребности, а потому не должна ставиться выше иных наблюдений.

Наконец, анализ траектории развития немецких и австрийских правых популистов демонстрирует устойчивость самого явления и его эндогенную природу по отношению к соответствующим политическим системам. В ФРГ, как и в Австрии первые праворадикальные силы с антиэлитарной риторикой появляются еще в послевоенные в качестве своеобразного инструмента адаптации бывших национал-социалистов к новым условиям. Несмотря на постоянное пристальное внимание со стороны властей, во многом вызванное перетеканием кадров между праворадикальными силами улицы и более умеренными партийными силами, соответствующие партии никогда не исчезали с политической арены и демонстрировали политические успехи на фоне формирования консенсуса между крупнейшими партиями по острым вопросам или в случае их игнорирования центристами (рост популярности немецких «Республиканцев», поднявших в 1989 г. тему турецкой иммиграции, успехи австрийских «свободных» на фоне проевропейского консенсуса СПА и АНП в 1999 г.).

При этом, как показывает пример немецких правых, на смену одним протестным партиям время от времени приходят другие, получающие дополнительное преимущество благодаря своей новизне и внесистемности. В то же время некоторым «старым» партиям удается пронести протестный имидж через многие годы – что, впрочем, не отменяет создания новых протестных партий в том же политическом поле. Кроме того, правые популисты нередко оказываются в ситуации раскола, что представляется прямым следствием их «сборной» структуры:

объединенные протестной идеей разнородные силы начинают расходиться по частным вопросам; более радикальные группы вступают в противоречие с умеренными; наконец, конфликты порой возникают вокруг харизматичных фигур, играющих в партиях ведущие роли. Покидая в силу различных обстоятельств свои посты в «больших» правопопулистских партиях, харизматичные лидеры нередко пытаются основать собственные малые протестные партии (как то произошло с Ф. Петри и Х.-К. Штрахе), однако редко достигают значимых успехов.

4. Перспективы сотрудничества австрийских и немецких правых популистов

Избрав конструктивизм в качестве теоретической базы настоящего исследования, мы делаем предположение, что реальный политический вес имеют не только заключаемые партиями соглашения и достигаемые договоренности, но и те значения, которые отдельные стороны вкладывают в свои действия. В рамках предыдущего раздела мы предприняли попытку обрисовать внутривнутриполитические траектории развития «Альтернативы для Германии» и «Австрийской партии свободы», выявив несколько значимых для сравнения формальных критериев. Настоящий раздел призван добавить к анализу внешнеполитическую компоненту деятельности партий. В фокусе нашего внимания оказываются, с одной стороны, трансграничные стратегии партий в том виде, в котором они артикулируются их руководством. С другой стороны, картированию подвергаются неявные представления о «своих» и «чужих», позволяющие сделать прогнозы относительно продуктивности будущих взаимодействий.

4.1 Германские и австрийские правые популисты – взаимное восприятие и отношение к трансграничному сотрудничеству

Для «Альтернативы для Германии» сотрудничество с иностранными партиями является спорным и многослойным вопросом. В 2016 г. – т. е. еще до того, как глубина отторжения АдГ традиционными партиями Германии стала очевидна – А. Гауланд выступил на страницах пропартийного издания *Junge Freiheit* с достаточно сдержанной позицией: «[Мы должны] с осторожностью относиться к дружбе с другими партиями. Она рискует быстро закончиться культурой вмешательства [...]. Мы должны устанавливать контакты с государствами, а не с их отдельными представителями, чей уход с политической сцены может поставить под вопрос отношения в целом».³³⁵ Таким образом, сотрудничество с оппозиционными своим правительствам силами объявлялось противоречащим установке на привилегированную роль государства как актора мировой политики.

Между тем, уже в 2017 г. АдГ приглашает представителей правопопулистских сил в г. Кобленц – на конференции под лозунгом «Свобода для Европы» собираются представители таких партий, как французский «Национальный Фронт», голландская «Партия свободы» и итальянская «Лига Севера». Согласно точке зрения, высказанной журналистами саксонского регионального издания *Sächsische Zeitung*, особого внимания заслуживает факт отсутствия на встрече представляющего АПС Х.-К. Штрахе. Журналисты предположили: приглашая М. Ле Пен и Г. Вильдерса в Кобленц, стремилась перехватить инициативу у своих более радикальных

³³⁵ Gauland A. Die Tücken der bilateralen Parteibeziehungen [Электронный ресурс] // *Junge Freiheit*. 2016. Режим доступа: <https://jungefreiheit.de/debatte/kommentar/2016/die-tuecken-der-bilateralen-partiebeziehungen/>

однопартийцев, стремившихся к укреплению трансграничных контактов со своими единомышленниками.³³⁶ В пользу высказанной версии говорит более позднее интервью Ф. Петри, в котором политик комментирует свое решение выйти из АдГ: «Мы не хотим, чтобы Хёке и его люди встречались с политиками вроде Ганса-Кристиана Штрахе из "Австрийской партии свободы" или Марин Ле Пен из "Национального Фронта", а затем использовали эти связи в качестве инструмента внутренней борьбы за власть».³³⁷ Неясной, впрочем, остается в рамках данной теории позиция «Альтернативы» по отношению к французскому «Национальному фронту».

Чем же объясняется неоднозначность подхода АдГ к своим австрийским коллегам? На наш взгляд, наиболее значимым раздражающим фактором двусторонних отношений долгое время оставалась личность Х.-К. Штрахе, придерживавшегося патерналистского подхода к молодой немецкой партии. Особенно ярко контраст между подходами политиков внутри АПС проявляется при сравнении двусторонней встречи партий в Дюссельдорфе в феврале 2016 г. и выступлении австрийских политиков на съезде АдГ в Остерхофене в марте 2017 г. В первом случае АПС была представлена Х. Вилимским – и красной нитью через речи ораторов проходила мысль о невмешательстве в дела друг друга. Как М. Претцель, выступавший от имени АдГ, так и Х. Вилимский говорили преимущественно о проблемах собственных стран, а также Европы в целом. Звучала критика в адрес евро как инструмента, подавляющего более слабые национальные экономики Европы; высказывалась идея о необходимости будущего развития интеграционных процессов лишь в рамках узкого круга североевропейских стран, чье социально-экономическое развитие находится на близких уровнях – однако внутренняя политика другой стороны оставалась неприкосновенной темой.³³⁸ Однако всего год спустя в Остерхофене Х.-К. Штрахе позволил себе открыто обвинить А. Меркель в «предательстве собственного народа» и проведении «разрушительной политики».³³⁹

Говоря о проблемах, с которыми сталкиваются Германия и Австрия, Х.-К. Штрахе не задает общий вектор взаимодействия, а будто риторически возвышается над ситуацией, давая оценку как состоянию германского политического поля в целом, так и действиям АфД: «Мы все это сами пережили [...]. Партия, подобная вашей, которая дает ответ на тревоги, потребности,

³³⁶ Alexe T. Warum Petry weg von der AfD will [Электронный ресурс] // Sächsische Zeitung. 2017. Режим доступа: <https://www.saechsische.de/warum-frauke-petry-weg-von-der-afd-will-3782238.html>

³³⁷ Petry: Meuthen vom Höcke-Flügel der AfD abhängig [Электронный ресурс] // Merkur.de. 2018. Режим доступа: <https://www.merkur.de/politik/petry-meuthen-vom-hoecke-fluegel-afd-abhaengig-zr-9489380.html>

³³⁸ Die Blaue Allianz. Startschuss der Zusammenarbeit von AfD und FPÖ [Электронный ресурс] // Alternative für Deutschland. Landesverband Bayern. 2016. Режим доступа: <https://www.afdbayern.de/die-blaue-allianz-startschuss-der-zusammenarbeit-von-afd-und-fpoe/>

³³⁹ Politischer Aschermittwoch: Frauke Petry und Heinz-Christian Strache am 01.03.2017 [Видеозапись] // Youtube. 2017. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=vbvX-QbE_aU

проблемы людей, которой хватает мужества открыто говорить о проблемах и запросах людей – да, вы опасны для системы. Эта система не обладает саморефлексией, она готова применять все средства – в том числе антидемократические – чтобы вас подавить. Но граждане это понимают».³⁴⁰ Особенно ярко патернализм слов Х.-К. Штрахе, проявляется при сравнении с другим выступлением – а именно речью, произнесенной политиком на одной из совместных конференций с французским «Национальным фронтом». «Мы – единственные истинные европейцы, выступающие за ценности, сделавшие наш континент великим и значимым. [...] Мы все преследуем общую цель, а именно – защиту исторически сложившихся идентичностей европейских наций, которым угрожают как неконтролируемая иммиграция из культурно чуждых регионов, так и глобализация по американскому образцу», – заявил тогда председатель АПС.³⁴¹ Таким образом, АдГ видится Х.-К. Штрахе учеником, рассчитывающим повторить успех АПС, в то время как «Национальный фронт» признается равной по своему статусу политической силой, ведущей общую с австрийской партией борьбу.

Определенная часть верхушки АдГ готова принять на себя предлагаемую им со стороны АПС роль учеников – и в этом действии отчетливо прослеживаются традиционные паттерны взаимодействия австрийских и немецких правых. Еще в 2000 г. германское издание *ZDF* опубликовало материал, раскрывающий многочисленность контактов АПС с немецкими праворадикальными силами. С середины 1990-х гг. немецкие «Республиканцы» охотно приглашали крупнейших политиков АПС на партийные мероприятия. Журналисты *ZDF* оценивают визиты Й. Хайдера и А. Мёльцера как попытки подстегнуть радикализм в немецкой политике; с австрийским влиянием связывают и раскол в рядах штуттгартского отделения СвДП. Вдохновленный предположительно выступлениями Й. Хайдера, в 1994 г. от партии откалывается так называемый «Каннштаттский круг». Утратив связь со «свободными демократами», представители «круга» ищут поддержки в среде правых радикалов и устанавливают связи с НДПГ, «Республиканцами» и «Немецким народным союзом».³⁴² Примечательно, что некоторые наблюдатели (к примеру, Г. Браунталь) рассматривают контакты немецких правых с Й. Хайдером как попытки стать ближе к умеренному избирателю: несмотря на личный

³⁴⁰ HC Strache: «Europäische Visionen - Visionen für Europa» [Видеозапись] // Facebook. 2016. Режим доступа : <https://www.facebook.com/HCStrache/videos/10153631178928591/UzpfStc0ODY1MDM4NTkwOjEwMTUzNjMyODkwOTAzNTkx/>

³⁴¹ HC Strache beim Front National: «Wir sind die einzigen echten Europäer!» [Видеозапись] // FPÖ TV. – 2014. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=8iebYT_dT3k

³⁴² Haider und die Rechtsradikalen ZDF-Bericht über Haider [Электронный ресурс] // Dokumentationsarchiv des österreichischen Widerstandes. 2000. Режим доступа: <https://www.doew.at/erkennen/rechtsextremismus/rechtsextremismus-in-oesterreich/archiv-fpoe-bis-2004/haider-und-die-rechtsradikalen>

радикализм последнего, АПС, в отличие от немецких крайне правых, отнюдь не была маргинальной политической силой.³⁴³

Схожие мотивы способствовали контактам немецких и австрийских правых и два десятилетия спустя. Будучи с визитом в Вене в 2017 г., А. Гауланд заявил в интервью собственному каналу АПС: австрийская партия видится «Альтернативе для Германии» образцом, успехи которого АдГ желает повторить на немецкой политической арене.³⁴⁴ Принципиальных изменений в отношении АдГ к АПС не принес и скандал с участием Х.-К. Штрахе, существенно подорвавший позиции последних внутри Австрии. «У них можно поучиться тому, как преодолевать тяжелые времена», – заметил на пресс-конференции после встречи в январе 2020 г. А. Гауланд. Не менее любопытно и другое заявление А. Гауланда, крайне нетипичное для германской политики, развитие которой во многом определяется опытом фашизма: «Для нас, немцев, Австрия – страна, с которой мы сотрудничаем наиболее близко, поскольку в культурном, политическом и языковом смысле мы едины».³⁴⁵

Как АдГ, так и АПС практически не используют свои аккаунты в *Twitter* для высказываний друг о друге – однако периодически обмениваются заявлениями на платформе *Facebook*. В период 2016-2017 гг. «Австрийская партия свободы» активно хвалила своих коллег, «находящихся на верном пути», освещала встречу в г. Кобленц, публиковала интервью с представителями «Альтернативы» и даже заявляла о необходимости более глубокого сотрудничества и синхронизации действий по отдельным направлениям – к примеру, отмене антироссийских санкций. В 2018-2019 гг. АдГ практически не упоминается на странице АПС, зато в 2020 г. АПС все активнее в позитивном ключе комментирует внутривнутриполитические шаги АдГ и критикует отказ немецкой политической системы интегрировать партию. В свою очередь, АдГ стабильно ограничивался поздравлениями, адресованными австрийским правым по случаю тех или иных успехов (впечатляющий результат на выборах, успех в продвижении антииммиграционной риторики в Австрии и т. д.). АдГ слабо освещала межпартийные мероприятия и не заявляла о необходимости углубить сотрудничество с АПС. Речь в публикациях АдГ не идет и об объединении усилий по каким-либо вопросам: даже признавая верным внутривнутриполитический курс АПС, «Альтернатива» никогда не употребляет слова пример в отношении австрийских коллег.

---

³⁴³ Braunthal G. *Right-Wing Extremism in Contemporary Germany*. Springer, 2009. P. 45

³⁴⁴ Die AfD (Alternative für Deutschland) zu Gast bei HC Strache und der FPÖ [Видеозапись] // FPÖ TV. 2017. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=4LWsZJ3vyqI>

³⁴⁵ Kamann M. Was die AfD von der FPÖ lernen will [Электронный ресурс] // Welt. 2020. Режим доступа: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article205423351/Gauland-Weidel-und-Kickl-Was-die-AfD-von-der-FPOe-lernen-will.html>

Несмотря на подобную холодность, в январе 2020 г. достоянием общественности становится любопытный факт из совместной биографии АдГ и АПС: согласно данным, опубликованным *Die Presse*, многие бывшие сотрудники АПС перешли на работу к немецкой АдГ после распада австрийского правительства в 2019 г. По информации издания, подобное перетекание кадров не было результатом спланированной политики АдГ, однако рассматривалось партией как большая удача на фоне испытываемых ею сложностей с привлечением персонала.³⁴⁶ В своих официальных заявлениях ни одна из сторон не прокомментировала данный факт. Тем не менее, сам факт сближения с АдГ вызвал дебаты внутри АПС: к примеру, возглавляющий одно из региональных отделений партии К. Бичи порекомендовал своим коллегам сосредоточиться на внутренних задачах вместо налаживания контактов с иностранными партиями.³⁴⁷

Впрочем, в рамках «Австрийской партии свободы» подход К. Бичи является скорее маргинальным. В отличие немецких коллег, АПС на протяжении многих лет не только не отвергает контакты с партиями других стран, но и инициирует их. Первая попытка АПС направить многосторонние контакты европейских правых относится к ноябрю 2005 г., когда руководство партии пригласило на форум в Вене представителей «патриотических сил» Франции, Италии, Испании, Бельгии, но также Болгарии, на тот момент лишь готовившейся к вступлению в ЕС. Результатом встречи стало решение о создании контактной группы со штаб-квартирой в Вене, призванной подготовить почву для будущего сотрудничества партий в рамках Европейского Парламента.³⁴⁸

Кроме того, партии подписали так называемую Венскую Декларацию. «В свете угрозы европейским ценностям, порожденной глобализацией, массовой иммиграцией и отрицанием реальности сторонниками политкорректности» подписанты требуют «создания Европы свободных и независимых наций», отказа от «попыток учреждения централизованного европейского супергосударства», равно как и «расширения европейской интеграции на культурно, религиозно и этнически не относящиеся к Европе области Азии и Африки (в т. ч.

---

³⁴⁶ Ehemalige FPÖ-Mitarbeiter sollen nun bei der AfD arbeiten [Электронный ресурс] // Wiener Zeitung. 2020. Режим доступа: <https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/politik/oesterreich/2047694-Ehemalige-FPOe-Mitarbeiter-sollen-nun-bei-der-AfD-arbeiten.html>

³⁴⁷ FPÖ-Landeschef kritisiert Kickls AfD-Besuch [Электронный ресурс] // Kronen Zeitung. 2020. Режим доступа: <https://www.krone.at/2088717>

³⁴⁸ Belien P. Far Right Parties in Europe Join Forces [Электронный ресурс] // The Brussels Journal. 2005. Режим доступа: <https://www.brusselsjournal.com/node/484>

Турцию)», защиты Европы от угроз терроризма, исламизма и «экономической агрессии стран с низким уровнем оплаты труда».³⁴⁹

Проект «Австрийской партии свободы» в случае его дальнейшего успешного развития мог бы стать противовесом усилиям французских правых. Последние пытались наладить диалог с силами, не мыслящими, говоря словами Ш. де Голля, «другой Европы, кроме Европы государств», еще с 1980-х гг. В разное время в проекте «технического сотрудничества» участвовали, наряду с «Национальным фронтом», немецкие «Республиканцы», итальянская «Ломбардская Лига», бельгийский «Фламандский блок» – однако противоречие программных установок отдельных партий неизменно приводило к тому, что сотрудничество оказывалось лишь декларативным.³⁵⁰

В 1997 г. Ж.-М. Ле Пен решает придать проекту второе дыхание. Французский политик отправляется с визитом в страны Центральной Европы (Чехию, Словакию, Венгрию) с целью привлечь сторонников, скептически относящихся к идеям усиления наднациональных европейских институтов.³⁵¹ Несмотря на некоторое охлаждение в отношениях правых к 1999 г.³⁵², уже несколько лет спустя намечается новый подъем. Европейские выборы 2004 г. знаменовали беспрецедентный успех правых популистов: никогда прежде представители данной части политического спектра не получали столько мест в Европейском парламенте: успехи праздновали, среди прочих, французский «Национальный фронт», «Фламандский Блок», «Датская Народная партия», британская «Партия Независимости Соединенного Королевства».³⁵³ В то время как «Австрийская партия свободы» пыталась установить контакты с западноевропейскими партиями, французский «Национальный фронт» сосредоточился на своем проекте *Euronat*, включающем центральноевропейские партии. Энтузиазм политиков был настолько велик, что долгосрочной целью объявлялось сотрудничество не только в рамках Европейского союза, но и в масштабах всего мира.³⁵⁴

³⁴⁹ Wiener Erklärung der europäischen patriotischen und nationalen Parteien und Bewegungen [Электронный ресурс] // APA-OTS. 2005. Режим доступа: https://www.ots.at/presseaussendung/OTS_20051114_OT0051/wiener-erklaerung-der-europaeischen-patriotischen-und-nationalen-parteien-und-bewegungen

³⁵⁰ Almeida D. The Impact of European Integration on Political Parties: Beyond the Permissive Consensus. Taylor & Francis, 2012. P. 139

³⁵¹ Vejvodová P. A Thorny Way to Find Friends: Transnational Cooperation and Network-building amongst Right-wing and National Populist Parties // Exposing the Demagogues. Right-wing and National Populist Parties in Europe. Konrad Adenauer Stiftung, 2013. P. 381

³⁵² von Beyme K. Rightwing Populism: An Element of Neodemocracy. Springer, 2018. P. 41

³⁵³ Schulz M. Kooperationsbestrebungen rechtsextremer und rechtspopulistischer Parteien im Europa-Parlament // Strategien der extremen Rechten: Hintergründe – Analysen – Antworten / Braun S., Geisler A., Gerster M. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. P. 485

³⁵⁴ Zúquete J. P. The new frontlines of right-wing nationalism // Journal of Political Ideologie. 2015. 20 (1). P. 73-74

Ни французский, ни австрийский проект не сумели в конечном итоге принести каких-либо реальных результатов. Проект *Euronat/Mondo-Nat* переходит в «спящую» стадию развития и окончательно прекращает свое существование – в том числе в Интернет-пространстве – к концу десятилетия.³⁵⁵ В свою очередь энтузиазм АПС в качестве локомотива трансграничного сотрудничества правых резко снижается на фоне противоречий между более и менее радикальным крылом внутри самой партии. Широкий резонанс в 2005 г. вызвало решение депутата Европейского Парламента от АПС А. Мёльцера воздержаться во время голосования по резолюции, посвященной освобождению узников Аушвица. В ходе дебатов депутат заявил, что сегодняшняя Австрия не должна нести ответственности за прошлое.³⁵⁶ В скором времени А. Мёльцер, конфликтовавший с руководством партии, был исключен из АПС «за поведение, приносящее партии вред».³⁵⁷ В том же 2005 г. АПС покидает Й. Хайдер, принявший решение основать собственный «Союз за будущее Австрии». Примечателен комментарий, опубликованный в ответ на данные события немецким изданием *Deutschlandfunk*: «Границы между «Союзом за будущее Австрии» и «Австрийской партией свободы» пролегают не по идеологическим линиям, а между сторонниками правительства и Хайдера и его критиками».³⁵⁸

Французский проект возрождается в январе 2007 г. по инициативе Ж.-М. Ле Пена и А. Муссолини в форме группы депутатов Европейского парламента «Идентичность, традиция, суверенитет». В состав группы вошли, среди прочих, и депутаты от АПС. Однако уже в ноябре 2007 г. Европейский парламент объявил о прекращении существования группы; формальной причиной послужила ее неспособность удержать в своих рядах минимально необходимое согласно регламенту ЕП число членов (20).³⁵⁹ «Идентичность, традиция, суверенитет» потеряла часть своих сторонников вследствие резких комментариев А. Муссолини, заявившей в ходе внутривнутриполитических дебатов, что «преступность превратилась в образ жизни румын». В ответ румынская партия «Великая Румыния», входившая в группу крайне правых парламентариев, приняла решение покинуть объединение.³⁶⁰

---

³⁵⁵ Zúquete J. P. Ibidem

³⁵⁶ FPÖ-Politiker bestreitet Österreichs Mitverantwortung für Holocaust [Электронный ресурс] // Spiegel online. 2005. Режим доступа: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/eklat-fpoe-politiker-bestreitet-oesterreichs-mitverantwortung-fuer-holocaust-a-338876.html>

³⁵⁷ Haiders Partei schließt rechten Europaabgeordneten aus [Электронный ресурс] // Spiegel Online. 2005. Режим доступа: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/oesterreich-haiders-partei-schliesst-rechten-europaabgeordneten-aus-a-346927.html>

³⁵⁸ Haidinger M. Von der FPÖ zum BZÖ [Электронный ресурс] // Deutschlandfunk. 2005. Режим доступа: https://www.deutschlandfunk.de/von-der-fpoe-zum-bzoe.724.de.html?dram:article_id=98149

³⁵⁹ End of the Identity, Tradition and Sovereignty political group as Romanian MEPs leave [Электронный ресурс] // European Parliament. 2007. Режим доступа: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?language=en&type=IM-PRESS&reference=20071109BRI12778&secondRef=ITEM-003-en>

³⁶⁰ Mussolini's Romania Comments Split Extremist MEP Group [Электронный ресурс] // Spiegel Online. 2017. Режим доступа: <https://www.spiegel.de/international/europe/cat-fight-on-the-far-right-mussolini-s-romania-comments-split-extremist-mep-group-a-516407.html>

В скором времени бывшие члены группы АПС, НФ, болгарская «Атака» и бельгийский «Фламандский Интерес» объявили о намерении продолжить сотрудничество в духе венской декларации. Взявший инициативу в свои руки представитель АПС Г.-К. Штрахе объявил представителей «патриотических партий» «единственными истинными европейцами» и анонсировал готовящиеся переговоры о сотрудничестве с голландскими, кипрскими, датскими, итальянскими, словацкими партиями – упомянуты были также «патриотические силы» Индии, в то время как переговоры с немецкими Республиканцами были объявлены невозможными. Уже к ноябрю 2008 г. Г.-К. Штрахе обещал создать коалицию из 10 национальных единиц под рабочим названием «Европейская патриотическая партия».³⁶¹

Новые громкие заявления прозвучали в октябре 2009 г. в Будапеште, где было объявлено о создании «Альянса европейских национальных движений» (АЕНД), объединившего представителей французского и бельгийского «Национальных Фронт», итальянского «Трехцветного пламени», венгерского «Йоббика» и шведских «Национал-демократов». В дальнейшем к АЕНД присоединяются делегаты от Великобритании, Испании, Португалии, а также наблюдатели от украинской «Свободы». В качестве общих целей традиционно были заявлены сотрудничество в борьбе с терроризмом, иммиграционной проблемой, а также противостояние «политическому, экономическому, финансовому и религиозному империализму».³⁶² Примечательно, что основную роль в создании «Альянса» приписывают французскому «Национальному Фронту» и лично Б. Голльнишу, отвечавшему в тот период за международные связи НФ и ставшему во главе объединения. Однако уже в 2011 г. НФ покидает объединение: согласно комментарию *Le Monde*, цель М. Ле Пен, принявшей данное решение, состояла в дистанцировании от чрезмерно радикальных «друзей Голльниша».³⁶³

Согласно официальным заявлениям АПС, именно «чрезмерный радикализм» некоторых членов будущего объединения воспрепятствовал участию австрийской партии в «Альянсе».³⁶⁴ Речь преимущественно шла о венгерской партии «Йоббик», выступающей за пересмотр европейских границ – в том числе границ с Австрией. Любопытным в контексте оценки решения АПС не присоединяться к «Альянсу» представляется также интервью молодого австрийского

³⁶¹ Pink O. Eine Stunde mit den Patrioten [Электронный ресурс] // Die Presse. 2008. Режим доступа: https://diepresse.com/home/ausland/eu/357847/Eine-Stunde-mit-den-Patrioten?direct=357966&_vl_backlink=/home/ausland/eu/357966/index.do

³⁶² Vejvodova P. Transnational Cooperation of the Far Right in the European Union and Attempts to Institutionalize Mutual Relations // *The Extreme Right in Europe: Current Trends and Perspectives* / Backes U., Moreau P. (eds.). Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2011. P. 219-220

³⁶³ Stolz J., Salles A., Mestre A. Les infréquentables cousins de Grèce et de Hongrie [Электронный ресурс] // *Le Monde*. 2013. Режим доступа: https://www.lemonde.fr/europe/article/2013/11/14/les-infrequentables-cousins-de-grece-et-de-hongrie_3513447_3214.html

³⁶⁴ Strache will Jobbik nicht in neuer EU-Rechtspartei [Электронный ресурс] // *Der Standard*. 2011. Режим доступа: <https://www.derstandard.at/story/1308680071418/eu-strache-will-jobbik-nicht-in-neuer-eu-rechtspartei>

исследователя М. Фрайсслера с представителем партии Б. Томашицем, работавшим на тот момент депутатом Европейского парламента от АПС А. Мельцером. Открыто признается отмеченный выше по косвенным признакам скептицизм АПС по отношению к проектам с участием восточноевропейских партий. «Со стороны АПС были сомнения, будет ли данная европейская партия существовать в принципе и как долго она просуществует. Мы решили занять выжидательную позицию, понаблюдать, оставив для себя открытыми и другие возможности – если они предоставляются. <...> Далее – и это касается преимущественно восточноевропейского ландшафта – вновь и вновь быстро появляются партии, демонстрирующие электоральные успехи и исчезающие с экрана за пару лет», – сказал Б. Томашиц.³⁶⁵

Выход «Национального Фронта» из «Альянса» открыл путь к новому проекту с участием австрийских правых – созданию в 2010 г. «Европейского Альянса за Свободу» (ЕАС), заявившего претензию на статус европейской политической партии. Вступая в объединение, партии провозглашали своей целью «вынесенную за рамки политической дихотомии левые/правые»³⁶⁶ борьбу против всякой тенденции, «ведущей к созданию европейского супергосударства, и <...> проявлению тоталитарных характеристик в политическом развитии Европейского союза». «Альянс» единогласно заявил об отрицании такой общности, как «единый европейский народ», и обещал «обеспечить народам и нациям Европы возможность укреплять собственные исторические особенности и традиции, религиозные и культурные ценности». Во главе ЕАС встал представитель «Австрийской партии свободы» Ф. Обермайр.³⁶⁷

Впрочем, уже в 2013 г. французский «Национальный Фронт» вновь выступает с собственной инициативой сотрудничества: М. Ле Пен и представляющий голландскую «Партию свободы» Г. Вильдерс договорились о формировании коалиции в будущем составе Европейского парламента. Воздерживавшийся прежде от активного сотрудничества с европейскими коллегами Г. Вильдерс заявил о необходимости общей борьбы с «монстром из Брюсселя», тогда как М. Ле Пен ограничилась общими фразами о возвращении свободы и самостоятельности народам Европы.³⁶⁸ После достаточно успешных для правых популистов выборов 2014 г. инициировавшие трансграничное сотрудничество М. Ле Пен и Г. Вильдерс достаточно быстро смогли объединить вокруг себя представителей итальянской «Лиги Севера», «Австрийской

³⁶⁵ Freissler M. Für ein Europa der Nationen. Zur Kooperation rechtsnationaler Parteien in der Europäischen Union unter besonderer Berücksichtigung der Freiheitlichen Partei Österreichs : Masterarbeit zur Erlangung des akademischen Grades «Master of Arts». Wien, 2011. S. 137

³⁶⁶ Riedel S. Die kulturelle Zukunft Europas: Demokratien in Zeiten globaler Umbrüche. Springer-Verlag, 2014. S. 153

³⁶⁷ Zúquete J. P. Ibidem. P. 76

³⁶⁸ Busse N. Rechtes Bündnis gegen Brüssel [Электронный ресурс] // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2013. Режим доступа: <https://www.faz.net/aktuell/politik/europaeische-union/le-pen-und-wilders-rechtes-buendnis-gegen-bruessel-12662825.html>

партии свободы» и «Фламандского интереса» – однако отказались сотрудничать с радикальными правыми Польши («Новая правица») и Литвы («Порядок и справедливость»). Последние в результате были приглашены к сотрудничеству Н. Фараджем, представлявшим в ЕП «Партию независимости Соединенного Королевства».³⁶⁹ В результате Ле Пен и Вильдерсу не удалось выполнить внутреннее правило ЕП о формировании фракции (не менее 25 депутатов минимум из 7 стран) с первой попытки.

Возможность сформировать соответствующую регламенту коалицию предоставилась лишь в 2015 г., после того как от группы британских евроскептиков откололась бывший член «Партии независимости Соединенного Королевства» Дж. Аткинсон.³⁷⁰ Создание фракции «Европа наций и свобод» (ЕНС) было встречено национальными делегациями с большим энтузиазмом. Так, Г. Вилимский, глава делегации АПС в Европейском парламенте, заявил, что формирование ЕНС «заложило основу политически когерентной евроскептической группы, способной составить сильную оппозицию европейскому истеблишменту».³⁷¹ Впрочем, слова Вилимского о когерентности евроскептических голосов едва ли соответствовали действительности. Выводя за рамки отличающиеся подходы различных партий к частным проблемам – к этому вопросу мы вернемся позже – мы не можем не учесть и тех настроений, которые сподвигли отдельные силы присоединиться к фракции. Показателен пример представлявшего АдГ М. Претцелля: после того, как «Альянс европейских консерваторов и реформистов» исключил депутата за расистские высказывания, А. Гауланд порекомендовал М. Претцеллю присоединиться к «Европе наций и свобод» из тактических соображений, пока не появится более подходящего варианта.³⁷²

Пытаясь найти ответ на вопрос о том, почему ЕНС появилась именно в этот период, исследователи Д. МакДоннелл и А. Вернер, занимающиеся изучением взаимодействия крайне правых в Европейском парламенте, провели серию интервью с состоявшими во фракции парламентариями и их помощниками. Согласно их заключениям, ключевым фактором, способствовавшим объединению крайне правых, стали личные амбиции руководства отдельных партий (М. Ле Пен, М. Сальвини и Г. Вильдерса), а также их способность реализовывать

³⁶⁹ Willsher K., Traynor I. Marine Le Pen fails to form far-right bloc in European parliament [Электронный ресурс] // The Guardian. 2014. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/jun/24/marine-le-pen-fails-form-far-right-bloc-european-parliament>

³⁷⁰ Samuel H. Marine Le Pen forms far-Right group in European Parliament [Электронный ресурс] // The Telegraph. 2015. Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/11678565/Marine-Le-Pen-forms-far-Right-group-in-European-Parliament.html>

³⁷¹ FPÖ gründet mit Partnern EU-Fraktion «Europa der Nationen und der Freiheit» [Электронный ресурс] // FPÖ. 2015. Режим доступа: <https://www.fpoe.at/artikel/fpoe-gruendet-mit-partnern-eu-fraktion-europa-der-nationen-und-der-freiheit-enf>

³⁷² Zu rechts für die Rechten [Электронный ресурс] // Deutschlandfunk. 2016. Режим доступа: https://www.deutschlandfunk.de/afd-politiker-pretzell-zu-rechts-fuer-die-rechten.2852.de.html?dram:article_id=351144

подобные проекты, не встретив серьезной внутренней оппозиции. По словам бывшего депутата от АПС А. Мельцера, объединение виделось им попыткой преодолеть «взаимную маргинализацию маргинализированных». При этом у большинства опрошенных представителей национальных партий обнаруживалось описанное Д. Алмейдой стремление избегать контактов, способных пойти во вред перспективам формирования коалиций внутри страны. Иными словами, менее активные на международной арене партии (к примеру, «Датская народная партия» – к этой же категории следует отнести и не упомянутую Д. МакДоннелл и А. Вернер «Альтернативу для Германии»), в целом, не возражают против сотрудничества с более активными коллегами (будь то голландские, австрийские, французские или итальянские правые), но оценивают последних не с точки зрения взаимной близости позиций, но в контексте возможных репутационных издержек такого сотрудничества.³⁷³

Примечательно, что проведенный Д. МакДоннеллом и А. Вернер анализ паттернов голосования депутатов, входивших во фракцию ЕНС, демонстрирует низкую партийную дисциплину. Наибольшая согласованность действий достигалась в ходе голосований по внутренним процедурам деятельности Европейского парламента – что также согласуется с выводами более раннего исследования Р. Уайтейкера и Р. Линча, посвященного когерентности линий поведения евроскептиков в парламенте предыдущего созыва. В свою очередь, в таких сферах, как гражданские права, юстиция, образование и культура фракция голосовала синхронно лишь в 70% случаев.³⁷⁴

Пять лет спустя – после выборов в Европейский Парламент 2019 г. – «Альтернатива для Германии» официально присоединяется к фракции своих австрийских коллег. Одновременно «Движение за Европу наций и свобод» меняет название на «Идентичность и демократия» с более простой для запоминания аббревиатурой ID.³⁷⁵ Обновилась и заявленная на официальном сайте партийная платформа; при этом наряду с повторявшимися из года в год заявлениями о «недопустимости передачи национального суверенитета наднациональным органам и/или европейским институтам» добавляется тезис об отрицании «связи – в настоящем или прошлом – с каким-либо авторитарным или тоталитарным проектом» – очевидное свидетельство стремления привлечь нерадикального избирателя и дистанцироваться от обвинений в попытках возродить фашистскую идеологию. Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что «Идентичность и демократия» исключает из краткого описания своей платформы всякого рода

---

³⁷³ McDonnell D., Werner A. International populism. The radical right in the European Parliament. Oxford University Press. 2019. P. 144-152

³⁷⁴ Ibidem. P. 164-172

³⁷⁵ We Changed Our Name [Электронный ресурс] // Identity and Democracy Party. 2019. Режим доступа: https://www.id-party.eu/new_name

отсылки к сохранению европейской (христианской) цивилизации и ограничивается общей фразой о поддержании идентичности народов Европы.³⁷⁶

Несмотря на то, что сотрудничество правых популистов во многом остается ситуативным даже после формирования фракций в Европейском парламенте, само по себе присутствие подобного формата является значимым. Как отмечалось выше, европейская тематика играла значимую роль при формировании «Альтернативы для Германии», а также обеспечила «Австрийской партии свободы» один из крупнейших в ее истории электоральных успехов на рубеже 1990-ых-2000-ых гг. Отдельные события, происходящие в представляемых партиями странах, могут повышать и понижать значимость евроскептической риторики: будучи более привязанными к протесту, нежели конкретным его манифестациям, правые популисты хотя и не отказываются от своих антиевропейских позиций, порой предпочитают сконцентрироваться на иных темах. Тем не менее, способность правых популистов, зачастую жестко дискриминируемые в рамках национальных политических систем, создать свои коалиции в Европейском парламенте, позволяет «нормализовать» голоса представляемого ими электората.

Кроме того, вступая в коалиции в Европейском парламенте, правые популисты получают опыт взаимодействия с «родственными» партиями, с которыми, вероятнее всего, не столкнулись бы при иных обстоятельствах – что, говоря словами Н. Ю. Кавешникова, позволяет формировать *ad hoc* коалиции и «открывает перед договороспособными евроскептиками возможности влиять на результат законодательного и политического процесса».³⁷⁷ Присоединение к одной парламентской фракции не означает снятия противоречий: в этом смысле показательны события, последовавшие за скандалом 2019 г. вокруг Г.-К. Штрахе. Обвинения в связях с Россией обрушились на многие правопопулистские партии Европы. Защищая собственную репутацию, такие силы, как французское «Национальное объединение» или «Партия финнов» вынуждены были демонстративно дистанцироваться от той части австрийских коллег, которые были замешаны в скандале.^{378,379} Тем не менее, о полном разрыве отношений речь не шла. Так, представитель Датской народной партии А. Вистисен заявил в интервью изданию «*Netavisen Pio*»: «Если вам нужна группа в Европейском парламенте, вы объединяетесь с теми, чьи интересы на европейском уровне разделяете. Конкретный случай не меняет того факта, что АПС являются

³⁷⁶ Platform [Электронный ресурс] // Identity and Democracy Party. 2018. Режим доступа: <https://www.id-party.eu/platform>

³⁷⁷ Кавешников Н. Ю. Влияние трансформации партийно-политического пространства Евроюза на организацию и функционирование Европарламента // Современная Европа. 2020. 2. С. 173

³⁷⁸ "Le scandale Ibiza": Strache setzt Le Pen zu [Электронный ресурс] // Kurier. 2019. Режим доступа: <https://kurier.at/politik/ausland/le-scandale-ibiza-strache-setzt-le-pen-zu/400501408>

³⁷⁹ "Hän on täysin kontrollissamme" – Itävallan skandaalivideo on vain yksi esimerkki Venäjä-kytköksistä, joita perussuomalaisien uusilla EU-liittolaisilla on [Электронный ресурс] // Yle. 2019. Режим доступа: <https://yle.fi/uutiset/3-10792198>

одним из лидеров среди партий, требующих больше пространства и самоопределения для национальных государств».³⁸⁰ Таким образом, договороспособность и умеренность становятся ценными инструментами поддержания сформированных коалиций.

***

Несмотря на общность языка, установление диалога между австрийскими и немецкими правыми исторически сопровождалось значительными сложностями. Синхронно подчеркивая приоритетность национальных интересов, партии, тем не менее, по-разному формулируют свои международные стратегии. «Австрийская партия свободы» активно высказывается по темам, не связанным с австрийской политикой напрямую. В риторике АПС присутствует нарратив общей борьбы; идеологически близкие «старые» партии западноевропейских стран видятся руководству австрийских евроскептиков скорее союзниками, нежели противниками на политической арене. Примерно с середины 2000-х гг. АПС пытается взять в свои руки инициативу в деле объединения европейских правых – однако до сих пор не может добиться сколь-либо значимого результата. С одной стороны, причины кроются в присутствии сразу двух центров притяжения внутри правопопулистского лагеря – а именно французского «Национального фронта/Национального объединения», ориентированного на расширение сотрудничества за счет привлечения как можно более широкого географического круга партий, и собственно «Австрийской партии свободы», готовой сотрудничать преимущественно с западноевропейскими силами. С другой стороны, проблемой становится неопределенность и подвижность допустимого «градуса радикальности» как при международных контактах, так и внутри отдельных партий. Чрезмерная радикальность второй стороны исторически становилась, пожалуй, наиболее частой причиной распада сложившихся и планируемых коалиций.

«Альтернатива для Германии», будучи достаточно молодой политической силой, находится, на наш взгляд, в процессе определения своей линии поведения на международной арене. Как и в определенном смысле предшествовавшие ей на правопопулистском поле «Республиканцы», АдГ становится скорее объектом стратегий других сил (принимая их финансовую помощь и рекомендации), нежели выстраивает собственную политическую линию. Стремясь добиться признания во внутренней политике, АдГ во многом ориентируется на АПС и стремится перенести ее успех на немецкую почву. На общеевропейской арене позиция АдГ также невнятна: несмотря на значительный рост популярности внутри Германии, партия не сумела стать самостоятельным центром притяжения и вынуждена лавировать между другими центрами.

---

³⁸⁰ DF om skandaleramt østrigsk søsterparti: Ændrer ikke vores vurdering [Электронный ресурс] // Netavisen Pio. 2019. Режим доступа: <https://piopio.dk/df-om-skandaleramt-oestrigsk-soesterparti-aendrer-ikke-vores-vurdering>

4.2 Сравнительный анализ политических установок «Австрийской партии свободы» и «Альтернативы для Германии»

Ситуация активного кадрового обмена, развернувшаяся вокруг «Альтернативы для Германии» и «Австрийской партии свободы» после «Иббца-скандала», свидетельствует, что значительная часть договоренностей между правыми популистами является непубличной, скрытой от глаз сторонних наблюдателей. Тем не менее, мы убеждены: оценивать потенциал сотрудничества двух сил и их превращение в транснационального политического актора возможно, опираясь на данные открытых источников. Анализируя риторику партий по вопросам, имеющим внешнеполитический компонент (миграционные вопросы, европейская интеграция), мы стремимся выявить присущие руководству АдГ и АПС паттерны идентификации, а также оценить, в какой мере адресатом их риторики может являться трансграничное сообщество. К числу материалов, отобранных для анализа, относятся (1) официальные программные документы, подготовленные «Альтернативой для Германии» и «Австрийской партией свободы» к парламентским выборам в соответствующих странах; (2) данные, размещенные пользователями, ассоциированными с партиями, в социальных сетях; (3) стенограммы выступлений членов АдГ и АПС в Европейском парламенте.

Задача картирования политических позиций рассматриваемых партий решается нами при использовании электронных инструментов контент-анализа – в том числе специализированного программного обеспечения *MAXQDA*, созданного специалистами германской компании *VERBI Software GmbH*. Впервые выпущенная на рынок в 1989 г., программа позволяет исследовать разные типы данных – от текстов и изображений до видео и материалов социальных сетей.³⁸¹ Учитывая неоднородность форматов анализируемых данных, указанная характеристика стала одним из аргументов в пользу выбора *MAXQDA*. Кроме того, значимым преимуществом программы является техническая возможность одновременного анализа нескольких документов, а также автоматизированного составления сравнительных таблиц.

Добавленные в *MAXQDA* документы анализируются при помощи инструментов «Лексического поиска», а также инструментария *MAXDictio* (частота использования слов, ключевые слова в контексте). При количественном сопоставлении данных по отдельным тематическим блокам программ партий (миграционные вопросы, внешняя политика) текст соответствующих блоков выносился из основного файла в отдельный текстовый документ. Для исключения нерелевантных лексических единиц при анализе частоты употребления отдельных слов использовались так называемые «стоп-листы», включающие артикли, предлоги, союзы,

³⁸¹ Our Journey So Far [Электронный ресурс] // MAXQDA. Режим доступа: <https://www.maxqda.com/about>

местоимения, числительные, а также некоторые глаголы, обретающие смысловую нагрузку только в сочетании с другими единицами (*sein* [быть], *stehen* [стоять, иметься], *gehen* [идти] и т. п.). Наконец, для изучения паттернов идентификации партий применялись инструменты кодирования текста, доступные в *MAXQDA*. Кодирование представляет собой процесс, в ходе которого отдельным лексическим единицам, словосочетаниям или более крупным фрагментам текста присваивается обозначение («код»), что позволяет в дальнейшем картировать тексты с применением релевантных для данного исследования переменных.³⁸²

Работая с небольшими по объему документами (программы, стенографии выступлений представителей партий), мы преимущественно прибегали к сочетанию автоматизированного и ручного кодирования: прочитанному исследователем фрагменту текста присваивалась одна из соответствующих смысловых категорий: внешняя политика, внутренняя политика, политические конкуренты, демократический дефицит, миграционные вопросы, Европейский союз. В случае с большими объемами (к примеру, пул сообщений, оставленных представителями партий в социальных сетях) кодирование производилось на основе ключевых слов. Проанализировав наиболее часто употребляемые слова и комбинации, мы составили систему кодов и ключевых слов, которые к ним относились. В дальнейшем все найденные фрагменты с заданным ключевым словом маркировались установленным кодом (к примеру, все фрагменты, содержащие слова «замалчивать», «цензура», «свобода» кодировались как имеющие отношение к категории «демократический дефицит»). Полный список ключевых слов и кодов представлен в Приложении 1. В ходе последующего анализа сведения о совпадении кодированных фрагментов (встречаемость кодов в одном документе, одном абзаце и т. п.) систематизировались нами при помощи встроенных инструментов визуализации, представляемых *MAXQDA*. При этом наибольшее внимание уделялось трем тематическим блокам, имеющим сильный внешнеполитический компонент: (1) иммиграционная политика и политика по отношению к беженцам; (2) внешняя политика и восприятие интеграционных процессов в Европе; (3) идентификация партий и представления об угрозах. Несмотря на синонимичность подходов партий к отдельным внутривнутриполитическим вопросам, подробный сравнительный анализ позиций АдГ и АПС в таких сферах, как социальная, экономическая, образовательная политика и здравоохранение, не проводился.

Принимая во внимание существенные изменения в статусе рассматриваемых партий за последние пять лет (превращение АПС из правящей партии в потерявшую политические очки

---

³⁸² Подробно процесс кодирования с примерами описывается, например, у У. Кукартца. Kukartz U. Realizing Mixed-Methods Approaches with MAXQDA [Электронный ресурс] // MAXQDA. 2010. Режим доступа: <https://www.maxqda.de/download/MixMethMAXQDA-Nov01-2010.pdf>

оппозиционную; успешное прохождение АдГ в парламент с последующим фактическим бойкотом со стороны партий центра), мы предприняли попытку расширить круг анализируемых программ, включив в него документы разных уровней и лет. Так, к рассмотрению были приняты: (1) базовые программы «Альтернативы для Германии» 2016 г.³⁸³ и 2021 г.³⁸⁴, программа «Австрийской партии свободы», подготовленная к парламентским выборам 2017 г.³⁸⁵, и правительственная программа АПС и АНП на период 2017-2022 гг.³⁸⁶ (здесь следует отдельно отметить, что последовавшие за так называемым «Ибица-гейт» 2019 г. парламентские выборы не сопровождались выпуском новой всеобъемлющей программы АПС); (2) программы АдГ и АПС, выпущенные к выборам в Европейский парламент 2019 г.^{387,388}; (3) программы, выпущенные партиями к недавним региональным выборам – к выборам в Вене 2020 г.³⁸⁹ и Баден-Вюртемберге 2021 г. соответственно.³⁹⁰ Включая в число анализируемых документы, принятые в разных политических контекстах, мы стремимся проверить тезис Д. Алмейды, согласно которому крайне правые проявляют большую склонность к сотрудничеству друг с другом, находясь в оппозиции.

***

Одной из примечательных особенностей, обнаруживаемых нами при анализе партийных программ, является размытость границы между глобальной и локальной проблематикой, особенно сильно присущая немецким правым популистам. Программы, выдвинутые «Альтернативой для Германии» на выборах в Европейский парламент 2019 г. и региональных выборах в Баден-Вюртемберге в 2021 г., безусловно, характеризуются рядом отличий. Так, обращаясь к баден-вюртембергским избирателям, АдГ упоминает ряд специфических для региона тем – к примеру, многочисленность деловых связей местных предприятий с Россией и

³⁸³ Programm für Deutschland. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland [Электронный ресурс] // Alternative für Deutschland. 2018. Режим доступа: https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2018/01/Programm_AfD_Druck_Online_190118.pdf

³⁸⁴ Deutschland. Aber normal. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 20. Deutschen Bundestag [Электронный ресурс] // Alternative für Deutschland. 2021. Режим доступа: <https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2021/05/2021-05-20--AfD-Bundestagswahlprogramm-2021.pdf>

³⁸⁵ Freiheitliches Wahlprogramm zur Nationalratswahl 2017 [Электронный ресурс] // FPÖ. 2017. Режим доступа: www.fpoe.at/fileadmin/user_upload/Wahlprogramm_8_9_low.pdf

³⁸⁶ Zusammen. Für unser Österreich. Regierungsprogramm 2017–2022 // Freiheitliches Bildungsinstitut. 2017. Режим доступа: https://www.fbi-politikschule.at/fileadmin/user_upload/www.fpoe-bildungsinstitut.at/dokumente/Zusammen_Fuer_Oesterreich_Regierungsprogramm_2017_-_2022.pdf

³⁸⁷ Europawahlprogramm. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 9. Europäischen Parlament 2019 [Электронный ресурс] // Alternative für Deutschland. 2019. Режим доступа: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2019/03/AfD_Europawahlprogramm_A5-hoch_web_150319.pdf

³⁸⁸ EU-Wahl 2019 [Электронный ресурс] // Freiheitliche Partei Österreichs. 2019. Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20190527230337/https://www.fpoe.eu/sichere-grenzen/>

³⁸⁹ Wien braucht eine starke FPÖ. Unser Programm für Wien 2020 [Электронный ресурс] // FPÖ Wien. 2020. Режим доступа: https://web.archive.org/web/20200928201211/https://www.fpoe-wien.at/fileadmin/user_upload/www.fpoe-wien.at/documents/Wahlprogramm_2020_v5_Web.pdf

³⁹⁰ Landtagswahl-programm 2021. Alternative für Deutschland Baden-Württemberg [Электронный ресурс] // Alternative für Deutschland Baden-Württemberg. 2021. Режим доступа: https://afd-bw.de/afd-bw/wahlprogramme/landtagswahlprogramm_afd_2021_a4.pdf

ключевую роль автомобильной промышленности для экономики федеральной земли. В свою очередь, на выборах в Европейский парламент партия предсказуемо говорит о темах, актуальных именно для политики европейского уровня: к примеру, о необходимости сокращения числа европейских бюрократов и урезания бюджетов на интеграционные проекты.

Тем не менее, не менее 30% проблем, поднимаемых в рассмотренной региональной программе, не соответствуют уровню выборов. Перед региональным избирателем ставятся, среди прочих, вопросы о повышении обороноспособности страны в «мультиполярном мире», о предотвращении формирования «европейского супергосударства» и об отказе от идеологически мотивированных экологических проектов. Обращает на себя внимание и присутствие лексики, отсылающей к выходящим за границы региона идентификационным группам («культура», «история», «традиции» в увязке с общенемецким, а не региональным контекстом), а также позиционирование внешних для федеральной земли сил (центристских партий, левых радикалов, евробюрократов) в качестве источника проблем.

Наблюдаемый в официальных документах АдГ сдвиг в пользу проблематики «высокого уровня» становится более очевидным при сопоставлении их региональной программы с документом, опубликованным их австрийскими коллегами накануне выборов в Вене в 2020 г. Так, «Австрийская партия свободы» уделяет заметно большее внимание локальным проблемам (социальное жилье, обучение в школах, платежи за коммунальные услуги, парковка и т. п.). Доминирующим внешним фактором, обсуждаемым в программе АПС, является иммиграция: согласно представлению авторов документа, беженцы создают излишнюю нагрузку на социальную систему, препятствуют эффективному образовательному процессу, совершают сравнительно большее по сравнению с коренным населением число преступлений. Однако большинство проблем открыто увязывается именно с действиями местных властей (красно-зеленой коалиции); тема внешнего врага в лице Брюсселя, навязавшего Австрии – и Вене как ее составной части – свою волю, практически не прослеживается, ограничивается лишь двумя краткими абзацами на первой странице. Примечательно, что сильный локальный компонент не является неотъемлемой компонентой региональной повестки АПС: так, структурно программа партии для венских выборов 2020 г. гораздо больше напоминает документы 2005 г.³⁹¹ и 2010 г.³⁹²,

³⁹¹ Unser Programm [Электронный ресурс] // FPÖ Wien. 2005. Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20051226093748/http://www.fpoe-wien.at/index.php?id=2164>

³⁹² Wien Gesamtprogramm [Электронный ресурс] // FPÖ Wien. 2010. Режим доступа: http://web.archive.org/web/20100216042952/http://www.fpoe-wien.at/fileadmin/Content/Wien/PDFs/wien_gesamtprogramm_05.pdf

акцентирующие местные проблемы, нежели алармистскую программу 2015 г.³⁹³, выдвигающую миграцию – тему, ставшую заметно более актуальной за 5 лет до этого – на первый план.

Хотя обе партии имеют в своих странах репутацию противников иммиграции, контент-анализ их программных документов, подготовленных к общенациональным выборам, демонстрирует не только различие их подходов к проблеме, но и неодинаковость взглядов на ее приоритетность. В качестве первого этапа мы проанализировали частоту встречаемости понятий, ассоциированных с миграцией, в программах АдГ и АПС. В построенной при помощи инструмента «частота использования слов» таблице мы обнаруживаем список всех встречающихся в тексте слов, ранжированный по частоте их употребления. Наша задача – определить место тематического лексикона, связанного с иммиграцией, среди остальных понятий. В качестве релевантных в данном контексте понятий отобраны: *Zuwanderung* (иммиграция), *Migration* (миграция), *Asyl* (убежище), *Flüchtling* (беженец) и однокоренные им слова, а также термин *Kultur* (культура), как правило, употребляемый рассматриваемыми партиями именно в контексте обсуждения миграции.

Достаточно быстро обнаруживается, что иммиграционная лексика в случае обеих партий стоит по своей упоминаемости ниже, чем лексика, связанная с европейской интеграцией или «демократическим дефицитом». В списке, исключающем нерелевантную для исследовательских целей лексику (предлоги, артикли, союзы, местоимения и т. п.), наиболее употребляемый среди отобранных «миграционных» терминов оказывается лишь 24-ым в программе АПС 2017 г. (термин *Kultur*) и 22-ым в программе АдГ 2021 г. (термин *Migration*). Примечательно, что в программе, выпущенной АдГ к предыдущим национальным выборам, относящийся к миграционной тематике термин *Einwanderung* занимал 8 место и не уступал (как то происходит в наиболее новой программе) таким категориям, как цифровизация, энергетика и климат. Обнаруживаемое изменение указывает на сдвиг в идентификационных процессах «Альтернативы»: партия все дальше уходит от статуса «миграционной» и все больше становится протестной в широком тематическом смысле.

Для выявления контекста, в котором приводятся отобранные для анализа термины, нами были использован инструмент «ключевые слова в контексте», позволяющий увидеть словосочетания и предложения, в которых употребляются выделенные слова. В дальнейшем

³⁹³ Wahlprogramm 2015 [Электронный ресурс] // FPÖ Wien. 2015. Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20151001134522/http://www.fpoe-wien.at/themen/wahlprogramm-2015/stopp-der-zuwanderung-und-schutz-auf-zeit-statt-tueren-auf-fuer-alle>

выделенные предложения также были подвергнуты анализу на частоту встречаемости отдельных слов. Благодаря данным операциям установлены следующие закономерности:

- В программе, выпущенной «Австрийской партией свободы» накануне выборов, тема миграции поднимается сравнительно чаще, чем в правительственной программе: в последней термин *Kultur* опускается на 37 строку и по-прежнему уступает европейской, экономической и даже семейной проблематике. Раздел национальной предвыборной программы, посвященный иммиграции, наполнен алармистскими формулировками; миграцию неизменно характеризуют как явление массовое, буквально нахлынувшее на Австрию (ключевые слова: *ungehindert* [неограниченный], *maßlos* [безграничный], *Migrationswelle* [миграционная волна]). Вводится термин *Leitkultur* [ведущая культура], не свойственный умеренному дискурсу; кроме того, утверждается необходимость защиты Родины [*Heimat*] перед лицом иммиграции. Гораздо более умеренными представляются формулировки, приводимые в правительственной программе. Так, в рамках последней АПС разграничивает два термина, обозначающих иммиграцию: *Zuwanderung* используется, как правило, для обозначения квалифицированной иммиграции, тогда как *Migration* – для указания на «нежелательные» прибытия. *Migration* в значительной степени секьюритизируется АПС, при этом партия призывает усилить государственный контроль с целью борьбы с порождаемой ею угрозой (ключевые слова: *Verfahren* [процедура], *technisch/cyber* [технический/цифровой – в контексте мер, принимаемых для предотвращения ассоциированных с иммиграцией преступлений]. Заметное внимание уделяется и экономическим последствиям иммиграции: с точки зрения АПС, основная проблема здесь состоит в возможном негативном влиянии на социальное государство. Примечательно, что выпущенная накануне выборов в Европейский парламент программа АПС стилистически скорее напоминает правительственную, чем предвыборную программу: используемая лексика являет не алармистской, но процедурной; для описания проблематики употребляются, среди прочих, глаголы *überdenken* [пересмотреть], *anpassen* [приспособить, скорректировать], *einführen* [ввести].
- В отличие от программы 2017 г., единственный миграционный раздел которой называется «Миграция, интеграция, убежище», в 2021 г. АдГ отдельно выделяет также часть текста, посвященную исламу. Уже в 2017 г. АдГ не отрицает, что Германия фактически стала страной иммиграции (*de facto Einwanderungsland*). Неслучайным в данном контексте кажется тот факт, что наиболее часто употребляемым в

соответствующем разделе термином становится *Integration* (интеграция): с точки зрения партии, каждый иммигрант обязан интегрироваться в немецкое общество. В 2021 г. о миграции еще более явно говорят как о свершившемся факте, отсюда – необходимость работать с последствиями массового притока иностранцев. АдГ говорит о необходимости ограничить иммиграцию в будущем, лучше охранять границы и наказывать тех, кто злоупотребляет процедурой предоставления убежища – при этом парадоксальным образом используемая лексика (*unlösbar* [нерешаемый], *desaströs* [катастрофический], *dysfunktional* [дисфункциональный], *unübersehbar* [необозримый]) является не просто алармистской, но утверждает принципиальную неразрешимость существующих проблем. В данном контексте обращает на себя внимание многочисленность предложений с использованием пассивного залога и обезличенных конструкций (предложения с *werden*, *zu + Verb*) как в старой, так и в новой программах АдГ, косвенно отсылающей к отсутствию действующего субъекта. Наконец, для обеих программ характерно увязывание миграционной тематики и демократического дефицита. В 2017 г. АдГ более явно указывала политкорректность как препятствие на пути общественного диалога, в 2021 г. ограничивается замечанием о том, что критика ислама должна быть столь же приемлема, сколь критика любой другой религии. В обеих программах заявляется о необходимости участия граждан в будущих решениях по миграционной тематике.

Аналогичные аналитические процедуры были применены нами и в отношении другого тематического блока – а именно внешней и европейской политики. Европейская тематика занимает важное место в программах обеих партий: у АдГ 11 место отдано аббревиатуре «ЕС» и 15 место – «евро» (*Euro*); у АПС слово «евро» находится на 22 строчке по упоминаемости (при этом примечательно, что ассоциированные с ЕС понятия утратили свои позиции в программе АдГ 2021 г. в сравнении с 2017 г. и, напротив, оказались выше по упоминаемости в правительственной программе АПС, нежели в предвыборной программе). В документах каждой из партий есть отдельный раздел, посвященный европейской политике – соответствующие разделы были проанализированы нами при помощи инструментов «кодирование» и «ключевое слово в контексте».

- Значительную часть тематического блока по внешней политике в правительственной программе «Австрийской партии свободы» занимают требования большей демократичности в вопросах развития ЕС. В этом смысле одним из базовых терминов программы АПС является «субсидиарность» (*Subsidiarität*) – принцип, согласно которому большинство проблем должно

решаться на местах, а не на общеевропейском уровне власти. Необходимость дальнейшего существования Европейского союза не ставится АПС под сомнение, не идет речь напрямую и о выходе Австрии из ЕС. Партия ограничивается замечаниями о необходимости совместного определения будущего развития ЕС (ключевые слова: *umfassende europäische Debatte über die Reform* [всеобъемлющие европейские дебаты о реформе], *EU-Konvent* [европейское собрание]), причем предложения по будущим реформам должны формулироваться на национальном уровне. Одно из предлагаемых АПС направлений реформы – формулирование более ясных правил приема в ЕС. Важным элементом внешнеполитической программы АПС в целом (без привязки к Европе) является концепция безопасности (*Sicherheit*). По соседству с данным понятием зачастую оказываются такие вполне ожидаемые единицы, как стабильность (*Stabilität*) и порядок (*Ordnung*), но также термины, свидетельствующие о приверженности АПС многосторонним форматам (*international* [международный], *multilateral* [многосторонний]). Напротив, предвыборная программа АПС 2017 г. не содержит ни одной отсылки к многосторонности. Акцент в документе сделан на необходимости защищать суверенитет, свободу и нейтралитет в условиях «кризиса справедливости» [*Fairness Krise*], захлестнувшего Европу. Тенденции развития ЕС (навязывание собственных правил и законов, массовая иммиграция, «долговой союз») позиционируются в программе АПС в качестве основных угроз. Аналогичные характеристики присущи и программе, подготовленной АПС к Европейским выборам 2019 г.: под общим девизом «Больше Австрии – меньше ЕС» АПС призывает сохранить или восстановить единогласие по большинству рассматриваемых в рамках ЕС тем, не допустить перехода социальных вопросов под ответственность ЕС, предотвратить ввод европейских налогов и создание европейской армии.

- В отличие от своих австрийских коллег, АдГ полагает, что ЕС в его нынешней форме не пойдет на реформы, способные сделать его по-настоящему отвечающим интересам стран-членов, а потому считают необходимым для Германии выйти из Союза и участвовать в создании нового интеграционного проекта. Радикально отличается лексический набор, используемый авторами программы при упоминании ЕС и национальных государств. Так, когда речь заходит о национальных государствах, используются такие положительно окрашенные понятия, как *Demokratie* [демократия], *Freiheit* [свобода], *friedlich* [мирный], *lebendig* [жизнеспособный], *konstruktiv* [конструктивный]. В свою очередь

контекст, в котором упоминается ЕС, кодируется понятиями нежелательной централизации (ключевые слова: *Bundesstaat* [федерация], *planwirtschaftlicher Superstaat* [супер-государство с плановой экономикой]) и недемократичности (*Entdemokratisierung* [отступление от демократии]). В отличие от документа 2017 г., программа 2021 г. не говорит о европейской интеграции как о некоем «сговоре элит», но упоминает, что ее изначальный проект был искажен – без отсылки к конкретным акторам. В больших масштабах, чем в предшествующей программе, используются отсылки к суверенитету. Согласно тезису АдГ, источником суверенитета является народ, а Европейский союз собственным народом не обладает – следовательно, лишен значимой демократической легитимации. Евро продолжает оставаться одной из центральных тем, поднимаемых при обсуждении Европейского союза, однако его значимость снизилась в сравнении с программой 2017 г.: в прежней программе понятие занимало по упоминаемости 3 строчку, в новой – опустилось на 15. В отличие от 2017 г., в программе 2021 г. АдГ практически не говорит о евро как о некоем провальном элитарном проекте (прежние ключевые слова – *Fehlkonstruktion* [ошибочный конструкт], *Experiment* [эксперимент], *rein politisches Projekt* [чисто политический проект]), ограничиваясь коротким упоминанием недостаточной легитимности единой валюты.

Непростым для единообразного оценивания является вопрос идентификации рассматриваемых политических партий. Не все рассматриваемые программные документы содержат блоки, открыто и прямо обрисовывающие видение понятия «мы» в глазах партии. Сложность представляет и разнообразие лексических конструкций, используемых партиями для описания «своих» и «чужих». В результате в качестве релевантных в контексте идентификационного анализа лексических единиц нами были отобраны: местоимения *wir/unsere* и их формы (мы/наш), *Bedrohung* (угроза), *Herausforderung* (вызов), *Gefahr* (опасность) и однокоренные слова. Особый акцент сделан, таким образом, на негативной идентификации: включив в анализ понятия, семантически связанные с угрозой, мы пытаемся установить, кто именно является значимым Другим для рассматриваемых партий – и посредством этого понять, кем же они видят самих себя.

- В отличие от программы 2017 г., предваряемой преамбулой, в рамках которой АдГ открыто и четко формулирует видение самой себя, документ 2021 г. не содержит в себе ни вступления, ни заключения. Как в прежней, так и в новой программе местоимение «мы», как правило, используется в узком смысле – для отсылки к

самой партии. «Мы собрались вместе на базе убеждения, что граждане имеют право на настоящую политическую альтернативу, альтернативу тому, что думает политический класс», – утверждают авторы программы 2017 г. Примечательна и приводимая в ее преамбуле отсылка к революциям, подчеркивающая оппозиционность партии: «В традиции обеих революций 1848 и 1989 гг. мы выражаем в нашем гражданском протесте стремление достичь национального единства в свободе и создать Европу суверенных демократических государств». В новой программе о революциях речь больше не идет; более того, партия отходит от присвоения самим себе неких характеристик («убежденные демократы», «свободные граждане своей страны», как то говорилось в 2017 г.) – и характеризует себя скорее через поддержку тех или иных идей. Любопытно, что в 2021 г. партия несколько раз обращается к приему, не использовавшемуся в прежних документах – а именно открыто указывает, что является *единственной* политической силой, выступающей за или против определенных тенденций в немецком обществе (против «демонтажа историко-культурной идентичности», за введение процедур прямой демократии). При этом практически все обозначаемые «Альтернативой» проблемы и угрозы формулируется как более или менее явное следствие демократического дефицита: рост терроризма, этнической преступности, чрезмерная нагрузка на социальную систему порождены, по мнению партии, тем, что голоса граждан, противостоящих приему мигрантов, не были услышаны в 2015 г.; проект европейской интеграции потерпел крах, поскольку ЕС превратился в «социалистическое» супер-государство, не допускающее альтернативных точек зрения; экономическая депрессия 2020 г. – следствие «тоталитарных» мер немецкого правительства и европейских институтов.

- Как отмечалось ранее, правительственная программа «Австрийской партии свободы» была выпущена на фоне вступления в коалицию с умеренной партией, отсюда – заметная «стерильность» формулировок. Гораздо чаще используется термин «вызов» (*Herausforderung*), нежели «угроза» (*Bedrohung*). Тщательно выверенными кажутся и формулировки, касающиеся миграции: хотя последняя и обозначается в качестве одного из вызовов (обеспокоенность партии вызывают, в частности, недостаточная непрозрачность австрийских границ для нелегальных иммигрантов, формирование параллельных обществ и политический ислам), однако об истоках проблемы АПС говорит гораздо меньше своих германских коллег, ограничившись упоминанием «ошибок миграционной политики». Как в предисловии, написанном совместно с С. Курцем, так и в дальнейшем тексте

партия не проводит четкой границы между собой и государством, говорит о необходимости внедрения культуры сотрудничества, конструктивной совместной работы и дискуссий по проблемным вопросам. Более того, сдержанностью отличаются формулировки, посвященные партийному видению австрийской идентичности: речь идет лишь о признании «автохтонных групп важной составляющей австрийской идентичности», а также о таких инклюзивных категориях, как австрийское культурное наследие и нейтралитет.

В ином тоне выдержана предшествующая ей предвыборная программа АПС. Подобно АдГ, АПС преимущественно использует термин *мы* в узком смысле – для непосредственного обозначения партии. Непоказательным в случае с данной программой оказываются отобранные нами термины, посвященные воспринимаемым угрозам – АПС практически не использует лексические единицы *Herausforderung* [вызов], *Gefahr* [опасность], *Bedrohung* [угроза] – за исключением блоков, посвященных иммиграции. Термин *Sicherheit* [безопасность] также употребляется по большей части в узком смысле (борьба с преступностью, оборона). Обращает на себя внимание понятие *Fairness* [справедливость], зачастую предшествующее блокам текста, описывающим угрожающие (с точки зрения партии) тенденции. «Кризис справедливости» видится АПС в высоких налогах и чрезмерном государственном регулировании, развитии «индустрии беженцев» и массовой иммиграции, противоречии принимаемых внутренних законов «воле народа» и превращении ЕС в «централистский бюрократический монстр». Свои «кризисы» обнаруживаются и в других сферах – от семейной политики до защиты окружающей среды. При этом источник угроз не называется, явные отсылки к «политическому классу» или «элитам» отсутствуют.

***

Проанализировав то, как рассматриваемые нами партии обрисовывают контуры своих позиций в официальных программах, мы переключились на иной тип данных – а именно риторику партий в социальных сетях. В своей работе мы придерживаемся подхода, озвученного А. Кван-Хаас и Л. Слоаном: пространство социальных сетей не существует в качестве отдельного мира, лишь косвенно сообщаясь с реальным миром, а является непосредственной частью последнего.³⁹⁴ С одной стороны, большинство взаимодействий, происходящих в социальных сетях, основывается на событиях, происходящих за их пределами. Так, в отличие от программных заявлений, публикации в социальных сетях, как правило, являются не

³⁹⁴ Sloan L., Quan-Haase A. The SAGE Handbook of Social Media Research Methods. SAGE, 2017. P. 3

абстрактными высказываниями о желаемом положении вещей, но реакциями на конкретные события. С другой стороны, социальные сети сами встраиваются в полотно реальных событий и порой начинают определять их. Как и в случае с традиционными партиями, правые популисты вынуждены проявлять известную степень осторожности при использовании электронных коммуникаций. Порой их репутация оказывается под угрозой из-за двусмысленных высказываний – так, несмотря на официально декларируемую неприемлемость антисемитизма в глазах АдГ, А. Вайдель подверглась критике за пост в Facebook, собравший множество неприемлемых комментариев с отсылками к холокосту.³⁹⁵ Однако, в отличие от партий центра, правые популисты активно используют Интернет-пространство для коммуникаций со своими сторонниками в случаях, когда «умеренное» политическое пространство их вытесняет.³⁹⁶

Согласно данным на 2020 г., приводимым немецким агентством статистических исследований *Statista*, к числу наиболее популярных социальных сетей в Германии относятся *YouTube*, *Facebook*, *Instagram*, *Pinterest*, *Twitter*.³⁹⁷ Отбирая материалы для будущего исследования, мы первоначально руководствовались принципами простоты расшифровки и последующего кодирования данных (так, в отличие от данных *YouTube* и *Instagram*, большинство представленных в *Facebook* и *Twitter* данных имеют текстовую, а не аудио-визуальную форму – следовательно, лучше поддаются автоматизированной обработке, что особенно значимо для обработки больших объемов данных). В свою очередь, выбирая между преимущественно текстовыми платформами (*Facebook* и *Twitter*), мы учитывали действующие ограничения на использование данных для аналитических целей. Несмотря на то, что представители обеих партий активно используют *Facebook* для коммуникации с избирателями, после скандала с участием *Cambridge Analytica* в 2018 г. социальная сеть существенно осложнила доступ к выгрузке больших объемов данных, размещаемых пользователями.³⁹⁸

Для достижения целей настоящего исследования нами отобраны следующие аккаунты, ассоциированные с «Альтернативой для Германии»: (1) *AfD* – головной аккаунт партии в

³⁹⁵ Brückner A. AfD-Chefin Weidel: Skandal bei Facebook [Электронный ресурс] // News38.de. 2019. Режим доступа: <https://www.news38.de/braunschweig/article226716617/AfD-Chefin-Weidel-Skandal-bei-Facebook-Kommentare-sorgen-fuer-Entsetzen.html>

³⁹⁶ Mijnsen I. Österreichs Politiker bauen an ihrer Facebook-Parallelwelt [Электронный ресурс] // Neue Zürcher Zeitung. 2019. Режим доступа: <https://www.nzz.ch/international/oesterreichs-politiker-bauen-an-ihrer-facebook-parallelwelt-ld.1501983>

³⁹⁷ Anteil der befragten Internetnutzer, die folgende soziale Netzwerke nutzen, in Deutschland im Jahr 2020 [Электронный ресурс] // Statista. Режим доступа: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1026109/umfrage/beliebteste-soziale-netzwerke-in-deutschland/>

³⁹⁸ An Update on Our Plans to Restrict Data Access on Facebook [Электронный ресурс] // Facebook. Режим доступ: <https://about.fb.com/news/2018/04/restricting-data-access/>

социальной сети³⁹⁹; (2) *AfDimBundestag* – аккаунт фракции АдГ в Бундестаге⁴⁰⁰; (3) *AfD_Bayern*⁴⁰¹ и (4) *AlternativeNRW*⁴⁰² – наиболее крупные по числу подписчиков региональные аккаунты (Бавария и Северный Рейн-Вестфалия соответственно); (5) *Joerg_Meuthen*⁴⁰³ и (6) *Beatrix_vStorch*⁴⁰⁴ – наиболее популярные аккаунты отдельных политиков-представителей партии. Следует оговориться, что высокая востребованность в социальных сетях не всегда коррелирует с положением конкретного политика в партии или электоральными успехами партии в определенном регионе. Так, за публикациями одного из наиболее видных деятелей АдГ Т. Крупаллы следят лишь 12 тыс. человек, в то время как у его коллеги Й. Мойтена – более 70 тыс. читателей. Кроме того, ни в Баварии, ни в Северном Рейне-Вестфалии партия не получила на последних региональных выборах значительного числа голосов, однако число читателей данных аккаунтов в разы превышает аналогичный показатель Саксонии, где АдГ в 2019 г. достигла показателя 27,5%.⁴⁰⁵

Несколько иначе выглядит подборка анализируемых аккаунтов австрийских политиков. В отличие от АдГ, региональные аккаунты АПС практически не имеют веса; наибольшую популярность в Twitter имеют аккаунты отдельных политиков. В анализируемую нами подборку были включены: (1) головной аккаунт партии *FPÖ_TV*⁴⁰⁶; (2) *Vilimsky*⁴⁰⁷ и (3) *Hofer*⁴⁰⁸ – наиболее популярные аккаунты депутатов, представляющих АПС в Европейском парламенте; (4) *Dominik Nepp*⁴⁰⁹ – аккаунт Д. Неппа, возглавляющего венское отделение партии; (5) *KH Grünsteidl*⁴¹⁰ – аккаунт пресс-секретаря партии К. Х. Грюнштайдля; (6) головной аккаунт АПС в *Facebook*⁴¹¹. Обращаясь к последнему пункту, следует сделать оговорку: в то время как немецкие правые популисты в равной степени используют *Twitter* и *Facebook* для коммуникации со своими сторонниками, их австрийские коллеги отдают очевидное предпочтение именно *Facebook*. Тем не менее, описанные выше ограничения на массивованную выгрузку данных из *Facebook* не позволяют нам избрать публикации обеих партий в данной социальной сети в качестве основного источника анализируемых материалов. Добавляя выгруженные вручную публикации АПС в

³⁹⁹ Alternative für Deutschland [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: <https://twitter.com/afd>

⁴⁰⁰ AfD-Fraktion im Deutschen Bundestag [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: <https://twitter.com/AfDimBundestag>

⁴⁰¹ AfD Bayern [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: https://twitter.com/AfD_Bayern

⁴⁰² AfD NRW [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: <https://twitter.com/AlternativeNRW>

⁴⁰³ Prof. Dr. Jörg Meuthen [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: https://twitter.com/Joerg_Meuthen

⁴⁰⁴ Beatrix von Storch [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: https://twitter.com/Beatrix_vStorch

⁴⁰⁵ Stimmenanteile der AfD bei den jeweils letzten Landtagswahlen in den Bundesländern bis Juni 2021 [Электронный ресурс] // Statista. Режим доступа: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/320946/umfrage/ergebnisse-der-afd-bei-den-landtagswahlen/>

⁴⁰⁶ FPÖ [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: https://twitter.com/FPOE_TV

⁴⁰⁷ Harald Vilimsky [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: <https://twitter.com/vilimsky>

⁴⁰⁸ Norbert Hofer [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: <https://twitter.com/norbertghofer>

⁴⁰⁹ Dominik Nepp [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: <https://twitter.com/DominikNepp>

⁴¹⁰ KH Grünsteidl [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: <https://twitter.com/khgruensteidl>

⁴¹¹ FPÖ [Электронный ресурс] // Facebook. Режим доступа: <https://www.facebook.com/fpoe/>

Facebook, мы стремимся сгладить перекося в объемах рассматриваемых нами с немецкой и австрийской стороны данных.

Комментируя особенности политических коммуникации в социальных сетях, следует отдельно отметить: в момент перехода в пространство социальных сетей значение приобретает не только накопленный в условиях «реального» политического процесса уровень влияния актора, но и другие, зачастую не имеющие к нему прямого отношения факторы – удачность избранной стратегии работы с аудиторией, представленность конкретной целевой аудитории (возрастной группы, жителей определенного региона и т. п.) в данной социальной сети, согласие данной электронной платформы на наращивание аудитории определенного аккаунта. Несмотря на изложенные оговорки, мы полагаем справедливым включение в подборку именно наиболее популярных аккаунтов: согласно нашему предположению, высокая активность их авторов позволяет ожидать включения в число обсуждаемых наиболее широкого круга тем, что предоставляет нам возможность не только обрисовать представления партий по отдельным вопросам, но и определить удельный вес конкретной проблематики в их риторике.

Для облегчения технической задачи анализа исходные данные выгружены из *Twitter* в виде таблиц *Excel* при помощи приложения *Vicinitas*. Хотя в преимущественно используемой в рамках настоящего исследования программе *MaxQDA* присутствует собственная интеграция с *Twitter*, встроенный инструмент не позволяет выгрузку записей, размещенных в *Twitter* более 7 дней назад. Избранный нами инструмент *Vicinitas* допускает скачивание до 3200 записей – превышение данного порога не допускается внутренними правилами и алгоритмами *Twitter* и не может быть реализовано в рамках имеющегося в нашем распоряжении программного обеспечения. Отобранный контент подвергался автоматизированной процедуре кодирования в соответствии с системой кодов, составленной нами по результатам самостоятельного, не опосредованного программным обеспечением изучения избранных текстов. В дальнейшем производилось автоматизированное сопоставление закодированных фрагментов при помощи инструмента «Браузер кодовой матрицы». Полученные в результате данной операции сравнительные таблицы приводятся в Приложении 2. Выгрузка данных осуществлялась в феврале 2021 г.

Пожалуй, наиболее яркой особенностью, выявленной нами в результате проведенного анализа, становится особая склонность обеих рассмотренных партий к алармистской риторике. Так, проанализировав массив комментариев, оставленных в основных аккаунтах АдГ и АПС на платформе *Twitter*, и сопоставив их с массивом комментариев других партий (среди германских партий в анализ включены аккаунты ХДС, СДПГ, Зеленых; среди австрийских партий – АНП, СДПА, Зеленых), мы обнаружим, что правые популисты чаще большинства своих политических

оппонентов прибегают к лексике, призванной сконструировать идею угрозы (ключевые понятия «опасность», «угроза», «риск», «кризис», «проблема», «требовать» и ассоциированные с ними корни). Среди немецких партий склонность к алармистской риторике проявляют также «Зеленые», среди австрийских – социал-демократы, причем последние даже превосходят своих правых коллег.

Как немецкие, так и австрийские правые популисты чаще других партий говорят о концепциях, определенных нами в категорию «демократия» (ключевые слова «демократия», «свобода», «мнение», «замалчивать», «цензура»). В немецком политическом контексте демократия является основополагающей концепцией также для «Зеленых», в австрийском, несмотря на незначительный разрыв между рядом аккаунтов АПС и иными партиями в абсолютных цифрах, именно «Партия свободы» является единственным актором, активно использующим понятие «цензура» в своих публичных коммуникациях. В случае с АдГ фрагменты, отмеченные соответствующим кодом, зачастую кодируются также через категорию угрозы (причем нередко являются одним из наиболее заметных пиков в данной категории), что свидетельствует о стремлении партии представить недемократичность установившегося политического порядка в качестве ключевой проблемы для немецкого общества. Примечательно, что АдГ не концентрируется на одной теме как первопричине недостатка демократии: примерно равное количество совпадений с категорией «демократия» приходится на каждого отдельного политического конкурента (левые партии, Зеленых, христианских демократов и лично А. Меркель) и Европейский Союз. При этом по сумме совпадений внутривнутриполитические «проблемы демократии» преобладают над внешнеполитическими практически во всех крупнейших аккаунтах партии. В свою очередь, АПС не придает концепции демократии центрального значения в своей риторике; гораздо больше внимания достается «Австрийской народной партии» и «Зеленым», на критике которых и строится образ «свободных» в социальных сетях. Именно в увязке с партиями-конкурентами АПС и говорит о предполагаемом дефиците демократии.

Отдельно следует отметить, что, хотя удельный вес отдельных внутри- и внешнеполитических тем может быть сопоставим (к примеру, говоря об опасностях посредством основного партийного аккаунта, АдГ примерно в равной степени упоминает миграцию и демократический дефицит, А. Меркель и неевропейские государства), суммарный вес внутренней политики всегда выше в аккаунтах, апеллирующих к внутреннему избирателю. В свою очередь, аккаунты, Й. Мойтена и Б. фон Шторх, в записях которых акцент смещается в сторону внешней политики и миграционной проблематики соответственно, принадлежат, соответственно, нынешнему и бывшему депутатам Европейского парламента – т. е. политикам, аудитория которых не ограничивается национальными рамками. Аналогичные тенденции

наблюдаются и в риторике австрийских политиков. Как для германских, так и для австрийских правых популистов справедливо заметить, что внешняя политика (упоминания третьих стран) не дает пиков пересечения с внутривнутриполитическими категориями, что позволяет утверждать: АдГ и АПС не рассматривают состояние глобальной системы международных отношений в качестве основной первопричины внутривнутриполитических проблем. Напротив, ЕС упоминается в контексте угроз значительно чаще третьих стран как у АдГ, так и у АПС, хотя австрийские правые популисты, в целом, не проявляют единодушия в видении европейской интеграции в качестве основной проблемы.

Наконец, упоминания заслуживает подход партий к интерпретации прошлого. Как отмечалось ранее, один из ключевых теоретиков популизма К. Мад называет в качестве значимой характеристики популистских партий их ориентацию в прошлое, мифические золотые времена величия. Между тем, практический анализ публикаций АдГ и АПС демонстрирует отсутствие конкретизированного образа прошлого. Поиск по ключевым словам («традиция», «история», «век», «годы», «империя» и т. п.) как в случае германских, так и австрийских правых популистов приводят нас к размытым упоминаниям христианского наследия, которое следует защищать перед лицом исламской угрозы, а также редких отсылок к значимым историческим датам (коронация Карла Великого, основание Германской империи). Своих политических соперников правые обвиняют в попытках переписать историю, «неумении помнить»; интерес представляет и транслируемая, к примеру, Х. Вилимским попытка дискурсивно противопоставить имеющие огромную историю европейские нации «лишенному прошлому» Европейскому союзу.

Время от времени партии обращаются в своей риторике к событиям XX века. Так, АдГ неоднократно заявляет о невозможности «возврата к социализму»; и АдГ, и АПС критикуют тех, кто сравнивает их с нацистами – и сами сравнивают с нацистами современных левых, прибегающих к «фашистским методам» для насаждения собственных точек зрения. Упоминания национал-социализма являются важной частью риторики обеих партий, однако речь идет не о полноценном осмыслении исторического опыта (конкретные исторические сюжеты почти не упоминаются), но о конструировании собственной идентичности через отрицание того, что, по мнению правых, является нацистскими практиками: всепроникающей идеологии, нетерпимости к альтернативному мнению, антисемитизма и попыток «спасти мир» через агрессивное вмешательство в дела соседей.

***

Несмотря на то, что рассматриваемые партии принадлежат к разным национальным политическим системам, существует по меньшей мере один формат, в котором они участвуют на

равных. И АПС, и АдГ представлены в нынешнем созыве Европейского парламента; хотя делегация АдГ заметно превышает по своему численному составу группу депутатов от АПС, обе политические силы принимают активное участие в дебатах. Важной особенностью парламентского формата является присущая ему формализация: несмотря на многообразие возможных подходов к рассматриваемым проблемам, в конечном счете депутаты вынуждены выбирать между тремя опциями голосования (за, против, воздержаться). Принимая во внимание данную особенность, мы сделали выбор в пользу одновременного рассмотрения стенографий выступлений политиков и поименных протоколов голосования по принимаемым Европейским парламентом документов.

Пожалуй, одним из наиболее ярких фактов, обращающих на себя внимание в риторике АдГ и АПС, является особая манера использования слова «мы». Несмотря на позиционирование обеих партий как противников европейской интеграции в ее нынешнем виде – и даже заявления о необходимости выхода из ЕС в программе АдГ, депутаты от обеих партий чаще всего употребляют местоимение «мы» в значении «европейцы» или «парламентарии», не дистанцируясь, таким образом, от своих проевропейских коллег. Разумеется, присутствуют и исключения – к примеру, депутат от АдГ К. Андерсон, активно критикующая европейские институты как источник проблем, зачастую обрисовывает границы «мы»-идентичности в рамках собственной фракции или немецкого народа, делегатом которого она является. Однако общая тенденция позволяет предположить, что правые популисты видят себя не потенциальными разрушителями системы, но неотъемлемой ее частью.

В свою очередь, говоря о проблемах и угрозах, с которыми сталкивается Европа, депутаты АдГ и АПС, как правило, выбирают неодинаковые стратегии. Парламентариям от АдГ свойственно конкретизировать: Б. Цимниок, к примеру, говорит об угрозах, исходящих от возвращающихся на родину бойцов ИГИЛ с европейскими паспортами, а Г. Бек – о сокращении рабочих мест как возможном следствии свертывания экономических связей с покидающей ЕС Великобританией. Депутаты АПС (Г. Майер, Х. Вилимский, Р. Хайдер), в среднем, более склонны к размытому обозначению угроз; предметом обсуждения для них является не сама абстрактная проблема, но неприспособленность существующих институтов ЕС к ее преодолению. Среди немецких правых популистов, безусловно, встречаются депутаты, риторика которых близка к стилю австрийских коллег: к примеру, Й. Мойтен, очевидно, формулирует большинство своих выступлений – независимо от обсуждаемого предмета – как атаку на существующие европейские институты.

Различаются на европейском уровне и подходы партий к проблемам демократического дефицита. За исключением отдельных высказываний Р. Хайдера, австрийские депутаты

практически не высказываются о недостаточной демократичности политических систем, существующих в Европе – в то время как немецкие правые (к примеру, Н. Фест, К. Андерсон, Б. Цимниок) активно указывают на проблемы, существующие как в самой Германии (использование партиями центра тезиса о «защите конституционности» для борьбы с оппозицией), так и в Европейском союзе в целом (навязывание мнения европейских институтов народам Европы). Отметим, что данная тенденция, в целом, подтверждает выводы, сделанные нами на основании анализа программ партий и их публикаций партий в социальных сетях: хотя «демократический дефицит» играет определенную роль в риторике АПС, последние полагаются на тезис о невозможности свободного народного волеизъявления в куда меньшей степени, нежели АдГ.

С целью дальнейшего выявления совпадающих/отличающихся линий поведения между партиями отданные их депутатами голоса были подвергнуты кодированию. Соответственно, все голоса, поступившие от представителей АдГ (К. Андерсон, Г. Бек, Л. П. Берг, М. Буххайт, Н. Фест, М. Кра, Й. Кус, С. Лиммер, Й. Мойтен, Г. Райль, Б. Цимниок) были отмечены кодом «АдГ», голоса представителей АПС (Р. Хайдер, Г. Майер, Х. Вилимски) – кодом «АПС». В дальнейшем все случаи совпадения голосов между партиями были отмечены категорией «Совпадающие», все случаи отличающегося выбора – категорией «Различные». Отдельно были выделены случаи раскола внутри партий (категории «Раскол внутри АдГ» и «Раскол внутри АПС»), при этом определение случаев нелояльного голосования как «Совпадающих» или «Различных» основывалось на совпадении большинства голосов АдГ и АПС между собой. На следующем этапе все выносившиеся на голосование вопросы были маркированы по категориям: экономика, социальные вопросы, внешняя политика, внешнеэкономические вопросы, экология, процедурные вопросы, права человека, здравоохранение, бюджетные вопросы, внутренняя безопасность, культура, наука. Чтобы получить более объективную картину, голоса, отданные в рамках наименее популярных категорий, принимаются во внимание лишь при подсчете основных показателей (общее число совпадающих/различающихся голосов между партиями, общее число нелояльного по отношению к партии голосования), однако не рассматриваются в качестве свидетельства расхождения или согласия партий по данной тематике в целом. Сводные таблицы полученных результатов приводятся в Приложении 3.

На основании полученных данных установлено, что депутаты, представляющие в Европейском парламенте АдГ и АПС, голосуют одинаково примерно в 64% случаев. На нелояльное по отношению к собственной партии поведение приходится менее 4% всех отданных голосов, при этом представители АПС голосуют несинхронно лишь в 1% случаев. Последнее, вероятно, следует увязывать с немногочисленностью австрийских правых популистов в

Европейском парламенте: как отмечалось выше, в текущем созыве представлено лишь трое членов АПС – против одиннадцати членов АдГ, проявляющих несогласие с основной группой своей партии значительно чаще.

Наиболее популярной категорией вопросов, выносившихся на голосование Европейского парламента за рассматриваемый период, является, согласно нашей классификацией, экономика. Отметим, что разделение в данном случае достаточно условно: на практике большинство вопросов находятся на стыке категорий (к примеру, вопрос допустимости выращивания модифицированных сортов кукурузы имеет как экономические, так и экологические аспекты). Не является абсолютным и избранный нами пространственный аспект категоризации: так, в нашей системе проводится разделение экономических и внешнеэкономических вопросов – между тем, статус Великобритании не соответствует ни одной из этих рамок полностью. Принимая во внимание данную особенность, мы зачастую прибегали к двойному кодированию спорных участков – к примеру, голосования по текстам, касающимся так называемого «устойчивого предпринимательства», кодируются одновременно как «экологические» и «экономические», что приводит к превышению числа присвоенных кодов над числом кодированных фрагментов.

Согласно нашим подсчетам, ни одна из экономических категорий (экономика, внешнеэкономические вопросы) не нарушает общей тенденции к согласию партий: более 60% голосов АдГ и АПС по экономическим вопросам совпадают. В среднем число совпадающих голосов, относящихся к крупнейшим категориям (экономика, внешняя политика, социальные вопросы, права человека, экология, здравоохранение), лежит в промежутке 60–70%. Вызывающими наибольшие расхождения категориями являются права человека (37% голосов АПС и АдГ не совпадают) и социальные вопросы (36% не совпадающих голосов), под которые подпадают, к примеру, документы, касающиеся прав женщин, борьбы с безработицей, обеспечения верховенства закона. В свою очередь, здравоохранение относится к числу менее спорных категорий (не совпадает 31% голосов). Учитывая естественную погрешность подсчетов, мы можем предположить, что расхождения между правыми популистами при голосовании в Европейском парламенте, в среднем, чаще встречаются по спектру так называемых «ценностных» тем (демократия, права меньшинств и т. п.), составляющих основу их внутривнутриполитической платформы.

4.3 Перспективы сотрудничества австрийских и немецких правых популистов

Как отмечалось ранее, суждения о правопопулистских партиях зачастую характеризуются высоким алармизмом: на фоне параллельных электоральных успехов широкая общественность и

академические круги зачастую склонны рассматривать популизм как некую волну, захлестнувшую Запад.⁴¹² Действительно, проведенный в рамках настоящей работы анализ демонстрирует определенные сходства между «Австрийской партией свободы» и «Альтернативой для Германии». На определенном этапе своего развития каждая из рассматриваемых партий приобрела сильный популистский компонент, начав позиционировать себя как выразителя «голоса народа», игнорируемого политическими элитами. В последние годы «замалчиваемыми» политическими темами, принесшими наибольший электоральный успех обеим партиям, стали европейская интеграция и иммиграция. Евробюрократ и беженец становятся «идеальными Другими», на стороне которых, по утверждениям рассматриваемых партий, выступают, вопреки воле собственных граждан, европейские правительства.⁴¹³ Естественным выходом из кризиса видится смена политических элит, перестройка системы в пользу большей демократичности и пересмотр существующих договоренностей.

В условиях схожести некоторых внешнеполитических компонентов партийных программ возникает вопрос о потенциале объединения их усилий. Обе партии высказывали готовность к трансграничным контактам; несмотря на очевидное неравенство ролей (АПС позиционирует себя как «учителя», АдГ – как «ученика»), стороны, в целом, готовы принимать позиции друг друга. У партий схожее восприятие основных угроз, однако значимым препятствием на пути установления прочных контактов может стать отличие внутриполитических статусов. Опубликованные с разницей в несколько месяцев программные документы АПС показывают, насколько быстро способны перестроиться, отказавшись от образа «мы-антиэлитарная партия» в пользу «мы-нация», подразумевающего приверженность многосторонним форматам и государственным инструментам регулирования. «Неизбежно оппозиционная» АдГ и «утратившая свой статус» АПС могут выступать с похожими критическими заявлениями, однако, как особенно ярко продемонстрировала ситуация с коронавирусными ограничениями, там, где немецкие популисты говорят о принципиальной неразрешимости сложившихся проблем и ограничиваются критикой «несправедливой» системы в целом, их австрийские коллеги ищут возможности восстановить свои позиции и участвовать в принятии решений совместно с другими партиями.

Следует также отметить, что разница в статусах партий приводит к неодинаковому восприятию соотношения между локальной, национальной и международной проблематикой. В последние годы «Австрийская партия свободы», в целом, демонстрирует подход,

---

⁴¹² Mudde C. It's the fragmentation, stupid! // VOXeurop. 10.06.2019. – РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://voxeurop.eu/en/2019/2019-european-elections-5123367>

⁴¹³ Подробнее см.: Стракевич А.А. К вопросу о перспективах трансграничного правого популизма в Европейском союзе / Мировая политика. 2020. №3. С. 55-56

ориентированный на процессы и процедуры, не оторванный от вопросов, решаемых на низовом уровне. Риторика АПС отличается большим алармизмом, нежели высказывания их коллег по австрийской политической сцене; тем не менее, критикуя другие партии, «Партия свободы» не отказывается от возможности сотрудничества с ними. Сосредоточившись на политике национального уровня, АПС переносит наиболее протестную часть своей риторики в пространство социальных сетей. На европейском уровне (как в период европейских выборов, так и в рамках избранного Европейского парламента) АПС также тяготеет к абстрактной протестной риторике, более свойственной ей до вхождения в австрийское правительство.

В свою очередь, риторика «Альтернативы для Германии» пронизана проблематикой высокого уровня и протестными настроениями. Фактически любая проблема (прием беженцев, степень участия Германии в интеграционных процессах, борьба с коронавирусом и т. д.) в репрезентации АдГ сводима к вопросу демократического дефицита. По мере того, как миграционная тематика утрачивает свою актуальность, размывается партийная идентичность «Альтернативы». Если в 2017 г. партия достаточно четко формулировала свой образ («демократы», «свободные граждане своей страны», «наследники революций 1848-1849 гг.», противостоящие «интеграции элит»), то в 2021 г. фактически позиционирует себя лишь через артикуляцию существующих проблем и несогласие с существующим порядком. В отличие от АПС, АдГ не формулирует четкого позитивного сигнала, позволяющего предположить, что реальное включение их членов в германское политическое руководство позволило бы коренным образом решить проблему замалчиваемых голосов и достичь большей социальной справедливости.

Встречаясь на платформе Европейского парламента, АПС и АдГ демонстрируют разные риторические стратегии. Так, со стороны АдГ в центре внимания оказываются попытки обличить недемократичность системы на множестве конкретных примеров, в то время как АПС полагается на размытую критическую риторику. В 60-70% случаев парламентарии от АдГ и АПС голосуют синхронно, при этом наибольшие расхождения встречаются по ценностным темам. Впрочем, даже будучи критически настроенными по отношению к традиционным партиям на наднациональном уровне, представители АдГ и АПС негласно принимают правила игры, употребляя местоимение «мы» в значении «европейцы» или «парламентарии», не дистанцируясь, таким образом, от своих проевропейских коллег. При этом, хотя популярность идеологически близких антиэлитарных партий растет сразу во многих странах Европы, представители АдГ и АПС никогда не высказываются о себе как о представителях некоей транснациональной группы скептиков. Говоря в терминах Б. де Клина, партии не апеллируют к угнетаемому народу,

понимаемому в трансграничных терминах (*transnational people-as-underdog*) – в этом смысле сотрудничество левых шагнуло гораздо дальше сотрудничества правых.

Таким образом, наши выводы в определенном смысле синонимичны тезису Д. Алмейды: вхождение правых популистов в правительство препятствует их сотрудничеству. Следует, впрочем, признать и ограниченность данного тезиса: в рассматриваемом нами случае одна из партий может входить в правительство и выходить из него, другая – сохраняет статус оппозиционной, вопреки своим электоральным успехам. Что же произойдет в случае изменения статуса последней? На наш взгляд, предполагать скорую «нормализацию» АдГ ошибочно; опыт последних лет демонстрирует устойчивое нежелание партий центра принимать «Альтернативу», а включение в ее риторику критики мер правительства по борьбе с коронавирусом лишь усилило маргинализацию партии. Тем не менее, в гипотетической ситуации стабилизации статуса АдГ в немецкой политической системе сотрудничество с АПС представляется реалистичным сценарием. По всей вероятности, речь будет идти о неких многосторонних форматах, в рамках которых узость общего круга интересов будет компенсироваться числом участников. Стабильность подобной организации будет во многом зависеть от статуса отдельных участников в рамках своих политических систем; глубина сотрудничества – от совместимости последнего с внутриполитическими устремлениями (большинство основных партий должны быть либо оппозиционными, либо правящими – при условии, что сторонники по коалициям также не считают трансграничное сотрудничество проявлением чрезмерного радикализма, угрожающего «мы-нации»).

Что же касается ближайшего будущего, преобладающей формой сотрудничества, вероятно, останутся неформальные контакты отдельных лиц. Традиционно многосторонние форматы сотрудничества правых популистов в Европе создавались руками австрийских и французских партий. Однако в нынешней ситуации, будучи существенно ослабленной внутренним кризисом, АПС, тем не менее, не отказывается от своих приобретенных в результате вступления в правящую коалицию амбиций – а потому придерживается заметной осторожности в своей риторике. В отличие от молодой АдГ, целиком встроенная в австрийскую политическую систему АПС демонстрирует уверенность в будущем усилении своих позиций. В то же самое время АдГ в среднесрочной перспективе рискует прекратить свое существование⁴¹⁴, уступив место иной протестной партии. За последние годы «Альтернатива» пережила сразу несколько кризисов: раскол, сопровождавшийся уходом части харизматичных лидеров партии,

---

⁴¹⁴ Подробнее о предполагаемых сценариях развития АдГ на этапе ее превращения в парламентскую партию см. Стракевич А. А. На пути к «Альтернативе для Германии»: эволюция крайне правых популистских партий ФРГ / Политика и общество. 2018. № 6. С. 48-49

категорическое отторжение со стороны традиционных партий даже после вступления в парламент, размывание ядра протестной платформы – что делает ее позиции внутри Германии нестабильными. Несмотря на обширную группу собственных представителей в Европейском парламенте, АдГ не сумела выработать и четкой внешнеполитической платформы: партия не инициирует публичных контактов с идеологически близкими силами (хотя порой и устанавливает их по приглашению других).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что праворадикальные партии, использующие в своей риторике антиэлитарные лозунги, появляются на политических аренах немецкоязычных европейских стран вскоре после окончания Второй мировой войны, именно за последние два десятилетия им удалось достигнуть беспрецедентных электоральных успехов. Как следствие, среди «умеренной» общественности растут опасения перед наступлением «правой волны»: правые популисты начинают восприниматься как некое экзогенное по отношению к национальной политической системе явление, усиливающееся благодаря трансграничным контактам. В рамках настоящей работы мы поставили цель исследовать взаимодействие правых популистов Германии и Австрии и оценить перспективы их сотрудничества на базе сравнительного анализа позиций партий по отдельным вопросам.

На первом этапе нами были изучены подходы к понятию популизма, сложившиеся в академических кругах. Исследовательский интерес к данному понятию прослеживается с 1960-х гг., когда были заложены рамки двух основных подходов к популизму: воспринимающего популизм как идеологию, с одной стороны, и видящего в нем особый вид движения, с другой. Отмечается, что, несмотря на способность исследователей выявить целый ряд присущих ему характеристик (ориентация в прошлое, отмечаемая Д. МакРеем; представление о народе как носителе будущих перемен, акцентируемое К. Миноугом; нарушение дискурсивных табу, упоминаемое У. Беком), популизм является спорным и нагруженным негативными коннотациями понятием. В данном контексте нами принимается во внимание особый тип критики популизма, указывающий, что приписываемые популизму черты встречаются и в других политических практиках (Э. Лакло, О. Д. Сафонова), а само понятие популизма зачастую становится своеобразным ярлыком, навешиваемым элитами на своих политических оппонентов (Ш. Муфф, Г. В. Лукьянова).

В рамках настоящей работы мы разделяем встречающийся, среди прочих, у Н. Хатакка тезис о фрагментарном характере популизма, т. е. его неспособности объяснить все многообразие социальных процессов за счет собственного инструментария и проистекающую из этого склонность использовать концепции других идеологий. Выдвигаемый рядом исследователей (к примеру, Д. Альбертаци и Д. Вампой, у С. А. Ланцовым) тезис о стремлении популистских партий объединять в своей риторике как левые, так и правые идеи с целью максимизировать собственную привлекательность для избирателя рассматривается нами как дополняющий концепцию фрагментарности. Напротив, тезис О. Гарсия Агустина и М. Брициарелли о попытках популистских сил заменить дихотомию «правый»/«левый» парой «популизм»/(отражающий, с точки зрения своих сторонников, «истинные» интересы народа)/«демократия» (отражающая

интересы элит) учитывается, однако не принимается нами во избежание стигматизации рассматриваемых партий.

Говоря о дихотомии «правый/левый», мы принимаем во внимание произошедшие за последние десятилетия трансформации в ее восприятии, в том числе отмечаемый Й. Ридгреном рост значимости компонента, ассоциированного с этничностью, миграционным опытом, гендером и т. п. Нами отмечается широкое использование традиционными партиями термина «радикальный» в отношении правопопулистских коллег (что отчасти объясняется кадровым перетеканием и иными формами взаимодействия с правыми силами, имеющими экстремистский статус). Тем не менее, настоящее исследование показывает, что популистские партии превратились в неотъемлемую часть своих политических систем и, даже в случае отрицания элитами, как то происходит в Германии, «нормализованы» в глазах значительной части избирателей. Наконец, мы особо подчеркиваем многообразие популистской риторики и ее несводимость к евроскептическим настроениям, принесшим своим выразителям электоральные успехи лишь на определенном историческом этапе.

Проанализировав траектории развития правого популизма в Германии и Австрии, мы установили, что предпосылки к появлению праворадикальных сил с антиэлитарной риторикой сформировались в первое десятилетие после окончания Второй мировой войны. Соответствующие партии стали площадками, в рамках которых бывшие сторонники и функционеры национал-социализма смогли в ограниченных масштабах участвовать в политической жизни своих стран. В случае с ФРГ появление подобных сил (в частности, Национал-демократической партии Германии) позволило впервые публично поставить под сомнение тезис о коллективной вине немцев за развязывание войны. В свою очередь в Австрии праворадикальные круги стали своеобразными выразителями непроработанного вопроса национальной идентификации австрийцев, за короткий исторический период переживших Аншлюс (единение с агрессором) и денацификацию (разделение с агрессором и закрепление роли жертвы). Уже в 1960-70-е гг. исследователи отмечают значительный интерес к праворадикальной риторике со стороны простых граждан, имеющих невысокий уровень образования и не принадлежащих к большим социальным объединениям (церковь, профсоюз). Несмотря на некоторый кадровый обмен с «группами улицы» (особо отмечаемый исследователями в случае с немецкими правыми), праворадикальные партии стремятся к расширению своего электората. В 1980-90-е гг. в повестке правых популистов (именно в этот период термин популизм начинает применяться к соответствующим партиям Западной Европы) появляются ставшие ныне привычными темы иммиграции и европейской интеграции.

На рубеже 1990-2000-х гг. обозначается значимое расхождение между траекториями развития правых популистов Германии и Австрии. В обеих странах соответствующие партии одерживают многочисленные успехи на выборах разных уровней. Однако в то время как в Германии многочисленные правопопулистские партии («Национал-демократическая партия Германии», «Республиканцы», «Немецкий народный союз», «Свободная немецкая рабочая партия», «Партия Шилля») продолжают конкурировать друг с другом, отнимая друг у друга голоса и время от времени одерживая громкие победы на региональных выборах, в Австрии монополизировавшая правопопулистскую часть политического спектра «Австрийская партия свобода» окончательно принимается национальной политической системой и приобретает – несмотря на жесткую реакцию со стороны других стран Европейского союза – статус одной из правящих партий.

Создание в 2013 г. «Альтернативы для Германии» изменило политическую арену страны. Впервые в истории правопопулистские силы сумели объединиться и привлечь на свою сторону широкий круг избирателей по всей Германии. Впрочем, выборы 2017 г., сделавшие АдГ третьей по влиятельности политической партией страны, не принесли «Альтернативе» признания со стороны ведущих партий. На протяжении всех последующих лет АдГ сохраняла статус «неприкасаемой»: основные партии не вступали с ней в коалиции и подвергали критике тех своих членов, которые проявляли готовность к сотрудничеству. В результате АдГ, прошедшая с момента избрания в парламент через ряд внутренних кризисов, сосредоточилась на взаимодействии с «социально отторгаемым» электоратом (к примеру, противниками антикоронавирусных мер) на базе социальных сетей. Австрийские правые популисты, напротив, последовательно демонстрируют стабильность своего положения в качестве неотъемлемой части национальной политической системы. Успешное выступление на выборах 2017 г. позволило АПС войти в состав правящей коалиции. Распад коалиции в 2019 г. в результате скандала вокруг харизматичного лидера «Партии свободы» Х.-К. Штрахе серьезно ударил по популярности партии – тем не менее, не привел к изоляции и маргинализации АПС.

Проанализировав предшествующий опыт взаимодействия австрийских и немецких правых популистов, мы обнаружили, что первые упоминаемые исследователями попытки к 1980-м гг. – периоду, когда Австрийская партия свободы и немецкие Республиканцы участвовали в не имевшем ощутимых результатов проекте технического сотрудничества, инспирированного французским Национальным фронтом. Следует отметить, что трагические события Второй мировой войны и последующее закрепление нового мирового порядка в контексте «холодной войны» сделали невозможными попытки «особого» сближения Германии и Австрии. Несмотря на то, что праворадикальные партии в первые послевоенные десятилетия во многом включали в

свой кадровый состав бывших сторонников национал-социализма, а их правопопулистские преемницы конца XX – начала XXI века заслужили репутацию ориентированных на «золотые времена величия», соответствующие силы не предпринимали попыток достичь особого уровня партнерства. Фактически сотрудничество немецких и австрийских правых преимущественно осуществлялось в рамках более широких международных проектов, включающих также иных игроков. При этом нами отмечается принципиальное различие статусов немецких и австрийских правых популистов. Так, АПС традиционно становится инициатором сотрудничества родственных партий (здесь следует упомянуть, к примеру, Венский форум 2005 г., попытку учредить коалицию под рабочим названием «Европейская патриотическая партия», обсуждавшуюся в 2008 г., создание «Европейского Альянса за Свободу» в 2010 г.) и тем самым составляет конкуренцию другому активному правопопулистскому игроку – французскому «Национальному фронту» («Национальному объединению»). При этом, следуя выявленному Д. Алмейдой правилу, АПС склонна проявлять активность на международном направлении в периоды нахождения в оппозиции – при отсутствии в обозримом будущем шансов стать правящей партией.

В свою очередь немецкие правые популисты не имеют собственных выраженных транснациональных амбиций, присоединяются к учреждаемым другими европейскими игроками коалициям. Стремясь добиться признания во внутренней политике, АдГ во многом ориентируется на АПС и заявляет о желании перенести ее успех на немецкую почву. Активный кадровый обмен между партиями после скандала вокруг Х.-К. Штрахе продемонстрировал существование многочисленных неформальных связей. Тем не менее, несмотря на очевидную помощь австрийским правым популистам со стороны немецких коллег, имеющиеся в публичном доступе комментарии партий по отношению друг другу дают нам основания предположить, что заданная Х.-К. Штрахе модель взаимоотношений «учитель»/«ученик» не исчерпала себя и будет воспроизводиться во взаимоотношениях партий в ближайшие годы.

Избранная в качестве теоретической рамки исследования конструктивистская парадигма предусматривает, что значимым побудительным мотивом в действиях акторов являются их представления о мире и своем месте в нем; при этом материальным отражением процессов идентификации служат создаваемые акторами тексты. Отсюда следует предположение, что перспективы сотрудничества рассматриваемых сил можно оценить, картировав их ценностные установки, отражаемые в их публичной коммуникации. В качестве релевантных для целей исследования нами были отобраны три категории вопросов: (1) восприятие внешних контактов в целом и контактов с идеологически близкими силами немецкоязычных стран в частности; (2) восприятие европейской интеграции; (3) восприятие иммиграции. Источниковую базу

исследования составили программные документы партий разных уровней (регионального, национального, европейского), публикации партий в социальных сетях, материалы средств массовой информации, стенографии заседаний Европейского парламента и данные о голосовании в его стенах.

Установлено, что партии имеют схожее восприятие основных угроз, однако препятствием на пути эффективного установления контактов может стать различие внутривнутриполитических статусов. Сравнивая опубликованные с разницей в несколько месяцев программные документы АПС, мы видим переход от идентификации «мы-антиэлитарная партия» в пользу «мы-нация», подразумевающий приверженность многосторонним форматам и государственным инструментам регулирования. Даже выступая с критической риторикой в социальных сетях, «Австрийская партия свободы», существенно ослабленная скандалом вокруг бывшего харизматичного лидера Х.-К. Штрахе, не теряет надежд рано или поздно вернуться к роли правящей партии. Будучи алармистской по своей сути, риторика АПС не оторвана от локальных проблем и не отрицает принципиальной возможности решения существующих проблем.

Напротив, риторика «Альтернативы для Германии» пронизана проблематикой высокого уровня. Красной линией проходит тезис о принципиальной нерешаемости существующих проблем – будь то проблема интеграции иммигрантов или реформирования Европейского союза. Хотя любая проблема в риторике АдГ сводится к вопросу демократического дефицита (т. е. недостаточной представленности потенциального электората АдГ в руководстве страны), партия парадоксальным образом не формулирует сигнал о своей готовности принять на себя руководящую роль в решении проблем. Таким образом, мы полагаем, что навязываемая АдГ со стороны традиционных партий безальтернативная оппозиционность фактически принимается ее руководством.

В рамках объединяющей обе партии площадки Европейского парламента отмечаемые на национальном уровне различия сохраняются и дополняются характеристиками, предопределенными особенностями самого формата взаимодействия. Установлено, что депутаты АдГ и АПС текущего созыва голосуют синхронно в 60-70% случаев, при этом наибольшие противоречия вызывают такие категории, как демократия, права человека и социальные вопросы (т. е. ценностные темы, лежащие в основе их внутривнутриполитической платформы). В своей риторике парламентарии, представляющие АПС, в среднем, более склонны к абстрактному представлению угроз (неспособность европейских институтов справиться с преодолением проблем в целом), тогда как депутаты от АдГ чаще конкретизируют свою риторiku. В то же время АПС практически не обращается к проблеме «демократического

дефицита», являющейся одним из столпов риторики их немецких коллег. Примечательно, что ни АПС, ни АдГ, активно заявляющие о неразрешимости существующих противоречий на национальном уровне, в среднем, не склонны отходить от практики использования категории «мы» для обозначения европейцев или парламентариев (а не собственных наций, как можно было бы ожидать от евроскептических сил).

Мы полагаем, что наблюдаемые тенденции являются прямым следствием неодинакового внутривнутриполитического положения партий. Так, АПС, имеющая реальные шансы укрепить свои позиции на австрийской политической арене, более склонна проявлять осторожность в официальных высказываниях (сигнал политическим элитам о готовности к сотрудничеству), избегать обязывающих политических действий. Текущая тактика австрийских правых популистов основана, как представляется, на сохранении завоеванного электората путем воспроизведения проверенной временем протестной риторики на неформальных (социальные сети) и второстепенных с точки зрения внутривнутриполитической значимости (Европейский парламент) площадках - без активных попыток реализовать амбиции на трансграничном уровне. В свою очередь АдГ, исключенное положение которой представляется единственно возможным на ближайшие годы внутривнутриполитическим исходом, получает поле для конкретизации и углубления своей протестной риторики. Тем не менее, отсутствие у партии ясно сформулированной линии поведения на европейском уровне придает ее действиям спорадический характер.

Вопрос о причинах недостаточной амбициозности немецких правых популистов не получает дополнительного освещения в настоящей работе; перспективными, но требующими дополнительного обоснования объяснительными стратегиями в данном контексте могут стать, среди прочих, тезис о комплексе вины за развязывание Второй мировой войны (нежелание немецких правых, обвиняемых в приверженности фашизму, принимать на себя ответственность за большой европейский проект) и относительно недолгий срок существования «Альтернативы для Германии» (здесь следует отметить, что амбиции таких сил, как «Национальный фронт» и «Австрийская партия свободы», проявились в период, когда дальнейшее их существование на политических аренах своих стран уже не вызывало сомнений).

Исходя из вышесказанного, мы приходим к заключению, в определенном смысле синонимичному тезису Д. Алмейды: *при условии неодинаковости внутривнутриполитического статуса сторон* вхождение правых популистов в правительство препятствует их сотрудничеству. В отличие от левых политиков, ни одна из рассматриваемых партий не апеллирует, говоря в терминах Б. де Клина, к угнетаемому народу, понимаемому в

трансграничных терминах (*transnational people-as-underdog*) – следовательно, говорить об «истинно наднациональном» правом популизме в масштабах немецкоязычного европейского пространства не представляется возможным. По всей видимости, преобладающей формой сотрудничества в ближайшее время – как и предсказывается Р. Штёссом в работе, датированной 2000 г. – по-прежнему останутся неформальные контакты отдельных лиц.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Abstimmungsergebnisse. Plenartagung [Электронный ресурс] // Europäisches Parlament. Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/plenary/de/votes.html?tab=votes> (дата обращения: 12.02.2021)
2. AfD Bayern [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: https://twitter.com/AfD_Bayern (дата обращения: 15.08.2021)
3. AfD NRW [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: <https://twitter.com/AlternativeNRW> (дата обращения: 15.08.2021)
4. AfD-Fraktion im Deutschen Bundestag [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: <https://twitter.com/AfDimBundestag> (дата обращения: 15.08.2021)
5. Alexe T. Warum Petry weg von der AfD will [Электронный ресурс] / T. Alexe // Sächsische Zeitung. – 2017. – Режим доступа: <https://www.saechsische.de/warum-frauke-petry-weg-von-der-afd-will-3782238.html> (дата обращения: 30.11.2018)
6. Alle Zahlen und Grafiken zur Österreich-Wahl im Überblick [Электронный ресурс] // Welt. – 2019. – Режим доступа: <https://www.welt.de/politik/ausland/article199784328/Oesterreich-Wahl-Alle-Parteien-Zahlen-Grafiken-FPOe-abgestraft.html> (дата обращения: 11.07.2019)
7. Alternative für Deutschland [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: <https://twitter.com/afd> (дата обращения: 15.08.2021)
8. An Update on Our Plans to Restrict Data Access on Facebook [Электронный ресурс] // Facebook. – Режим доступ: <https://about.fb.com/news/2018/04/restricting-data-access/> (дата обращения: 02.05.2021)
9. Anteil der befragten Internetnutzer, die folgende soziale Netzwerke nutzen, in Deutschland im Jahr 2020 [Электронный ресурс] // Statista. – Режим доступа: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1026109/umfrage/beliebteste-soziale-netzwerke-in-deutschland/> (дата обращения: 02.05.2021)
10. Beatrix von Storch [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: https://twitter.com/Beatrix_vStorch (дата обращения: 15.08.2021)
11. Blaue Partei löst sich auf [Электронный ресурс] // Zeit Online. – 2019. – Режим доступа: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2019-11/frauke-petry-die-blauen-aufloesung> (дата обращения: 10.04.2020)
12. Blickle P. Merkel-Enttäuschte und Nichtwähler machen die AfD stark [Электронный ресурс] / P. Blickle // Zeit Online. – 2017. – Режим доступа: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-09/wahlverhalten-bundestagswahl-wahlbeteiligung-waehlerwanderung> (дата обращения: 29.07.2019)
13. Brückner A. AfD-Chefin Weidel: Skandal bei Facebook [Электронный ресурс] / A. Brückner // News38.de. – 2019. – Режим доступа: <https://www.news38.de/braunschweig/article226716617/AfD-Chefin-Weidel-Skandal-bei-Facebook-Kommentare-sorgen-fuer-Entsetzen.html> (дата обращения: 16.06.2021)
14. Bundesparteitag in Dresden beschließt Corona-Resolution [Электронный ресурс] // AfD. – 10.04.2021. – Режим доступа: <https://www.afd.de/bundesparteitag-in-dresden-beschliesst-corona-resolution/> (дата обращения: 15.05.2021)

15. Busse N. Rechtes Bündnis gegen Brüssel [Электронный ресурс] / N. Busse // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 2013. – Режим доступа: <https://www.faz.net/aktuell/politik/europaische-union/le-pen-und-wilders-rechtes-buendnis-gegen-bruessel-12662825.html> (дата обращения: 15.09.2019)
16. Corona für FPÖ-Hofer nur "ein Grippevirus", das großteils "nicht gefährlich" sei [Электронный ресурс] // Kurier. – 2020. – Режим доступа: <https://kurier.at/politik/inland/corona-fuer-fpoe-hofer-nur-ein-grippevirus-das-grossteils-nicht-gefaehrlich-sei/400840742> (дата обращения: 05.06.2021)
17. Corona-Maßnahmen: FPÖ will Allparteienregierung [Электронный ресурс] // Die Presse. – 2020. – Режим доступа: <https://www.diepresse.com/5884680/corona-massnahmen-fpo-will-allparteienregierung> (дата обращения: 05.06.2021)
18. Das Jahr der Patrioten [Электронный ресурс] // Junge Freiheit. – 2017. – Режим доступа: <https://jungefreiheit.de/kultur/medien/2017/das-jahr-der-patrioten/> (дата обращения: 27.04.2019)
19. Der Insider [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. – 2002. – Режим доступа: <http://www.dw.com/de/der-insider/a-715271> (дата обращения: 21.12.2018)
20. Der öffentliche Diskurs ist nach rechts gerückt [Электронный ресурс] // Deutschlandfunk Kultur. – 2018. – Режим доступа: https://www.deutschlandfunkkultur.de/ein-jahr-schwarz-blaue-regierung-in-oesterreich-der.1008.de.html?dram:article_id=436248 (дата обращения: 12.04.2020)
21. Deutsch, aber nicht ganz [Электронный ресурс] // Zeit online. – 2000. – Режим доступа: http://www.zeit.de/2000/14/200014.aussiedler.3_.xml/ (дата обращения: 21.12.2018)
22. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht 148. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 4. März 2020 [Электронный ресурс] // Deutscher Bundestag. – Режим доступа : <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19148.pdf> (дата обращения: 22.08.2021)
23. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht. 154. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 25. März 2020 [Электронный ресурс] // Deutscher Bundestag. – Режим доступа: <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19154.pdf> (дата обращения: 22.08.2021)
24. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht. 165. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 17. Juni 2020 [Электронный ресурс] // Deutscher Bundestag. – Режим доступа: <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19165.pdf> (дата обращения: 22.08.2021)
25. Deutschland. Aber normal. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 20. Deutschen Bundestag [Электронный ресурс] // Alternative für Deutschland. – 2021. – Режим доступа: https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2021/05/2021-05-20_-_AfD-Bundestagswahlprogramm-2021.pdf (дата обращения: 15.06.2021)
26. DF om skandaleramt østrigsk søsterparti: Ændrer ikke vores vurdering [Электронный ресурс] // Netavisen Pio. – 2019. – Режим доступа: <https://piopio.dk/df-om-skandaleramt-oestrigsk-soesterparti-aendrer-ikke-vores-vurdering> (дата обращения: 25.10.2021)
27. Die AfD (Alternative für Deutschland) zu Gast bei HC Strache und der FPÖ [Видеозапись] // FPÖ TV. – 2017. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=4LWsZJ3vyqI> (дата обращения: 17.03.2020)
28. Die Blaue Allianz. Startschuss der Zusammenarbeit von AfD und FPÖ [Электронный ресурс] // Alternative für Deutschland. Landesverband Bayern. – 2016. – Режим доступа: <https://www.afdbayern.de/die-blaue-allianz-startschuss-der-zusammenarbeit-von-afd-und-fpoe/> (дата обращения: 19.06.2019)
29. Die FPÖ und das Coronavirus: Einsamer Mahner oder Panikmacher? [Электронный ресурс] // Der Standard. – 2020. – Режим доступа: <https://www.derstandard.at/story/2000116073365/die-fpoe-und-das-coronavirus-einsamer-mahner-oder-panikmacher> (дата обращения: 05.06.2021)

30. Die verlorenen Schafe von Marzahn [Электронный ресурс] // Der Spiegel. – 2004. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/aussiedler-schicksale-die-verlorenen-schafe-von-marzahn-a-298564.html> (дата обращения: 25.11.2018)
31. Dippmann I. Freie Wähler und Blaue Partei – Hoch gepokert, nichts gewonnen [Электронный ресурс] / I. Dippmann // mdr AKTUELL. – 2019. – Режим доступа: <https://www.mdr.de/nachrichten/politik/regional/freie-waehler-blaue-partei-nach-landtagswahl-sachsen-100.html> (дата обращения: 04.04.2020)
32. Dominik Nepp [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: <https://twitter.com/DominikNepp> (дата обращения: 15.08.2021)
33. Dresdner Thesen [Электронный ресурс] // LEGIDA. – 2015. – Режим доступа: https://legida.eu/images/legida/Dresdner_Thesen_15_02.pdf (дата обращения: 29.05.2018)
34. Ehemalige FPÖ-Mitarbeiter sollen nun bei der AfD arbeiten [Электронный ресурс] // Wiener Zeitung. – 2020. – Режим доступа: <https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/politik/oesterreich/2047694-Ehemalige-FPOe-Mitarbeiter-sollen-nun-bei-der-AfD-arbeiten.html> (дата обращения: 04.04.2020)
35. End of the Identity, Tradition and Sovereignty political group as Romanian MEPs leave [Электронный ресурс] // European Parliament. – 2007. – Режим доступа: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?language=en&type=IM-PRESS&reference=20071109BRI12778&secondRef=ITEM-003-en> (дата обращения: 29.11.2019)
36. Europawahl 1989. Wahl zum 3. Europäischen Parlament am 18. Juni 1989 [Электронный ресурс] // Der Bundeswahlleiter. – Режим доступа: <https://www.bundeswahlleiter.de/europawahlen/1989.html> (дата обращения: 20.05.2018)
37. Europawahl 1989: Werbespot FAP [Видеозапись] // YouTube. – 2011. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=7cNVKyoTJco> (дата обращения 20.05.2018)
38. Europawahlprogramm. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 9. Europäischen Parlament 2019 [Электронный ресурс] // Alternative für Deutschland. – 2019. – Режим доступа: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2019/03/AfD_Europawahlprogramm_A5-hoch_web_150319.pdf (дата обращения: 15.06.2021)
39. EU-Wahl 2019 [Электронный ресурс] // Freiheitliche Partei Österreichs. – 2019. – Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20190527230337/https://www.fpoe.eu/sichere-grenzen/> (дата обращения: 15.06.2021)
40. Ex-AfD-Chefin Petry kritisiert ihre frühere Partei [Электронный ресурс] // Welt. – 2019. – Режим доступа: <https://www.welt.de/regionales/sachsen/article194265673/Ex-AfD-Chefin-Petry-kritisiert-ihre-fruehere-Partei.html> (дата обращения: 25.12.2019)
41. Faß auf, Augen zu [Электронный ресурс] // Der Spiegel. – 1996. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-8891349.html> (дата обращения: 20.05.2018)
42. Faye O. Crise des migrants : le FN tient Angela Merkel pour responsable [Электронный ресурс] // Le Monde. – 2015. – Режим доступа: https://www.lemonde.fr/politique/article/2015/09/24/l-alle-magne-nouveau-bouc-emissaire-de-marine-le-pen_4770239_823448.html (дата обращения: 14.06.2019)
43. Fiedler M. Wir wollen eine bundesweite CSU sein [Электронный ресурс] // Der Tagesspiegel. – 2017. – Режим доступа: <https://www.tagesspiegel.de/politik/frauke-petry-im-interview-wir-wollen-eine-bundesweite-csu-sein/20569778.html> (дата обращения: 26.05.2018)
44. FPÖ [Электронный ресурс] // Facebook. Режим доступа: <https://www.facebook.com/fpoe/> (дата обращения: 15.08.2021)

45. FPÖ [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: https://twitter.com/FPOE_TV (дата обращения: 15.08.2021)
46. FPÖ gründet mit Partnern EU-Fraktion «Europa der Nationen und der Freiheit» [Электронный ресурс] // FPÖ. – 2015. – Режим доступа: <https://www.fpoe.at/artikel/fpoe-gruendet-mit-partnern-eu-fraktion-europa-der-nationen-und-der-freiheit-enf> (дата обращения: 12.08.2019)
47. FPÖ-Chef stellte gegen Wahlkampfhilfe Staatsaufträge in Aussicht [Электронный ресурс] // Spiegel Online. – 2019. – Режим доступа: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/heinz-christian-strache-geheim-videos-belasten-fpoe-chef-a-1268059.html> (дата обращения: 25.12.2019)
48. FPÖ-Landeschef kritisiert Kickls AfD-Besuch [Электронный ресурс] // Kronen Zeitung. – 2020. – Режим доступа: <https://www.krone.at/2088717> (дата обращения: 07.04.2020)
49. FPÖ-Politiker bestreitet Österreichs Mitverantwortung für Holocaust [Электронный ресурс] // Spiegel online. – 2005. – Режим доступа: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/eklat-fpoe-politiker-bestreitet-oesterreichs-mitverantwortung-fuer-holocaust-a-338876.html> (дата обращения: 12.08.2019)
50. Freiheitliches Wahlprogramm zur Nationalratswahl 2017 [Электронный ресурс] // FPÖ. – 2017. – Режим доступа: www.fpoe.at/fileadmin/user_upload/Wahlprogramm_8_9_low.pdf (дата обращения: 07.04.2020)
51. Gauland A. Die Tücken der bilateralen Parteibeziehungen [Электронный ресурс] // Junge Freiheit. – 2016. – Режим доступа: <https://jungefreiheit.de/debatte/kommentar/2016/die-tuecken-der-bilateralen-partiebeziehungen/> (дата обращения: 30.10.2018)
52. Haiders Partei schließt rechten Europaabgeordneten aus [Электронный ресурс] // Spiegel Online. – 2005. – Режим доступа: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/oesterreich-haiders-partei-schliesst-rechten-europaabgeordneten-aus-a-346927.html> (дата обращения: 17.07.2019)
53. Haidinger M. Von der FPÖ zum BZÖ [Электронный ресурс] / M. Haidinger // Deutschlandfunk. – 2005. – Режим доступа: https://www.deutschlandfunk.de/von-der-fpoe-zum-bzoe.724.de.html?dram:article_id=98149 (дата обращения: 20.07.2019)
54. Hän on täysin kontrollissamme – Itävallan skandaalivideo on vain yksi esimerkki Venäjäkyltöksistä, joita perussuomalaisten uusilla EU-liittolaisilla on [Электронный ресурс] // Yle. – 2019. – Режим доступа: <https://yle.fi/uutiset/3-10792198> (дата обращения: 25.10.2021)
55. Harald Vilimsky [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: <https://twitter.com/vilimsky> (дата обращения: 15.08.2021)
56. HC Strache beim Front National: «Wir sind die einzigen echten Europäer!» [Видеозапись] // FPÖ TV. – 2014. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=8iebYT_dT3k (дата обращения: 29.10.2019)
57. HC Strache: «Europäische Visionen - Visionen für Europa» [Видеозапись] // Facebook. – 2016. – Режим доступа : <https://www.facebook.com/HCStrache/videos/10153631178928591/UzpfSTc0ODY1MDM4NTkwOjEwMTUzNjMyODkwOTAzNTkx/> (дата обращения: 29.10.2019)
58. Heinz-Christian Strache aus FPÖ ausgeschlossen [Электронный ресурс] // Zeit Online. – 2019. – Режим доступа: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2019-12/christian-strache-fpoe-oesterreich-ibiza-video-ausschluss> (дата обращения: 07.04.2020)
59. Jörg Meuthen und Harald Vilimsky sprechen beim Politischen Aschermittwoch der AfD [Электронный ресурс] // Alternative für Deutschland. – 2018. – Режим доступа: <https://www.afd.de/meuthen-und-vilimsky-sprechen-beim-politischen-aschermittwoch-der-afd/> (дата обращения: 24.06.2019)

60. Jörg Meuthen: Österreich zeigt, wie es geht – Nein zum Migrationspakt der UNO [Электронный ресурс] // Alternative für Deutschland. – 2018. – Режим доступа: <https://www.afd.de/joerg-meuthen-oesterreich-zeigt-wie-es-geht-nein-zum-migrationspakt-der-uno/> (дата обращения: 24.06.2019)
61. Kamann M. Was die AfD von der FPÖ lernen will [Электронный ресурс] / M. Kamann // Welt. – 2020. – Режим доступа: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article205423351/Gauland-Weidel-und-Kickl-Was-die-AfD-von-der-FPOe-lernen-will.html> (дата обращения: 07.04.2020)
62. KH Grünsteidl [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: <https://twitter.com/khgruensteidl> (дата обращения: 15.08.2021)
63. LAbg. Wall: „Beschränkte Freiheitsrechte während Corona-Krise auch für Volksanwaltschaft problematisch“ [Электронный ресурс] // FPÖ Landtagsklub Oberösterreich. – 2021. – Режим доступа: <https://www.fpoe-ltklub-ooe.at/labg-wall-beschraenkte-freiheitsrechte-waehrend-corona-krise-auch-fuer-volksanwaltschaft-problematisch/> (дата обращения: 05.06.2021)
64. Landtagswahl-programm 2021. Alternative für Deutschland Baden-Württemberg [Электронный ресурс] // Alternative für Deutschland Baden-Württemberg. – 2021. – Режим доступа: https://afd-bw.de/afd-bw/wahlprogramme/landtagswahlprogramm_afd_2021_a4.pdf (дата обращения: 15.06.2021)
65. Le scandale Ibiza: Strache setzt Le Pen zu [Электронный ресурс] // Kurier. – 2019. – Режим доступа: <https://kurier.at/politik/ausland/le-scandale-ibiza-strache-setzt-le-pen-zu/400501408> (дата обращения: 25.10.2021)
66. Maskenpflicht im Bundestag ist rechtens [Электронный ресурс] // ZDF. – 20.11.2020. – Режим доступа: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/corona-bundestag-maskenpflicht-100.html> (дата обращения: 15.05.2021)
67. Mijnsen I. Österreichs Politiker bauen an ihrer Facebook-Parallelwelt [Электронный ресурс] / I. Mijnsen // Neue Zürcher Zeitung. – 2019. – Режим доступа: <https://www.nzz.ch/international/oesterreichs-politiker-bauen-an-ihrer-facebook-parallelwelt-ld.1501983> (дата обращения: 16.06.2021)
68. Mounk Y. How populist uprisings could bring down liberal democracy [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2018. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/mar/04/shock-system-liberal-democracy-populism> (дата обращения: 15.04.2021)
69. Nach Nein zu Migrationspakt: Österreich will UNO-Flüchtlingspakt zustimmen [Электронный ресурс] // Kurier. – 2018. – Режим доступа: <https://kurier.at/politik/inland/nach-nein-zu-migrationspakt-oesterreich-will-uno-fluechtlingspakt-zustimmen/400340599> (дата обращения: 19.03.2020)
70. Nationalrat, XXIII. 72. Sitzung. 24.09.2008 [Электронный ресурс] // Republik Österreich. Parlament. – 2008. – Режим доступа: https://www.parlament.gv.at/pd/stvorwww/XXIII/NRSITZ/NRSITZ_00072/B_-_01_38_07_Abgeordneter_Dr_Reinhard_Eugen_Bosch_FPO_.pdf (дата обращения: 11.04.2019)
71. Nationalratswahl 2008 [Электронный ресурс] // Bundesministerium für Inneres. – 2008. – Режим доступа: https://www.bmi.gv.at/412/Nationalratswahlen/Nationalratswahl_2008/ (дата обращения: 11.04.2019)
72. Norbert Hofer [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: <https://twitter.com/norbertghofer> (дата обращения: 15.08.2021)

73. Obermayer B., Obermaier F. Könnt ihr nicht das ganze Material veröffentlichen? [Электронный ресурс] / B. Obermayer, F. Obermaier // Süddeutsche Zeitung. – 2019. – Режим доступа: <https://www.sueddeutsche.de/politik/strache-videos-recherche-leserfragen-1.4455611> (дата обращения: 07.04.2020)
74. Our Journey So Far [Электронный ресурс] // MAXQDA. – Режим доступа: <https://www.maxqda.com/about>
75. Petry: Meuthen vom Höcke-Flügel der AfD abhängig [Электронный ресурс] // Merkur.de. – 2018. – Режим доступа: <https://www.merkur.de/politik/petry-meuthen-vom-hoecke-fluegel-afd-abhaengig-zr-9489380.html> (дата обращения: 04.04.2020)
76. Pink O. Eine Stunde mit den Patrioten [Электронный ресурс] / O. Pink // Die Presse. – 2008. – Режим доступа: https://diepresse.com/home/ausland/eu/357847/Eine-Stunde-mit-den-Patrioten?direct=357966&_vl_backlink=/home/ausland/eu/357966/index.do (дата обращения: 09.09.2019)
77. Platform [Электронный ресурс] // Identity and Democracy Party. – 2018. – Режим доступа: <https://www.id-party.eu/platform> (дата обращения: 21.02.2019)
78. Politischer Aschermittwoch: Frauke Petry und Heinz-Christian Strache am 01.03.2017 [Видеозапись] // Youtube. – 2017. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=vbvx-QbE_aU (дата обращения: 12.02.2020)
79. Positionspapier der PEGIDA [Электронный ресурс] // wins media UG. – 2014. – Режим доступа: <https://www.menschen-in-dresden.de/wp-content/uploads/2014/12/pegida-positionspapier.pdf> (дата обращения: 22.05.2018)
80. Prof. Dr. Jörg Meuthen [Электронный ресурс] // Twitter. Режим доступа: https://twitter.com/Joerg_Meuthen (дата обращения: 15.08.2021)
81. Programm [Электронный ресурс] // Blaue Wende. – 2018. – Режим доступа: [https://www.blauewende.de/programm/](https://www.blauewende.de/programm/ (дата обращения: 05.12.2018)) (дата обращения: 05.12.2018)
82. Programm für Deutschland. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland [Электронный ресурс] // Alternative für Deutschland. – 2018. – Режим доступа: https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2018/01/Programm_AfD_Druck_Online_190118.pdf (дата обращения: 10.09.2018)
83. Protokolle. Plenartagung [Электронный ресурс] // Europäisches Parlament. Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/plenary/de/minutes.html> (дата обращения: 15.08.2021)
84. Reifenrath I. AfD lobt Anti-Corona-Demonstranten [Электронный ресурс] / I. Reifenrath // Tagesschau. ARD-aktuell. – 04.08.2020. – Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/inland/corona-demos-afd-101.html> (дата обращения: 15.05.2021)
85. Riedel K. Liegt Spaltung in der Luft? [Электронный ресурс] / K. Riedel // Tagesschau.de. – 2020. – Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/inland/afd-fluegel-streit-101.html> (дата обращения: 07.04.2020)
86. Rosenkranz für Aufhebung von NS-Verbotsgesetz [Электронный ресурс] // Die Presse. – 2010. – Режим доступа: <https://diepresse.com/home/politik/hofburgwahl/543760/Rosenkranz-fuer-Aufhebung-von-NSVerbotsgesetz> (дата обращения: 02.08.2019)
87. Samuel H. Marine Le Pen forms far-Right group in European Parliament [Электронный ресурс] / H. Samuel // The Telegraph. – 2015. – Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/11678565/Marine-Le-Pen-forms-far-Right-group-in-European-Parliament.html> (дата обращения: 02.08.2019)

88. Schwarz-Grün greift unsere Grundrechte an! – Herbert Kickl über die Corona-Demo-Untersagung [Видеозапись] // FPÖ TV. YouTube. – 2021. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=M8IyAqz4-BY> (дата обращения: 05.06.2021)
89. Schwietzer K. Der «Flügel» – radikal und doch genehm? [Электронный ресурс] / K. Schwietzer // Tagesschau.de. – 2019. – Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/inland/afd-fluegel-105.html> (дата обращения: 08.04.2020)
90. Stimmenanteile der AfD bei den jeweils letzten Landtagswahlen in den Bundesländern bis Juni 2021 [Электронный ресурс] // Statista. Режим доступа: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/320946/umfrage/ergebnisse-der-afd-bei-den-landtagswahlen/> (дата обращения: 15.08.2021)
91. Stolz J., Salles A., Mestre A. Les infréquentables cousins de Grèce et de Hongrie [Электронный ресурс] / J. Stolz, A. Salles, A. Mestre // Le Monde. – 2013. – Режим доступа: https://www.lemonde.fr/europe/article/2013/11/14/les-infrequentables-cousins-de-grece-et-de-hongrie_3513447_3214.html (дата обращения: 18.06.2019)
92. Strache tritt zurück – gibt es jetzt Neuwahlen? [Электронный ресурс] // Tagesschau. – 2019. – Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/ausland/strache-ruecktritt-101.html> (дата обращения: 27.11.2019)
93. Strache will Jobbik nicht in neuer EU-Rechtspartei [Электронный ресурс] // Der Standard. – 2011. – Режим доступа: <https://www.derstandard.at/story/1308680071418/eu-strache-will-jobbik-nicht-in-neuer-eu-rechtspartei> (дата обращения: 18.07.2019)
94. Unser Programm [Электронный ресурс] // FPÖ Wien. – 2005. – Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20051226093748/http://www.fpoe-wien.at/index.php?id=2164> (дата обращения: 15.06.2021)
95. Wahlprogramm 2015 [Электронный ресурс] // FPÖ Wien. – 2015. – Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20151001134522/http://www.fpoe-wien.at/themen/wahlprogramm-2015/stopp-der-zuwanderung-und-schutz-auf-zeit-statt-tueren-auf-fuer-alle> (дата обращения: 15.06.2021)
96. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017 [Электронный ресурс] // Alternative für Deutschland. – Режим доступа: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf (дата обращения: 11.03.2018)
97. We Changed Our Name [Электронный ресурс] // Identity and Democracy Party. – 2019. – Режим доступа: https://www.id-party.eu/new_name (дата обращения: 02.02.2020)
98. Wien braucht eine starke FPÖ. Unser Programm für Wien 2020 [Электронный ресурс] // FPÖ Wien. – 2020. – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20200928201211/https://www.fpoe-wien.at/fileadmin/user_upload/www.fpoe-wien.at/documents/Wahlprogramm_2020_v5_Web.pdf (дата обращения: 15.06.2021)
99. Wien Gesamtprogramm [Электронный ресурс] // FPÖ Wien. – 2010. – Режим доступа: http://web.archive.org/web/20100216042952/http://www.fpoe-wien.at/fileadmin/Content/Wien/PDFs/wien_gesamtprogramm_05.pdf (дата обращения: 15.06.2021)
100. Wiener Erklärung der europäischen patriotischen und nationalen Parteien und Bewegungen [Электронный ресурс] // APA-OTS. – 2005. – Режим доступа: https://www.ots.at/presseaussendung/OTS_20051114_OT0051/wiener-erklaerung-der-europaeischen-patriotischen-und-nationalen-parteien-und-bewegungen (дата обращения: 17.04.2019)

101. Willsher K., Traynor I. Marine Le Pen fails to form far-right bloc in European parliament [Электронный ресурс] / K. Willsher, I. Traynor // The Guardian. – 2014. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/jun/24/marine-le-pen-fails-form-far-right-bloc-european-parliament> (дата обращения: 29.11.2019)
102. Wir haben der AfD ermöglicht, die Demokratie zu verhöhnern [Электронный ресурс] // Zeit Online. – 2020. – Режим доступа: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2020-02/fdp-christian-lindner-afd-thueringen-wahl> (дата обращения: 05.04.2020)
103. Wir wollen eine Medienlandschaft ähnlich wie der Orbán aufbauen [Электронный ресурс] // Süddeutsche Zeitung. – 2019. – Режим доступа: <https://www.sueddeutsche.de/politik/strache-video-aussagen-1.4449588> (дата обращения: 15.12.2020)
104. Zu rechts für die Rechten [Электронный ресурс] // Deutschlandfunk. – 2016. – Режим доступа: https://www.deutschlandfunk.de/afd-politiker-pretzell-zu-rechts-fuer-die-rechten.2852.de.html?dram:article_id=351144 (дата обращения: 04.04.2020)
105. Zusammen. Für unser Österreich. Regierungsprogramm 2017–2022 // Freiheitliches Bildungsinstitut. – 2017. – Режим доступа: https://www.fbi-politikschule.at/fileadmin/user_upload/www.fpoebildungsinstitut.at/dokumente/Zusammen_Fuer_Oesterreich_Regierungsprogramm_2017_-_2022.pdf (дата обращения: 04.04.2020)

Литература

106. Аверьянов Л. Я. Контент-анализ / Л. Я. Аверьянов. – М.: РГИУ, 2007. – 286 с.
107. Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир / Т.А. Алексеева // Сравнительная политика. – 2014. – 1(14). – С. 4-21
108. Баранов Н. А. Национальные аспекты популизма как метода политической борьбы : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Н.А. Баранов. – СПб., 1998. – 12 с.
109. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма: новая всемирно-политическая экономия. – М.: Прогресс-традиция, 2007. – 464 с.
110. Борисова А. А. Австро-Германские дипломатические контакты по вопросу создания великогерманского государства 1918-1919 гг. / А. А. Борисова // Вестник ВГУ, Серия: История. Политология. Социология. – 2006. – № 2. – С. 15-23
111. Волкова Е.А., Лаптева Ю.И. Правый популизм и перспективы выборов в Европейский парламент 2014 года / Е.А. Волкова, Ю.И. Лаптева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. – 2014. – №2. – С. 38-41
112. Выдрин, Д. И. Технология популизма / Д. И. Выдрин // Диалог. – 1990. – № 3. – С. 36-46
113. Грибовский В. С. Правые партии «политической альтернативы» в Германии, Австрии и Швейцарии : дис. ... канд. политич. наук : 23.00.02 / В. С. Грибовский. – М., 2019. – 172 с.
114. Данн О. Нации и национализм в Германии. 1770-1990. – СПб : Наука, 2003. – 469 с.
115. Деркач М. А. История популистских партий Швеции и Финляндии в 2006-2015 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / М.А. Деркач. – М., 2017. – 266 с.
116. Заславский В. Россия на пути к рынку: государственно-зависимые работники и популизм / В. Заславский // Полис (Политические исследования). – 1991. – №5. – С. 65-79
117. Кавешников Н. Ю. Влияние трансформации партийно-политического пространства Евроюоза на организацию и функционирование Европарламента / Н. Ю. Кавешников // Современная Европа. – 2020. – 2 (95). – С. 163-175

118. Ланко Д.А. Популизм и политическое участие: уличные беспорядки в странах Балтийского региона в 2007-2009 гг. / Д.А. Ланко // ПолитЭкс. – 2009. – Т. 5, No 2. – С. 209-230
119. Лютых А. А., Тонких В. А. Политология: курс лекций / А. А. Лютых, В. А. Тонких. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1992. – 240 с.
120. Малько А. В. Популизм как тормоз демократии / А.В. Малько // Общественные науки и современность. – 1994. – №1. – С. 104-111
121. Мюллер Я.-В. Что такое популизм? / Я.-В. Мюллер. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. – 63 с.
122. Ньюман Л. Неопросные методы исследования // Социологические исследования. – 1998. – № 6. – С. 119-129
123. Осколков П. В. Правый популизм в современном Европейском союзе: формы и тенденции развития : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / П. В. Осколков. – М., 2019. – 206 с.
124. Осколков П. В. Правый популизм в современном Европейском союзе: формы и тенденции развития : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / П.В. Осколков. – М., 2019. – 206 с.
125. Политика постправды и популизм / под ред. О. В. Поповой. – СПб.: Скифия-принт, 2018. – 216 с.
126. Рагозин Г. С. Австро-прусский дуализм в Германии, 1763-1866 гг.: идеологический аспект / Г. С. Рагозин : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. – Архангельск, 2018. – 278 с.
127. Современные теории международных отношений / под ред. В.Н. Конышева, А.А. Сергунина. – Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Москва : РГ-Пресс, 2013. – 361 с.
128. Стракевич А. А. «Старые» и «Новые» правые популисты в Западной Европе (на примере «Альтернативы для Германии» и «Австрийской Партии Свободы») / А. А. Стракевич // Россия и современный мир. – 2019. – №2(103). – С. 126-140
129. Стракевич А. А. К вопросу о перспективах трансграничного правого популизма в Европейском союзе / А. А. Стракевич // Мировая политика. – 2020. – №3. – С. 51-59
130. Стракевич А. А. На пути к «Альтернативе для Германии»: эволюция крайне правых популистских партий ФРГ / А. А. Стракевич // Политика и общество. – 2018. – № 6. – С. 39-51
131. Тарасенко Р.С. Соотносимость понятий «крайне правые» и «фашизм» в современном политологическом и политическом дискурсах // Праворадикальные политические партии и движения современной Европы / под ред. Барыгина И.Н. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2011. – С. 28-63
132. Франк С. Л. По ту сторону «правого» и «левого» [Электронный ресурс] / С. Л. Франк. Режим доступа: http://www.odinblago.ru/frank_po_tu_storonu (дата обращения: 31.10.2020)
133. Хришкевич Т.Г. «Альтернатива для Германии» между федеральными выборами: феномен популярности малой партии / Т.Г. Хришкевич // Метаморфозы истории. – 2017. – Вып. 9. – С. 175-191
134. Чутков С. С. Морфологический анализ идеологии М. Фридена / С. С. Чутков // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2016. – С. 333-346
135. Шершнева Е.Л. Реформы Харца: поворотный пункт в политике занятости и благосостояния в Германии / Е.Л. Шершнева // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Том XVII. Вып. 3(74). – С. 168-185
136. Шибкова М. О. Популизм и евроскептицизм: соотношение понятий / М. О. Шибкова // Современная Европа. – 2019. – 4 (90). – С. 119-129
137. Щербаков В.Ю. Правый популизм в ФРГ: движение "За Германию" // Грамота. – 2014. – No 12 (50). – С. 205-209

138. Adler E. Seizing the Middle Ground: Constructivism in World Politics / E. Adler // *European Journal of International Relations*. – 1997. – 3(3). – P. 319–363
139. Agustín Ó. G. Left-Wing Populism: The Politics of the People / Ó. G. Agustín. – Emerald Publishing, 2020. – 190 p.
140. Albertazzi D., McDonnell D. Populists in Power / D. Albertazzi, D. McDonnell. – Routledge, 2015. – 204 p.
141. Albertazzi D., Vampa D. Populism and New Patterns of Political Competition in Western Europe / D. Albertazzi, D. Vampa. – Routledge, 2021. – 314 p.
142. Allison M. Germany and Austria 1814-2000 / M. Allison. – Routledge, 2013. – 224 p.
143. Almeida D. Europeanized Eurosceptics? Radical Right Parties and European Integration / D. Almeida // *Perspectives on European Politics and Society*. – 2010. – 11(3). – P. 237-253
144. Almeida D. The Impact of European Integration on Political Parties: Beyond the Permissive Consensus / D. Almeida. – Taylor & Francis, 2012. – 200 p.
145. Austensen R. A. "Einheit oder Einigkeit"? Another Look at Metternich's View of the German Dilemma / R. A. Austensen // *German Studies Review*. – 1983. – 6 (1). – P. 41-57
146. Bade K. J. Migration, Flucht, Integration. Kritische Politikbegleitung von der ‚Gastarbeiterfrage‘ bis zur ‚Flüchtlingskrise‘ / K.J. Bade. – Karlsruhe: Loeper Literaturverlag, 2017. – 616 s.
147. Belien P. Far Right Parties in Europe Join Forces [Электронный ресурс] / P. Belien // *The Brussels Journal*. – 2005. – Режим доступа: <https://www.brusselsjournal.com/node/484> (дата обращения: 10.02.2020)
148. Bell D. The end of ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties / D. Bell. – New York: Free Press, 1988. – 501 p.
149. Betz H.-G. Die identitätspolitische Herausforderung rechtspopulistischer Parteien in Europa // Die neue rechte Herausforderung. Rechtsextremismus in Deutschland und Europa. – Berlin: Heinrich-Böll-Stiftung, 2005. – S. 9-16
150. Betz H.-G. The Two Faces of Radical Right-Wing Populism / H.-G. Betz // *Review of Politics*. – 1993. – 55 (4). – P. 663-685
151. Bischof G. Austria in the First Cold War, 1945–55: The Leverage of the Weak / G. Bischof. – Palgrave Macmillan, 1999. – 255 p.
152. Blasi W. Der bedrohte Staat. Über rivalisierende Wehrverbände, ein ausgehöhltes Gewaltmonopol und die latente Bürgerkriegsgefahr in der Ersten Republik / W. Blasi // *SIAC-Journal – Zeitschrift für Polizeiwissenschaft und polizeiliche Praxis*. – 2015. – №2. – S. 86-97
153. Bobbio N. Left and Right. The Significance of a Political Distinction // N. Bobbio. – The University of Chicago Press, 1996. – 124 p.
154. Brack N. The roles of Eurosceptic Members of the European Parliament and their implications for the EU / N. Brack // *International Political Science Review*. – 2015. – 36(3). – P. 337–350.
155. Braunthal G. Right-Wing Extremism in Contemporary Germany / G. Braunthal. – Springer, 2009. – 260 p.
156. Bukey E. B. Hitlers Österreich / E. B. Bukey. – Hamburg: Europa Verlag GmbH, 2006. – 619 s.
157. Call S., Jolly S. Euroscepticism in the Populism Era / S. Call, S. Jolly // *The Journal of Politics*. – 2019. – 82 (1). – P. e7–e12
158. Campani G. The Blurred Borders of Racism, Neo-Fascism and National Populism / G. Campani // *Časopis za Kritiko Znanosti, Domišljijo in Novo Antropologijo*. – 2015. – 43(260). – P. 19-27
159. Campbell D. Writing security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity / D. Campbell. – Manchester University Press, 1992. – P. 235-236

160. Cannon B. Must We Talk about Populism? Interrogating Populism's Conceptual Utility in a Context of Crisis / B. Cannon // *New Political Science*. – 2018. – Vol. 40, 3. – P. 477-496
161. Canovan M. *Populism* / M. Canovan. – Harcourt, Brace, Jovanovich, 1981. – 351 p.
162. Caprara G. V., Vecchione M. On the Left and Right Ideological Divide: Historical Accounts and Contemporary Perspectives / G. V. Caprara, M. Vecchione // *Advances in Political Psychology*. – 2018. – Vol. 39, Suppl. 1. – P. 49-83
163. Cardoso F. H., Faletto E. *Dependency and development in Latin America* / F. H. Cardoso, E. Faletto. – University of California Press, 1979. – 227 p.
164. Charalambous G., Ioannou G. Conclusions: populism and left radicalism in Europe across time and space // *Left Radicalism and Populism in Europe* / Charalambous G., Ioannou G. (eds.). Routledge, 2020. – P. 257-265
165. Copsy N. Fascism... but with an open mind. Reflections on the Contemporary Far Right in (Western) Europe / N. Copsy // *Fascism*. – 2013. – 2. – P. 1-17
166. De Blasio E., Sorice M. Populism between direct democracy and the technological myth [Электронный ресурс] / E. De Blasio, M. Sorice // Palgrave Communications. – 2018. – Режим доступа: <https://www.nature.com/articles/s41599-018-0067-y> (дата обращения: 15.08.2019)
167. de Cleen B. *Populism and Nationalism* // *Oxford Handbook of Populism* / Rovira Kaltwasser C., Taggart P., Ochoa Espejo P., Ostiguy, P. (eds.). – Oxford University Press, 2017. – P. 342-362
168. Decker F. *Der neue Rechtspopulismus* / F. Decker. – Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2004. – 316 s.
169. Decker F. Die «Alternative für Deutschland» aus der vergleichenden Sicht der Parteienforschung / Häusler A. // *Die Alternative für Deutschland. Programmatik, Entwicklung und politische Verortung*. – Wiesbaden: Springer, 2016. – S. 7-23
170. Decker F. The «Alternative for Germany». Factors Behind its Emergence and Profile of a New Right-wing Populist Party / F. Decker // *German Politics and Society*. – 2016. – Issue 119. Vol. 34. No. 2. – P. 1-16
171. Decker F., Neu V. *Handbuch der deutschen Parteien*. – Springer VS., 2018. – 533 s.
172. Dudek P., Jaschke H.-G. Entstehung und Entwicklung des Rechtsextremismus in der Bundesrepublik: zu Traditionen einer besonderen politischen Kultur / P. Dudek, H.-G. Jaschke. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984. – 512 s.
173. Eatwell R. *Populism and Fascism* // *Oxford Handbook of Populism* / Rovira Kaltwasser C., Taggart P., Ochoa Espejo P., Ostiguy, P. (eds.). – Oxford University Press, 2017. – P. 363-383
174. Freissler M. Für ein Europa der Nationen. Zur Kooperation rechtsnationaler Parteien in der Europäischen Union unter besonderer Berücksichtigung der Freiheitlichen Partei Österreichs : Masterarbeit zur Erlangung des akademischen Grades «Master of Arts» / M. Freissler. – Wien, 2011. – 185 s.
175. Frie E. Preußische Identitäten im Wandel (1760-1870) / E. Frie // *Historische Zeitschrift*. – 2001. – 272(2). – S. 353-375
176. Geden O. Diskursstrategien im Rechtspopulismus. Freiheitliche Partei Österreichs und Schweizerische Volkspartei zwischen Opposition und Regierungsbeteiligung / O. Geden. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. – 246 s.
177. Gehler M., Graf M. Austria, German Unification, and European Integration: A Brief Historical Background [Электронный ресурс] / M. Gehler, M. Graf. Режим доступа: <https://www.wilsoncenter.org/publication/austria-german-unification-and-european-integration-brief-historical-background> (дата обращения: 25.01.2021)

178. Gehler M., Graf M. Österreich und die deutsche Frage 1987c1990 / M. Gehler, M. Graf. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2018. – 789 s.
179. Gerbaudo P.: Populism 2.0: Social Media Activism, the Generic Internet User and Interactive Direct Democracy / D. Trottier, D. Fuchs // Social Media, Politics and the State: Protests, Revolutions, Riots, Crime and Policing in the Age of Facebook, Twitter and YouTube. – Abingdon : Routledge, 2014. – P. 63-84
180. Giddens A. Beyond Left and Right. The Fute of Radical Politics / A. Giddens. Polity Press, 2007. 276 p.
181. Glaser R. Aspekte der Herder-Rezeption in der deutschen Volkskunde / R. Glaser // Ethnologia Europaea. – 1994. – 24 (2). – S. 133-138
182. Grabbe H., Groot N. Populism in the European Parliament: What Implications for the Open Society? / H. Grabbe, N. Groot // The International Spectator. – 2014. – 49 (4). – P. 33-46
183. Grabow K. Das Volk, des Volkes, dem Volk. Merkmale und Trends zum Begriff Populismus / K. Grabow. – Konrad-Adenauer-Stiftung. – 2016. – 539. – S. 23-27
184. Grumke T., Wagner B. Handbuch Rechtsradikalismus: Personen – Organisationen – Netzwerke vom Neonazismus bis in die Mitte der Gesellschaft / T. Grumke, B. Wagner. – Opladen: Leske + Budrich, 2002. – 546 s.
185. Gunlicks A. The Länder and German federalism / A. Gunlicks. – Manchester: Manchester University Press, 2003. – 409 p.
186. Hafez F. Shifting borders: Islamophobia as common ground for building pan-European right-wing unity / F. Hafez // Patterns of Prejudice. – 2014. – 48 (5). – P. 479-499
187. Haider und die Rechtsradikalen ZDF-Bericht über Haider [Электронный ресурс] // Dokumentationsarchiv des österreichischen Widerstandes. – 2000. – Режим доступа: <https://www.doew.at/erkennen/rechtsextremismus/rechtsextremismus-in-oesterreich/archiv-fpoe-bis-2004/haider-und-die-rechtsradikalen> (дата обращения: 12.03.2020)
188. Hainsworth P. The Extreme Right in Western Europe / P. Hainsworth. – Routledge, 2008. – 160 p.
189. Hämmerle W. Die Spaltung der FPÖ: Annus horribilis für das freiheitliche Lager / W. Hämmerle // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2005. – 2006. – S. 241-246
190. Hämmerle W. Jahreschronik 2002 / W. Hämmerle // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2002. – 2003. – S. 539-586
191. Hartleb F. Recht- und Linkspopulismus. Eine Fallstudie anhand von Schill-Partei und PDS / F. Hartleb. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. – 361 s.
192. Hatakka N. Populism in the hybrid media system. Populist Radical Right Online Counterpublics Interacting with Journalism, Party Politics, and Citizen Activism / N. Hatakka. – Turku, 2019. – 98 p. – Режим доступа: <https://www.utupub.fi/bitstream/handle/10024/148270/AnnalesB487Hatakka.pdf> (дата обращения: 15.08.2021)
193. Johansson K.M. How populist parties organize [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A699764&dsid=9130> (дата обращения: 26.10.2021)
194. Kaarbo J., Lantis J.S., Bealsey R.K. The Analysis of Foreign Policy in Comparative Perspective // Foreign Policy in Comparative Perspective: Domestic and International Influences on State Behavior / Beasley R.K. et al. – CQ Press, 2012. – P. 1-93

195. Kailitz S. Die Deutsche Volksunion und die Republikaner: Vergleichende Betrachtungen zur Entwicklung und zum ideologischen Profil // Strategien der extremen Rechten: Hintergründe – Analysen – Antworten / Braun S., Geisler A., Gerster M. – Springer-Verlag, 2009. – S. 109-129
196. Klekowski von Koppenfels A. Who Organizes? The Political Opportunity Structure of Co-Ethnic Migrant Mobilization // Diasporas and Ethnic Migrants: Germany, Israel and Russia in Comparative Perspective / Münz R. & R. Ohliger. – Frank Cass Publishers, 2004. – P. 284-301
197. Kneuer M. The tandem of populism and Euroscepticism: a comparative perspective in the light of the European crises / M. Kneuer // Contemporary Social Science. – 2019. – 14 (1). – P. 26-42
198. Krippendorff K. Content Analysis: An Introduction to Its Methodology. – Sage Publications, 2004. – 441 p.
199. Kukartz U. Realizing Mixed-Methods Approaches with MAXQDA [Электронный ресурс] / U. Kukartz // MAXQDA. – 2010. – Режим доступа: <https://www.maxqda.de/download/MixMethMAXQDA-Nov01-2010.pdf> (дата обращения: 29.03.2020)
200. Laclau E. On Populist Reason / E. Laclau. – Verso, 2005. – 276 p.
201. Landmann T. Issues and Methods in Comparative Politics: An Introduction / T. Landmann. – Routledge, 2008. – 362 p.
202. Levinson D. J. Politico-economic ideology and group membership in relation to ethnocentrism / Adorno T.W. et al. // The Authoritarian Personality. – Verso, 2019. – P. 151-207
203. Lewis S., Zamith R., Hermida A. Content Analysis in an Era of Big Data: A Hybrid Approach to Computational and Manual Methods / S. Lewis, R. Zamith, A. Hermida // Journal of Broadcasting & Electronic Media. – 2013. – 57(1). – P. 34–52
204. Lukacs J. Democracy and Populism: Fear and Hatred / J. Lukacs. – Yale University Press, 2005. – 248 p.
205. MacRae D. Populism as an ideology / Ionescu G., Gellner E. // Populism: Its Meaning and National Characteristics. – The Macmillan Company, 1969. – P. 153-165
206. Maly I. Algorithmic populism and algorithmic activism [Электронный ресурс] / I. Maly // DiggIt Magazine. 26.11.2019. – Режим доступа: <https://www.diggmagazine.com/articles/algorithmic-populism-activism> (дата обращения: 15.04.2021)
207. McDonnell D., Werner A. International populism. The radical right in the European Parliament / D. McDonnell, A. Werner. – Oxford University Press, 2019. – 282 p.
208. Meret S. The Danish People's Party, the Italian Northern League and the Austrian Freedom Party in a Comparative Perspective: Party Ideology and Electoral Support / S. Meret. – Aalborg: Institut for Historie, Internationale Studier og Samfundsforhold, Aalborg Universitet. 2010. – 322 p.
209. Minogue K. Populism as a political movement / Ionescu G., Gellner E. // Populism: Its Meaning and National Characteristics. – The Macmillan Company, 1969. – P. 197-211
210. Moffitt B. Transnational Populism? Representative Claims, Media and the Difficulty of Constructing a Transnational «People» / B. Moffitt // Javnost – The Public. – 2017. – 24 (4). – P. 409-425
211. Mouffe C. The Democratic Paradox / C. Mouffe. – Verso, 2000. – 143 p.
212. Mudde C. It's the fragmentation, stupid! [Электронный ресурс] // VOXeurop. – 2019. – Режим доступа: <https://voxeurop.eu/en/2019/2019-european-elections-5123367> (дата обращения: 22.02.2020)
213. Mudde C. The Ideology of the Extreme Right / C. Mudde. – Manchester: Manchester University Press, 2013. – 212 p.

214. Mudde C. The War of Words Defining the Extreme Right Party Family / C. Mudde // *West European Politics*. – 1996. – 19 (2). – P. 225-248
215. Mudde C., Kaltwasser C. R. *Populism: A Very Short Introduction* / C. Mudde, C. R. Kaltwasser. – Oxford University Press, 2017. – 136 p.
216. Mudde, C. The Populist Zeitgeist / C. Mudde // *Government and Opposition*. – 2004. – 39(4). – P. 541–563
217. Mufti A. R. Global Comparativism / A.R. Mufti // *Critical Inquiry*. – 2005. – 31 (2). – P. 472-489
218. Munck G.L., Snyder R. *Passion, Craft, and Method in Comparative Politics* / G.L. Munck, R. Snyder. – John Hopkins University Press, 2007. – 773 p.
219. Mussolini's Romania Comments Split Extremist MEP Group [Электронный ресурс] // Spiegel Online. – 2017. – Режим доступа: <https://www.spiegel.de/international/europe/cat-fight-on-the-far-right-mussolini-s-romania-comments-split-extremist-mep-group-a-516407.html> (дата обращения: 16.12.2019)
220. Neubacher B. *Die Republikaner im baden-württembergischen Landtag – von einer rechtsextremen zu einer rechtsradikalen, etablierten Partei? : Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors der Philosophie* / B. Neubacher. – Stuttgart, 2001. – 377 s.
221. Neuendorf K. *The Content Analysis Guidebook*. – Sage Publications, 2002. – 301 p.
222. Neumann I. *Uses of the Other: The «East» in European Identity Formation* / I. Neumann. – Manchester University Press, 1999. – 281 p.
223. Neumann-Ernst N. Comparing populist communication across media channels: How political actors utilize populist messages and styles / N. Neumann-Ernst. – Zurich, 2019. – 194 p. – Режим доступа: <https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/170929/1/170929.pdf> (дата обращения: 15.08.2021)
224. Nicoli F. Populism, polarization, politicization, participation, projecting the EU beyond the market? [Электронный ресурс] // *Rising Populism and European Elections: Collection of selected contributions*. – Institute of European Democrats, 2014. – Режим доступа: <https://www.iedonline.eu/download/2014/Rising-Populism-European-Elections-IED--2014.pdf> (дата обращения: 15.04.2019)
225. Pegidas Hochburg – Pegidas Gegner [Электронный ресурс] // *Der Spiegel*. – 2015. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/pegida-ueberblick-wo-sind-die-anhaenger-wo-die-gegner-a-1011480.html> (дата обращения: 29.05.2018)
226. Pelinka A. Die FPÖ im internationalen Vergleich. Zwischen Rechtspopulismus, Deutschnationalismus und Österreich-Patriotismus / A. Pelinka // *Conflict & Communication*. – 2002. – 1 (1). – S. 1-12
227. Pelinka A. Die FPÖ in der vergleichenden Parteienforschung: zur typologischen Einordnung der Freiheitlichen Partei Österreichs / A. Pelinka // *Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft*. – 2002. – 31(3). – S. 281-290
228. Pfahl-Traughber A. *Rechtsextremismus in der Bundesrepublik* / A. Pfahl-Traughber. – München: Beck, 2006. – 124 s.
229. Plasser F., Sommer F. Bundespräsidentenwahlen 2016: Politische Einstellungen und Motive der Wähler, regionale Trends und Wählerströme // *Österreichisches Jahrbuch für Politik* 2016. – 2017. – S. 3-35
230. Preglau M. Umbruch der politischen Kultur in Österreich: von der schwarz-blau/orange Wende 2000 über das rot-schwarze Interregnum 2006-2017 zu Schwarz/Türkis-Blau 2.0 [Электронный ресурс] / M. Preglau // *Universität Innsbruck*. – 2018. – Режим доступа:

- https://www.uibk.ac.at/soziologie/dokumente/pdf/mitarbeiter/team/info_fpoe_preglau_max.pdf
(дата обращения: 10.06.2019)
231. Price R., Reus-Smit Ch. Dangerous Liaisons? Critical International Theory and Constructivism / R. Price, Ch. Reus-Smit // *European Journal of International Relations*. – 1998. – 4 (3). – P. 259-294
  232. Rauchensteiner M. Der „Rest“ / M. Rauchensteiner // *Die Anfänge der Republik Österreich im internationalen Kontext*. – Wien: Österreichische Nationalbibliothek, 2018. – 76 s.
  233. Riedel S. Die kulturelle Zukunft Europas: Demokratien in Zeiten globaler Umbrüche / S. Riedel. – Springer-Verlag, 2014. – 292 s.
  234. Rooduijn M. Why is populism suddenly all the rage? [Электронный ресурс] / M. Rooduijn // *The Guardian*. – 2018. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/political-science/2018/nov/20/why-is-populism-suddenly-so-sexy-the-reasons-are-many> (дата обращения: 15.04.2021)
  235. Rosas J. C., Ferreira A. R. Left and Right: The Great Dichotomy Revisited / J. C. Rosas, A. R. Ferreira. – Cambridge Scholars Publishing, 2013. – 430 p.
  236. Ross R. J. Heinrich Ritter von Srbik and "Gesamtdeutsch" History / R. J. Ross // *The Review of Politics*. – 31 (1). – P. 88–107
  237. Ruggie J. G. What Makes the World Hang Together? Neo-Utilitarianism and the Social Constructivist Challenge / J. G. Ruggie // *International Organization*. – 1998. – 52 (4). – P. 855-885
  238. Rydgren J. The Radical Right: An Introduction // *The Oxford Handbook of the Radical Right* / J. Rydgren. – New York City : Oxford University Press, 2018. – P. 1-13
  239. Schellenberg B. Die Republikaner // *Handbuch des Antisemitismus. Judenfeindschaft in Geschichte und Gegenwart. Band 5: Organisationen, Institutionen, Bewegungen* / Benz W. – 2012. – S. 536-538
  240. Schori Liang Ch. Europe for the Europeans: The Foreign and Security Policy of the Populist Radical Right // *Europe for the Europeans: The Foreign and Security Policy of the Populist Radical Right* / Ch. Schori Liang (ed.) – Routledge, 2007. – P. 1-32
  241. Schulz M. Kooperationsbestrebungen rechtsextremer und rechtspopulistischer Parteien im Europa-Parlament // *Strategien der extremen Rechten: Hintergründe – Analysen – Antworten* / Braun S., Geisler A., Gerster M. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. – P. 474-490
  242. Silva B. C. Contemporary Populism: Actors, Causes, and Consequences Across 28 Democracies [Электронный ресурс] / B. C. Silva. – Budapest, 2017. – 256 p. – Режим доступа: <https://dsps.ceu.edu/sites/pds.ceu.hu/files/attachment/basicpage/478/castanhoesilvabruno-dissertation2017.pdf> (дата обращения: 15.08.2021)
  243. Sloan L., Quan-Haase A. *The SAGE Handbook of Social Media Research Methods* / L. Sloan, A. Quan-Haase. – SAGE, 2017. – 679 p.
  244. Sørensen D. Right-wing Euroscepticism and populism: investigating the concept of ‘the people’ / D. Sørensen // *Journal of Political Ideologies*. – 2020. – 25 (2). – P. 1-18
  245. Steffen T. Nicht nur die kleinen Leute [Электронный ресурс] / T. Steffe // *Zeit online*. – 2017. – Режим доступа: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-08/afd-waehler-terrorbekaempfung-integration> (дата обращения: 17.08.2019)
  246. Steglich H. *Rechtsaußenparteien in Deutschland: Bedingungen ihres Erfolges und Scheiterns* / H. Steglich. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. – 463 s
  247. Stöss R. *Rechtsextremismus im Wandel* / R. Stöss. – Bonn: Bonner Universitäts Buchdruckerei, 2010. – 239 s.

248. Stöss R. Rechtspopulismus und Rechtsextremismus // Die neue rechte Herausforderung. Rechtsextremismus in Deutschland und Europa – Berlin, Heinrich-Böll-Stiftung, 2005. – S. 17-23
249. Stöss R. Zur Vernetzung der extremen Rechten in Europa. Referat auf den DVPW-Kongress 2000 in Halle im Rahmen der Sektion «Politische Soziologie» 4. Oktober 2000 [Электронный ресурс] / R. Stöss // Freie Universität Berlin. – 2000. – Режим доступа: <http://www.polsoz.fu-berlin.de/polwiss/forschung/systeme/empsoz/schriften/Arbeitshefte/RexDVPW.pdf> (дата обращения: 15.07.2019)
250. Taguieff P.-A. Political Science Confronts Populism: From a Conceptual Mirage to a Real Problem / P. A. Taguieff // Telos. – 1995. – №103. – P. 9-43
251. Takle M. (Spät)Aussiedler: From Germans to Immigrants / M. Takle // Nationalism and Ethnic Politics. – 2011. – 17. – P. 161–181
252. Taylor A. J. P. The Habsburg Monarchy, 1809-1918 : A History of the Austrian Empire and Austria-Hungary / A. J. P. Taylor. – London: Hamish Hamilton, 1976. – 279 p.
253. The Comparative Study of Foreign Policy: Perspectives on the Future [Электронный ресурс] / Caporaso J.A. et al. – 1986. – Режим доступа: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED271365.pdf> (дата обращения: 07.04.2020)
254. The Rise of the Far Right in Europe. Populist Shifts and Othering / Lazaridis G., Campani G., Benveniste A. (eds.). – Palgrave Macmillan, 2016. – 289 p.
255. van der Bellen A. Die Torheit der Regierenden: Die EU-Sanktionen und ihr Ende [Электронный ресурс] / A. van der Bellen // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2000. – 2001. – Режим доступа: http://www.jahrbuch-politik.at/wp-content/uploads/Alexander-van-der-Bellen_Die-Torheit-der-Regierenden-oder-die-sanktionsbewehrte-Causa-Austria-als-Akt-EUropa%CC%88ischer-Verblendung.pdf (дата обращения: 16.07.2019)
256. Vejvodová P. A Thorny Way to Find Friends: Transnational Cooperation and Network-building amongst Right-wing and National Populist Parties / P. Vejvodová // Exposing the Demagogues. Right-wing and National Populist Parties in Europe. – Konrad Adenauer Stiftung, 2013. – P. 373-396
257. Vejvodova P. Transnational Cooperation of the Far Right in the European Union and Attempts to Institutionalize Mutual Relations // The Extreme Right in Europe: Current Trends and Perspectives / Backes U., Moreau P. (eds.). – Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2011. – P. 217-228
258. Vermeiren J. The First World War and German National Identity: The Dual Alliance at War / J. Vermeiren. – Cambridge University Press, 2016. – 460 p.
259. Vittori D., Morlino L. Populism and Democracy in Europe / Albertazzi D., Vampa D. // Populism and New Patterns of Political Competition in Western Europe. – Routledge, 2021. – P. 16-47
260. von Beyme K. Right-wing extremism in post-war Europe / K. von Beyme // West European Politics. – 1988. – 11(2). – P. 1-18
261. von Beyme K. Rightwing Populism: An Element of Neodemocracy / K. von Beyme. – Springer, 2018. – 103 p.
262. von Riekhoff H. Unequal Partners: A Comparative Analysis Of Relations Between Austria And The Federal Republic Of Germany And Between Canada And The United States / H. von Riekhoff. – Routledge, 2019. – 286 p.
263. Vorländer H., Herold M., Schäler S. PEGIDA. Entwicklung, Zusammensetzung und Deutung einer Empörungsbewegung / H. Vorländer, M. Herold, S. Schäler. – Wiesbaden: Springer, 2016. – 165 s.

264. Walter F. Ursachen und Hintergründe für Rechtsextremismus, Fremdenfeindlichkeit und fremdenfeindlich motivierte Übergriffe in Ostdeutschland sowie die Ballung in einzelnen ostdeutschen Regionen / F. Walter. – Göttinger Institut für Demokratieforschung, 2017. – 232 s.
265. Weber R. Integrationsland Deutschland Vielfalt leben und gestalten / R. Weber // Zeitschrift für die Praxis der politischen Bildung. – 2011. – 2. – Режим доступа: http://www.politikundunterricht.de/2_11/integrationsland.pdf (дата обращения: 11.03.2018)
266. Weinzierl E. Meilsteine auf dem Weg zur österreichischen Nation [Электронный ресурс] / E. Weinzierl. – Режим доступа: http://politicum.at/wp-content/uploads/2015/02/politicum_13.pdf (дата обращения: 15.01.2021)
267. Weiss S. Die praktische Deutsche Nationalökonomie in Verbindung mit ihrer Politik / S. Weiss. – Leipzig : Fernau, 1852. – 352 s.
268. Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics / A. Wendt // International Organization. – 1992. – 46 (2). – P. 391-425
269. Wendt A. Collective Identity Formation and the International State / A. Wendt // The American Political Science Review. – 1994. – 88 (2). – P. 384-396
270. Wendt A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge University Press, 2003. – 429 p.
271. Wettig G. Alois Mertes und die Haltung der CDU/CSU zu den Ostverträgen der sozialliberalen Bundesregierung [Электронный ресурс] / G. Wettig // HPM Heft. – 2009. – 16. – Режим доступа: <http://www.kas.de/wf/de/33.19194/> (дата обращения: 28.06.2019)
272. Williams M.H. The Impact of Radical Right-Wing Parties in West European Democracies / M. H. Williams. – NY: Palgrave Macmillan, 2006. – 236 p.
273. Williams M.H. The Impact of Radical Right-Wing Parties in West European Democracies / M.H. Williams. – NY: Palgrave Macmillan, 2006. – 236 p.
274. Zaslove A. Here to Stay? Populism as a New Party Type // European Review. – 2008. – Vol. 16, No. 3. – P. 319–336
275. Zehfuss M. Constructivism in International Relations / M. Zehfuss // Cambridge University Press, 2002. – 289 p.
276. Zohlnhöfer R. Putting Together the Pieces of the Puzzle: Explaining German Labor Market Reforms with a Modified Multiple-Streams Approach / R. // The Policy Studies Journal. – 2016. – 44 (1). – P. 83-107
277. Zúquete J. P. The new frontlines of right-wing nationalism / J. Zúquete // Journal of Political Ideologie. – 2015 – 20 (1). – P. 73-74

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1. Ключевые слова и категории, использованные при кодировании текстовых материалов

Категория	Страна	Ключевые слова	Дополнительные фильтры*
Миграция	Германия, Австрия	Zuwanderung (иммиграция), Einwanderung (иммиграция), Migration (миграция), Migrant (мигрант), Flüchtling (беженец), Asyl (убежище)	
Внешняя политика	Германия, Австрия	US* (США), amerika- (америка-), afrika-(африка-), Rußland (Россия), russisch (русский), syri- (сири-), chin-* (китай-), UNO* (ООН), türkisch (турецкий), Türkei (Турция), Bvexit (Брекзит), brit- (британ-)	Различать заглавные/строчные буквы, исключить сочетания -schin
ЕС	Германия, Австрия	EU* (ЕС), Europa (Европа), Brüssel (Брюссель)	Различать заглавные/строчные буквы
Внутренняя политика	Германия, Австрия	Arbeit (работа), krimi- (преступ-), poliz- (полиц-), Rente (пенсия)	
Демократия	Германия, Австрия	demokrat-* (демократ-), Meinung (мнение), Zensur (цензура), Freiheit* (свобода), schweig- (молча-), Fairness (справедливость)	Исключить sozial-demokrat-, исключить freiheitlich при анализе документов, относящихся к АПС
Зеленые	Германия, Австрия	Grün (зеленый)	
АПС	Австрия	ÖVP (АНП), schwarz* (черный), türkis* (бирюзовый)	Исключить der schwarze Faden, schwarzer Faden (название одного из аккаунтов, часто цитируемых АПС); исключить türkisch (турецкий)
ХДС	Германия	CDU (ХДС), CSU (ХСС)	
Социал-демократы/Левые	Германия, Австрия	SPÖ, SPD, sozial-demokrat-, link-, rot*	Особое внимание к попавшим в выборку словам с сочетанием -rot- ввиду технической сложности автоматического исключения нерелевантных лексических единиц

Канцлер	Германия, Австрия	Kurz* (Курц), Merkel (Меркель)	Различать заглавные/строчные буквы
Мы	Германия, Австрия	wir* (мы), uns* (нам/нас), unser- (наш)	Только слова целиком
Опасность	Германия, Австрия	Gefahr (опасность), gefähr- (опасн-), Problem (проблема), Krise (кризис), forder- (требов-), Risiko (риск), risk- (риск-), -droh- (угрож-)	

Приложение 2. Публикации партий в социальных сетях,
данные контент-анализа

АдГ основной аккаунт

	Внешняя политика	Демократия	Зеленые	Левые	Канцлер	ХДС	Миграция	Внутренняя политика	"Мы"	Опасность	ЕС
Внешняя политика		12	4	4	5	2	31	13	40	32	37
Демократия	12		30	44	32	24	16	50	134	51	20
Зеленые	4	30		32	9	22	14	31	41	30	11
Левые	4	44	32		10	45	17	60	49	35	13
Канцлер	5	32	9	10		24	20	31	52	37	16
ХДС	2	24	22	45	24		8	29	36	15	10
Миграция	31	16	14	17	20	8		55	88	56	80
Внутренняя политика	13	50	31	60	31	29	55		152	88	63
"Мы"	40	134	41	49	52	36	88	152		138	104
Опасность	32	51	30	35	37	15	56	88	138		68
ЕС	37	20	11	13	16	10	80	63	104	68	

АдГ – аккаунт фракции в Бундестаге

	Внешняя политика	Демократия	Зеленые	Левые	Канцлер	ХДС	Миграция	Внутренняя политика	"Мы"	Опасность	ЕС
Внешняя политика		7	2	1	8	2	13	12	27	42	47
Демократия	7		7	10	13	6	8	15	50	31	18
Зеленые	2	7		18	1	4	11	26	43	28	8
Левые	1	10	18		1	18	5	33	28	23	9
Канцлер	8	13	1	1		2	6	14	20	19	15
ХДС	2	6	4	18	2		5	10	13	16	11
Миграция	13	8	11	5	6	5		35	49	66	57
Внутренняя политика	12	15	26	33	14	10	35		94	129	37
"Мы"	27	50	43	28	20	13	49	94		127	51
Опасность	42	31	28	23	19	16	66	129	127		74
ЕС	47	18	8	9	15	11	57	37	51	74	

АдГ – аккаунт регионального отделения партии в Баварии

	Внешняя политика	Демократия	Зеленые	Левые	Канцлер	ХДС	Миграция	Внутренняя политика	"Мы"	Опасность	ЕС
Внешняя политика		10	3	4	8	5	14	6	12	9	16
Демократия	10		29	46	34	37	13	38	81	48	16
Зеленые	3	29		51	30	71	31	43	61	48	18
Левые	4	46	51		14	72	18	63	57	53	12
Канцлер	8	34	30	14		43	38	41	96	56	34
ХДС	5	37	71	72	43		17	29	59	37	15
Миграция	14	13	31	18	38	17		41	51	47	44
Внутренняя политика	6	38	43	63	41	29	41		119	86	38
"Мы"	12	81	61	57	96	59	51	119		152	58
Опасность	9	48	48	53	56	37	47	86	152		33
ЕС	16	16	18	12	34	15	44	38	58	33	

АдГ – аккаунт регионального отделения партии в Северном Рейне-Вестфалии

	Внешняя политика	Демократия	Зеленые	Левые	Канцлер	ХДС	Миграция	Внутренняя политика	"Мы"	Опасность	ЕС
Внешняя политика		18	2	3	4	3	13	23	30	18	22
Демократия	18		30	51	9	28	31	44	85	40	12
Зеленые	2	30		33	4	23	11	30	28	15	3
Левые	3	51	33		5	37	16	35	44	28	10
Канцлер	4	9	4	5		8	8	6	20	7	3
ХДС	3	28	23	37	8		3	9	27	16	5
Миграция	13	31	11	16	8	3		38	57	27	23
Внутренняя политика	23	44	30	35	6	9	38		83	46	28
"Мы"	30	85	28	44	20	27	57	83		76	39
Опасность	18	40	15	28	7	16	27	46	76		24
ЕС	22	12	3	10	3	5	23	28	39	24	

АдГ – аккаунт Й. Мойтена

	Внешняя политика	Демократия	Зеленые	Левые	Канцлер	ХДС	Миграция	Внутренняя политика	"Мы"	Опасность	ЕС
Внешняя политика		2	3	2	4	2	11	2	15	3	22
Демократия	2		30	19	22	11	8	12	88	13	42
Зеленые	3	30		39	27	28	19	27	69	17	32
Левые	2	19	39		13	30	15	32	46	23	17
Канцлер	4	22	27	13		38	67	26	99	42	34
ХДС	2	11	28	30	38		15	11	35	6	17
Миграция	11	8	19	15	67	15		44	88	37	46
Внутренняя политика	2	12	27	32	26	11	44		76	30	49
"Мы"	15	88	69	46	99	35	88	76		59	141
Опасность	3	13	17	23	42	6	37	30	59		27
ЕС	22	42	32	17	34	17	46	49	141	27	

АдГ – аккаунт Б. фон Шторх

	Внешняя политика	Демократия	Зеленые	Левые	Канцлер	ХДС	Миграция	Внутренняя политика	"Мы"	Опасность	ЕС
Внешняя политика		19	5	7	18	7	38	9	39	7	38
Демократия	19		21	32	18	20	38	31	87	15	27
Зеленые	5	21		39	16	61	24	21	52	1	15
Левые	7	32	39		21	82	26	52	94	10	28
Канцлер	18	18	16	21		54	46	21	74	15	38
ХДС	7	20	61	82	54		38	21	73	5	32
Миграция	38	38	24	26	46	38		67	189	27	58
Внутренняя политика	9	31	21	52	21	21	67		104	15	31
"Мы"	39	87	52	94	74	73	189	104		43	83
Опасность	7	15	1	10	15	5	27	15	43		16
ЕС	38	27	15	28	38	32	58	31	83	16	

АПС – основной аккаунт в Twitter

	Внешняя политика	Демократия	Зеленые	Левые	Канцлер	АНП	Миграция	Внутренняя политика	"Мы"	Опасность	ЕС
Внешняя политика		0	0	0	0	0	1	0	0	0	1
Демократия	0		1	1	0	3	2	1	2	3	1
Зеленые	0	1		6	1	13	2	5	3	6	1
Левые	0	1	6		0	8	1	1	2	5	1
Канцлер	0	0	1	0		14	2	5	3	4	1
АНП	0	3	13	8	14		0	23	7	16	4
Миграция	1	2	2	1	2	0		3	3	5	4
Внутренняя политика	0	1	5	1	5	23	3		9	10	0
"Мы"	0	2	3	2	3	7	3	9		10	2
Опасность	0	3	6	5	4	16	5	10	10		2
ЕС	1	1	1	1	1	4	4	0	2	2	

АПС – основной аккаунт в Facebook

	Внешняя политика	Демократия	Зеленые	Левые	Канцлер	АНП	Миграция	Внутренняя политика	"Мы"	Опасность	ЕС
Внешняя политика		4	13	0	15	20	4	4	28	5	4
Демократия	4		13	0	9	17	2	1	21	5	4
Зеленые	13	13		1	26	73	4	18	52	9	0
Левые	0	0	1		0	1	0	0	1	0	0
Канцлер	15	9	26	0		37	0	4	43	2	1
АНП	20	17	73	1	37		4	24	75	17	4
Миграция	4	2	4	0	0	4		3	11	9	5
Внутренняя политика	4	1	18	1	4	24	3		19	1	0
"Мы"	28	21	52	1	43	75	11	19		24	13
Опасность	5	5	9	0	2	17	9	1	24		7
ЕС	4	4	0	0	1	4	5	0	13	7	

АПС – аккаунт Х. Вилимского

	Внешняя политика	Демократия	Зеленые	Левые	Канцлер	АНП	Миграция	Внутренняя политика	"Мы"	Опасность	ЕС
Внешняя политика		11	7	9	6	5	47	5	10	11	94
Демократия	11		11	26	8	8	10	1	7	5	25
Зеленые	7	11		48	7	38	12	13	11	5	25
Левые	9	26	48		10	23	30	16	14	8	28
Канцлер	6	8	7	10		10	5	7	10	3	16
АНП	5	8	38	23	10		5	4	5	1	20
Миграция	47	10	12	30	5	5		20	12	17	94
Внутренняя политика	5	1	13	16	7	4	20		6	7	12
"Мы"	10	7	11	14	10	5	12	6		7	32
Опасность	11	5	5	8	3	1	17	7	7		31
ЕС	94	25	25	28	16	20	94	12	32	31	

АПС – аккаунт Н. Хофера

	Внешняя политика	Демократия	Зеленые	Левые	Канцлер	АНП	Миграция	Внутренняя политика	"Мы"	Опасность	ЕС
Внешняя политика		1	0	0	0	0	5	2	6	5	13
Демократия	1		0	2	0	2	3	1	9	4	3
Зеленые	0	0		1	0	5	0	0	0	3	0
Левые	0	2	1		3	28	7	2	11	4	1
Канцлер	0	0	0	3		4	1	1	8	5	6
АНП	0	2	5	28	4		3	1	6	7	0
Миграция	5	3	0	7	1	3		0	15	7	11
Внутренняя политика	2	1	0	2	1	1	0		16	3	6
"Мы"	6	9	0	11	8	6	15	16		17	17
Опасность	5	4	3	4	5	7	7	3	17		9
ЕС	13	3	0	1	6	0	11	6	17	9	

АПС – аккаунт К. Х. Грюнштайдля

	Внешняя политика	Демократия	Зеленые	Левые	Канцлер	АНП	Миграция	Внутренняя политика	"Мы"	Опасность	ЕС
Внешняя политика		1	0	2	2	4	15	5	4	6	13
Демократия	1		4	17	2	9	2	5	6	9	0
Зеленые	0	4		12	5	47	14	9	3	8	4
Левые	2	17	12		0	7	13	5	13	11	2
Канцлер	2	2	5	0		12	7	5	4	8	7
АНП	4	9	47	7	12		26	12	4	12	10
Миграция	15	2	14	13	7	26		4	5	24	18
Внутренняя политика	5	5	9	5	5	12	4		4	9	3
"Мы"	4	6	3	13	4	4	5	4		8	4
Опасность	6	9	8	11	8	12	24	9	8		9
ЕС	13	0	4	2	7	10	18	3	4	9	

АПС – аккаунт Д. Нешпа

	Внешняя политика	Демократия	Зеленые	Левые	Канцлер	АНП	Миграция	Внутренняя политика	"Мы"	Опасность	ЕС
Внешняя политика		1	2	3	0	1	4	2	5	2	3
Демократия	1		3	6	1	0	2	2	6	3	3
Зеленые	2	3		44	2	20	3	7	7	5	1
Левые	3	6	44		3	23	8	5	15	5	3
Канцлер	0	1	2	3		4	3	2	6	2	2
АНП	1	0	20	23	4		7	2	5	1	0
Миграция	4	2	3	8	3	7		2	9	3	4
Внутренняя политика	2	2	7	5	2	2	2		8	7	1
"Мы"	5	6	7	15	6	5	9	8		7	2
Опасность	2	3	5	5	2	1	3	7	7		3
ЕС	3	3	1	3	2	0	4	1	2	3	

Приложение 3. Сведения о голосовании депутатов от АдГ и АПС в Европейском парламенте по отдельным категориям вопросов (октябрь 2020-февраль 2021 гг.)

Количество голосований с совпадающим голосованием всех членов АдГ и АПС: 2128 (64%)

Количество голосований с несовпадающим голосованием членов АдГ и АПС: 1181 (36%)

Количество голосований, где часть членов АдГ нелояльна к основной группе депутатов своей партии: 117 (3,54%)

Количество голосований, где часть членов АПС нелояльна к основной группе депутатов своей партии: 11 (0,33%)

Экономика несовпадающие	Экономика совпадающие	Социальные вопросы несовпадающие	Социальные вопросы совпадающие	Внешняя политика несовпадающие	Внешняя политика совпадающие	Права человека несовпадающие	Права человека совпадающие	Экология несовпадающие	Экология совпадающие	Здравоохранение несовпадающие	Здравоохранение совпадающие	Внешнеэкономические вопросы несовпадающие	Внешнеэкономические вопросы совпадающие
472	648	106	189	247	484	144	246	129	248	39	85	12	24
42%	58%	36%	64%	34%	66%	37%	63%	34%	66%	31%	69%	33%	67%

Приложение 4. Частота упоминания отдельных слов в программных документах

Предвыборная программа «Альтернативы для Германии» 2017 г.

№	Понятие	Количество употреблений
1.	AfD (АдГ)	187
2.	Deutschland (Германия)	119
3.	Euro (евро)	60
4.	Bürger (гражданин)	57
5.	EU (ЕС)	54
6.	Deutsche (немец/немецкий)	48
7.	Kinder (дети)	44
8.	Einwanderung (иммиграция)	39
9.	Integration (интеграция)	38
10.	Stärken (усиливать)	37
11.	Europa (Европа)	33
	Sprache (язык)	33
12.	Staat (государство)	32
13.	Kultur (культура)	31
	Mensch (человек)	31
14.	Recht (право)	30
	Demokratie (демократия)	30
15.	Familie (семья)	29
16.	Asyl (убежище)	28
	Europäisch (европейский)	28

17.	Wirtschaft (экономика)	27
	Forschung (исследование)	27
18.	Steuern (налоги/управлять)	26
	Schutz (защита)	26
	Politisch (политический)	26
19.	Fordern (требовать)	25
20.	Sicherheit (безопасность)	24
	Öffentlich (общественный)	24
	Identität (идентичность)	24
21.	Land (страна)	22
	Möglich (возможный)	22
	Partei (партия)	22
22.	Politik (политика)	21
	Ziel (цель)	21
	Frei (свободный)	21
	Welt (мир)	21
	Infrastruktur (инфраструктура)	21
23.	Immer (всегда)	20
	Natur (природа)	20
	Beenden (завершать)	20
24.	Kosten (расходы)	19

	Arbeitsmarkt (рынок труда)	19
	Sozial (социальный)	19
	Grundwert (базовая ценность)	19
25.	Verkehr (транспорт)	18
	Schule (школа)	18
	Politisch (политический)	18
	Justiz (юстиция)	18
	Gender (гендер, пол)	18
26.	Staatlich (государственный)	17
	Mittel (средство)	17
	Elter (родитель)	17
	Banke (банк)	17
	Sicherheitspolitik (политика безопасности)	17
27.	Zeit (время)	15
	Interesse (интерес)	15
	Raum (пространство)	15
	Wohnen (проживать)	15
28.	Verhindern (предотвращать)	14

Предвыборная программа «Австрийской партии свободы» 2017 г.

№	Понятие	Количество употреблений
1.	Österreich (Австрия)	94
2.	Staat (государство)	51
3.	Land (страна)	47
4.	Arbeit (работа)	41
	Steuern (налоги/управлять)	41
5.	Forderung (требование)	30
6.	Bereich (область)	33
7.	Kinder (дети)	32
	Familie (семья)	32
8.	Sozial (социальный)	30
9.	Fairness (справедливость)	29
10.	Krise (кризис)	28
11.	Beseitigung (устранение)	26
12.	Mensch (человек)	23
13.	Frau (женщина)	19
	Sicherheit (безопасность)	19
14.	Jugend (молодежь)	17
	Schutz (защита)	17
15.	Öffentlich (общественный)	15

	Ausbau (расширение)	15
16.	Betrieb (предприятие)	14
17.	Zukunft (будущее)	13
	Gesellschaft (общество)	13
18.	Freiheit (свобода)	11
19.	Infrastruktur (инфраструктура)	10
	Heimat (Родина)	10
20.	Leben (жизнь/жить)	9
	Ziel (цель)	9
	Wasser (вода)	9
21.	Neutralität (нейтралитет)	8
	Demokratie (демократия)	8
22.	Bürokratie (бюрократия)	7
	Verwaltung (управление)	7
	Euro (евро)	7
	Zuwanderung (иммиграция)	7
	Rahmen (рамки)	7
23.	Lebensmittel (продукты)	6
	Aufgabe (задача)	6
	Pflege (забота)	6
	Identität (идентичность)	6

	Selbst (сам)	6
	Europa (Европа)	6
	Kultur (культура)	6
	Bewahren (сохранять)	6
	Investition (инвестиция)	6
	Bedeutен (означать)	6
	Gemeinde (община)	6
	Tier (животное)	6
24.	Schikane (придирка)	5
	Endlich (окончательно)	5
	Transparenz (прозрачность)	5
	Versorgung (обеспечение)	5
	Zugang (доступ)	5
	Senior (пенсионер)	5
	Souverän (суверенный)	5
	Politisch (политический)	5
	Entlastung (снятие, освобождение)	5
	Verantwortung (ответственность)	5

Правительственная программа «Австрийской партии свободы»

№	Понятие	Количество употреблений
1.	Österreich (Австрия)	256
2.	Seite (сторона)	164
3.	Maßnahmen (меры)	129
4.	Ziel (цель)	125
5.	Bereich (область)	102
6.	Österreichisch (австрийский)	100
7.	Schaffung (создание)	97
8.	Weiterentwicklung (развитие)	96
9.	Mensch (человек)	94
10.	EU (ЕС)	92
	Ausbau (расширение)	92
11.	Evaluierung (оценка)	91
12.	Rahmenbedingungen (рамочные условия)	89
13.	Unternehmen (предприятие)	88
14.	Stärkung (усиление)	81
	Digitalisierung (цифровизация)	81
15.	Förderung (содействие)	80
16.	Öffentlich (общественный)	79
	Prüfung (проверка)	79

17.	Entwicklung (развитие)	77
	Umsetzung (превращение)	77
18.	Rahmen (рамки)	76
19.	Land (страна)	63
20.	Sicherheit (безопасность)	59
	Bundesregierung (федеральное правительство)	59
21.	Berücksichtigung (учет)	57
22.	Sport (спорт)	56
23.	Wirtschaft (экономика)	55
24.	Zukunft (будущее)	54
25.	Kinder (дети)	53
	Einführung (внедрение)	53
26.	Ebene (уровень)	52
27.	Gesellschaft (общество)	51
28.	Neu (новый)	49
	International (международный)	49
	Nutzung (использование)	49
29.	Europäisch (европейский)	48
30.	Infrastruktur (инфраструктура)	47

31.	Unterstützung (поддержка)	47
	Weiter (дальнейший)	46
	Bekanntnis (признание)	46
	Strategie (стратегия)	46
32.	Reform (реформа)	46
	Bürger (гражданин)	44
33.	Frau (женщина)	44
	Bestehende (существующий)	43
	Basis (база)	43
	Innovation (инновация)	43
	Einrichtung (организация)	43
34.	Verstärkt (усиленный)	43
	Schutz (защита)	42
	Möglichkeit (возможность)	42
35.	Leben (жизнь)	41
	Ermöglichen (содействовать)	41
36.	Integration (интеграция)	40
	Reduktion (сокращение)	40
	Verfahren (процедура)	40
37.	Kultur (культура)	39

Предвыборная программа «Альтернативы для Германии» 2021 г.

№	Понятие	Количество употреблений
1.	AfD (АдГ)	246
2.	Deutschland (Германия)	141
3.	Fordern (требовать)	120
4.	Deutsche (немецкий/немец)	75
5.	Familie (семья)	62
6.	Kind (ребенок)	55
7.	Land (страна)	51
8.	Staat (государство)	48
9.	Erhalten (получать)	46
10.	Bürger (гражданин)	45
11.	EU (ЕС)	41
12.	Digitalisierung (цифровизация)	37
	National (национальный)	37
	Sozial (социальный)	37
13.	Hoch (высокий)	36
14.	Europäisch (европейский)	35
	Mensch (человек)	35
15.	Euro (евро)	34
	Stärken (усиливать)	34

16.	Europa (Европа)	32
17.	Staatlich (государственный)	31
	Technik (техника)	31
18.	Fördern (способствовать)	30
19.	Energie (энергия)	29
20.	Öffentlich (общественный)	28
	Sicherheit (безопасность)	28
21.	Bildung (образование)	27
	Klima (климат)	27
22.	Freiheit (свобода)	26
	Integration (интеграция)	26
	Migration (миграция)	26
23.	Führen (вести)	25
	Politisch (политический)	25
24.	Abschaffung (отмена)	24
	Maßnahme (мера)	24
	Wirtschaft (экономика)	24
25.	Identität (идентичность)	23
	Verhindern (предотвращать)	23

26.	Gesellschaft (общество)	22
	Kultur (культура)	22
	Recht (право)	22
	Schutz (защита)	22
27.	Ausbau (расширение)	21
	Demokratie (демократия)	21
	Entscheiden (решать)	21
	Gelten (действовать)	21
28.	Leben (жизнь)	21
	Beenden (завершать)	20
	Elter (родитель)	20
	Partei (партия)	20
	Scheitern (провалиться)	20
	Steuern (налоги/управлять)	20
29.	Ziel (цель)	20
	Asyl (убежище)	19
	Dienen (служить)	19
	Leistung (достижение, результат)	19

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY

Manuscript copy

Strakevich Anastasia Alekseevna

**Prospects of transnational cooperation of extreme right-wing populist parties on the example of
"Alternative for Germany" and the "Austrian Freedom Party"**

Scientific specialization 5.5.4. International relations

Thesis for a candidate degree in political science

Translation from Russian

Academic supervisor:

Candidate of historical science,

Doctor of political science,

Eremina Natalya Valeryevna

Saint Petersburg

2021

TABLE OF CONTENTS

INTRODUCTION.....	161
1. Right-wing populism: the problem of definition.....	169
1.1 The concept of populism in political science	169
1.2 Right/left dichotomy in correlation with populism	176
1.3 The correlation between right-wing populism and related concepts (right-wing radicalism, fascism, Euroscepticism).....	181
1.4 Trans-border contacts of right-wing populists in academic literature.....	186
2. Theoretical and methodological basis of the research	192
2.1 Social constructivism in international relations.....	192
2.2 Comparative research in political science	198
2.3 Content-analysis as a research method.....	201
3. Austrian and German right-wing populists: national cases analysis.....	205
3.1 Right-wing populism in Germany: main landmarks of development	211
3.2 Right-wing populism in Austria: main landmarks of development	225
3.3 Comparative analysis of development trajectories of Austrian Freedom Party and Alternative for Germany	231
4. Prospects of cooperation of German and Austrian right-wing populists	234
4.1 German and Austrian right-wing populists: mutual perception and attitude towards cross-border cooperation	234
4.2 Comparative analysis of political platforms.....	245
4.3 Prospects for cooperation between Austrian and German right-wing populists	261
CONCLUSION	265
REFERENCES.....	271
APPENDIX.....	288

INTRODUCTION

Even though the term "populism" was introduced in the 1960s, up to the mid-1990s this issue was rarely studied by researchers who focused on the Western European countries. At the turn of the century, this phenomenon which previously was thought to be inherent to "backward" agrarian societies started to be associated with right-wing radical groups emerging in developed countries. Some researches interpret it as another incarnation of fascist ideology or an attempt to adapt to a new reality made by the "outdated" right-wing radicalism (such point of view is shared, for instance, by H.-G. Betz¹, R. Stöss², N. Copsy³), others (e.g. one from the leading populist researcher K. Mudde⁴ as well as R. Eatwell⁵) – emphasize the fundamental novelty of the phenomenon and the irreducibility of its characteristics to the "usual" right-wing radical rhetoric. There are different approaches to the question of why populism arises. The most popular explanations include the alleged excessive convergence of left and right political forces (mentioned by K. von Beyme⁶, K. Mudde⁷, F. Nicoli⁸), exclusion of controversial issues out of the political debates (studied by S. Mouffe⁹, S. A. Lantsov¹⁰, V. A. Achkasov¹¹) and the fear of changes shared by a significant part of population (mentioned in the 1970s by F. E. Cardoso and E. Faletto¹², same concept elaborated by P.A. Tagieff¹³, N.A. Baranov¹⁴ later).

By the mid-2010s. populism ceases to be a topic exclusively discussed by academics. Brexit, the growing popularity of M. Le Pen in France, the growth of PEGIDA and the subsequent success of the Alternative for Germany, development of forces considered undemocratic in Italy, Poland, Hungary, and finally, the election of D. Trump in the United States – all those events are often interpreted as links in one chain, marking the tide of right-wing populism that swept across Europe and the United States. Thus,

---

¹ Betz H.-G. Die identitätspolitische Herausforderung rechtspopulistischer Parteien in Europa // Die neue rechte Herausforderung. Rechtsextremismus in Deutschland und Europa. Berlin, Heinrich-Böll-Stiftung, 2005. S. 10

² Stöss R. Rechtspopulismus und Rechtsextremismus // Die neue rechte Herausforderung. Rechtsextremismus in Deutschland und Europa. Berlin, Heinrich-Böll-Stiftung, 2005. S. 19

³ Copsy N. Fascism... but with an open mind. Reflections on the Contemporary Far Right in (Western) Europe // Fascism. 2013. 2. P. 1-11

⁴ Mudde C. The War of Words Defining the Extreme Right Party Family // West European Politics. 1996. 19 (2). P. 226

⁵ Eatwell R. Populism and Fascism // Oxford Handbook of Populism / Rovira Kaltwasser C., Taggart P., Ochoa Espejo P., Ostiguy, P. (eds.). Oxford University Press, 2017. P. 3-4

⁶ Mudde C. The Populist Zeitgeist // Government and Opposition. 2004. P. 542-552

⁷ Ibidem

⁸ Nicoli F. Populism, polarization, politicization, participation, projecting the EU beyond the market? [Electronic resource] // Rising Populism and European Elections: Collection of selected contributions. Institute of European Democrats, 2014. URL: <https://www.iedonline.eu/download/2014/Rising-Populism-Europe-Elections-IED--2014.pdf> P. 11-18

⁹ Mouffe C. The Democratic Paradox. Verso, 2000. P. 23-26

¹⁰ «Politika postpravdy» i populizm / pod red. O. V. Popovoj. SPb.: Skifiya-print, 2018. P. 141

¹¹ Ibidem. P. 156-157

¹² Cardoso F. H., Faletto E. Dependency and development in Latin America. University of California Press, 1979. P. 132

¹³ Tagieff P.-A. Political Science Confronts Populism: From a Conceptual Mirage to a Real Problem // Telos. 1995. №103. P. 27-31

¹⁴ «Politika postpravdy» i populizm ... Ibidem. P. 123-132

the relevance of this study stems from two main ideas that have been formulated in Western Europe by the middle of the past decade. The first of them is the idea of "contagiousness" of populism, implying that is induced by factors external to a particular national political system. The second idea embraced the alleged possibility of establishing cross-border ties between right-wing populist forces, which acquires special significance against the background of the electoral successes of such parties both at the national and at the European level.

In this paper the possibility of cross-border cooperation between right-wing forces is studied on the basis of two national cases, with German ("Alternative for Germany") and Austrian parties ("Austrian Freedom Party") being chosen as **the object of research**. This choice of cases is not self-evident: despite the linguistic commonality of the two countries, discussing cross-border political communities between Germany and Austria invariably refers to the traumatic experience of the *Anschluss*, and is therefore usually avoided. Taking into account the orientation towards the "great past", traditionally shared by populist parties, as well as the conceptual closeness of the concepts of "people" and "nation" in a number of populist interpretations (as mentioned, for instance, by B. de Cleen¹⁵, E. De Blasio and M. Sorice¹⁶), we find it reasonable not only to provide a brief overview of the processes of German and Austrian national identities' formation, but also to consider how the respective parties refer to the historical experience. By choosing the German and Austrian populist parties as the object of our study, we emphasize that the interactions between them should not be interpreted as attempts to revive old ideas of German unity. Turning to current events, we note the numerous personal official and unofficial contacts between their members and emphasize that they represent an example of the interaction between the "new" and "old" populist parties.

The subject of this research is the position of the "Alternative for Germany" and the "Austrian Freedom Party" on issues which have potential cross-border significance (immigration, European integration), as well as their mutual perception. **The aim of the study** is to find out to what extent the views of parties contribute to or, on the contrary, hinder the effective establishment of cross-border contacts between them. On the way to achieving this goal, it seems necessary to solve several **tasks**:

1. Analyze the variety of academic approaches to the concept of "populism";
2. Study the relationship between the concept of "right-wing populism" and related categories used to describe similar forces (right-wing radicalism, fascism, Euroscepticism);

---

¹⁵ de Cleen B. Populism and Nationalism // Oxford Handbook of Populism / Rovira Kaltwasser C., Taggart P., Ochoa Espejo P., Ostiguy, P. (eds.). Oxford University Press, 2017. P. 342-362

¹⁶ De Blasio E., Sorice M. Populism between direct democracy and the technological myth [Electronic resource] // Palgrave Communications. 2018. URL: <https://www.nature.com/articles/s41599-018-0067-y>

3. Trace the academic trends in interpreting the right/left dichotomy;
4. Trace the development of right-wing populist forces in Germany and Austria;
5. Conduct a comparative analysis of the parties' positions on issues having a cross-border component;
6. Analyze the interaction experience of the “Alternative for Germany” and the “Austrian Freedom Party”;
7. Identify trends in the development of relations between the parties under consideration, as well as their positions on cross-border cooperation in general.

Although the paper provides a brief overview of the processes of Austrian and German national identities' formation (starting from the 19th century), as well as traces the development of right-wing radical/right-populist forces in Germany and Austria (period from the 1950s), the main **chronological framework of the study** covers the period from 2000 to 2020.

The theoretical basis of the research is the constructivist theory with its special emphasis on the constitutive role of perceptions and interpretations (formulated, in particular, in the works of A. Wendt^{17,18,19}) and the texts produced by actors as reflections of the rules in accordance with which they perceive social reality (as described by N. Onuf²⁰, F. Kratochwil²¹). It should be noted that the choice of a constructivist theoretical framework in works devoted to the problems of right-wing populism has been a fairly widespread research strategy in recent years. Such a theoretical model is convenient for analyzing flexible network structures, which are often constituted by virtual groups of citizens who share populist ideas at the national level, as well as cross-border populist associations. At both the domestic and transnational levels, populist networks are uniquely adaptable: in different time periods they cover a different range of ideas, the common denominator of which is to oppose the elites in the name of the "true people."

Among the methods that make up the core of **the methodological base of the research** one should mention comparative analysis (the search for common features and differences both in the trajectories of development and in the rhetoric of right-wing populist parties in Germany and Austria, which ultimately brings us to conclusions about the patterns of their identification and the prospects of

---

¹⁷ Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics // *International Organization*. 1992. 46 (2). P. 391-425

¹⁸ Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // *The American Political Science Review*. 1994. 88 (2). P. 384-396

¹⁹ Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge University Press, 2003. 429 p.

²⁰ Zehfuss M. *Constructivism in International Relations* // Cambridge University Press, 2002. P. 20-22

²¹ Price R., Reus-Smit Ch. Dangerous Liaisons? Critical International Theory and Constructivism // *European Journal of International Relations*. 1998. 4 (3). P. 261-268

forming a cross-border community on such a basis), as well as content analysis of the texts produced by the parties. Our relying on content analysis is grounded by the desire to cover as much data reflecting the patterns of public communication of the "Austrian Freedom Party" and "Alternatives for Germany" as possible. Selected materials are analyzed using specialized software for content analysis – MAXQDA. Documents added to MAXQDA are analyzed using Lexical Search tools and a set of MAXDictio tools (frequency of use of words, keywords in context etc.). We also applied coding procedures, that is, assigned individual lexical units, phrases or larger fragments of text to designations ("Codes"), allowing us to map the content of the text as a whole.

When working with documents of limited volume (programs, shorthand statements of parties' representatives), we mainly resorted to a combination of automated and manual coding: a text fragment read by the researcher was manually assigned one of the corresponding semantic categories. In the case of large volumes (for instance, a pool of messages left by parties' members on social networks), coding was carried out in an automated mode based on keywords. At the same time, the greatest attention was paid to three subject matters having a strong foreign policy component: (1) immigration and refugee policy; (2) foreign policy and perception of integration processes in Europe; (3) party identification and perception of threats.

The source base of the research is made up of several groups of materials:

- Political programs issued by the Alternative for Germany and the Austrian Freedom Party for national elections^{22,23,24}, elections in individual federal states^{25,26}, elections to the European Parliament^{27,28}. By analyzing this group of documents, we tried to identify the parties' patterns of identification as well as their approaches to the issues relevant for this study (cross-border

---

²² Freiheitliches Wahlprogramm zur Nationalratswahl 2017 [Electronic resource] // FPÖ. 2017. URL: www.fpoe.at/fileadmin/user_upload/Wahlprogramm_8_9_low.pdf

²³ Programm für Deutschland. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland [Electronic resource] // Alternative für Deutschland. 2018. URL: https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2018/01/Programm_AfD_Druck_Online_190118.pdf

²⁴ Deutschland. Aber normal. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 20. Deutschen Bundestag [Electronic resource] // Alternative für Deutschland. 2021. URL: https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2021/05/2021-05-20-_-AfD-Bundestagswahlprogramm-2021.pdf

²⁵ Landtagswahl-programm 2021. Alternative für Deutschland Baden-Württemberg [Electronic resource] // Alternative für Deutschland Baden-Württemberg. 2021. URL: https://afd-bw.de/afd-bw/wahlprogramme/landtagswahlprogramm_afd_2021_a4.pdf

²⁶ Wien braucht eine starke FPÖ. Unser Programm für Wien 2020 [Electronic resource] // FPÖ Wien. 2020. URL: https://web.archive.org/web/20200928201211/https://www.fpoe-wien.at/fileadmin/user_upload/www.fpoe-wien.at/documents/Wahlprogramm_2020_v5_Web.pdf

²⁷ EU-Wahl 2019 [Electronic resource] // Freiheitliche Partei Österreichs. 2019. URL: <http://web.archive.org/web/20190527230337/https://www.fpoe.eu/sichere-grenzen/>

²⁸ Europawahlprogramm. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 9. Europäischen Parlament 2019 [Electronic resource] // Alternative für Deutschland. 2019. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2019/03/AfD_Europawahlprogramm_A5-hoch_web_150319.pdf

cooperation, immigration, European integration). When referring to programs formulated in different periods and at different levels, we tried to look at parties in diverging contexts, i. e. both during the periods of their electoral successes and failures; with FPÖ – both in the context of its being in power and in opposition.

- Materials of the parties' official websites and their pages on social networks (*Facebook*²⁹, *Twitter*^{30,31}, in some case also *YouTube*³²). By referring to this group of sources, we simultaneously strive to analyze the widest possible pool of unofficial texts generated by the parties (which corresponds to idea set by the constructivist framework that identities are manifested via texts), and recognize the fact that communication via social networks is largely becoming the basis of political strategies of right-wing populist parties.
- Mass media publications covering the interaction of parties, statements of their representatives about each other, reaction of the parties to current events. Since we have no direct access to internal information about the cooperation of parties (e.g., interviews with representatives of the relevant forces, analysis of internal documents), we find it is reasonable to rely on open information published by the media. Unlike materials from social networks that reflect only the part of the events that the actors want to cover, the media often turn to complex and ambiguous topics, which allows us to form a multidimensional understanding of the current events.
- Shorthand records of sessions of the German³³ and Austrian³⁴ national parliaments, the European Parliament³⁵, lists of the European Parliament votes³⁶ (data that make it possible to evaluate the coherence of behavior of the respective parties at the European level).
- Statistical data covering, for instance, the results of elections – data which help us trace the main stages of the parties' development in terms of their electoral success.

---

²⁹ FPÖ [Electronic resource] // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/fpoe/>

³⁰ Alternative für Deutschland [Electronic resource] // Twitter. URL: <https://twitter.com/afd>

³¹ FPÖ [Electronic resource] // Twitter. URL: https://twitter.com/FPOE_TV

³² FPÖ TV [Electronic resource] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCRdEdkAlZetdf74bYaBRv3g>

³³ Stenografische Berichte [Electronic resource] // Deutscher Bundestag. URL: https://www.bundestag.de/services/glossar/glossar/S/stenografische_berichte-247112

³⁴ Stenographische Protokolle [Electronic resource] // Republik Österreich. Parlament. URL: <https://www.parlament.gv.at/PAKT/STPROT/>

³⁵ Protokolle. Plenartagung [Electronic resource] // Europäisches Parlament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/plenary/de/minutes.html>

³⁶ Abstimmungsergebnisse. Plenartagung [Electronic resource] // Europäisches Parlament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/plenary/de/votes.html?tab=votes>

The degree of scientific elaboration of the topic. Although populism has been studied for many decades and is widely covered both by Western (G. Ionescu and E. Gellner³⁷, M. Canovan³⁸, K. Mudde³⁹, E. Laclau⁴⁰) and domestic publications (V. Zaslavsky⁴¹, A. Malko⁴², N. A. Baranov⁴³ et. al.), only a small number of papers are devoted to cross-border contacts of right-wing populists. One of the first authors who raised the question of the possibility of cooperation between right-wing radical parties was R. Stöss (it should be noted that the parties he studied would probably be described as right-wing populist parties in modern papers), who put forward the thesis that nationalism is both uniting the European Right and dividing them.⁴⁴ Almost two decades later, B. de Cleen comes up with the thesis that supranational populism can be established on the basis of a community called “*transnational people-as-underdog*”.⁴⁵ We find it reasonable to assert that the concept embraces a whole pool of studies that prioritize the influence of right-wing populists on European identity formation processes instead of emphasizing formal cooperation (establishing organizations, coalitions in supranational institutions, etc.). Thus, the establishment of new dividing lines, the consolidation of new norms and identities, was studied by such authors as H. Grabbe and N. Groot⁴⁶, M. Tarci⁴⁷, F. Nicoli⁴⁸. D. Almeida, on the contrary, represents the supporters of the formal approach. The researcher points out the connection between the parties’ domestic political status and their desire to interact with foreign colleagues (for instance, he believes that ruling parties or those having a chance to come to power are less inclined to cooperation).⁴⁹

---

³⁷ Ionescu G., Gellner E. Populism: Its Meaning and National Characteristics. London: The Macmillan Company, 1969. 263 p.

³⁸ Canovan M. Populism. Harcourt, Brace, Jovanovich, 1981. 351 p.

³⁹ Mudde, C. The Populist Zeitgeist. Ibidem.

⁴⁰ Laclau E. On Populist Reason. Verso, 2005. 276 p.

⁴¹ Zaslavskij V. Rossiya na puti k rynku: gosudarstvenno-zavisimye rabotniki i populizm // Polis (Politicheskie issledovaniya). 1991. №5. P. 65-79

⁴² Mal'ko A. V. Populizm kak tormoz demokratii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1994. №1. P. 104-111

⁴³ Baranov N. A. Nacional'nye aspekty populizma kak metoda politicheskoy bor'by : avtoref. diP. ... kand. polit. nauk : 23.00.02. SPb., 1998. 12 P.

⁴⁴ Stöss R. Zur Vernetzung der extremen Rechten in Europa. Referat auf den DVPW-Kongress 2000 in Halle im Rahmen der Sektion «Politische Soziologie» 4. Oktober 2000 [Electronic resource] // Freie Universität Berlin. 2000. URL: <http://www.polsoz.fu-berlin.de/polwiss/forschung/systeme/empsocz/schriften/Arbeitshefte/RexDVPW.pdf> S. 2

⁴⁵ de Cleen B. Populism and Nationalism. Ibidem. P. 342-362

⁴⁶ Grabbe H., Groot N. Populism in the European Parliament: What Implications for the Open Society? // The International Spectator. 2014. 49 (4). P. 34-39

⁴⁷ Campani G. The Blurred Borders of Racism, Neo-Fascism and National Populism // Časopis za Kritiko Znanosti, Domišljijo in Novo Antropologijo. 2015. 43(260). P. 24-25

⁴⁸ Nicoli F. Populism, polarization, politicization, participation... Ibidem.

⁴⁹ Almeida D. Europeanized Eurosceptics? Radical Right Parties and European Integration // Perspectives on European Politics and Society. 2010. 11(3). P. 247

Researchers studying the development trends of Austrian and German right-wing populists (e. g. F. Decker⁵⁰, H. Steglich⁵¹, O. Geden⁵², H.-G. Betz⁵³, A. Pelinka⁵⁴) rarely refer to the problem of cross-border cooperation, but sometimes compare national cases. R. Stöss, who considers informal contacts of right-wing populists, can be mentioned among the most prominent exceptions⁵⁵. When it comes to Russian authors, one should mention P. V. Oskolkov, who devoted a part of his PhD thesis to the cooperation of individual right-wing populist parties in the European Parliament.⁵⁶ Thus, **the scientific novelty of this study** is based on the appeal to the case of cross-border cooperation between German and Austrian right-wing populists, which was practically not covered in the literature before. The author's innovation also consists in combining formal (attention to organizations, agreements, institutionalized cooperation) and informal (attention to formed identities, shared ideas) approaches to the interaction of parties.

The theoretical significance of the study is based on the contribution which it makes both to the development of domestic European studies and to studies of populism in general. Thus, most of the publications devoted to the topic of right-wing populism do not consider its international aspect and concentrate on a review of individual national cases instead. **The practical significance of the study** is determined by the possibility of using its sections when elaborating educational and methodological materials in disciplines studying political parties, nationalism, non-state actors of international relations, political processes in Europe etc. Since political parties operating in the international arena often become the object of actions of other actors (including states), it seems possible to use the materials of this study when elaborating a strategy of interaction with the respective forces. Furthermore, the conclusions set out in this work can be discussed during discussions, round tables, seminars devoted to right-wing populism and trends in the development of European societies.

The following **provisions are presented for the defense:**

---

⁵⁰ Decker F. Der neue Rechtspopulismus. Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2004. 316 s.

⁵¹ Steglich H. Rechtsaußenparteien in Deutschland: Bedingungen ihres Erfolges und Scheiterns. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. 463 s.

⁵² Geden O. Diskursstrategien im Rechtspopulismus. Freiheitliche Partei Österreichs und Schweizerische Volkspartei zwischen Opposition und Regierungsbeteiligung. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. 246 s.

⁵³ Betz H.-G. Die identitätspolitische Herausforderung rechtspopulistischer Parteien in Europa // Die neue rechte Herausforderung. Rechtsextremismus in Deutschland und Europa. Berlin: Heinrich-Böll-Stiftung, 2005. S. 9-16

⁵⁴ Pelinka A. Die FPÖ in der vergleichenden Parteienforschung: zur typologischen Einordnung der Freiheitlichen Partei Österreichs // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2002. 31(3). S. 281-290

⁵⁵ Stöss R. Rechtspopulismus und Rechtsextremismus. Ibidem.

⁵⁶ Oskolkov P. V. Pravyj populizm v sovremennom Evropejskom soyuze: formy i tendencii razvitiya : dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.02. M., 2019. 206 P.

- despite the synonymy of approaches to a number of problems, the Austrian Freedom Party and the Alternative for Germany base their identification on intra-national units and do not form cross-border communities of their potential supporters;
- normalization of a right-wing populist party by the political system of its country contributes to a shift in its focus to low-level issues and a decrease in interest in cross-border contacts;
- the difference between the statuses of the “old” (recognized by its political system and having a real opportunity to gain access to power) and “new” (uncompromisingly rejected by the ruling elites) of right-wing populist parties is a significant obstacle to their effective cooperation.

The structure of the paper is determined by the subject, aim and objectives of the research, includes an introduction, four chapters, a conclusion, a list of sources and literature and an appendix. The first chapter describes the basic concepts of the study (populism, right/left dichotomy), examines related terms often used to characterize the respective political forces (right-wing radicalism, fascism), and also provides an overview of studies on cross-border contacts of right-wing populists. The second chapter outlines the theoretical and methodological framework of the study, including the basic provisions of the constructivist approach, as well as the application of comparative analysis and content analysis in political studies. The third and fourth chapters are devoted to the analysis of selected national cases; within their framework, the choice of the Austrian and German parties as the object of research is substantiated, the development of the "Alternative for Germany" and the "Austrian Freedom Party" is consistently traced, their positions on issues that we have recognized as relevant for research purposes (cooperation with foreign forces, European integration, immigration), the patterns of their identification and mutual perception are considered. The final section of the fourth chapter sums up the the main results of the study and provides the conclusion on the prospects of cooperation between German and Austrian right-wing populists.

1. Right-wing populism: the problem of definition

1.1 The concept of populism in political science

Over the recent years, the subject of right-wing populism has been actively raised both in scientific literature and in journalism. Numerous PhD theses^{57,58,59,60,61}, monographs^{62,63}, collections of articles^{64,65} are devoted to this political issue; the mass media write about the onset of a wave of populism as a real threat to the Western political system and its values.⁶⁶ Such interest gives rise to the impression that it refers to a fundamentally new phenomenon that was developed only at the turn of the XX–XXI centuries. However, the first scholarly discussion on populism was initiated by the London School of Economics back in May 1967. Already during this period, two main approaches to populism were outlined: one regards it as a special form of ideology, the other does as a movement.

Thus, a supporter of the ideological approach D. MacRae proposed to trace the origin of populism in the works of J.-J. Russo. The ideological basis of populism, he wrote, is a special form of primitivism, praising the "good old days" – the life of a traditional society in the context of cyclical time, where no changes or revolutions took place.⁶⁷ M. Canovan, who prepared a review of the definitions of populism in 1981, writes that researchers define populism as "[a belief that] virtue resides in the simple people, who are the overwhelming majority" or even "socialism which [emerges] in backward peasant countries facing the problems of modernization".⁶⁸ K. Minogue, who was one of the prominent representatives of the competing approach, defined populism as "a movement against the current government, organized by disenfranchised local residents or in their favor, placing an emphasis on the "people "as the bearers

⁵⁷ Derkach M. A. Istorija populisticheskikh partij SHvecii i Finlyandii v 2006-2015 gg. : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.03. M., 2017. 266 P.

⁵⁸ Oskolkov P. V. Pravyj populizm v sovremennom ... Ibidem.

⁵⁹ Silva B. C. Contemporary Populism: Actors, Causes, and Consequences Across 28 Democracies [Electronic resource] / B. C. Silva. Budapest, 2017. 256 p. URL: <https://dsps.ceu.edu/sites/pds.ceu.hu/files/attachment/basicpage/478/castanhoesilvabruno-dissertation2017.pdf>

⁶⁰ Neumann-Ernst N. Comparing populist communication across media channels: How political actors utilize populist messages and styles. Zurich, 2019. 194 p. URL: <https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/170929/1/170929.pdf>

⁶¹ Hatakka N. Populism in the hybrid media system. Populist Radical Right Online Counterpublics Interacting with Journalism, Party Politics, and Citizen Activism / Turku, 2019. 98 p. URL: <https://www.utupub.fi/bitstream/handle/10024/148270/AnnalesB487Hatakka.pdf>

⁶² «Politika postpravdy» i populizm... Ibidem.

⁶³ Mudde C., Kaltwasser C. R. Populism: A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2017. 136 p.

⁶⁴ The Rise of the Far Right in Europe. Populist Shifts and Othering / Lazaridis G., Campani G., Benveniste A. (eds.). Palgrave Macmillan, 2016. 289 p.

⁶⁵ Albertazzi D., Vampa D. Populism and New Patterns of Political Competition in Western Europe. Routledge, 2021. 314 p.

⁶⁶ Mounk Y. How populist uprisings could bring down liberal democracy [Electronic resource] // The Guardian. 2018. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/mar/04/shock-system-liberal-democracy-populism>

⁶⁷ MacRae D. Populism as an ideology // Ionescu G., Gellner E. (eds.) Populism: Its Meaning and National Characteristics. The Macmillan Company, 1969. P. 153-156

⁶⁸ Canovan M. Populism / M. Canovan. NY: Harcourt, Brace, Jovanovich. 1981. P. 4

of future changes." ⁶⁹ M. Canovan points out that most researchers see "a rural movement seeking to realize traditional values in a changing society" as the social base of populist movements, but also cites J. Brown Tyndall's reservation, according to which the support of populism by peasants and the working class "does not result from the autonomous organizational power of either of these two sectors".⁷⁰ All in all, the above-mentioned approaches can be labeled as "positive" (populism as a system of views determining the perception of reality and setting the desired direction of change) and "negative" (populism as the practice of forming groups that consider themselves oppressed and opposed to such a situation).

Ideas elaborated within both concepts are found in later studies, but the border between tends to become rather vague. For instance, the theory of J.-V. Müller, according to which populism is characterized by the rejection of pluralism, critical attitudes towards elites and reliance on identity, highlights the ideological component.⁷¹ The approach that regards populism as a movement has significantly expanded over the past decades, accommodating new forms of political action, while the emphasis within the new "performative" approach has shifted from physical actions to statements, including ones made online. An example of the "performative" perceptions of populism is W. Beck's concept which defines populism as a practice that violates discursive taboos. W. Beck proceeds from the assumption that any political space is structured by forces dominating at a certain moment in such a way that some significant topics (migration, isolationism, economic inequality, etc.) are displaced from the sphere of free debate – and populist forces get the political points by referring to them.⁷² Thus, the groups oppressed in the informational rather than economic terms become the social basis of populists.

Researchers who studied populism in the late 1960s and 1980s relied mainly on the experience of Latin American countries. Although the negative connotations inherent to the modern context of the term had become noticeable already in this period, populism was considered as a natural stage in the development of societies. Thus, F. H. Cardoso and E. Faletto wrote in their work "Dependency and development in Latin America" (1979) : "It was, moreover, extremely difficult to incorporate - popular as well as low middle class – socially by industrialization. This is why nationalism and populism together expressed the attempts by developing societies to harmonize the interests of groups that were opposed to each other but that united among themselves for the purpose of finding a new base for national

---

⁶⁹ Minogue K. Populism as a political movement // Ionescu G., Gellner E. (eds.) Populism: Its Meaning and National Characteristics. The Macmillan Company, 1969. P. 197

⁷⁰ Canovan M. Ibidem

⁷¹ Myuller Ya.-V. CHto takoe populizm? M.: Izdatel'skij dom Vyshej shkoly ekonomiki, 2018. P. 16-18

⁷² Bek U. Vlast' i ee opponenty v epohu globalizma: novaya vseмирno-politicheskaya ekonomiya. M.: Progress-tradiciya, 2007. 464 P.

power".⁷³ In the 1990s populism started to be talked about in the context of European events. Thus, the attention of researchers was attracted by the activities of J. M. Le Pen in France; his attempts to appeal to the people as a broad non-class and non-ideological community, as opposed to the corrupted elites who lost touch with the reality; calls for a radical break with the existing system and return to the roots, discarding everything alien.⁷⁴ P.-A Taguieff links the emergence of such forces with globalization, as well as with the acceleration of integration processes, decisions about which are made by international elites "who do not care about democracy".⁷⁵

In 2004, C. Mudde, who is perhaps the most famous theorist of populism today, published an article called "The Populist Zeitgeist". Criticizing the vague idea of populism that has developed in the literature (C. Mudde himself mentions two signs of populist rhetoric: (1) the division of society into true people and spoiled elites and (2) a call to turn politics into an expression of the will of the people), the Dutch political scientist, nevertheless, recognizes the ubiquity of populist practices. The reasons, according to C. Mudde, are not defined by the fact that the elites have become more corrupt than they used to be – but rather by the way the general public perceives the elites. Quoting K. von Beyme, C. Mudde agrees with the thesis about the "cartelization of European party systems," that is, the growing distance between the political class and its social base and the deepening of cooperation between the individual moderate parties.⁷⁶

The introduction of the term "populism" into the lexicon of political scientists and journalists gave rise to another type of criticism, which was not looking for a "correct" definition, but rather deconstructing the concept. One of the most famous books of this type is E. Laclau's "On Populist Reason" published in 2005. According to him, populism has traditionally been perceived as something dangerous, violating the "rational" political process. E. Laclau himself believes that the features attributed to populism are inherent in many socio-political relations.⁷⁷ When deconstructing the definition of populism developed by other authors, E. Laclau asks: how did it happen that theorists who put forward complex, detailed descriptions not only find it difficult to apply their theory to practice, but also have to devote a significant share in each of their works to exceptions from their own rules?⁷⁸

"On Populist Reason" criticizes the idea that simplification is exclusively inherent to populism. E. Laclau believes that any political slogan is simplified and loses the touch with the subject of

---

⁷³ Cardoso F. H., Faletto E. Dependency and development... Ibidem. P. 132

⁷⁴ Taguieff P.-A. Political Science... Ibidem. P. 27-31

⁷⁵ Ibidem. P. 40

⁷⁶ Mudde C. The Populist Zeitgeist. Ibidem. P. 542-552

⁷⁷ Laclau E. On Populist Reason. Verso, 2005. P. x-xi

⁷⁸ Ibidem. P. 6-9

discussion, and any political debate is naturally based on schematic dichotomies.⁷⁹ The author describes the political process as an endless formation of collective identities, pushed forward by two forces, which he designates as "the logic of difference" and "the logic of equivalence." While the "logic of difference" is aimed at forming an external border and separating the "other", the "logic of equivalence" forces individual actors to abandon particular features and to recognize the prerogative of a common characteristic for all of them.⁸⁰

The formation of "chains of equivalence" is in the focus of E. Laclau' attention. On the one hand, he is interested in how individual signs start to embody a number of other signs. In his theory, the "main" sign loses its connection with its original meaning (which, one should notice, is also not "naturally" inherent in it); the larger is the chain of equivalence hidden behind it, the further the sign goes from its original meaning. On the other hand, the signs organized by it also lose their original meanings. E. Laclau's describes the following example of this process: during the Revolution of 1917, people's hopes expressed in the demands of "bread, peace and land"; at the same time, the whole complex of demands hidden behind them was much broader, and the slogan "bread, peace and land" lost its direct meaning.⁸¹ The theorist argues that such a process is natural for politics in general, not just for populist practices.

Although a significant share of the authors who have studied populism after 2005, make references to the works of E. Laclau, the concept of populism does not lose its relevance. Following the events of the mid-2010s (the so-called immigration crisis in Europe, the election of D. Trump as the president of the United States, Brexit) the term has rapidly lost its academic character and turned into a tool used by journalists to describe current events around the world. Thus, according to the *The Guardian*, in 1998 populism was mentioned only in 300 articles published by the paper, while in 2016 their number reached 3000. When commenting on this fact, the Dutch sociologist M. Rooduijn points to a direct correlation between the growth of electoral support for populists and a growing number of references to this topic in media.⁸² Irish researcher B. Cannon indirectly mentions the ambiguity of such approach, pointing out that the term is conceptually vague and often used as a label designed to tarnish the speaker's political rivals and recommends returning to the classical "left / right" dichotomy as an alternative.⁸³

---

⁷⁹ Ibidem. P. 18

⁸⁰ Ibidem. P. 78

⁸¹ Ibid. P. 95-97

⁸² Rooduijn M. Why is populism suddenly all the rage? [Electronic resource] // *The Guardian*. 2018. URL: <https://www.theguardian.com/world/political-science/2018/nov/20/why-is-populism-suddenly-so-sexy-the-reasons-are-many>

⁸³ Cannon B. Must We Talk about Populism? Interrogating Populism's Conceptual Utility in a Context of Crisis // *New Political Science*. 2018. Vol. 40, 3. P. 477-496

Unlike the researchers who dealt with the problems of populism in the late 1990s – early 2000s, modern political scientists and sociologists tend to concentrate on populists' patterns of communication rather than electoral results. P. Gerbaudo describes the onset the so-called “Populism 2.0”, where populism is understood as an ideology “sees social media as means to address the people in the sense of the totality or near-totality of the political community”. According to his approach, the traditional characteristics of populism (anti-elitism, the claim to represent common interests, the praise of direct democracy) are combined in Populism 2.0 with the "ideology of social networks", i. e. the features inherent in this form of public communication, such as interactivity, transparency, the ability to establish indirect contacts between actors.⁸⁴ Dutch researcher I. Maly, who writes about "algorithmic populism", formulates his thesis in similar terms. In the modern world, he claims, social networks have ceased to be a simple method of transferring information: transmitted messages are formed and changed under by their algorithms, therefore, social networks acquire a certain form of actorness. Political discourses are less and less produced by the politicians themselves; at the same time, the task of populist politicians who claim to represent the people is to accumulate the digital voices of their subscribers.⁸⁵

Finally, academics tend to analyze the structure of right-wing populist parties. Canadian researcher A. Zaslov emphasizes the connection between the internal organization of parties and the strategies they choose. Being protest, anti-elite forces, right-wing populist parties are forced to constantly update their agenda and “form coalitions based on different social groups”.⁸⁶ It results into the flexibility of party structures, their adherence neither to ideological constructs nor to the forces that originally established the party, but to charismatic leaders and protest as such. K. M. Johansson mentions the tendency to split as one of the characteristic features of right-wing populist forces which is typical to those striving for a rigid centralization of the party, too. This tendency can both be manifested as a conflict between potential leaders and their supporters and a confrontation between more moderate and more radical forces.⁸⁷

Almost all the Russian studies devoted to populism were published in the post-Soviet period. As the work of V. Zaslavsky demonstrates, populism becomes one of the theoretical frameworks that make it possible to comprehend the political processes of the late 1980s and early 1990s. Thus, V. Zaslavsky draws attention to the negativistic and anti-elite components of populism – and points out that candidates

---

⁸⁴ Gerbaudo P.: *Populism 2.0: Social Media Activism, the Generic Internet User and Interactive Direct Democracy* / D. Trotter, D. Fuchs // *Social Media, Politics and the State: Protests, Revolutions, Riots, Crime and Policing in the Age of Facebook, Twitter and YouTube*. Abingdon : Routledge, 2014. P. 69

⁸⁵ Maly I. Algorithmic populism and algorithmic activism [Electronic resource] // *Diggit Magazine*. 26.11.2019. URL: <https://www.diggitmagazine.com/articles/algorithmic-populism-activism>

⁸⁶ Zaslove A. Here to Stay? Populism as a New Party Type // *European Review*. 2008. Vol. 16, No. 3. P. 327

⁸⁷ Johansson K.M. How populist parties organize [Electronic resource]. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A699764&dswid=9130> P. 29-35

who instrumentalized the anti-party agenda in post-Soviet countries but did not have their own substantive and consistent program of transformations, can be referred to as populists.⁸⁸ D. Vydrin uses the term "anti-technology", when describing populists practices and defines it as political methods aimed at achieving a close result (e. g. an electoral success) while ignoring long-term goals (solving problems that society faces). The researcher mentions such characteristics of "anti-technologies" as a simplified representation of existing problems, as well as "exploitation of the discontent of the people," which means the desire to earn popularity by expressing solidarity with disaffected groups and urging their discontent. D. Vydrin also pays the attention to the peculiarities of the language used by populist politicians. Thus, the author describes syntactic peculiarities inherent in their speeches, designed to reinforce the positions of power attributed to them.⁸⁹

A. Malko also defines populism as the promotion of unrealistic but popular slogans and promises. According to him, in a situation when the political class is separated from the people; populist practices are used by some elites use to fight others. Thus, populists take advantage of the low level of political culture of the people, who are distinguish between realistic proposals and demagoguery. Populism only is possible in the countries where democratic institutions exist, that is why A. Malko claims that the flourishing of populism only became possible in the USSR following "Perestroika". Despite the link between the immaturity of democracy and sympathy for populist politicians (described by A. Malko when referring to the late Soviet/Russian experience), the researcher claims that it is fair to call some statements of British and American politicians of the second half of the 20th century populist.⁹⁰

Following the critical paradigm, N. A. Baranov points out that populism is an instrument of any public politician. Populist practices are applied not only in the generally recognized critical periods, but also in the normal political process of democratic countries. Nevertheless, within the framework of practical analysis, N. A. Baranov, who analyses the political processes in Lithuania before and after the collapse of the Soviet Union, only focuses on national populism, which he describes in negative terms. Thus, he claims that national-populists' coming to power distracts society's attention from real socio-economic problems and hinders the effective functioning of democracy.⁹¹

P.V. Oskolkov, who defended his dissertation on the right-wing populism in the European Union in 2019, notes an increased interest to the term in the second half of the 2010s and the intention to designate almost any politicians and parties alien to the dominant forces of the center as populists.

---

⁸⁸ Zaslavskij V. Rossiya na puti k rynku ...Ibidem. P. 76-77

⁸⁹ Vydrin, D. I. Tekhnologiya populizma // Dialog. 1990. № 3. P. 36-46

⁹⁰ Mal'ko A. V. Populizm kak tormoz demokratii. Ibidem. P. 104-111

⁹¹ Baranov N. A. Nacional'nye aspekty populizma kak metoda politicheskoy bor'by : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk : 23.00.02. Sankt-Peterburg, 1998. 12 P.

Comparing the DEREK index (demand for right-wing extremism) with indicators of the electoral success of right-wing populists, P. V. Oskolkov comes to the conclusion that there is no direct correlation. For instance, in Western European countries with a low DEREK index, support for right-wing populists is often more pronounced than in the countries of Southern Europe and the Balkans, where the index demonstrates high rates. The researcher also points to the diversity of populist rhetoric in Europe (from a vivid Euroscepticism and civilizational view of nationalism in Western Europe to ethnic nationalism and distrust of national, but not supranational government bodies in CEE countries). The study of P.V. Oskolkov is also notable for the multilevel analysis: although the author's main attention is focused on national cases, a separate part of the study is devoted to the interaction of right-wing populists at the supranational level (i. e. in the European Parliament).⁹²

Responding to the political events of the late 2010s, a group of researchers from St. Petersburg State University published a monograph devoted to the problems of populism. The concept of populism in the monograph is considered in parallel with the post-truth concept. The research lacks an introduction explaining the reasons of combining these categories within the framework of one monograph. Nevertheless, the authors of individual chapters tend to refer to both categories. Thus, G.V. Lukyanova points to the transformation of both concepts into a stigma, based on the epistemological matrix of scientific cognition established in the modern era and presupposing the division of all ideas into true and false. G.V. Lukyanova writes that many interpreters of the post-truth insist on resisting the unreasonable and manipulative technology of constructing a political agenda. At the same time, things that are interpreted by "some participants of the communication process as a demonstration of political cynicism and populism" reflect "for others a natural state of events, a kind of unconditional "truth" of life and a way to maintain political identity and state sovereignty".⁹³

The monograph embraces a number of approaches to populist practices, which can be described as its important advantage. For instance, S. A. Lantsov points to the ideological eclecticism of populism (violation of the usual boundaries between right and left rhetoric), as well as the intention of populists to offer simple solutions to complex issues.⁹⁴ O.D. Safonova notes that populist rhetoric is not an exclusive tool of some marginal actors, but is widely used as a political tool by forces completely "normalized" in the political system.⁹⁵ The authors regularly refer to the question of why the right-wing populism currently flourishes in European countries. S. A. Lantsov the absence of real alternative within

---

⁹² Oskolkov P. V. Pravyj populizm v sovremennom...Ibidem

⁹³ «Политика постправды» и популизм. Ibidem. P. 8

⁹⁴ Ibidem. P. 141-151

⁹⁵ Ibidem. P. 207

the framework of generally accepted liberal values as one of the reason.⁹⁶ A. V. Shetyakova who analyzes political processes in Russia mentions that there seems to be no effective institution of finding balance of interests between the elite and the general public.⁹⁷ The thesis about the causal relationship between the intensification of immigration process and the growth of support for populist politicians is also mentioned by some authors. Thus, N. A. Baranov refers to the fears of the local population who expects their economic status to worsen against the background of migration.⁹⁸ V.A. Achkasov notes that the consensus of the center-right and center-left forces on the issue of multiculturalism has lost the touch with the public opinion and left no space for real discussions.⁹⁹

All in all, between the late 1960s and the 1990s the Western political science has developed a concept of populism as a special ideological practice or movement, based on the idea of a "wonderful past". The populist rhetoric implied that one can make some easily comprehensible changes to return to those "times of greatness", however, the resistance of the elites opposing the interests of the "simple people" makes it practically impossible. Originally associated with the "backward" societies of third world countries, already the 1990s the concept was used to characterize events in Western countries; around the same period, it was adopted in the post-Soviet space. Russian researchers mentioned the same characteristics inherent in populism that Western colleagues drew attention to (striving for sensationalism, provocative statements, lack of long-term goals, simplified representation of complex social processes). In the 2000s a critical tradition of the perception of populism took shape in Western science: the practice of designating political rivals as "populists" was increasingly spoken of as stigmatizing and hindering the normal democratic process. This approach is being actively developed by Russian researchers in the 2010s; in Western science, on the contrary, the alarmism of the middle of the last decade tends to weaken the critical tradition and support studies concentrating on the new communication models used by populists in the social networks era.

1.2 Right/left dichotomy in correlation with populism

The usage of the terms "right" and "left" to designate political groups dates back to the French Revolution. Initially, it was based on a purely spatial division between supporters of the revolution and more conservative members of the National Assembly. N. Bobbio notes that in this sense the origin of

---

⁹⁶ Ibidem. P. 141

⁹⁷ Ibidem. P. 193

⁹⁸ Ibidem. P. 123-132

⁹⁹ «Politika postpravdy» i populism. Ibidem. P. 156-157

the terms is quite random.¹⁰⁰ J. Lukacs writes, « For at least one hundred years after the American and the French revolutions there was a fundamental difference. The "Right", by and large, feared and rejected the principle of popular sovereignty. The "Left" advocated or supported or at least would propose democracy». ¹⁰¹ Classical, "old" conservatism (in the terms of A. Giddens) was largely based on the idea of the primacy of the social versus the individual. Supporters of the conservative idea did not deny changes, but they believed that any change should take into account the experience of ancestors accumulated over the centuries. In this regard, they saw the state not as a kind of treaty between citizens based on ideas about abstract rights, but as a "partnership of the living, the dead, and the unborn." Hierarchy also played a special role in this context: classical conservatism extolled the social hierarchy inherited from ancestors, with its special position of aristocracy.¹⁰²

Unlike conservatism, which is confidently linked to the right side of the political spectrum, liberalism cannot be classified that easily. With its ideas of individualism and freedom, liberalism obviously contradicted the old order and in this sense was a challenge to the classical conservative hierarchy of society. Nevertheless, liberalism did not deny the hierarchy, and transferred legal inequality in the economic field, speaking in E. Galeotti's terms. The gradual transition to universal suffrage contributed to the development of socialist ideas as well as the formation of the working class as a political force. Its emergence led to a situation when liberalism started to be perceived as a right-wing, or at least a centrist political idea, N. Bobbio writes.¹⁰³ Meanwhile, in the first quarter of the 20th century more radical groups separated from the moderate ones on the left side of the political spectrum. The success of the revolution in Russia becomes a starting point as it marked the gap between those leftists who insisted on the inevitability of revolution as a means of achieving equality, and those who argued that gradual, evolutionary change is possible within the framework of the capitalist system.¹⁰⁴

Indeed, the foundation of Soviet Russia and, later, the Soviet Union became an important milestone in the perception of the "right" / "left" dichotomy among the contemporaries of the described events. Thus, in the article "Beyond the Right and the Left", published in 1930, S. L. Frank writes that the "right" was traditionally perceived as a synonym for reaction, oppression, restriction of freedom of speech, while the "left" functioned as a term embracing the ideals of freedom, legality, elimination of censorship and arbitrariness of power. Looking back at the events in his native country, S. L. Frank notes that the concepts have changed places: the "left" has become synonymous with despotism, while the

---

¹⁰⁰ Bobbio N. *Left and Right. The Significance of a Political Distinction.* The University of Chicago Press, 1996. P. 33

¹⁰¹ Lukacs J. *Democracy and Populism : Fear and Hatred.* Yale University Press. 2005. P. 18

¹⁰² Giddens A. *Beyond Left and Right. The Fate of Radical Politics.* Polity Press, 2007. P. 25-26

¹⁰³ Bobbio N. *Ibidem.* P. 51-53

¹⁰⁴ Caprara G. V., Vecchione M. *On the Left and Right Ideological Divide: Historical Accounts and Contemporary Perspectives // Advances in Political Psychology.* 2018. Vol. 39, Suppl. 1. P. 53-55

"right" implies respect for the personality.¹⁰⁵ A. A. Lyutykh and V. A. Tonkikh write about a special understanding of the dichotomy that has developed in Soviet science. According to their definition, the left was understood as a group of politicians and ideologists who oppose private property and the former authorities.¹⁰⁶ Soviet scientists and publicists often used the designation of "right" or "left" to characterize the political situation in foreign countries and it became a reference point, pushing the reader to a certain perception of the events described.

The idea that the boundaries of the left and the right are changing is quite widespread in the second half of the 20th century, but the interpretations of individual authors often differ. A. Giddens, for instance, writes that in the modern world mankind faces fundamentally new risks and new uncertainty, hence the impossibility of continuing to rely on old ideological ideas about society. Among the new security threats Giddens considers, for instance, the risk of a large-scale war, the collapse of the world economy, overpopulation, epidemics, environmental problems, including global warming. The processes of globalization give rise to the opposite reaction in the form of unprecedented fragmentation. According to A. Giddens, modern mankind lives in a postmodern world of multiple ideas about truth. At the same time, the peculiarity of the author's perception lies in the idea: "Where there are many Others, Others do not exist." Although there is still room for traditional party debate in politics, the political process becomes less linear; the disintegration of the universal opens up space for a new dialogue.¹⁰⁷

J.C. Rosas and A.R. Ferreira also speak about the pluralism of the modern political field. Left and right in their interpretation are impossible without each other; although each side uses rhetoric that symbolically excludes the other, they need each other and they form a natural balance. According to the authors, the statements of specific politicians that they "do not belong to either the left or the right ideological field" should be taken critically: such politicians, as a rule, are either generated by an undemocratic system or strive for undemocratic methods of government.¹⁰⁸ Although J.C. Rosas and A.R. Ferreira apparently believe the dichotomy is still significant for politics, the works included in the book published under their editorship demonstrate the multiplicity of modern political clashes and their irreducibility to classical ideas about the left and right. For instance, P. Caws points out the conflicts of

---

¹⁰⁵ Frank P. L. Po tu storonu «pravogo» i «levogo» [Electronic resource]. URL: http://www.odinblago.ru/frank_po_tu_storonu

¹⁰⁶ Lyutykh A. A., Tonkikh V. A. Politologiya: kurs lekcij. Voronezh : Central'no-CHernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992. P. 133

¹⁰⁷ Giddens A. Ibidem. P. 78-93, P. 251-253

¹⁰⁸ Rosas J. C., Ferreira A. R. Left and Right: The Great Dichotomy Revisited. Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 5-6

lifestyles and identities (the conditional "western" model versus the "eastern one")¹⁰⁹, while A. Rosas and J.R. Caetano write about a new type of protest generated by modern Internet technologies.¹¹⁰ The concept of J. Rydgren agrees with these approaches, according to which inequality, associated non-economic factors such as ethnicity, migration experience, gender, plays a more important role in the modern world.¹¹¹ In such a system, the right-wingers appeal to a person who considers him- or herself privileged. For instance, a white European who advocates restricting migration rules in order to preserve his own "superior" national culture, becomes a natural audience of the right-wingers.

Finally, there is a group of researchers who believe that the transformation of the ideological field leads not to the flourishing of pluralism, but rather to its limitation. The author of "The Democratic Paradox" C. Mouffe shares this point of view. According to her conclusion, a liberal compromise of the left and right moderate forces has developed in a society, which discursively marks some political debates as "reasonable" and, therefore, permissible, and pushes the other part out of the border.¹¹² A direct consequence of this is the emergence of groups seeking to score political points by addressing "unreasonable", tabooed topics.¹¹³

As C. Mudde notes, in the first decades of populism research, this concept was mainly associated with the left side of the political spectrum. The movements formed in Latin America were the main object of research among the political scientists studying populism (here it makes sense to repeat M. Canovan's quote about "socialism arising in backward peasant societies" and mention the work of F.E. Cardozo and E. Faletto). In the context of the first world, populist slogans were associated with the "new left", participants of the antiwar movement, the civil rights movement and the "green". In the last decade of the XX century, and especially in the first decades of the XXI century, populism is increasingly spoken of with the reference to the right. According to C. Mudde, such a shift in focus was quite simple and followed a specific logic: one of the basic concepts of right-wing rhetoric is "nation", which is conceptually close to the concept of "people" used by populists.¹¹⁴

According to the terminology of M. Freedon, who distinguished thick-centered (i. e. seeking to explain the whole variety of social processes) and thin-centered ideologies (having a limited number of

---

¹⁰⁹ Caws P. A Multi-Axial Analysis of the Left/Right Opposition in Society and Politics // Rosas J. C., Ferreira A. R. *Left and Right: The Great Dichotomy Revisited*. Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 38-46

¹¹⁰ Rosas A., Caetano J. R. Which Ideologies are Canonical and which are Black and White? A Materialist and Non Essentialist Approach to Ideologies // Rosas J. C., Ferreira A. R. *Left and Right: The Great Dichotomy Revisited*. Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 120-139

¹¹¹ Rydgren J. *The Radical Right: An Introduction* // Rydgren J (ed.). *The Oxford Handbook of the Radical Right*. New York City : Oxford University Press, 2018. P. 1-13

¹¹² Mouffe C. *The Democratic Paradox*. Ibidem. P. 23-26

¹¹³ Ibidem. P. 3-10

¹¹⁴ Mudde C. *The Populist Zeitgeist*. Ibidem. P. 548

explanatory models and using the concepts of other ideologies)¹¹⁵, populism is traditionally called thin-centered. N. Hatakka notes that its thin-centeredness allows anti-elite populist slogans to merge with both left-wing egalitarian and right-wing conservative ideas.¹¹⁶ At the same time, some researchers (including, D. Albertazzi and D. Vampa¹¹⁷, S.A. Lantsov¹¹⁸) mention the desire of populist parties, especially those of Eastern Europe, to use both left-wing and right-wing ideas in their rhetoric in order to maximize their own attractiveness for the voter. Based on the example of political processes in France, E. Laclau notes that the electorate tends to switch from the left to the right. He writes that in France protest voices have traditionally belonged to left-wing parties. However, the collapse of the socialist bloc, as well as the rapprochement between the left and right moderate parties, led to a general disillusionment with leftist ideas. However, the need of protest expression turned out to be stronger than adherence to leftists. As a result, some of those who previously supported the Communists voted for the National Front.¹¹⁹

While right-wing populism becomes the main object of studies, the question of whether certain characteristics belong to populism in general or to its specific right-wing variations becomes significant. Therefore, special attention of those studying right-wing populism should be given to papers devoted to left-wing populist practices. These include, among others, the book edited by G. Haralambus and G. Ioannou. Summing up the articles of their colleagues, the researchers characterize left populism quite similar to right-wing populism descriptions found in the above-mentioned works. Thus, G. Charalambous and G. Ioannou point out that the flourishing of left-wing populist practices (i. e., political statements that are based on equality slogans and offer simple solutions to complex problems but have neither detailed programs of transformation nor the analysis of the reasons that led to the current situation) is caused by crisis of both the political system in general and the left parties in particular.¹²⁰ O. Garcia Agustin expresses almost the same idea in terms similar to the description of right-wing populist parties: according to his remarks, state-funded centrist parties seek to defend their own interests, but not the interests of their electorate. As a result, a democracy which does not have people (*demos*) in

---

¹¹⁵ CHutkov P. P. Morfologicheskij analiz ideologii M. Fridena // METOD: Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskih disciplin. 2016. P. 342

¹¹⁶ Hatakka N. Ibidem. P. 29

¹¹⁷ Vittori D., Morlino L. Populism and Democracy in Europe // Populism and New Patterns of Political Competition in Western Europe. Routledge, 2021. P. 16-47

¹¹⁸ Lancov P. A. Ibidem

¹¹⁹ Laclau E. Ibidem. P. 87-88

¹²⁰ Charalambous G., Ioannou G. Conclusions: populism and left radicalism in Europe across time and space // Left Radicalism and Populism in Europe / Charalambous G., Ioannou G. (eds.). Routledge. 2020. P. 257-265

its core is formed, which allows populists to score political points by promising to return the voice to the people.¹²¹

As in the case of right-wing populism, which arises in response to individual political events (growth of immigration, intensification of integration processes), left-wing populism, according to G. Charalambus and G. John, can be characterized by reactivity: following the tide of nationalist, xenophobic and racist rhetoric, left-wing populist forces are adopting opposing discursive practices.¹²² Finally, the blurring of boundaries between left and right rhetoric seems to be typical for left populism, too: for instance, O. García Agustín and M. Bricciarelli mention a certain substitution of the “right” / “left” dichotomy by the opposition of democracy and populism.¹²³ Therefore, the basic difference between left and right populist practices is the ideological construct underlying them: although right and left criticism of the “corrupt elites” can be formulated in similar terms, the left consider inequality to be unfair as such, while the right only oppose the inequality that oppresses their electorate.

The object of this research are the "Austrian Freedom Party" and "Alternative for Germany", which belong to the right side of the political spectrum. Despite some attempts of the parties to appeal to the left voter (which will be discussed in more detail in Chapter 3), the defining ideological characteristic of their activities is not denial of inequality as such, but criticism of the privileged position of the existing elites. In an effort to avoid stigmatizing the respective parties, we do not accept the thesis that populist forces are trying to replace the “right”/“left” dichotomy with a pair of “populism” (reflecting, from the point of view of its supporters, the “true” interests of the people) and “democracy” (reflecting the interests elites). Nevertheless, we take into account the existence of this point of view in academic circles. At the same time, we take into consideration the thesis that the convergence of left and right moderate parties contributes to electoral success of populist forces, as well as the above mentioned transformation tendencies of the concept of “privilege” in the modern world and the loss of its exclusive connection with economic well-being.

1.3 The correlation between right-wing populism and related concepts (right-wing radicalism, fascism, Euroscepticism)

Political powers studied by theorists of right-wing populism are often mentioned in the literature devoted to right-wing radicalism. For instance, V. S. Gribovskij, whose dissertation examines "Alternative for Germany", "Austrian Freedom Party" and "Swiss National Party", defines them as

---

¹²¹ Agustín Ó. G. *Left-Wing Populism: The Politics of the People*. Emerald Publishing, 2020. P. 7-8

¹²² Charalambous G., Ioannou G. *Ibidem*. P. 260

¹²³ Agustín Ó. G. *Ibidem*. P. 9

"political alternative parties" and "radical parties". The definition of radicals formulated by him is quite consonant with the definitions of populists found in literature: according to V.S. Gribovskij, a party can be considered radical if it stands outside the existing ideological and political consensus of "system" parties but does not throw a challenge to the existing constitutional order, which distinguishes it from an extremist party.¹²⁴ H.-G. Betz also emphasizes the link between the categories of right-wing radicalism and populism. In his opinion, "today's successful right-wing radicals are primarily right-wing populists, who claim to be the spokesmen of the people."¹²⁵ R. Stöss partly agrees with him, asserting that the characteristics attributed to the "new right" (i. e. right-wing populists) were to the same extent inherent in right-wing radicals in the past.¹²⁶ At the same time, researchers concentrating on individual national cases often mention the "staff exchange" between the extreme right-wing forces of the street (those who are most often referred to in the literature as "right-wing radicals") and right-wing populist parties.¹²⁷

Not only "populism", but also "right-wing extremism" is a complicated concept to define. While the difference between the moderate right and left forces has historically been defined in terms of their perceptions of socio-political innovation, the line between the moderate and the radical right is by no means a simple dividing line between conservatives and ultra-conservatives. Thus, according to K. von Beyme, right-wing radicals often have an extensive program of social transformations in accordance with their ideological guidelines.¹²⁸ At the same time, according to K. von Beyme, it is not entirely correct to ascribe to all right-wingers the characteristics traditionally associated with right-wing radicalism (for instance, ethnocentrism). When coming out with this thesis, the author refers to the research of D.J. Levinson, who asserts that although conservatism correlates with ethnocentrism, not all conservatives share the hostility towards other ethno-national groups.¹²⁹

Another term that accompanies the forces we designate as right-wing populist is "fascism." For instance, R.S. Tarasenko and I.N. Barygin write about the historical continuity of fascism and right-wing radicalism. In their opinion, the modern new wave of right-wing radicalism grew out of post-fascism, i. e. the fascist movements that operated after the end of World War II. In this sense, the researchers call the period of the 1970s–early 1980s a turning point, when the respective forces decide to accept the democratic rules of the game. It was an unbelievable development within the framework of the fascist

---

¹²⁴ Gribovskij V. P. Pravye partii «politicheskoy al'ternativy» v Germanii, Avstrii i SHvejcarii : dis. ... kand. politich. nauk : 23.00.02. M., 2019. P. 40-41

¹²⁵ Betz H.-G. Die identitätspolitische... Ibidem. S. 10

¹²⁶ Stöss R. Rechtspopulismus und Rechtsextremismus. Ibidem. S. 19

¹²⁷ Grumke T., Wagner B. Handbuch Rechtsradikalismus: Personen – Organisationen – Netzwerke vom Neonazismus bis in die Mitte der Gesellschaft. Opladen: Leske + Budrich, 2002. S. 233-349

¹²⁸ von Beyme K. Right-wing extremism in post-war Europe // West European Politics. 1988. 11(2). P. 1-2

¹²⁹ Levinson D. J. Politico-economic ideology and group membership in relation to ethnocentrism / Adorno T.W. et al. // The Authoritarian Personality. Verso, 2019. P. 179-182

ideology, which positioned itself as an alternative to the existing system. Within the new extreme right-wing ideology, many of the basic provisions of fascism are being revised. The superiority of one nation over others was no longer formulated directly. The emphasis shifted to the climate of fear and vulnerability generated by migration flows. Furthermore, the perception of private property was changing: while the fascist ideology contained, according to R.S. Tarasenko and I.N. Barygin, left-populist features, the new radical-conservative forces defended the inviolability of private property.¹³⁰

British researcher N. Copsy shares a similar point of view. “The political science community would have us believe that since the 1980s something entirely detached from historical or neo-fascism has emerged in (Western) Europe [...] a novel form of ‘radical right-wing populism.’ Yet the concept of ‘radical right-wing populism’ is deeply problematic because it suggests that (Western) Europe’s contemporary far right has become essentially different from forms of right-wing extremism that preceded it”, he notes. The author refers to the Italian political scientist P. Ignazi as one of the first representatives of the academic community who proposed to differentiate the "new" or even the "post-industrial" extreme right from the "old" in the early 1990s. N. Copsy considers this approach to be one-sided. Indeed, he writes, extreme right-wing populists are not an exact match of the fascist forces of the past, but it is ahistorical to strip neo-fascism from this history based on existing differences.¹³¹

Italian researcher M. Tarchi points out that nowadays both populist and neo-fascist forces are gaining support by appealing to the same social problem, namely the fear for one’s own identity against the background of globalization. This is mainly about the erosion of cultural, racial, and national borders. As the cross-border economic communication intensifies, such fears are also fueled by perceptions of economic risks (losing jobs to immigrants, transfer of production from the country, general decline in living standards). However, M. Tarchi argues, the respective issues played different roles in the discourses of the two forces. For a long time, the neo-fascist forces that emerged after the end of World War II based their discourse on the confrontation with the left. In this sense, the collapse of the communist bloc was a serious blow for them. The topic of globalization has literally saved them. Populist discourses, on the contrary, initially made this narrative central for their rhetoric. According to M. Tarchi, it is under the influence of right-wing populists that neo-fascist forces declare a migrant from the Third World to be their new enemy.¹³²

---

¹³⁰ Tarasenko R.P. Sootnosimost' ponyatij «krajne pravye» i «fashizm» v sovremennom politologicheskom i politicheskom diskursah // Pravoradikal'nye politicheskie partii i dvizheniya sovremennoj Evropy / pod red. Barygina I.N. SPb.: Izd-vo P.-Peterb. Un-ta, 2011. P. 28-40

¹³¹ Copsy N. Ibidem. P. 1-11

¹³² Campani G. The Blurred Borders of Racism... Ibidem. P. 24-25

While social scientists, who have chosen fascism and right-wing radicalism as the object of their research, have been repeatedly emphasizing the artificiality of the border between (neo)fascism and right-wing populism, theorists of right-wing populism have consistently criticized this approach. The latter include, for instance, C. Mudde, who believes that the introduction of the term "neo-fascism" was explained by political rather than scientific reasons. Such "emotional and normative viewpoints [...] are to be considered more as political contributions to the public debate, than serious contributions to the scientific debate" and seek to stigmatize political left-wing rivals, he argued.¹³³ In this sense, the term "populism" also has negative connotations, but does not contain a direct reference to the traumatic historical events of the 20th century.

R. Eatwell also insists on a strict distinction between the terms "populism" and "fascism". According to R. Eatwell, fascism is an ideology that combines three types of discourses: (1) the idea of forming a "new man", devoid of bourgeois individualism and ready to fulfill specific social and military goals; (2) the idea of uniting the nation as the only way to resist internal and external threats; (3) the idea of creating an authoritarian state of the third type, which follows neither the communist nor the socialist path ("power for the people, but not the power of the people"). R. Eatwell defines populism synonymously with C. Mudde, namely, as an ideology that extols the "regular person", criticizes the elites, focused on their own prosperity, and demands to transform the political system in accordance with the "people's will".¹³⁴

Indeed, some of the features of populism are similar to characteristics inherent in fascism (for instance, special discursive practices: attempts to speak to the people using their language, demonizing enemies, relying on charismatic leaders, avoiding specific answers to political questions), R. Eatwell writes. However, there is, a number of differences, and the perception of democracy is the most important of them. Although populism, according to R. Eatwell, seeks some kind of revision of the existing rules of the game, unlike fascism, it does not deny the value of democracy as such. Furthermore, fascism tends to include paramilitary practices (the establishment of paramilitary groups for the implementation of specific tasks, etc.), which, as a rule, is not inherent in populist forces.¹³⁵

The withdrawal of the United Kingdom from the European Union contributed to the academic interest to the connection between Euroscepticism and right-wing populism. As M. Kneuer notes, until recently, studies of Euroscepticism and studies of right-wing populism existed in parallel; the reason, according to the author, lies in the fact that not all parties criticizing the integration processes displayed

---

¹³³ Mudde C. *The War of Words...* Ibidem. P. 226

¹³⁴ Eatwell R. *Populism and Fascism*. Ibidem. P. 3-4

¹³⁵ Ibidem P. 4-21

populist features. Nevertheless, works on Euroscepticism address a whole range of areas of public discussion that are relevant to populist rhetoric. Thus, among the reasons giving rise to mass dissatisfaction with European integration one can mention possible negative economic consequences (an increase in unemployment, a decrease in production within the country, the overflow of economic problems within the eurozone), the erosion of national identity and a decrease in democracy due to the transfer of power to the supranational level.¹³⁶ As M. O. Shibkova notes, the anti-elite (i. e., populist) component of Euroscepticism is obvious: the consensus in favor of integration processes was reached after the Second World War at the level of the European elites; until the Maastricht Treaty was signed, public participation in integration construction had been limited.¹³⁷

Being inherently a thin-centered, flexible ideology, populism easily absorbs anti-European protest when this topic becomes relevant for specific political systems. However, researchers recommend not equating populism with Euroscepticism. Thus, D. Sørensen believes that Euroscepticism, unlike populism, does not necessarily possess anti-political and anti-democratic traits (i. e. the desire to displace the normal political dialogue between the left and the right).¹³⁸ S. Call and S. Jolly emphasize the diversity of forms of Euroscepticism (including, for instance, support for integration as such, but criticism of individual political decisions and the current configuration of European institutions) and its irreducibility to populist slogans requiring immediate withdrawal from the European Union. Finally, some researchers (for instance, the above-mentioned V.S. Gribovskij) propose to concentrate on individual political forces instead of group characteristics (Eurosceptic parties, populist parties) and to consider the respective elements of their rhetoric as “two different sides forming one protest movement”.¹³⁹

By choosing the term “right-wing populism” as the basic characteristic of the parties, we intend to overcome the stigmatization of these political forces and bring to the fore their anti-elitism and the claim to represent universal popular interests (no matter what form they take in the rhetoric of parties in a specific period) – instead on exclusively concentrating on their alleged adherence to anti-democratic methods (which is inherent in right-wing radicalism and fascism) or Eurosceptic views. While recognizing a certain continuity of right-wing radicals of the past and right-wing populists of the present (especially evident when referring to the history of the “Austrian Freedom Party”), as well as the “staff exchange” between right-wing populists and radical forces of the street, we nevertheless seek to shift

---

¹³⁶ Kneuer M. The tandem of populism and Euroscepticism: a comparative perspective in the light of the European crises // *Contemporary Social Science*. 2019. 14 (1). P. 27

¹³⁷ Shibkova M. O. Populizm i evroskepticizm: sootnoshenie ponyatij // *Sovremennaya Evropa*. 2019. 4 (90). C. 122

¹³⁸ Sørensen D. Right-wing Euroscepticism and populism: investigating the concept of ‘the people’ // *Journal of Political Ideologies*. 2020. 25 (2). P. 10-13

¹³⁹ Gribovskij V. P. *Ibidem*. P. 14

the focus from the “core extreme right” electorate to the average voter supporting AfD or FPÖ, his fears and motivation.

1.4 Trans-border contacts of right-wing populists in academic literature

There is a number of studies devoted to the question of whether the right-wing radical / right-populist forces can turn into a transnational actor of European politics. On the one hand, such ideas are a natural spinoff of the thesis that an increasing number of non-state forces (e. g. transnational corporations, NGOs or "primary" actors, such as classes, religious confessions, races, etc.) participates in world politics. On the other hand, it seems that the representation of cross-border contacts of the right-wing forces as a potential problem stems from the deep trauma of the World War II experience. Taking into account the previously discussed tendency of European authors to compare the concepts of right-wing populism and fascism, we can assume that any effective attempt of right-wing radicals to establish transnational ties in Europe will be perceived almost as a revival of the "axis power" on the European continent.

In the early 2000s researchers were skeptical about the possibility of establishing strong ties between right-wing populists in Western Europe. German theorist R. Stöss concludes in his article "On contacts of right-wing radicals in Europe" published in 2000: The main obstacles to the transformation of right-wing radicals into a transnational actor in the European arena are both numerous private contradictions (conflicting interests of nationalist-minded forces and personal contradictions of their leaders) and the absence of international aspirations in the ideological basis of right-wing radicalism.¹⁴⁰ R. Stöss refers to the well-known representative of the right-wing forces of Germany, F. Schönhuber, who notes: unlike the left-wing parties, which seek to replace the existing order with new international norms, the right-wing parties stands for the preservation of national borders. As a result, F. Schönhuber argued, “the only thing that unites many European right-wing parties is the one separating them”.¹⁴¹

By the end of the decade, alarmist sentiments had risen in among the academics. Europeans shared a growing concern about their own future, Ch. Schori Liang notes. Thus, according to polls, Western Europeans feared radical Islamists, a change of the demographic balance in Europe in favor of immigrants, as well as external control, whether established by the United States or the "undemocratic" European Commission. These topics became basic for extreme right-wing populists, as their massively *returned* to the politics of European countries.¹⁴² As their popularity grew, they started to refer to foreign

---

¹⁴⁰ Stöss R. Zur Vernetzung der extremen Rechten in Europa. Ibidem. S. 2

¹⁴¹ Ibidem

¹⁴² Schori Liang Ch. Europe for the Europeans: The Foreign and Security Policy of the Populist Radical Right // Europe for the Europeans: The Foreign and Security Policy of the Populist Radical Right / Ch. Schori Liang (ed.) Routledge, 2007. P. 1

policy issues. Those days, populist right-wing parties in various European countries synonymously criticized globalization, arguing that the only actors to benefit from it are the United States and international economic institutions and transnational corporations associated with the US. Right-wing populists were also skeptical about European integration, which, as they claimed, resulted into a general reduction in democratic control over political processes in Europe.¹⁴³

However, it should be noted that different parties do not give the same answers to controversial political questions. While the German "The Republicans" perceived European integration as an instrument of US control over Germany, the Italian "Lega Nord" called European institutions "the Soviet Union of Europe" and the "lair of the communists".¹⁴⁴ At the same time, many statements of the French National Front, dedicated to European themes, sound anti-German. Thus, in 2015, the deputy chairman of the party F. Philippot complained that Germany "never stops dictating its will to Europe, whenever it comes to euro, migration policy or the budget".¹⁴⁵

There are also dividing lines between right-wing populists of individual countries. For instance, E. De Blasio and M. Sorice distinguish several types of right-wing populism, based on the speeches of Italian politicians. The forces representing each of these types appeal to the "people", but the accents of their rhetoric are different. Thus, "neoliberal populists" (in the terminology of E. De Blasio and M. Sorice) refer to the "people" as taxpayers capable of independently managing their economic resources without the intervention of corrupt elites. "Ethnic populists" blame the government for failing to preserve the Christian heritage and protect the country from immigration – such forces, according to the authors, see the ideal in a stronger, even authoritarian state. Finally, the "technopopulists" tend to focus on the methods of implementing the democratic process rather than on specific political issues: they believe it is necessary to switch to direct democracy using modern Internet technologies.¹⁴⁶

Nevertheless, even theorists who point out the conflict of interests and positions of right-wing radicals in Western Europe do not claim that cross-border cooperation is impossible. Thus, R. Stöss writes that there are many stimuli for rapprochement, such as similar anti-democratic ideology, the synonymy of programs and the similarity of the electoral base. According to the researcher, such rapprochement (*Vernetzung*) can help right-wing radicals reach their internal goals (e. g. transfer their activities from their own country, where there are some restrictions, to a neighboring territory), as well

---

¹⁴³ Ibidem. P. 9-12

¹⁴⁴ Ibidem. P. 12

¹⁴⁵ Faye O. Crise des migrants : le FN tient Angela Merkel pour responsable [Electronic resource] // Le Monde. 2015. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2015/09/24/1-allemande-nouveau-bouc-emissaire-de-marine-le-pen_4770239_823448.html

¹⁴⁶ De Blasio E., Sorice M. Populism between direct democracy... Ibidem.

as express their ideas on the international arena, for instance, by establishing a coalition in the European Parliament. In 2000, R. Stöss called the informal personal ties of their supporters the predominant form of communication between right-wing radicals. As an example, he mentions music festivals and major events organized by individual national parties (e.g., the French festival Bleu-Blanc-Rouge, organized by “National Front”). Furthermore, according to R. Stöss, at the beginning of the decade *online* networks of right-wing radicals acquired more importance.¹⁴⁷

K. Grabow, who has been researching populist forces for many years, also believes that their ties might strengthen. “Right-wing populism is exclusive. It draws the line between “us” – decent local little people and “them” – others, who include the national or European elites, immigrants, refugees”, he writes.¹⁴⁸ Right-wing populists from different countries address the problem of “alienation” of European fatherlands, which, they claim, is caused by weak border control, inadequate immigration policy and the transfer of power to European institutions. Furthermore, populists instrumentalize the fear of decreasing living standards. Such a decrease, they believe, can be caused by “other people's problems” (a vivid example thereof was the financial assistance to Greece from other EU countries).¹⁴⁹ Thus, it implies that both at the national and European level a community of those supporting right-wing populist idea can be established on the basis of common understanding of the “Other”.

One of the most notable studies devoted to the contacts of right-wing populists is the article of B. de Cleen “Populism and Nationalism”. The author insists on a clear differentiation of the concepts; according to his point of view, nationalist discursive practices are just a variety of populist extreme right-wing practices. Thus, he writes, when referring to the “nation”, extreme right-wing populists appeal to a part of the “oppressed people” (*people-as-underdog*).¹⁵⁰ The differentiation of populism and nationalism allows the author to draw a conclusion on transnational populism. B. de Cleen describes two theoretical models of transnational populism: (1) international populism, i. e. cross-border cooperation of nationally organized populist parties and movements; (2) true transnational populism, i. e. populism based on the community called “transnational people-as-underdog”. However, the empirical data studied by de Cleen refers to left-wing movements. For instance, he mentioned the “Occupy” movement, which claimed to represent 99% of the world's oppressed population as opposed to 1% of the transnational elites.¹⁵¹

---

¹⁴⁷ Stöss R. Zur Vernetzung... S. 4-12

¹⁴⁸ Grabow K. Das Volk, des Volkes, dem Volk. Merkmale und Trends zum Begriff Populismus // Konrad-Adenauer-Stiftung. Nr. 539, Juli/August 2016, 61. Jahrgang. S. 25-26

¹⁴⁹ Grabow K. Ibid

¹⁵⁰ de Cleen B. Populism and Nationalism. Ibidem. P. 342-362

¹⁵¹ Ibidem

D. Almeida, in turn, believes that the potential of cross-border co-operation of individual forces should be assessed based on their internal political position. According to his theory, parties in power as well as those having a chance to come to power are less likely to co-operate with far-right forces of other countries, since building internal coalitions is incompatible with intensifying the common struggle on the European arena. Opposition parties, on the contrary, seek to gain legitimacy through the establishment of cross-border contacts.¹⁵² For instance, the withdrawal of the “National Front” from the “Alliance of European National Movements” in 2012 can be considered a direct confirmation of D. Almeida's theory. After M. Le Pen became the head of the National Front, the party sought for normalization. As a consequence, the co-operation of the French and Belgian National Fronts, the Italian Tricolour Flame, the Hungarian Jobbik and the Swedish National Democrats was considered to be too radical.¹⁵³

One should separately mention the pool of studies concentrating on socio-political consequences of the growing popularity of right-wing populist practice. Those researchers tend to give special attention to the factions established by right-wing populists in the European Parliament. Alarmist-minded political scientists (for instance, H. Grabbe and N. Groot, representing the Open Society Institute for European Policy in Brussels) express fears that the growing number of right-wing populists in the European Parliament will contribute to the dismantling of the European infrastructure protecting human rights in general and the rights of minorities in particular. “The failure to form a political group leaves most xenophobic populist MEPs with an individual funding allowance of around €40,000 each to support their parliamentary activities, whereas as a group they would have had a combined pot of over €3 million (at 2012 values) for about 40 MEPs, double the amount of money per MEP”. As a result, H. Grabbe and N. Groot write, the far-right parliamentarians get a stage to broadcast their ideas and a financial support to do it. As a consequence, xenophobic discourse is spreading, which erodes social norms and values “necessary to maintain an open society”.¹⁵⁴

After analyzing behavior models of extreme right-wing populists in the European Parliament, political scientist N. Brack comes to a more positive conclusion: in her opinion, the presence of the respective parties does not threaten European integration, but rather legitimizes it. “Dissenting voices could be seen as assets for the affirmation of the EU as a democratic political system, open to conflict,” she writes. According to her, many political scientists agree that the EU is largely based on a consensus

---

¹⁵² Almeida D. Europeanized Eurosceptics? Ibidem. P. 247

¹⁵³ Stolz J., Salles A., Mestre A. Les infrequentables cousins de Grèce et de Hongrie [Electronic resource] // Le Monde. 2013. URL: https://www.lemonde.fr/europe/article/2013/11/14/les-infrequentables-cousins-de-grece-et-de-hongrie_3513447_3214.html

¹⁵⁴ Grabbe H., Groot N. Populism in the European Parliament. Ibidem. 34-39

model of interactions between the participants, and European institutions are rather concerned with technical than political issues. *The political* is only possible if there is an opposition, hence, the right-wing populists contribute to the politicization of the activities of the European Parliament.¹⁵⁵

Italian researcher F. Nicoli shares a similar point of view: according to him, the flourishing of populism is a natural symptom of the transformation of the EU into a “pre-federal polity”. He claims that the researchers studying integration tend to treat European institutions as unitary actors, but the example of the European Parliament demonstrates the growing differentiation of opinions within them. An implicit parallel between the national and the supranational outlined by F. Nicoli received no further attention. For instance, in the section of his study devoted to the national successes of the right-wing populists, he notes that the rise of the extreme right in many cases followed the consolidation of “grand coalitions” in power. Thus, it implies that right-wing populists do not undermine the existing political system, but rather contribute to the natural emergence of new voices and new interest groups within the European Parliament, and, consequently, to the formation of a single political space of the EU.¹⁵⁶

* * *

Although a number of researchers (from M. Canovan, who contributed to introducing the concept, to E. Laclau, who deconstructed the concept), demonstrate that the term “populism” is loaded with negative connotations, in the framework of our study we only partially share a critical approach. Thus, we agree with the theses of P.V. Oskolkov and G.V. Lukyanova, who mention the transformation of the concept into a certain stigma that hinders the effective dialogue of centrist parties with the so-called right-wing populists and their supporters. Nevertheless, we believe it is appropriate to use this term in a research context. In our opinion, there is a number of characteristics inherent in the analyzed political forces, which cannot be fully described by related concepts (right-wing radicalism, fascism, etc.). These include: (1) the basic idea of confronting the “corrupt elites”, the ruling mainstream parties, which allegedly suppress discussion on important public issues and ignore the opinion of a significant part of the population that does not share their point of view; (2) an unwavering appeal to democracy as a core value; addressing problems, which are referred to by the mainstream parties as “unreasonable”; (3) the ability to attract votes from a wide range of voters, despite the obvious stigmatization by the ruling elites.

---

¹⁵⁵ Brack N. The roles of Eurosceptic Members of the European Parliament and their implications for the EU // *International Political Science Review*. 2015. 36(3). P. 346-347

¹⁵⁶ Nicoli F. Populism, polarization... *Ibidem*. P. 11-18

When referring to the “right/left” dichotomy, we take into account the transformations in its perception that have taken place over the past decades, including the growing significance of the component associated with ethnicity, migration, gender, etc., noted by J. Rydgren. Within the framework of this research, we share the thesis of populism’s “thinness”, mentioned, among others, by N. Hatakka. It implies the inability of populism to explain all the diversity of social processes using its own tools and the resulting inclination to use the concepts of other ideologies. We consider the thesis about the desire of populist parties to combine left and right ideas in their rhetoric in order to maximize their attractiveness for the voter (elaborated, for instance, by D. Albertatsi and D. Wampa, by S. A. Lantsov) as complementary to the concept of “thinness”.

Finally, after analyzing the pool of studies devoted to cross-border contacts of right-wing populists, we identified three most significant theses for our research: (1) B. de Cleen's thesis, according to which true transnational populism presupposes not only cooperation of individual national parties and movements, but the existence of a political base that can be referred to as *transnational people-as-underdog*; (2) the thesis of F. Schönhuber, who believes that the cooperation of extreme right-wing parties is impeded by the emphasis on the national state (as opposed to the left, focusing on the supranational level); (3) D. Almeida's thesis about the right-wing populists’ willingness to co-operate in periods when they neither have access to power nor the chances to come to it. Within our study, we seek to test their consistency in relation to the interaction of German and Austrian right-wing populists.

2. Theoretical and methodological basis of the research

2.1 Social constructivism in international relations

The choice of constructivist/poststructuralist methodology in studies devoted to right-wing populism has recently become a fairly widespread research strategy.¹⁵⁷ Apparently, the influence of the works of E. Laclau, deconstructing the concept of populism which were popularized by the criticism of C. Mudde, one of the most famous theorists of populism, should be named among the reasons. However, the decision to choose such a theoretical framework for our study was not exclusively based on the example of others.

Unlike theories that stand on the other side the “Fourth Grand Debates”, constructivist theory focuses on representations and identities. Where the positivist thought captures a social fact, constructivist theory leaves space for a plurality of interpretations that generate unequal outcomes for every action taken. When choosing constructivism as a theoretical framework for this study, we take into consideration that such a theoretical model is convenient for analyzing flexible network structures, i. e. both the groups of citizens who share populist ideas at the national level and the cross-border populist associations. At both the domestic and transnational levels, populist networks are uniquely adaptable: in different situation they refer to a different range of ideas, which are claimed to be tabooed by the political elites.

Furthermore, we take into account that European right-wing populists have failed to establish any sustainable and successful cross-border association, despite flourishing at the national level. Considering the fact that the attempts to establish such a structure were undertaken by different parties in different time periods (for more details, see chapter 4.1), we make the assumption that the main obstacle lies not in the formal organizational process, but rather in the sphere of ideology. Therefore, we believe that the prospects of cooperation of individual forces can be analyzed based on reviewing their perceptions of threats and values. Summing up, the concept of identity, which constitutes the ideological basis of constructivism, allows us to appeal to the chosen object of research, taking into account its unique characteristics (flexibility, primacy of informal connections) and formulate assumptions about it based on the data at our disposal (data from open sources, social networks data).

***

---

¹⁵⁷ See, for instance, (1) Hellström A. *Trust Us: Reproducing the Nation and the Scandinavian Nationalist Populist Parties*. Berghahn Books, 2016. 246 p. (2) Bakare N. *Redefining Democracy and Political Assertiveness: A Constructivist Exposition of European Populism* // Baldassari M., Castelli E., Truffelli M., Vezzani G. (eds) *Anti-Europeanism*. Springer, 2019. P. 57-73

Perhaps one of the key features of social constructivism is the “external” nature of its ideological foundations for the studies of international relations. According to the remarks of St. Petersburg researchers, the roots of constructivism should be sought in Soviet art of the 1920s, the period when artists, architects, writers sought to revise the established aesthetic principles and oppose the rigid luxury with the simplicity of the original forms and the flexibility of their combinations. From this field, constructivism got gradually transferred into social sciences: psychology, sociology, and into the studies of international relations.¹⁵⁸

J. G. Ruggie points out that the greatest contribution to the formation of social constructivism in its current form was made by the sociologists E. Durkheim and M. Weber. Thus, E. Durkheim studied to what extent certain models of behavior are defined by the interaction of a particular individual and the social order. For instance, suicidal behavior among Catholics became one of the objects of his research. Exploring the causal role of ideas in social processes, Durkheim simultaneously distanced himself from idealists (who elevated mental factors above all other factors that can be studied) and utilitarians (who considered separation of the mental from the physical to be artificial and erroneous). According to Durkheim, social reality is a combination of individual facts and social interactions: “Whenever certain elements combine and thereby produce, by the fact of their combination, new phenomena, it is plain that these new phenomena reside not in the original elements but in the totality formed by the union”.¹⁵⁹

Like E. Durkheim, M. Weber sought to find a third way between subjectivism and positivism. Both the natural and the social sciences explore causal relationships, he wrote. However, while the natural sciences see their aim in finding universally valid laws, which can explain and predict individual events, the social sciences should concentrate on studying the meanings attached to individual facts in a specific context of ideology and values. Weber believed that one should consider social actions within the context, so that the connection between them and their reasons becomes explainable.¹⁶⁰

N. Onuf’s “World of our making” published in 1989 is considered to be the first constructivist study within the field of international relations. Nevertheless, T.A. Alekseeva notes, some of the theses synonymous to his ideas can also be found in the publications of R. Ashley.¹⁶¹ N. Onuf bases his research on a presupposition that it is social relations that make a person; human and society

---

¹⁵⁸ *Sovremennye teorii mezhdunarodnyh otnoshenij* / pod red. V.N. Konyshcheva, A.A. Sergunina. Sankt-Peterburgskij goP. un-t. Moskva : RG-Press, 2013. P. 327

¹⁵⁹ Ruggie J. G. What Makes the World Hang Together? Neo-Utilitarianism and the Social Constructivist Challenge // *International Organization*. 1998. 52 (4). P. 857-858

¹⁶⁰ *Ibidem*. P. 859-860

¹⁶¹ Alekseeva T.A. Myslit' konstruktivistski: otkryvaya mnogogolosyj mir // *Sravnitel'naya politika*. 2014. 1(14). P. 4

continuously change each other. The meanings of specific actions are determined by the rules existing in a given community, therefore, rules (i.e., statements dictating what people should do) are one of the basic constructive components of social reality. It is the existence of rules that creates the possibility of agency, both for the individual and for the state, since actors formulate their goals and “do the best they can to achieve their goals with the means that nature and society make available to them”.¹⁶²

N. Onuf's concept is based on the special role attributed to speech. According to Onuf, every speech has the following underlying pattern: “I (you, etc.) hereby assert (demand, promise) to anyone hearing me that some state of affairs exists or can be achieved”. Rules take shape and construct the relationship between the speaker and the listener through the speech. Any reference to the problem of rules leads us to the issue of uneven distribution of resources: different agents have an unequal amount of resources at their disposal. At the same time, the material component of rule implementation is also significant for Onuf: “We need air to breathe; we do not have wings to fly. No rule can readily make things otherwise, even though rules allow us, agents, to use resources to alter these limits, for example, by fashioning scuba gear and airplanes”. Thus, the existence of material facts is not denied, but the border between them appears to be blurred and socially constructed.¹⁶³

Another constructivist theorist, F. Kratochwil, also referred to the social construction of meanings. The researcher emphasized the interpretative capacity of a social action: according to his views, political interactions occur in the context of partially shared (and sometimes disputed) ideas that give certain meanings to certain facts in the eyes of participants and observers, while any attempt to eliminate interpretative capacity and make the analysis "objective" is bound to fail. Kratochwil pays special attention to the concept of rationality. When defining a certain action as “rational,” he wrote, we are trying to build a certain chain of utilitarian arguments, but in fact we are formulating a logical explanation for the decision we have already made.

Along with N. Onuf, F. Kratochwil called to pay special attention to the category of rules. According to him, any political action gains its meaning in the context of rules existing within the specific social group. Similarly to N. Onuf, F. Kratochwil defines rules as speech acts that only function if they have the expected effect on their addressee. Kratochwil agrees with his colleague's assumption that rules and regulations do not ultimately define human behavior. Since social problems do not have predetermined solutions and include a space of uncertainty, following the rules is not a blind habit, but a reasonable action. Thus, argumentation also implies variability. The rules provide us with a basis for

---

¹⁶² Zehfuss M. Constructivism in International Relations.... Ibidem. P. 20

¹⁶³ Ibidem. P. 21-22

reasoning, so that some violations of the rules are recognized as permissible, while others not, Kratochwil writes. According to him, the processes of argumentation do not lead us to the only correct solution, although some theses seem more convincing than others.¹⁶⁴

One of the key problems in defining constructivism is the heterogeneity of its variations. Some researchers use the concept "constructivism" in a broad sense (i. e., to refer to the intellectual movement that set the tone of the "The Fourth Grand Debates" in the science of international relations), which implies the demand for narrower categories to distinguish between its theoretical variations. For instance, R. Price and Ch. Reus-Smit mention a "constructivist turn", the intellectual basis of which embraced the following: (1) epistemologically, the criticism of the positivist approach to knowledge, the desire to formulate an objective, empirically verifiable truth; (2) methodologically, the emphasis on the significance of interpretations plus denial of the existence of the only correct scientific method; (3) ontologically, the rejection of rationalistic concepts of human nature plus attention to the role of socially constructed identities; (4) normatively, the thesis claiming the impossibility of a neutral theory.¹⁶⁵ According to R. Price and Ch. Reus-Smit, one can distinguish between the "modernist" and "postmodernist" within the direction which emerged following the above-mentioned "constructivist turn". The difference between those is described by the authors as "analytical": while modernist constructivism primarily concentrates on sociolinguistic construction of political subjects and objects, the postmodernist one pays special attention to the relationship between knowledge and power.¹⁶⁶

All in all, the distinction between social constructivism and poststructuralism remains an open question. For instance, E. Adler defines "the manner in which the material world shapes and is shaped by human action and interaction" as an object of constructivism studies, automatically concluding that constructivist thought recognizes the objective existence of the material world and its significance in the formation of social interpretations.¹⁶⁷ D. Campbell, who draws a clear line between constructivism and poststructuralism, has a similar point of view:

Even some constructivists maintain a strict sense of the material world external to language as a determinant of social and political truth. When faced with poststructural arguments, they will maintain that no discursive understanding can help you when faced with something as material as a bullet in the head. <...> So how would a poststructuralist respond? First, they would say that the issue is not one of the materiality of the bullet or the reality of death for the individual

---

¹⁶⁴ Zehfluss M. Ibidem. P. 16-18

¹⁶⁵ Price R., Reus-Smit Ch. *Dangerous Liaisons?* Ibidem. P. 261

¹⁶⁶ Price R., Reus-Smit Ch. Ibidem. P. 268

¹⁶⁷ Adler E. *Seizing the Middle Ground: Constructivism in World Politics* // *European Journal of International Relations*. 1997. 3(3). P. 322

when struck by the bullet in a particular way. <...> Second, they would say that such a world – the body lying on the ground, the bullet in the head, and the shell casing lying not far away – tells us nothing itself about the meaning and significance of those elements. They would say that *the constitution of the event and its elements is a product of its discursive condition of emergence*, something that occurs via the contestation of competing narratives. Did the body and the bullet get to be as they are because of suicide, manslaughter, murder, ethnic cleansing, tribal war, genocide, a war of inter-state rivalry, or . . . ?¹⁶⁸

One of the key theorists of constructivism A. Wendt formulates the difference within the "social" theories of international relations differently. Wendt finds it reasonable to refer various theories (both related to the sociology of international relations and representing other directions within the discipline) as either "thin" or "thick". The basic components of a "thin" theory of rational choice are *desire* to possess something or achieve something and *belief*. Regardless of how true the beliefs are, they provide an impact to get what is desired. The "thick" theory of rational choice, on the contrary, contains some component that determines the content of desires and beliefs.¹⁶⁹ As a result, a new ideological lens appears between the material factors and the actions of the actor based on them. At the same time, A. Wendt claims that representatives of various schools share two main theses of constructivism: (1) the structures of human relations are predominantly determined by ideas, not material forces; (2) the identities and interests of the respective actors are shaped by shared ideas rather than by their nature, i. e. some "initial" characteristics inherent in them.¹⁷⁰

The "identity", which is one of the basic categories for constructivist theorists, needs to be referred to in detail. A. Wendt provides the following definition of identity in his work "Anarchy is what states make of it":

Actors acquire identities – relatively stable, role-specific understandings and expectations about self – by participating in such collective meanings. Identities are inherently relational: "Identity, with its appropriate attachments of psychological reality, is always identity within a specific, socially constructed world," Peter Berger argues. Each person has many identities linked to institutional roles, such as brother, son, teacher, and citizen. Similarly, a state may have multiple identities as "sovereign," "leader of the free world," "imperial power," and so on.¹⁷¹

---

¹⁶⁸ Campbell D. Writing security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Manchester University Press, 1992. P. 235-236

¹⁶⁹ Wendt A. Social Theory... Ibidem. P. 117-118

¹⁷⁰ Ibidem. P. 1

¹⁷¹ Wendt A. Anarchy is what States... Ibidem. P. 398

Thus, A. Wendt shifts the focus attention from the inherent factors (for instance, the natural inclination of nation-states to conflicts described by the theorists of realism, or the natural inclination to cooperation mentioned by political idealists) to the constructed ones. In the anarchical international environment, one can consider others as friends, rivals, enemies, and pursue a certain policy depending on the ideas existing in this context. Dialogue and mobility become the defining characteristics of any identity.

A. Wendt returns to the issue of the *relational* nature of identity in his publication "Collective Identity Formation and the International State". According to him, "Identification is a continuum from negative to positive—from conceiving the other as anathema to the self to conceiving it as an extension of the self. It also varies by issue and other [...] in any given situation, however, it is the nature of identification that determines how the boundaries of the self are drawn".¹⁷²

Norwegian researcher I. Neumann also gives special attention to the dichotomy "me/Other" mentioned by A. Wendt, in his work of the "Uses of the Other: The "East" in European Identity Formation". I. Neumann traces the path of this dichotomy in philosophy and social sciences. The works of Hegel are noted as particularly significant for the formation of the concept, according to which the "me" gets the opportunity to recognize and be recognized through the cognition of the "Other", and, therefore, is constructed as such.¹⁷³

The "me/Other" dichotomy was later studied by social anthropology, psychology and literary theory, opening (as formulated by I. Neumann) the way for four different approaches: ethnographic, psychological, the approach of continental philosophy and the "Eastern excursion". The researchers who focused on the problems of nationalism and/or chose ethnic groups as the object of study (I. Neumann mentions E. Durkheim and F. Barth) followed the ethnographic path, which is obvious from the very name of this approach. Formation of identity within the ethnographic concept is an ongoing process defined by distinguishing "internal" groups from "external" ones on the basis of specific cultural markers. At the same time, any characteristic can acquire the meaning of a politically relevant indicator, although most of the mentioned indicators relate to such spheres as language, history, and religion.

The psychological approach adds characteristics that can be referred to as "positive" (as opposed to "negative" characteristics analyzed in the framework of the ethnographic approach). The main research issue here deals with the formation of "we-groups", so that the in-groupers share the state of "peace, order and law" and a state of "war" in relation to out-groupers. The construction of groups takes

---

¹⁷² Wendt A. Collective Identity... Ibidem. P. 386

¹⁷³ Neumann I. Uses of the Other: The «East» in European Identity Formation. Manchester University Press, 1999. P. 3

place on the basis of *self-stereotyping*. As mentioned by multiple researchers (including, for instance, E. Norton), the demand for self-stereotyping grows in time of ambivalence, when one feels insufficiency of his or her identity and tries to overcome it.

The "continental approach" is vaguely described by I. Neumann and seems to be mentioned for the purpose of formulating the advantages of the fourth approach, namely, the "Eastern excursion". I. Neumann criticizes the "continental approach" for its "sterility": thus, the categories of "me/Other" developed within its framework are placed in an ideal context and claim to be free from the power relations inherent in any social structure. The "Eastern excursion", on the contrary, seeks to make the relations of power visible. I. Neumann traces its origins in the works of F. Nietzsche, who argued that the knowledge is not based on a solid foundation, and therefore "me" does not cognize the "Other" as a fixed fact, but rather as an ever-changing projection. According to I. Neumann, "Eastern excursion" gets its final form in the works of M. Bakhtin. The Norwegian researcher notes the latter as an outstanding critic of the "epistemologism" inherent in continental philosophy. Thus, according to M. Bakhtin, continental philosophy is enclosed within the framework of epistemological consciousness, which does not allow any other sovereign consciousness outside itself and transforms any unity into its own unity. M. Bakhtin insisted that a meaning is only created in discourse where consciousnesses meet, therefore, the "Other" is an ontological necessity. According to J. Kristeva, M. Bakhtin's formulated the idea of dialogism opposed to the dialectism inherent in continental philosophy.¹⁷⁴

The concept of dialogism is also mentioned in E. Laclau's "On Populist Reason", which is one of the main constructivist studies of populism. According to him, social meanings (and collective identities among them) are being formed under the influence of two forces, which he designates as "*the logic of difference*" and "*the logic of equivalence*". While the logic of difference is aimed at forming an external border and distancing oneself from the "Other", the logic of equivalence forces individual actors to abandon particular features and recognize the prerogative of a common characteristic for them.¹⁷⁵

2.2 Comparative research in political science

Although comparison was already used by ancient authors to systematize their knowledge about the social and political, its formal scientific application dates back to the 20th century. Researchers G.L. Munck and R. Snyder name the following periods in the development of political comparative studies: (1) the formation of political science as a subject (1880–1920), (2) the behaviorist revolution (1921–1966), (3) post-behaviorist period (1967–1988), (4) the second scientific revolution (from 1989 to the

---

¹⁷⁴ Neumann I. Ibidem. P. 13-14

¹⁷⁵ Laclau E. On Populist Reason. Ibidem. P. 78

present). The first of the distinguished periods had no meta theory, the researchers concentrated on the formal elements of the existing systems of government. The second stage started with the publication of the Chicago researcher Charles Merriam, which formulated the need for a transition to a problem-driven approach in political science.¹⁷⁶

The establishment of the Nazi regime in Germany slowed down the development of behavioral trends in American political science. According to G.L. Munck and R. Snyder, many of the European researchers sharing the classical normative approach migrated to the United States. Furthermore, the beginning of World War II significantly changed the priorities of American scientists. In the 1950s a new stage of development of the political science begins. The behaviorist turn brought the following changes: (1) researchers started focusing on informal elements of political life (political culture, political socialization, mass communication) and behavior of individual actors (interest groups, political parties); (2) attempts were made to bring empiricism into political science. As a result, statistical research methods were introduced into political studies, including the ones with the large amounts of data collected in different national contexts (G. Almond and S. Verba's "The Civic Culture" published in 1963 provides an example of such a study).¹⁷⁷

G.L. Munck and R. Snyder describe the third period in the development of political comparative studies and political science in general (1966–1988) as a transitional phase. On the one hand there is a kind of disillusionment with behavioral ideas in the academic environment, which was to a certain extent based on the experience of the Vietnam War. Younger generations of researchers (along with the "old" generation of researchers) strived to return the state, excluded by the behaviorist turn in favor of economic and social processes, to the focus of attention. On the other hand, a new metatheory did not replace the existing one. Research was developing non-linearly, striving to fill areas that had not been covered before. So, it was during this period that political scientists began to address such issues as the foundation of states, democratic transition, and the collapse of democratic regimes. G.L. Munck and R. Snyder note that in the 1970s there was a decline in the interest of comparativists to quantitative research methods; most of the comparative studies published during this period are case studies based on a small number of cases.¹⁷⁸

"The second scientific revolution" of the late 1980s marked growing interest in quantitative research, including such areas as democratization, ethnic conflict and civil wars, economic policy and

---

¹⁷⁶ Munck G. L., Snyder R. *Passion, Craft, and Method in Comparative Politics*. John Hopkins University Press, 2007. P. 40-41

¹⁷⁷ *Ibidem*. P. 42-46

¹⁷⁸ Munck G.L., Snyder R. *Ibidem*. P. 48-51

voting models. The rapidity of political changes of this period provided researchers with a significant dataset, which could be processed with statistical methods. However, interest in "small" case studies remains; attempts are being made to find a third methodological path that reconciles quantitative and qualitative research. Just as the "first" behavioral revolution brought political science and sociology closer together, the "second" one urged the interest in economic sciences. Thanks to this turn, rational choice theory has entered political research. Its application (along with the criticism of its applicability) became a certain dominant in political comparative studies of the late 1990s and early 2000s, according to G.L. Munck and R. Snyder.¹⁷⁹

Despite the fact international relations belong to political science in general, the IR comparative studies had a specific dynamic. Its simultaneous with other political discipline was partially limited by the "dual" nature of international relations. While political comparative studies traditionally focused on domestic political problems, the realistic tradition of international relations (that played an important role in the formation of the IR discipline) drew a clear line between the domestic policy and foreign affairs. Does this mean the complete incompatibility of comparative studies and realism? No, claims T. Landmann; the realist tradition also identifies variables subjected to comparative analysis (economic and military strength, population size, geographic location).¹⁸⁰

Anyway, the full-fledged development of comparative studies within the framework of the IR becomes possible after to the second / third "Grand Debates", that brought both interest in the methods of other sciences and special attention to non-state actors in world politics to the discipline. As a result, the spheres of responsibility of political science and the IR became eroded: both political scientists and specialists in international relations deal with the local consequences of global processes and the cross-border ambitions of local players. Thus, over the past decades, using the methods of comparative analysis, researchers have checked the Democratic peace theory (B. Russett and J.R. O'Neil), studied the effects of globalization (Q. Li, R. Reuveny), traced the trajectories of development of non-state actors (C. Bob)¹⁸¹, assessed the potential of regional integration groups.¹⁸² Comparative analysis was also carried out in the sphere traditional for the theory of international relations, namely, the foreign policy of states, including, however, the internal component of its elaboration.¹⁸³

---

¹⁷⁹ Ibidem. P. 54

¹⁸⁰ Landmann T. *Issues and Methods in Comparative Politics: An Introduction*. Routledge, 2008. P. 266-267

¹⁸¹ Landmann T. Ibidem. P. 268-272

¹⁸² Mufti A. R. *Global Comparativism // Critical Inquiry*. 2005. 31 (2). P. 472-489

¹⁸³ *The Comparative Study of Foreign Policy: Perspectives on the Future* [Electronic resource] / Caporaso J.A. et al. –1986. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED271365.pdf>

The comparative approach is more than a tool for analyzing particular processes and phenomena. Comparison becomes a certain lens through which the researcher looks at the world; it helps generate theories (for instance, theories about the relationship between domestic and foreign policy, theses about the primacy of certain factors in determining the behavior of an actor in the international arena) and challenge them.¹⁸⁴ Choosing comparison as a research strategy, we partly legitimize the selection of the respective parties for the purposes of this study. Since populism is a difficult term to define, it is the comparison of the political positions of individual parties that makes it possible to identify the relevant characteristics. Furthermore, following the concept of the "logic of equivalence" formulated by E. Laclau, we assume that sharing ideas can become a basis for further cooperation. When comparing the programs of individual parties, we outline the patterns of their identification and their development trajectories and, therefore, try to find out if a community uniting them can be established.

2.3 Content-analysis as a research method

The official inclusion of content analysis into the research toolkit of the social sciences dates back to the middle of the 20th century, however, the well-known theorist of content analysis K. Krippendorff points out that the first "systematic attempts to proofread texts, images and symbols" (albeit not verified in a methodological sense) took place the 17th century. At first, it was mainly applied by theologians: researchers who had a good reputation in the church environment analyzed secular texts to find dangerous, sinful ideas. K. Krippendorff writes that during this period a research interest in media texts emerged. At the turn of the 19th and 20th centuries this interest gave rise to content analysis. "Quantitative newspaper analysis seemingly provided the needed scientific ground for journalistic arguments", he notes. By analyzing the pool of articles, journalists tried to prove the prevalence of "demoralizing" and "trivial" news over "really important" ones; some of them even tried to find a link between the content of publication and the growing number of crimes committed.¹⁸⁵

In the 1930s content analysis has been in the focus of sociologists' and, later, political scientists' attention. Thus, J. McDiarmid published his studies analyzing the inaugural speeches of US presidents based on specific symbolic categories (identification categories, categories of power, expectations, historical importance, etc.). In the late 1930s and especially during the World War II American researchers shared an unprecedented interest in the analysis of propaganda. Here one should mention a research group led by of H. Lasswell and H. Speier, who analyzed German broadcasts in order to predict

---

¹⁸⁴ Kaarbo J., Lantis J.S., Bealsey R.K. *The Analysis of Foreign Policy in Comparative Perspective // Foreign Policy in Comparative Perspective: Domestic and International Influences on State Behavior / Beasley R.K. et al. CQ Press, 2012. P. 1-93*

¹⁸⁵ Krippendorff K. *Content Analysis: An Introduction to Its Methodology. Sage Publications, 2004. P. 4-5*

the actions of the Axis countries. In the post-war period A.L. George analyzed the group's reports and issued a study called «Propaganda Analysis», which formalized the efforts of researchers and outlined the framework for content analysis as a research method. According to K. Krippendorff, this study formulated a potential field of application of content analysis. Thus, it was claimed that content analysis is a perfect tool for studying the phenomena, which (as it is the case with the enemy's military strategy) the researcher does not have direct access to.¹⁸⁶

This feature made content analysis attractive to specialists from various fields: psychologists, anthropologists, linguists, sociologists, historians. In the late 1950s the development of computer technology led to the first attempts to automate content analysis. Soon the enthusiasm for automated processing of textual data became so great that the scientific community saw the need to develop more complex algorithms as the only obstacle.¹⁸⁷ However, even in 2002, i. e. decades after the first attempts to apply computer technologies for content analysis were made, K. Neuendorf wrote that a full-fledged analysis of non-textual materials still requires a high involvement of the researcher's own efforts.¹⁸⁸ The same is true for textual data: as A. Simon notes, the main disadvantage of computer analysis is that a computer is simply unable to understand human language in all its richness, its complexity and nuances, as a human encoder does.¹⁸⁹

As the society has become more and more informatized at the beginning of the XXI century, the analysis of text data tends to change. The ubiquitous access to the Internet means that the amount of data available to researchers is growing exponentially. Moreover, an increasing proportion of this data is made up of social media content – unstructured data coming from multiple users simultaneously, which is different from traditional media content. As a result, researchers increasingly rely on native technologies tailored to work with certain platforms to select the relevant data “slice”. Computer technologies can be used for the primary classification of data (for instance, to distinguish the original content from the so-called "reposts"), however, modern technologies still do not allow artificial intelligence to decode all the socio-cultural contexts with the efficiency inherent in human intelligence, and therefore the interpretation of the data is impossible in a fully automatic mode without the participation of a researcher.¹⁹⁰

---

¹⁸⁶ Ibidem. P. 8-10

¹⁸⁷ Ibidem. P. 13

¹⁸⁸ Neuendorf K. *The Content Analysis Guidebook*. Sage Publications, 2002. P. 126

¹⁸⁹ Op. cit: Lewis S., Zamith R., Hermida A. *Content Analysis in an Era of Big Data: A Hybrid Approach to Computational and Manual Methods* // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2013. 57(1). P. 38

¹⁹⁰ Ibidem. P. 39-45

K. Neuendorf mentions the multiplicity of methods of text research and the recurrent incorrect usage of the term "content analysis". The tools used for processing texts include, for instance, rhetorical analysis, which focuses on the way the message is conveyed using specific grammar and wording. Narrative analysis is aimed at identifying the characteristics inherent in the individuals mentioned in the text and is used to trace the roles and scenarios inherent in certain types of text. With the help of discourse analysis, that became a popular analytical tool at the end of the 20th century, researchers try to trace the complex processes of constructing meanings and thus reveal how power relations and ideological constructs are reflected in language. A conceptually close method is the critical analysis of texts, which is widely used to deconstruct images and roles broadcast by the mass media. Semiotic analysis, designed to reveal the hidden, implicit characteristics of symbols, introduces a broader understanding of the text, including aural, visual and video materials.¹⁹¹ Content analysis (here we use L. Ya. Averyanov's definition) can be defined as "the analysis of statistical regularities in the frequency of semantic units in the text".¹⁹²

The primary stages that a researcher, who has chosen content analysis as his or her tool, goes through, are not specific to this method. Thus, K. Neuendorf writes, initially it is required to formulate a research question and a hypothesis. The next stage is conceptualization, that is, the definition of basic concepts for research.¹⁹³ L. Ya. Averyanov calls them features, where a feature is understood as a special class of properties and functions of objects. "When a person reads a text attentively, he or she tries, most often intuitively, to trace the frequency a specific feature and thereby to conclude which essential phenomenon is being discussed in the text", the sociologist notes.¹⁹⁴ When formulating the main concepts of the study, the researcher also takes synonyms into account and outlines some sort of concentric circles within the conceptual field. In this case, a single word, phrase, or some semantic characteristic distributed over the text can act as a feature.¹⁹⁵

At the next stage, the researcher proceeds to the process of operationalization, i. e. defines how the encoder will correlate the analyzed text with the basic categories selected at the previous stage. According to L. Newman, the coding system can be based on the following characteristics: frequency (for instance, the frequency of mentioning a certain subject), direction (positive / negative, confirming / refuting the nature of messages within the text), intensity (softening / strengthening the semantic content of the message), space (the volume of the message compared to the whole text). L. Newman identifies

---

¹⁹¹ Neuendorf K. Ibidem. P. 5-9

¹⁹² Aver'yanov L. YA. Kontent-analiz. M.: RGIU, 2007. P. 17

¹⁹³ Ibidem. P. 50

¹⁹⁴ Aver'yanov L. YA. Ibidem. P. 162

¹⁹⁵ Ibidem., P. 176

two main types of coding: manifest, which simply takes into account that a specific word or phrase is mentioned in the text, and latent, aimed at revealing the implicit content of messages. The use of latent coding allows one to overcome the superficiality inherent in manifest coding, but it has a lower degree of reliability: thus, the contextual interpretation of individual messages depends on how good the researcher can interpret the language and the meanings circulating in a particular community.¹⁹⁶

K. Neuendorf provides an extensive classification of factors that reduce the reliability of the analysis: from the encoder's misinterpretation (i. e. situations when the encoder does not realize that a specific element should be interpreted in a certain way) to inattention and accidental errors. In some cases, a conscious or unconscious bias of the encoder, inclined to a certain interpretation can lead to recurrent errors.¹⁹⁷ In order to ensure the reliability of the analysis and avoid such distortions, researchers elaborate rigorous coding schemes that make it possible for an observer to repeat all the described procedures. Furthermore, the reliability of a study can be increased by inviting additional encoders: if a text is being processed by several researchers at once, the role of subjective factors and unconscious bias decreases.¹⁹⁸

Within the framework of this research, we have chosen the method of content analysis in order to be able to analyze as much data reflecting the patterns of public communication of the "Austrian Party of Freedom" and "Alternative for Germany" as possible. Thus, the selected materials include not only programs of the parties (i. e. texts of limited volume suitable for discourse analysis and rhetorical analysis), but also data from social networks, the volume of which exceeds the capabilities of manual analysis and requires automatic tools. At the same time, the very reliance on the texts produced by the actors as a source of information about their identification is logical in the context of the constructivist research framework we have chosen. Having accepted the presupposition that social reality does not have objective meanings, we strive to understand the rules and values that determine the behavior of actors by analyzing the texts which they produce.

---

¹⁹⁶ N'yuman L. Neoprosnye metody issledovaniya // Sociologiya za rubezhom. 1998. P. 119-129. P. 122-123

¹⁹⁷ Neuendorf K. Ibidem. P. 112

¹⁹⁸ Ibidem. P. 142

3. Austrian and German right-wing populists: national cases analysis

Despite the linguistic commonality and the presence of numerous intersections in the historical experience of the two countries, researched rarely refer to the space of Germany and Austria in political studies. The negative experience of Anschluss leads to a situation when S. Weiss's quote from the 19th century "German Practical National Economy" (claiming that Germany and Austria to mutually enrich each other in the economic and political sense¹⁹⁹) cannot be perceived neutrally anymore. Most of the studies in German, which discuss the common experience of the two countries, as well as compare their political and socio-economic climate, were published in the 1990s–2000s. Apparently, the end of the Cold War, the unification of Germany and the subsequent development of integration processes played an important role in the weakening the taboo around this topic. The new world order was no longer defined by World War II to the same extent as the previous one, which contributed to reconsidering the trauma inflicted by the war.

The concept referring to the significance of the linguistic component in nation-building dates back to the 18th century. This idea was formulated, for instance, by I. G. Herder, who believed that language – along with the commonality of historical experience and culture – is one of the foundations of national self-awareness. The philosopher was especially interested in "folk songs", i. e. the folklore which embodied the collective memory of ethnic groups.²⁰⁰ It should be noted that I. G. Herder represented a whole generation of German-speaking intellectuals of the second half of the 18th century, who sought to abandon French literary canons and studied German mythology and folklore instead. According to O. Dann, this movement consisting of the "leading strata of civil society" contributed to defining German cultural interests and characteristics, but also emphasized the distance between themselves and the ruling elites.²⁰¹

Anyway, the "era of geniuses" was only one of the stages in the process of German identity formation – and the process itself was defined by domestic and foreign political events to a greater extent than by cultural ones. Thus, E. Frie writes about the special role of the Seven Years' War in the formation of Prussian identity in its connection with military affairs. From this moment on, the author believes, a special type of military patriotism was established, and other peoples of Europe started perceiving Prussia as the homeland of the most skillful soldiers.²⁰² G.S. Ragozin emphasizes the special influence of the Napoleonic wars on the agency of the Austrian people: according to his thesis, it was during this

---

¹⁹⁹ Weiss S. Die praktische Deutsche Nationalökonomie in Verbindung mit ihrer Politik. Leipzig : Fernau, 1852. S. 50

²⁰⁰ Glaser R. Aspekte der Herder-Rezeption in der deutschen Volkskunde // *Ethnologica Europaea*. 1994. 24 (2). S. 134

²⁰¹ Dann O. *Nacii i nacionalizm v Germanii. 1770-1990*. SPb : Nauka, 2003. P. 48

²⁰² Frie E. *Preußische Identitäten im Wandel (1760-1870)* // *Historische Zeitschrift*. 2001. 272(2). S.356-360

period that the Habsburg monarchy first allowed national patriotism to flourish, temporarily stopping attempts to replace it with imperial patriotism.²⁰³

Finally, the processes of the middle and especially the second half of the 19th century that accompanied the unification of Germany, are of key importance. According to historian R. Austensen, by the 1840s Austria and Prussia managed to formulate different approaches to the German question, and the influence of this divergence can be traced over the course of many subsequent decades. Austria led by Metternich took the position of “*Einigkeit ohne Einheit*” (unity without unification), while Prussia finally came to the idea of *Einheit* (unification), which implied the establishment of a single German state. The consequence of the latter, R. Austensen writes, was not only the expansionist policy of Prussia, but also (following the successful expansion) the desire to represent the German history of the XVIII–XIX centuries as Prussian history, which was reflected in the works of historians of the second half of the XX century.²⁰⁴

At the end of the 19th and beginning of the 20th centuries, the idea of the unity of the German nation strengthened among the Germans of Austria-Hungary who felt excluded from the process of German nation-building. According to A.J.P. Taylor, such ideas were fueled by the fact that the Austrian Germans were effectively the losers in their country: while other peoples of the empire elaborated national self-awareness, the German population, which previously had a privileged position, felt themselves betrayed by their own elites.²⁰⁵ At the same time, the attitude of the Germans towards Austria was ambiguous: according to J. Vermeiren, although the elites publicly praised strong ethnocultural ties, a common language and historical memory, the inclusion of Austria in the German Empire was not considered expedient as there would have raised too many questions. In addition to the formal issues of the structure of the future state (for instance, the choice of the ruling dynasty), it would have led to a change in the power balance within the country. Thus, the inclusion of Catholic Austria would have significantly strengthened the position of the southern lands and, therefore, would have questioned the political and socio-economic predominance of the Protestant Prussia.²⁰⁶

The end of the First World War and the collapse of Austria-Hungary became a serious blow to the Austrian Germans. “As formulated by French Prime Minister Georges Clemenceau, Austria

---

²⁰³ Ragozin G. P. Avstro-prusskij dualizm v Germanii, 1763-1866 gg.: ideologicheskij aspekt : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.03. Arhangel'sk, 2018. P. 111-120

²⁰⁴ Austensen R. A. "Einheit oder Einigkeit"? Another Look at Metternich's View of the German Dilemma // German Studies Review. 1983. 6(1). P. 41-57

²⁰⁵ Taylor A. J. P. The Habsburg Monarchy, 1809-1918 : A History of the Austrian Empire and Austria-Hungary. London: Hamish Hamilton, 1976. P.160-161

²⁰⁶ Vermeiren J. The First World War and German National Identity: The Dual Alliance at War. Cambridge University Press, 2016. P. 30-34

represented the remainder of [the empire]”, historian M. Rauchensteiner writes, “but this exodus did not correspond to the perception of the Austrian Germans, the former dominant nation of the empire, of their own place in Europe”.²⁰⁷ Both German diplomats working in Austria (pointing to an alleged public demand for unification) and the German military leadership (considering a possible increase in territory as a resource for ensuring security in a hostile environment) actively supported the thesis of Austria’s non-viability. However, historian A.A. Borisov writes that the wide circles of the Austrian population did not feel any obvious enthusiasm for the unification because of the negative experience of cooperation during the war, as well industrialists’ fears to face competition, and the distrust of the Catholic population towards the Protestant neighbors.²⁰⁸

The works of German historians published in the 1920s–1930s spread the idea of the special way of the German nation. Particularly prominent are the works of H.R. von Srbik, who elaborated the concept of the all-German (*gesamtdeutsch*) development of the nation. This concept was contrasted with both the *kleindeutsch* scenario, i. e. the development of the German nation within the 1871 borders of the German Empire, and the Great German (*großdeutsch*) scenario, which included all the lands that were part of the German Confederation before 1866 with a special role of Austria. The all-German way implied a shift in emphasis from the state to a nation, formed on linguistic and cultural basis. The German nation, von Srbik believed, is the only nation that lives in most Central Europe countries, even though it is not always dominant in specific territories. Based on this, von Srbik endows the German nation with a special historical mission to unite Central Europe.²⁰⁹

According to W. Blasi, between the two world wars the Austrian society turned out to be split: not state or national, but party identities came to the fore, numerous non-state military formations emerged.²¹⁰ An interesting assessment of the state of Austrian society prior to the Anschluss is given by the historian E.B. Baki. According to the data at his disposal, the number of supporters of National Socialism reached no more than a third of the population. Nevertheless, only the communists really perceived Austria as a separate nation. The Social Democrats, who resisted National Socialism, perceived a possible reunification with Germany as a way to induce revolution on all the German-speaking territories. The Christian Social Party viewed Austria as part of a unified religious space.²¹¹ In

---

²⁰⁷ Rauchensteiner M. Der „Rest“ // Die Anfänge der Republik Österreich im internationalen Kontext. Wien: Österreichische Nationalbibliothek, 2018. S. 13

²⁰⁸ Borisova A. A. Avstro-Germanskije diplomatičeskie kontakty po voprosu sozdaniya velikogermanskogo gosudarstva 1918-1919 gg. // Vestnik VGU, Seriya: Istorija. Politologija. Sociologija. 2006, № 2. P. 15-23

²⁰⁹ Ross R. J. Heinrich Ritter von Srbik and "Gesamtdeutsch" History // The Review of Politics. 31 (1). P. 89-92

²¹⁰ Blasi W. Der bedrohte Staat. Über rivalisierende Wehrverbände, ein ausgehöhltes Gewalt-monopol und die latente Bürgerkriegsgefahr in der Ersten Republik // SIAK-Journal – Zeitschrift für Polizeiwissenschaft und polizeiliche Praxis. 2015. №2. S. 88-90

²¹¹ Bukey E. B. Hitlers Österreich. Hamburg: Europa Verlag GmbH, 2006. S. 50-63

his work «Austria in the First Cold War, 1945–1955» historian G. Bischof quotes the American consul in Vienna, who claimed that on the eve of the Anschluss plebiscite, 25% of Austrians supported the unification, 25% perceived it negatively, while the remaining half was rather indifferent. Apparently, G. Bischoff argues, such indifference was generated by the desire to simply live one's life and have nothing to do with politics; those people witnessed several changes of power, and they simply adapted to it. Focusing on internal political factors, the researcher, however, does not deny the decisive role of the international context: all in all, it was the behavior of the great powers that made the Anschluss possible and inevitable.²¹²

The corresponding events made Austria's status after the end of World War II twofold: on the one hand, it was a territory liberated from Nazi Germany, on the other, it was a part of the German state. Austria's identity formation turned out to be difficult in the new environment. According to polls, in 1956 only 49% of the population believed that Austrians were a separate nation, 46% believed that Austrians belonged to the German people (it should be noted that in 1980, 67% believed that Austrians were a separate nation and 19% that Austrians slowly started to feel like a separate nation).²¹³ Given this context, the foundation of the «Freedom Party of Austria», which claimed that the border between the German and Austrian peoples was artificial, seems logical.

In the context of the bloc confrontation, the Austrian side demonstrated benevolent caution in interactions with Western German colleagues. Bonn's rapprochement with the West opened, as Vienna interpreted it, good prospects for the Austrian security. Vienna avoided directly demonstrating positive attitude towards the new Germany, since the Austrian side believed that the Soviet side might perceive this as an Anschluss and make an attempt to divide Austria, as happened with Germany. At the same time, as the comments of the Austrian Foreign Minister K. Gruber testify, in 1953 the Austrian government believed that Bonn still sees the scenario of unification with Austria as desirable.²¹⁴

Although after the Second World War the thesis that Austrians and Germans represent the same people was tabooed, such fears cannot be called completely unfounded. As M. Allison notes, the depth of Germany's non-recognition of the post-war situation is evidenced by the fact that up to the beginning of the 1970s the annual statistical reports issued by the departments of the FRG government contained data on the territories belonging to the GDR, as well as on the lands alienated from Germany. Germany considered itself the only legitimate state of the Germans – and this idea found its manifestation both in

---

²¹² Bischof G. *Austria in the First Cold War, 1945–55: The Leverage of the Weak*. Palgrave Macmillan, 1999. P. 9-10

²¹³ Weinzierl E. *Meilsteine auf dem Weg zur österreichischen Nation* [Electronic resource]. URL: http://politicum.at/wp-content/uploads/2015/02/politicum_13.pdf S. 18

²¹⁴ Gehler M., Graf M. *Österreich und die deutsche Frage 1987–1990*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2018. S. 14-15

the so-called Hallstein doctrine aimed at isolating East Germany and the approach to granting citizenship to ethnic Germans who moved to the FRG.²¹⁵

According to numerous transcripts of communication between Austrian officials, up to the 1980s Vienna did not believe in the possibility of German reunification in the foreseeable future. Following in the lead on the FRG policy, Austria did not establish diplomatic relations with the GDR until 1972, although almost 20 thousand Austrian citizens lived on the territory of the latter. As M. Gehler and M. Graf note, the Soviet Union did not exert harsh pressure on Austria in this direction, only making verbal appeals to recognize the East German state. Moscow's approach to the possible participation of Austria in the integration processes was much tougher: according to the position of the Soviet Union, such a step should be interpreted as a violation of Article 4 of the Treaty on the restoration of Austria, which prohibited actions aimed at unification with Germany.²¹⁶

Such a statement was based on the idea that Germany, in fact, played a dominant role in the processes of European integration. Despite the fact, writes H. von Riekhoff, that Austria had to reckon with this approach, by the mid-1980s the economic pressure to join the European Communities became particularly intensive. Among all the neutral European countries, Austria had the largest share of exports tied to the countries of the Communities. Furthermore, according to H. von Riekhoff, the participation in the European processes started to be perceived as one of the constituent elements of security. Those who insisted on joining the Communities pointed out that cooperation was limited to economic and political areas, and key decisions were taken unanimously – which would allow Austria to maintain a neutral status; opponents objected that technically non-binding decisions of the majority are often imposed on the minority, and the border between political and military cooperation is rather arbitrary.²¹⁷

The end of the Cold War determined the development of Austria. As M. Gehler and M. Graf note, Vienna did not really expect the imminent unification of Germany: even after the fall of the Berlin Wall, Chancellor Vranitzky said that the victorious powers are the ones to take decisions. After making sure that the position of the Soviet Union on Germany had changed, Austria finally expressed its support to the unification processes. According to M. Gehler and M. Graf, against the background of the ongoing changes, Austria came to the conclusion that its chances of joining the European Communities were

---

²¹⁵ Allison M. *Germany and Austria 1814-2000*. Routledge, 2013. P. 181

²¹⁶ Gehler M., Graf M. *Ibidem*. S. 23-36

²¹⁷ von Riekhoff H. *Unequal Partners: A Comparative Analysis of Relations Between Austria and the Federal Republic of Germany and Between Canada and the United States*. Routledge, 2019. P. 175-177

good, hence the desire to enlist the support of a united Germany as a key member of the Communities.²¹⁸ Thus, debates devoted to the German nation (and Anschluss as one of the most important historical events) disappeared from the Austrian politics after the end of the Cold War.

At the same time, O. Dann writes, since the 1990s the older generation, whose views were formed by the understanding of the nation elaborated in the German Empire, has ceased to define politics in Germany.²¹⁹ The national problems became associated with the issues of alignment between the Eastern and Western German *Bundesländer*, as well as the interaction with immigrants coming from East European states, who claimed to be Germans, but did not speak German. It is already in the 2000s the accents in the actions of those forces for which the category of "nation" remains a significant political instrument would also shift to the extent that non-German immigration exceeds the flows of immigrants. After the non-German immigration outnumbered the inflow of *Aussiedler* in 2000s, the political forces who instrumentalize the category of nation, did change the accents of their rhetoric.

***

Looking back at the events that accompanied the emergence of the German and Austrian patterns of national self-identification, we often come across rhetoric reminiscent of the activities of modern right-wing populists. Thus, the idea of the humiliated German people, who, nevertheless, has a “strong spirit” can be traced at least since the 1760s. The thesis of the moral decline of the elites and the greatness of the “common people” was actively reproduced by the intellectuals during the Napoleonic Wars. Finally, in the last third of the 19th century a number of local patriotic societies, striving to recreate original folk songs, legend and traditions (and thereby to return to the mythical “prosperous past”, praised by contemporary right-wing populists) were created.

Nevertheless, the events of the 20th century led to a deep divergence of the patterns of national identification between Austrians and Germans. As chapter 4.2 would demonstrate, the contemporary rhetoric of the “Austrian Freedom Party” and “Alternative for Germany” is characterized by a blurred representation of the past. Although the concept of “people” is linked by the German and Austrian right-wing populists with European and Christian traditions, it is not formulated in terms of the “great German nation”. Right-wing populist forces on both sides of the border do not attribute any special role to German-Austrian relations. When choosing them as an object of research, we would like to emphasize that the interactions between them should not be perceived as attempts to revive the old thesis of cross-

---

²¹⁸ Gehler M., Graf M. Austria, German Unification, and European Integration: A Brief Historical Background [Electronic resource]. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/austria-german-unification-and-european-integration-brief-historical-background>

²¹⁹ Dann O. Ibidem. P. 369

border unity of the German *Volk*. However, the choice of these national cases is not a simple choice of two neighboring European countries. As will be demonstrated below, the members of the respective parties are united by numerous personal, official and unofficial contacts. Furthermore, when choosing the parties of two German-speaking countries as the object of analysis, we make the comparison easier. Thus, when analyzing and comparing the rhetoric of the parties, we can avoid the translation, which is important, since translating invariably leads to the loss of some semantic layers.

3.1 Right-wing populism in Germany: main landmarks of development

Despite F. Decker's remark about the vacuum in the right-wing populist field of the Federal Republic of Germany before the “Alternative for Germany”²²⁰, German politicians had used slogans similar to the party's rhetoric before AfD's establishment. Those who are traditionally referred to as “right-wing radicals” replenished the pool of ideas. The first attempts to reassess the right-wing radical ideas in a new way were made in the FRG already in the post-war years. Thus, the Socialist Imperial Party (*Sozialistische Reichspartei*), which emphasized the “fatal role of Jews in public life” and the “venality of the democratic party system”, was able to get up to 11% of votes in some federal states. In 1952, this party was banned; as a result, the right-wing forces of Western Europe received a clear signal that it was impossible to further reproduce the ideology of National Socialism in a direct way.²²¹

In 1964, fractured right-wing radical forces united to establish the National Democratic Party of Germany (*Nationaldemokratischen Partei Deutschlands*). After analyzing the social characteristics of the NPD voters, German researcher R. Stöss came to the conclusion that the party was supported by both workers and entrepreneurs, but had the greatest popularity among those who did not belong to large social associations (churches, trade unions, etc.). Furthermore, NPD was found to have received more support from uneducated population.²²² Similarly to the “Alternative for Germany”, the NPD violated the discursive taboos that existed those days: for instance, the 1967 “Manifest der NPD” discussed the need to revise the idea of Germans' collective fault for unleashing the World War II. The party also called for pursuing a foreign policy independent from great powers; strengthening the role of the state in domestic politics; supporting German workers; protecting young people from both communism and the “pernicious influence of the environment”. The party also used the words “*Jedem das Seine*” [“To

---

²²⁰ Decker F. The «Alternative for Germany». Factors Behind its Emergence and Profile of a New Right-wing Populist Party // German Politics and Society. 2016. Issue 119. Vol. 34. No. 2. P. 1

²²¹ Tarasenko R.P. Sootnosimost' ponyatij «krajne pravye» i «fashizm» v sovremennom politologicheskom i politicheskom diskursah // Pravoradikal'nye politicheskie partii i dvizheniya sovremennoj Evropy / pod red. Barygina I.N. SPb.: Izd-vo P.-Peterb. Un-ta, 2011. P. 32-33

²²² Stöss R. Rechtsextremismus im Wandel. Bonn: Bonner Universitäts Buchdruckerei, 2010. S. 76

each his own”, a German translation of a Latin expression written above the entrance to the Buchenwald concentration camp] in their rhetoric to claim that inequality is natural.²²³

As R. Stöss notes, one of the reasons that led to the reduction of electoral support of the NPD was the polarization of the FRG's political space at the turn of the 1960s and 1970s. Thus, during the 1969 elections the party received 4.3% of the votes and in 1972 the number reduced to 0.6%.²²⁴ In the early 1970s political debates between Christian Democrats and Social Democrats mainly revolved around Willy Brandt's “new Eastern policy”. The CDU/CSU feared that the emerging system of treaties would only consolidate Germany's divided status.²²⁵ The divergence of the main forces became more visible; the slogan “*Man kann wieder wählen*” (“You can choose again”), which ensured the success of the NPD in 1969,²²⁶ lost its meaning. The growing internal contradictions, which quickly replaced the initial euphoria within the party, also played a role.

Amid the confusion of the “conventional” right forces, the activity of groups that accept radical methods of struggle was increasing. Thus, one should mention such forces as the “Action Front of National Socialists” (*Aktionsfront Nationaler Sozialisten*), “People's Socialist Movement of Germany” (*Volkssozialistische Bewegung Deutschlands*), etc.²²⁷ The activities of the respective forces were much more radical than those of the right-wing parties: they used neo-Nazi slogans, called for a “revolution” and the “establishment of National Socialism”, which logically led to their prohibition.²²⁸ All in all, despite some “staff exchange” between right-wing parties and antisystem groups, which is obvious from biographies of some of their members²²⁹, the remark of R.S. Tarasenko, made by him in relation to other Western European forces, is valid: by the end of the 1970s the largest radical nationalist parties accepted the existing rules of the game in order to avoid marginalization.²³⁰

In the early 1980s the NPD made an attempt to restore its former authority by referring to migration agenda. In 1980 and 1982 the party founded regional anti-immigration initiatives in North Rhine-Westphalia, Kiel and Hamburg.²³¹ However, it brought no fruit: unlike Germany in the 2000s, the

---

²²³ Dudek P., Jaschke H.-G. Entstehung und Entwicklung des Rechtsextremismus in der Bundesrepublik: zu Traditionen einer besonderen politischen Kultur. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984. S. 300-301

²²⁴ Stöss R. Ibidem

²²⁵ Wettig G. Alois Mertes und die Haltung der CDU/CSU zu den Ostverträgen der sozialliberalen Bundesregierung [Electronic resource] // HPM Heft. 2009. 16. URL: <http://www.kas.de/wf/de/33.19194/> S. 199-200

²²⁶ Mudde C. The Ideology of the Extreme Right. Manchester: Manchester University Press, 2013. P. 27

²²⁷ Stöss R. Ibidem. S. 77

²²⁸ Pfahl-Traughber A. Rechtsextremismus in der Bundesrepublik. München: Beck, 2006. S. 55-56

²²⁹ Grumke T., Wagner B. Handbuch Rechtsradikalismus: Personen – Organisationen – Netzwerke vom Neonazismus bis in die Mitte der Gesellschaft. Opladen: Leske + Budrich, 2002. S. 233-349

²³⁰ Tarasenko R.P. Ibidem. P. 34

²³¹ Mudde C. Ibidem. P. 29

Federal Republic of Germany in the early 1980s did not officially recognize itself a country of immigration.²³² The topic had not been tabooed and had not acquired paramount importance for the German society, therefore, addressing it in the 1980s could not provide the populist forces with any decisive advantage.

Meanwhile, new parties were established on the right side of the political spectrum. In 1983, a group of politicians broke away from the CSU to found “The Republican Party” (“*Die Republikaner*”). Although the formal reason for the split was the dissatisfaction of some CSU members with the allocation of a large loan to Eastern Germany, researchers believe that the real reason should be sought in the federal (rather than regional) ambitions of individual party representatives.²³³ The party’s policy quickly became the subject of internal discussion. Thus, the party’s first chairman, Franz Handlos, advocated the preservation of the CSU program, while part of the Republicans led by Franz Schönhuber supported the inclusion of the radical right and the party’s transformation along the lines of the French “National Front”.²³⁴

“Decriminalization of German history” has become the main point of the Republicans’ program since the mid-1980s. It implied rejecting the feeling of guilt for the outbreak of World War II, which shaped the German identity throughout the post-war period. However, the Republicans achieved their high popularity by appealing to immigration – a topic unsuccessfully raised by the NPD at the beginning of the decade. A commercial with Turkish children at play, released as during the 1989 electoral campaign in Berlin, attracted the attention of the whole country to the Republicans and as a result, the party unexpectedly received 7.5%. Soon the party was able to repeat the success during the European elections, having received more than two million votes (7.1%).²³⁵

The Republicans were not the only right-wing party to run in the 1989 European elections. More than 400,000 votes (1.6%) of voters were cast for the “German People’s Union” (*Deutsche Volkunion*) founded in 1987. The party advocated “restricting the flow of foreigners”. Finally, the far-right “*Free Workers’ Party of Germany*” (*Freiheitliche Deutsche Arbeiterpartei*) received a little less than 20

---

²³² Bade K. J. Migration, Flucht, Integration. Kritische Politikbegleitung von der ‚Gastarbeiterfrage‘ bis zur ‚Flüchtlingskrise‘. Karlsruhe: Loeper Literaturverlag, 2017. S. 27

²³³ Pfahl-Traughber A. Ibidem. S. 31

²³⁴ Schellenberg B. Die Republikaner // Handbuch des Antisemitismus. Judenfeindschaft in Geschichte und Gegenwart. Band 5: Organisationen, Institutionen, Bewegungen / Benz W. 2012. S. 536-538

²³⁵ Kailitz S. Die Deutsche Volkunion und die Republikaner: Vergleichende Betrachtungen zur Entwicklung und zum ideologischen Profil // Strategien der extremen Rechten: Hintergründe – Analysen – Antworten / Braun S., Geisler A., Gerster M. Springer-Verlag, 2009. S. 116

thousand votes (0.1%) during the European elections.²³⁶ Despite the image of a neo-Nazi force, the slogans from the Republicans' election video would hardly surprise a modern observer. "We demand the following: first, the preservation of independent nations; second, the adoption of consistent laws against sham refugees, drug trafficking, immigrant criminals; third, establishing workplaces in own country; fourth, the preservation of the national agriculture; fifth, consistent protection of the environment with the introduction of severe penalties for causing harm to it. We stand for a Europe with equal rights and responsibilities, not a Europe where some pay for all".²³⁷

This program is surprisingly consonant both with other right-wing programs of that time (which probably explains the limited success of the FAP), and with the slogans that were formulated by the right-wing radical parties in the mid-2000s. Therefore, it is interesting to trace how the social composition of the corresponding electorate has been changing. According to the data available to German researcher R. Stöss, up to half of the voters who supported one of the extreme right forces in 1989 had previously voted for Christian Democrats or Christian Socialists. Two-thirds of the voters were of low education; the majority were workers and farmers. With some reservations, R. Stöss names the practicing Catholics especially susceptible to "right-wing radical propaganda".²³⁸

German reunification had a twofold effect on the development of extreme right-wing parties. On the one hand, the right-wing parties were able to fill the ideological vacuum that formed in the GDR after the fall of the communist regime. Some attacks from right-wing radicals on refugees in Hoyerswerde and Rostock (the territory of the former GDR) were reported.²³⁹ On the other hand, the statistics of the popularity of extreme right-wing political parties, systematized by S. Kailitz, clearly demonstrates the "gap" of 1990–1991²⁴⁰, which can be partially explained by the confusion of the right-wing forces, who turned out to be unable to quickly adapt their programs to the new political landscape.

The reaction of extreme right-wing parties to the new phenomenon of migration policy in the 1990s, namely, the massive immigration of *Spätaussiedler* had received little attention in the literature. The arrival "Russian Germans" was fundamentally different from other types of immigration. Thus, unlike other foreigners, repatriates received the right to attend German language courses, tax privileges, "integration benefits", as well as state assistance in employment.²⁴¹ It is believed that it was thanks to

---

²³⁶ Europawahl 1989. Wahl zum 3. Europäischen Parlament am 18. Juni 1989 [Electronic resource] // Der Bundeswahlleiter. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/europawahlen/1989.html>

²³⁷ Europawahl 1989: Werbespot FAP [Video] // YouTube. – 2011. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7cNVKyoTJco>

²³⁸ Stöss R. Ibidem. S. 80-81

²³⁹ Schellenberg B. Ibidem. S. 45

²⁴⁰ Kailitz S. Ibidem. S. 112, 117

²⁴¹ Takle M. (Spät)Aussiedler: From Germans to Immigrants // Nationalism and Ethnic Politics. 2011. 17. S. 171-176

the arrival of the *Spätaussiedler* in 1999 that the FRG government officially recognized: Germany had become a country of immigration.²⁴²

Despite initial expectations, the German society faced serious problems in integrating the *Spätaussiedler*. Since the mid-1990s the negative image of a “Russian German” associated with crime, drug abuse and reliance on social benefits was reproduced by the German media.^{243,244,245,246} The problem had become so important that even moderate parties explicitly criticized the resettlement policy. Thus, the head of the *SPD* Oskar Lafontaine repeatedly spoke out in favor of limiting immigration: “...our hospitality is not unlimited. The communities were overwhelmed”.²⁴⁷ According to A. Klekowski von Koppenfels, in 1996, there were about 60% of German citizens who supported Lafontaine's position.²⁴⁸

The extreme right-wing parties also reacted to the demographic changes. The well-known theorist of right-wing populism K. Mudde provides a brief analysis of the position of the “German People's Union”. Unlike Lafontaine, he writes, members of the DVU clearly distinguished between the *Spätaussiedler* and foreigners in general: “Do we want a storm of millions of foreigners of completely different cultures, or a reinforcement based on welcoming ethnic Germans?”.²⁴⁹ As a consequence, we can conclude that the most significant problem for the DVU is not immigration itself, but the alleged erosion of the cultural identity of Germany.

The Republicans had a more controversial position on the *Spätaussiedler*. Already in 1992, while in principle supporting the admission of repatriates, they claimed that the mass immigration should be prevented, and the “migrants” should be informed what the hosts expect from them.²⁵⁰ During the 1994 European elections, the Republicans toughened their position again: the election program stated that the

---

²⁴² Weber R. Integrationsland Deutschland Vielfalt leben und gestalten / R. Weber // Zeitschrift für die Praxis der politischen Bildung. 2011. 2. URL: http://www.politikundunterricht.de/2_11/integrationsland.pdf S. 5

²⁴³ Faß auf, Augen zu [Electronic resource] // Der Spiegel. – 1996. – URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-8891349.html>

²⁴⁴ Die verlorenen Schafe von Marzahn [Electronic resource] // Der Spiegel. 2004. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/aussiedler-schicksale-die-verlorenen-schafe-von-marzahn-a-298564.html>

²⁴⁵ Deutsch, aber nicht ganz [Electronic resource] // Zeit online. 2000. URL: http://www.zeit.de/2000/14/200014.aussiedler.3_.xml/

²⁴⁶ Der Insider [Electronic resource] // Deutsche Welle. 2002. URL: <http://www.dw.com/de/der-insider/a-715271>

²⁴⁷ Faß auf, Augen zu. Ibidem

²⁴⁸ Klekowski von Koppenfels A. Who Organizes? The Political Opportunity Structure of Co-Ethnic Migrant Mobilization // *Diasporas and Ethnic Migrants: Germany, Israel and Russia in Comparative Perspective* / Münz R. & R. Ohliger. Frank Cass Publishers, 2004. P. 290

²⁴⁹ Mudde C. *The Ideology of the Extreme Right*. Manchester: Manchester University Press, 2013. P. 70

²⁵⁰ Neubacher B. *Die Republikaner im baden-württembergischen Landtag – von einer rechtsextremen zu einer rechtsradikalen, etablierten Partei? : Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors der Philosophie*. Stuttgart, 2001. S. 112

alleged repatriates (along with other refugees) became a heavy burden for regional budgets, but became the reason for increasing crime rates.²⁵¹ However, when commenting on the 1996 anti-immigrant statements of the Social Democrats, the Republicans changed their tone: “The false humanism of the socialists turned out to be a misanthropic view”.²⁵²

The recognition of Germany as a country of immigration caused an extraordinary surge in the activity of right-wing populist forces. In 2001, the “Schill Party” (named after its leader) received phenomenal 19.4% during the elections in Hamburg. The party's rhetoric, as a rule, did not contain any specific proposals, but was of a pronounced anti-elite character. Appealing to the “silent” average citizen, the “Schill Party” stated that corrupt elites only distracted people with confusing promises, while real decisions were made without taking their opinion into account.²⁵³ “Our decent citizens complain, for instance, that some politicians in recent decades have sought to bring here people affected by disasters around the world. [...] Our citizens complain that the questions whether Germany should become a country of immigration, whether the EU's Eastern enlargement should take place, were actually solved without asking them”, R. Schill said.²⁵⁴

Internal security became the cornerstone of the party's program: former judge R. Schill explicitly accused the authorities of failing to ensure “order and law” in the face of increasing crime, violence and drug trafficking. At some point, the topic turned out to be popular; as A. Gunlicks notes, the success in Hamburg in the fall of 2001 can be viewed as a reaction to the events of September, 11.²⁵⁵ Nevertheless, the problem of security did not acquire the main importance for the German politics of that period. “Schill Party” failed to repeat or reproduce the success at a higher level.

The first half of the 2000s became for the German parties a time of special attention to the socio-economic agenda. The problem of unemployment came to the fore. Even during the 1998 campaign, Social Democratic candidate G. Schröder promised to reduce the number of unemployed to 3.5 million by 2002 (at the time of the elections, their number exceeded 4 million). The economic recession that followed in 2001 did not allow the Chancellor to fulfill his promises, the new elections were only won by the Social Democrats by a small margin.²⁵⁶ Schröder's government was criticized after the beginning

---

²⁵¹ Ibidem. S. 116

²⁵² Ibidem. S. 197

²⁵³ Hartleb F. *Recht- und Linkspopulismus. Eine Fallstudie anhand von Schill-Partei und PDS.* VS Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH. Wiesbaden, 2004. 361 s. S. 179-180

²⁵⁴ Ibidem. S. 182-183

²⁵⁵ Gunlicks A. *The Länder and German federalism.* Manchester: Manchester University Press, 2003. P. 310

²⁵⁶ Zohlhöfer R. *Putting Together the Pieces of the Puzzle: Explaining German Labor Market Reforms with a Modified Multiple-Streams Approach.* *The Policy Studies Journal*, Vol. 44, No. 1, 2016. P. 83-107. P. 93-99

of a large-scale employment reform, which was discussed even before the 2002 elections. All the measures, united under the general notion of «Hartz reforms» (including combining unemployment and social assistance, providing fixed-rate benefits, expanding the notion of a “suitable job” and introducing tougher sanctions for refusing job offers) were aimed at radically transforming the country's social policy. The system implying that “people were paid to stay unemployed” was replaced with a mechanism of coercion to work, albeit on conditions far from what workers would wish.²⁵⁷

Although employment issues are not of primary importance to right-wing populist parties, many of them tried to instrumentalize the situation. In 2004–2005 the “National Democratic Party of Germany” was running under the slogan of canceling Hartz's reforms, closing borders for foreign workers (whose influx, they claimed, led to lower wages for native Germans) and forming an alternative to “neoliberal globalism”.²⁵⁸ Researchers agree that it was the discontent generated by Hartz's reforms that helped the NPD win mandates in regional governments for the first time in decades.²⁵⁹ One should notice that the triumphant return of the NPD (as well as the “German People's Union's” receiving more than 5% of votes) took place in the Eastern part of the country, which was noticeably lagging behind the Western lands in terms of economic indicators.

Throughout the entire period of the 2000s right-wing populist parties enjoyed the constant support of voters in the Eastern *Bundesländer* (Saxony, Saxony-Anhalt, Mecklenburg-Western Pomerania, Brandenburg, Thuringia), while in Western *Bundesländer*, they only occasionally managed to win more than 5% of votes. At the same time, the success of the “system” extreme right parties correlated with the development of the “anti-system” groups: according to Stöss, about 40% of the skinheads of the united Germany came from the new federal states. The NPD turned out to be successful in working with this group, in contrast to the “German People's Union” and the Republicans, who sought to distance themselves from the “anti-system” right-wing radicals in Eastern Germany.²⁶⁰

What is the reason for higher popularity of right-wing radical ideas in the Eastern lands of Germany compared to the Western ones? According to Stöss, the origins of the problem should be sought in the special status of right-wing radicalism in the GDR: one perceived the right-wing subculture as an alternative to the dominant discourse, which was more associated with opposition ideas in general than

---

²⁵⁷ SHershneva E. L. Reformy Harca: povorotnyj punkt v politike zanyatosti i blagosostoyaniya v Germanii // ZHurnal sociologii i social'noj antropologii. 2014. Tom XVII. Vyp. 3(74). P. 169-174

²⁵⁸ Steglich H. Rechtsaußenparteien in Deutschland: Bedingungen ihres Erfolges und Scheiterns. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. S. 318

²⁵⁹ Steglich H. Ibidem. S. 90

²⁶⁰ Stöss R. Ibidem. S. 102-103

with National Socialism.²⁶¹ The role of the economic factor is also emphasized by researchers: years after the reunification, economic disparities between the Western and Eastern federal *Bundesländer* persisted. Under such circumstances, right-wing populist parties could gain success in the East of the country by appealing to groups which experienced high economic insecurity.²⁶²

The report, published by the federal government in 2017, mentions among the reasons for the susceptibility of the East German lands to radical right-wing ideas, the peculiarities of inhabitant's identification. After the reunification the citizens of the former GDR felt like strangers in their new country: all the rules of the game, including the rules of political game, were adopted before them and without taking their voices into consideration. As a result, they supported political groups promising to finally change the trend.²⁶³ Furthermore, the "lack of political education" in the GDR and general skepticism towards democracy are mentioned among the factors fueling right-wing radicalism.²⁶⁴

The anti-immigration and especially anti-Islamic rhetoric became strongly associated with the right-wing radicals of the 2000s and 2010s.²⁶⁵ Two types of threat perceptions were formulated around the immigration issue: on the one hand, one referred to traditional "hard" threats (terrorism, drug trafficking, the increase of ethnic crime), and on the other hand, the loss of "national identity" was mentioned. Such rhetoric enjoyed significant support in the new *Bundesländer*, although it did not correlate with the share of immigrants in the region.²⁶⁶ A group of researchers led by F. Walter suggests looking for the causes of interregional disparities in the difference in the political experience of the FRG and the GDR. According to the group's conclusion, many residents of Eastern Germany believe the restrictive immigration policy of the GDR to be more successful than the policy of the FRG, which ultimately resulted in the inevitability of Germany's being recognized as a country of immigration.²⁶⁷ We would like to emphasize that the hostility towards "outsiders" can be explained in the light of the problems of identification described above: by distancing themselves from immigrants, formerly excluded groups may feel accepted by the German society.

Perhaps, it was the ability to overcome regional patterns that made the success of "Alternative for Germany" so impressive. Indeed, the party's indicators in the East are, on average, noticeably higher

---

²⁶¹ Ibidem. S. 107

²⁶² Steglich H. Ibidem. S. 201-202

²⁶³ Walter F. Ursachen und Hintergründe für Rechtsextremismus, Fremdenfeindlichkeit und fremdenfeindlich motivierte Übergriffe in Ostdeutschland sowie die Ballung in einzelnen ostdeutschen Regionen. Göttinger Institut für Demokratieforschung, 2017. S. 161

²⁶⁴ Ibidem. S. 118-120

²⁶⁵ Stöss R. Ibidem. S. 40

²⁶⁶ Steglich H. Ibidem. S. 179

²⁶⁷ Walter F. Ibidem. S. 37

than in the West (Baden-Württemberg and Rhineland-Palatinate with 15.1% and 12.6%, respectively, were the exceptions in the regional elections), but the AfD did something that none of the parties could do before. Thus, not a single right-wing populist force has managed to win more than 5% of votes in almost all federal states. Moreover, the portrait of an average AfD voter differs from the those previously attributed to the supporters of right-wing populism. Thus, the income of an average AfD voter lies in the range of 1.500€ to 3.000€ (a picture which is typical for all the large parties, with the exception of the Left, who also attract voters with lower income). The education of the average AfD supporter was limited by the *Realschule*, which also fits into a typical portrait for the main parties (here the Greens, supported by the most educated voters, make an exception). The differences are found at the level of opinions, not socio-economic characteristics: thus, the AfD electorate is significantly more worried about immigration and attaches greater importance to issues of internal security (terrorism, crime). AfD voters' rhetoric about European integration is much sharper, in comparison with supporters of other parties.²⁶⁸

So, does this mean that AfD is a fundamentally new phenomenon for the German political landscape? Before answering this question, let us turn to the history and views of the party in question. The AfD was formed as a party in 2013, however, German researchers prefer to trace its roots back to the 1990s, when a group dissatisfied with the Maastricht Treaty was formed in conservative circles of Germany. The key figures of the Eurosceptic group were by no means “common people”, they came from the financial, academic, industrial and political elites. The group's initial attempts to enter the political scene were associated with criticism of the single European currency, however, the expected high mobilization did not occur, and during the elections to the European Parliament, the “Union of Free Citizens” established by the group only managed to won 1% of votes. By 1999, the electoral support of the party (which by that time was also came up with ideas to limit migration and increase internal security) was lower than 0,5% and soon it ceased to exist.²⁶⁹

The main reason why the “Free Citizens' Union” is called the predecessor of the AfD is the intersection between their staff. Some similarities in party programs can also be mentioned; nevertheless, the continuity in this area is rather arbitrary. The “Free Citizens' Union” did not position itself as an anti-elite party, did not seek to develop the discourse of “being close to the people”.²⁷⁰ Most party leaders, who came to the "Union", was initially from the FDP; within the framework of the “Alternative for Germany”, the corresponding wing was supplemented by Christian Democrats. Within the AfD

---

²⁶⁸ Steffen T. Nicht nur die kleinen Leute [Electronic resource] // Zeit online. 2017. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-08/afd-waehler-terrorbekaempfung-integration>

²⁶⁹ Decker F., Neu V. Handbuch der deutschen Parteien. Springer VS., 2018. S. 238-240

²⁷⁰ Ibidem. S. 239

eurocriticism got merged with Christian conservatism and nationalism; furthermore, the party appealed to those who previously did not belong to any party.²⁷¹ The party's strategy turned out to be successful: more than 1.4 million people who did not participate in the 2013 parliamentary elections voted for the AfD in 2017. About a million voters who supported AfD used to vote for Christian Democrats, and a little less than a million used to support left-wing parties (SPD and "Left").²⁷² The latter is a clear confirmation that the essence of the AfD is not limited to extreme right-wing rhetoric. The protest potential that it has is of equal importance.

What is the reason for AfD to be founded in 2013? Referring to the theory of American historian L. Goodwin, F. Decker argues: for the emergence of such a party, a “populist momentum”, i. e. a deep social crisis that shook society, is needed. According to Decker, the financial crisis that hit the Eurozone turned out to become this momentum.²⁷³ The fact that the first AfD pre-election program mainly appealed to the problems of relations between Germany and the EU supports such version.²⁷⁴ However, in a later work Decker notes that the foundation of the AfD was predetermined by political reasons. Thus, the split took place within the CDU (many AfD leaders originally came from the CDU). Under the leadership of A. Merkel, the CDU became noticeably closer to the SPD, leaving its conservative positions in family and social policy. A. Merkel's European policy also aroused criticism: for instance, the above-mentioned B. Lucca left the CDU because of his disagreement with the policy of “saving” the eurozone.²⁷⁵

The events of 2014 and 2015 had a significant impact on the self-image of the party. In October 2014, PEGIDA (an abbreviation for the German “Patriotic Europeans against the Islamization of Western Europe”), a movement that grew out of a group on *Facebook*, was founded. Initially, the majority of PEGIDA members lived in Dresden. Entrepreneur Lutz Bachmann, one of PEGIDA's founders, later explained that the public discontent was provoked by the demonstrations of the Kurdistan Workers' Party, as well as ethno-religious conflicts caused by the dynamics in the Middle East. Furthermore, the mobilization was triggered by the expectation that soon a number of refugees would arrive to the city. The first demonstration, held in Dresden in October 2014, was attended by up to 350

---

²⁷¹ Ibidem. S. 161-162

²⁷² Blickle P. Merkel-Enttäuschte und Nichtwähler machen die AfD stark [Electronic resource] // Zeit Online. 2017. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-09/wahlverhalten-bundestagswahl-wahlbeteiligung-wahlerwanderung>

²⁷³ Decker F. The «Alternative for Germany». Factors Behind its Emergence and Profile of a New Right-wing Populist Party // German Politics and Society. 2016. Issue 119. Vol. 34. No. 2. P. 2

²⁷⁴ Hrishkevich T.G. «Alternativa dlya Germanii» mezhdru federal'nymi vyborami: fenomen populyarnosti maloj partii // Metamorfozy istorii. 2017. Vyp. 9. P. 176

²⁷⁵ Decker F. Die «Alternative für Deutschland» aus der vergleichenden Sicht der Parteienforschung / Häusler A. // Die Alternative für Deutschland. Programmatik, Entwicklung und politische Verortung. Wiesbaden: Springer, 2016. S. 14

people. In November, a PEGIDA demonstration took place in Würzburg, in December in Kassel, later Bonn, Munich and Dusseldorf followed the suit, after the new year Hannover, Leipzig, Kiel and other cities joined the demonstration. At the peak of PEGIDA's popularity (January 2015), the number of participants reached 25 thousand people.²⁷⁶ In a number of cities, PEGIDA's demonstrations were accompanied by anti-demonstrations of the left-wing forces. In Leipzig the latter managed to gather about 30 thousand supporters.²⁷⁷

Despite numerous accusations of trying to revive Nazi slogans, already in the early stages of its existence, the PEGIDA movement made an effort to make its program sound more neutral. The “19 points” issued at the end of 2014 stated that “PEGIDA supports accepting refugees who run away from war, are persecuted for political and religious reasons”, but insists on including the “obligation to integrate” into the German constitution. The program also contained a point about “preserving the Western European culture, which was formed under the influence of Christianity and Judaism”, which is a clear curtsey towards forces seeking to differentiate themselves from anti-Semitism.²⁷⁸ A split in the movement took place in January 2015. It was partially caused by the scandal around the racist statements of L. Bachmann and his photograph dressed as Adolf Hitler that became public. However, researchers claim that the deep divergence between the radical and moderate wings of PEGIDA was the real reason. The latter sought to expand contacts with the press and political parties, while the former demonstrated commitment to anti-system, protest forms of activity. As a result, some of the moderate members leave the movement to found their own party.²⁷⁹

The rise of PEGIDA had a noticeable impact on the “Alternative for Germany”. The views of the party’s representatives were divided: while the liberal wing led by B. Lucke preferred to distance itself from “hostility towards foreigners” or even “racist protests”, the conservative wing viewed PEGIDA as “natural allies”.²⁸⁰ The disagreement on the issue of interaction with the “right street” is claimed to be as one of the reasons for the split of the AfD in the summer of 2015. Back then five of the seven MEPs left the party.²⁸¹ It is noteworthy that the relations between AfD and PEGIDA conservatives also were controversial: researchers point to a personal enmity between L. Bachmann and F. Petry. After

---

²⁷⁶ Vorländer H., Herold M., Schäller S. PEGIDA. Entwicklung, Zusammensetzung und Deutung einer Empörungsbewegung. Wiesbaden: Springer, 2016. S. 5-8

²⁷⁷ Pegidas Hochburg – Pegidas Gegner [Electronic resource] // Der Spiegel. – 2015. – URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/pegida-ueberblick-wo-sind-die-anhaenger-wo-die-gegner-a-1011480.html>

²⁷⁸ Positionspapier der PEGIDA [Electronic resource] // wins media UG. 2014. URL: <https://www.menschen-in-dresden.de/wp-content/uploads/2014/12/pegida-positionspapier.pdf>

²⁷⁹ Vorländer H., Herold M., Schäller S. Ibidem. S. 13

²⁸⁰ Ibidem. S. 39-40

²⁸¹ Decker F., Neu V. Ibidem. S. 379

Petry spoke out against Bachmann during the scandal described above, the latter completely distanced himself from the AfD, which he referred to as “a failed protest party”.²⁸²

Meanwhile, the AfD electoral program (2017) was in many respects consonant with the program documents of PEDIGA. Thus, both forces called for a Swiss-style referendum and a limitation of party powers. The threat of Islamization was formulated in similar terms; the importance of preserving sovereign states in Europe was mentioned. As for foreign policy, both forces were in favor of normalizing relations with Russia, and rejected comprehensive trade agreements (TTIP, CETA, TiSA).^{283,284} However, the AfD program has a more elaborated part devoted to the economic and social agenda (including employment policy, taxation, education). AfD believed that “a strong economy creates social peace”, while PEGIDA focused on political instruments. Furthermore, the European integration was of greater importance for the AfD rhetoric, which apparently was a legacy of the “free democrats”.

The breakthrough of the autumn 2017 was both phenomenal and expected for the party who won multiple regional elections. After becoming the third political force in the country, the AfD has changed the established political landscape. In an effort to avoid any cooperation with the AfD, the main parties could not form a ruling coalition for months: as a result of tense negotiations, the initially discussed "jamaica" was replaced by a “grand coalition”. At the same time, AfD itself was changing. Already in September 2017, F. Petry, one of the key figures of the party, announced that she did not want to join the AfD’s faction in *Bundestag*. Commenting on her departure in an interview with *Tagesspiegel*, Petry mentioned scandals around AfD deputies W. Gedeon and B. Höcke (the first is known for his anti-Semitic statements, the second – for calls to reconsider the perception of the end of World War II) as the reasons behind her decision. Petry’s “Blue Party” can be regarded as an attempt to move away from the negative associations that have formed around the AfD, while maintaining the agenda.²⁸⁵

The Blue Party’s program was in many ways similar to the AfD's program, which was launched for the 2017 elections. Both documents called to limit migration and only allow the the arrival of qualified specialists, to restrict the external funding of religious societies, to strengthen border control

---

²⁸² Vorländer H., Herold M., Schäller S. Ibidem. S. 41

²⁸³ Dresdner Thesen [Electronic resource] // LEGIDA. 2015. URL: https://legida.eu/images/legida/Dresdner_Thesen_15_02.pdf

²⁸⁴ Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017 [Electronic resource] // Alternative für Deutschland. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf

²⁸⁵ Fiedler M. Wir wollen eine bundesweite CSU sein [Electronic resource] // Der Tagesspiegel. 2017. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/frauke-petry-im-interview-wir-wollen-eine-bundesweite-csu-sein/20569778.html>

and prohibit dual citizenship. The parties shared similar views on introducing tax privileges for families with children, maintaining a differentiated school system and reducing the role of the state in the economy. Both forces viewed the euro as an unsuccessful project and advocated bringing Germany's foreign policy in line with its national interests.

However, there were also some notable disparities. For instance, the Blue Party rejected any pro-Russian statements (which were typical for the AfD and PEGIDA), and only mentioned that the United States, Russia and other partners should establish a joint security structure. Apparently, this change was aimed at overcoming the image of externally funded force. Furthermore, the Blue Party's section on foreign policy, contained a statement on strategic partnership with Israel, while the section devoted to culture had the thesis about the "Christian-Jewish tradition" in German culture, taken from PEGIDA's documents (another attempt to distance oneself from anti-Semitism). The social policy section also changed: unlike the AfD, the Blue Party rejected the minimum wage, calling the latter a consequence of "erroneous social policy" and proposing the introduction of a "basic income" as an alternative.²⁸⁶

The "Blue" failed to repeat the success of AfD. In the spring of 2019, F. Petry announced that the party did not intend to participate in the elections to the European Parliament, and would like to concentrate on regional elections instead.²⁸⁷ However, the Saxon elections that followed in September 2019 also turned out to be a failure: the Blues received only 0.4% of the votes. After the elections, the secretary of the party's regional branch U. Wurlitzer announced that the party did not regret its decision to break off the AfD, despite the defeat: according to him, the Blues did not consider foreigners as the biggest problem in Saxony and tried to offer a wider agenda.²⁸⁸ After the failure in Thuringia, where the Blues received 0.1% of the votes, F. Petri announced the dissolution of the party in November 2019.²⁸⁹

As for the "Alternative for Germany", despite the successes achieved both at the national level and at the level of federal states, the party is still not perceived by moderate counterparts as a possible partner. The mainstream parties' approach to interaction with the "Alternative" became obvious in February 2020, when T. Kemmerich, a representative of the FDP, was elected Prime Minister of Thuringia with the support of the AfD but was forced to resign under the public pressure. It is noteworthy

---

²⁸⁶ Programm [Electronic resource] // Blaue Wende. 2018. URL: [https://www.blauewende.de/programm/programm/programm/](https://www.blauewende.de/programm/programm/programm)

²⁸⁷ Ex-AfD-Chefin Petry kritisiert ihre frühere Partei [Electronic resource] // Welt. 2019. URL: <https://www.welt.de/regionales/sachsen/article194265673/Ex-AfD-Chefin-Petry-kritisiert-ihre-fruehere-Partei.html>

²⁸⁸ Dippmann I. Freie Wähler und Blaue Partei – Hoch gepokert, nichts gewonnen [Electronic resource] // mdr AKTUELL. 2019. URL: <https://www.mdr.de/nachrichten/politik/regional/freie-waehler-blaue-partei-nach-landtagswahl-sachsen-100.html>

²⁸⁹ Blaue Partei löst sich auf [Electronic resource] // Zeit Online. 2019. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2019-11/frauke-petry-die-blauen-aufloesung>

that not only the leadership of Kemmerich's party FDP, but also A. Merkel, representing the CDU, condemned the alleged agreement with the AfD.²⁹⁰

Another AfD-related topic that has been discussed in the recent months is the situation around the so-called "Wing" (*Flügel*). The "Wing" represents a kind of "party within the party" which is a group of politicians formed around the figures of B. Höcke and A. Kalbitz, coming, respectively, from the Thuringian and Brandenburg branches of the party. The "Wing's" positions are considered radical within the party; interestingly, most of its representatives come from Eastern federal states. Despite the leadership's denial that any split within the party takes place, the members of the "Wing" have repeatedly tried to distance themselves from the AfD in their statements.²⁹¹ In March 2020, the Federal Office for the Protection of the Constitution announced that it was observing of "Wing's" activities which were claimed to be radical. Soon, the party's leadership insisted on the dissolution of the group, giving rise to speculations about the withdrawal of its former members from the "Alternative".²⁹²

Finally, the topic of coronavirus became a significant dominant that determined the party's rhetoric in 2020–2021. Speaking in *Bundestag* in early March 2020, MP A. Weidel criticized the government for underestimating the danger of coronavirus and taking measures aimed at saving the lives and health of German citizens too late.²⁹³ After additional restrictions were introduced, the rhetoric of AfD became more specific: thus, the party supported closing the borders, criticized the authorities for being unable to provide medical institutions with masks, drugs and equipment. At the same time, the party claimed that by forcing citizens to limit contacts, the government "reduces the number of coronavirus deaths, but provokes suicides".²⁹⁴ By the summer of 2020, the AfD started actively criticizing the restrictions from an economic point of view and raised the question of how the personal data is protected.²⁹⁵

Unlike the mainstream parties, which condemned the August demonstration in Berlin as threatening with new infections, the "Alternative for Germany" supported the protesters. "People went

---

²⁹⁰ Wir haben der AfD ermöglicht, die Demokratie zu verhöhnen [Electronic resource] // Zeit Online. 2020. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2020-02/fdp-christian-lindner-afd-thueringen-wahl>

²⁹¹ Schwietzer K. Der «Flügel» – radikal und doch genehm? [Electronic resource] // Tagesschau.de. 2019. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/afd-fluegel-105.html>

²⁹² Riedel K. Liegt Spaltung in der Luft? [Electronic resource] // Tagesschau.de. 2020. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/afd-fluegel-streit-101.html>

²⁹³ Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht 148. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 4. März 2020 [Electronic resource] // Deutscher Bundestag. Режим доступа : <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19148.pdf> S. 16-17

²⁹⁴ Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht. 154. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 25. März 2020 [Electronic resource] // Deutscher Bundestag. URL: <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19154.pdf> S. 11-12

²⁹⁵ Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht. 165. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 17. Juni 2020 [Electronic resource] // Deutscher Bundestag. URL: <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19165.pdf> S. 21-22, 30

to the streets to defend their basic rights. This can only be welcomed and the AfD stands for this”, T. Chrupalla, the party's co-chairman, said.²⁹⁶ The issue of protecting human rights in corona times has gradually acquired specific importance in AfD rhetoric. The party sabotaged the rule to wear masks in *Bundestag* and then tried to defend its decision in court²⁹⁷, opposed large-scale restrictions on business, criticized compulsory testing and vaccination. As in the case with other topics discussed by the party (migration, European integration, etc.), the AfD sees the problem in the absence of broad public discussion about the measures taken. The steps taken by the government are claimed to be exaggerated, as they lead to a situation when “99.8% of the population suffer because of measures taken for 0.2% of those who have positive test for coronavirus”.²⁹⁸

3.2 Right-wing populism in Austria: main landmarks of development

The Freedom Party of Austria was founded in 1956 as a successor to the "Federation of Independents" that existed since the late 1940s. The "Federation" was formed under a stable two-party system as an alternative to the existing Socialist Party of Austria and the Austrian People's Party. Like its predecessor, the FPÖ became a platform helping the former functionaries of the National Socialist regime return to the political field.²⁹⁹ The particular attractiveness of the party for this group was determined by its program. Thus, the FPÖ denied the existence of Austria as a separate nation; emphasized the belonging of the Austrians to the German cultural space. However, it never raised the question of abandoning Austrian statehood.³⁰⁰

In the first half of the 1980s, FPÖ bent toward liberalism. Part of the party elite tried to turn the FPÖ into a “respected and fully integrated” force, but faced opposition from their more radical comrades. In 1983 the party found itself in the ruling coalition led by the socialists, which only exacerbated the contradictions within the party. As a result, in 1986, the leadership of the FPÖ passed into the hands of J. Haider, who had been the center of the "pro-German" groups.³⁰¹

American researcher M. Williams names two groups of factors that contributed to the emergence of the figure of J. Haider on the political arena. On the one hand, she writes, the question of national

---

²⁹⁶ Reifenrath I. AfD lobt Anti-Corona-Demonstranten [Electronic resource] // Tagesschau. ARD-aktuell. 04.08.2020. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/corona-demos-afd-101.html>

²⁹⁷ Maskenpflicht im Bundestag ist rechtens [Electronic resource] // ZDF. 20.11.2020. URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/corona-bundestag-maskenpflicht-100.html>

²⁹⁸ Bundesparteitag in Dresden beschließt Corona-Resolution [Electronic resource] // AfD. 10.04.2021. URL: <https://www.afd.de/bundesparteitag-in-dresden-beschliesst-corona-resolution/>

²⁹⁹ Geden O. Diskursstrategien im Rechtspopulismus. Freiheitliche Partei Österreichs und Schweizerische Volkspartei zwischen Opposition und Regierungsbeteiligung. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. S. 64

³⁰⁰ Betz H.-G. The Two Faces of Radical Right-Wing Populism // Review of Politics. 1993. 55 (4). P. 667

³⁰¹ Geden O. Ibidem

identification has not been discussed. In the postwar period, the allies imposed the role of collective victims of Hitler's policy on Austrians; the denazification was quickly curtailed. On the other hand, J. Haider became the mouthpiece of collective dissatisfaction with the two mainstream parties (which elaborated corruption schemes). According to Williams, Haider was able to create an image of a spokesman for popular aspirations while the main parties refused to listen to them.³⁰²

Researchers have often referred to the activities of the FPÖ led by Haider as “postmodern politics”, where the term “postmodernism” is associated with the eclecticism of programs, blurring of ideological boundaries and the performativity of party practices.³⁰³ Indeed, the FPÖ rhetoric remains mosaic in its nature and is characterized by high flexibility. In some periods, the party sought to distance itself from direct associations with National Socialism; in others its leaders praised SS veterans³⁰⁴ and suggested to normalize the word "NAZI" as the acronym “new, attractive, purposeful, proactive”. Such slogans, obviously, helped to keep the ultra-right groups, i. e. those of the right, whose radical slogans could not be accepted in the official political field, in the sphere of party’s influence. Other protest forces were attracted by the FPÖ by using aggressive anti-elite rhetoric (thus, the party called the government of the SPÖ and the ÖVP “a red-black leech” and European bureaucrats “the self-proclaimed executioners of Europe”).³⁰⁵

In 1999, after having overtaken the ÖVP by several hundred votes, the FPÖ for the first time became the second political force in the country and a part of the "black and blue" government. According to A. Pelinka, most of the voters who cast their votes for the ÖVP in 1999, had no higher education, rarely attended church, and did not belong to a trade union.³⁰⁶ This picture fits the R. Stöss’s theory. The latter, based on the West German data, argued that people who do not belong to large social associations (trade union, church, etc.) are more inclined to vote for right-wing populists.³⁰⁷ In general, A. Pelinka believes that the FPÖ formulated the “we-identity” in such a way as to absorb both the right and the left protest. On the one hand, their slogans were directed against inequality and the

---

³⁰² Williams M.H. *The Impact of Radical Right-Wing Parties in West European Democracies*. NY: Palgrave Macmillan, 2006. P. 154-155

³⁰³ Preglau M. *Umbruch der politischen Kultur in Österreich: von der schwarz-blau/orange Wende 2000 über das rot-schwarze Interregnum 2006-2017 zu Schwarz/Türkis-Blau 2.0* [Electronic resource] // Universität Innsbruck. 2018. URL: https://www.uibk.ac.at/soziologie/dokumente/pdf/mitarbeiter/team/info_fpo_preglau_max.pdf S. 6-8

³⁰⁴ Hainsworth P. *The Extreme Right in Western Europe*. Routledge, 2008. P. 15

³⁰⁵ Preglau M. *Ibidem*. S. 11-12

³⁰⁶ Pelinka A. *Die FPÖ im internationalen Vergleich. Zwischen Rechtspopulismus, Deutschnationalismus und Österreich-Patriotismus* // *Conflict & Communication*. 2002. 1 (1). S. 9

³⁰⁷ Stöss R. *Ibidem*. S. 76

monopolization of political and economic power by representatives of the mainstream parties. On the other hand, inequality was normalized by the FPÖ through the discursive exclusion of immigrants.³⁰⁸

The electoral success of the FPÖ in 1999 provoked a harsh reaction from the European Union. In late January 2000 (i. e. soon after the failure of the ÖVP and SPÖ negotiations on the establishment of a coalition government)¹⁴ EU countries announced that they would not maintain bilateral contacts with the Austrian government if the FPÖ becomes a ruling party. After a coalition agreement between the FPÖ and the ÖVP was nevertheless concluded, the latter faced a boycott from other European conservative parties. However, already in September 2000 it was clear: sanctions were perceived by Austrians as pressure on the country as a whole, and not as measures against the FPÖ, which only contributed to the growth of anti-European sentiments.³⁰⁹

In 2002, the FPÖ faced a series of internal conflicts. J. Haider's visit to Iraq and the meeting of the politician with Saddam Hussein there turned into a scandal. At that time, J. Haider formally resigned from the leadership of the party, but in fact remained one of the key figures of the FPÖ. Later, internal conflicts arose over cooperation with other European right-wingers (J. Haider strongly supported the project, but S. Riess-Passer who replaced him at the head of the party did not), as well as the tax reform. The misunderstandings reached their peak during a party meeting in Knittelfeld on September 7, 2002. The next day, several major FPÖ politicians, led by Vice-Chancellor Riess-Passer, resigned. In the elections that followed in November, the FPÖ faced a significantly worse result: after receiving 26.9% in 1999, its electoral support fell to 10%.³¹⁰

Despite the defeat, the FPÖ managed to return to the ruling coalition in February 2003. However, the agreement reached with the ÖVP did not meet unanimous support in the party, which could not choose between two options: becoming a «regular» mainstream party or returning to the status of fight-to-death opposition. In 2005, the internal split reached its peak: several major FPÖ figures, led by J. Haider, left the party to found the “Alliance for the Future of Austria”. As a result, all the FPÖ members of the government and most of the FPÖ members of parliament changed their party affiliation – the

---

³⁰⁸ Pelinka A. Die FPÖ in der vergleichenden Parteienforschung: zur typologischen Einordnung der Freiheitlichen Partei Österreichs // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2002. 31(3). S. 285

³⁰⁹ van der Bellen A. Die Torheit der Regierenden: Die EU-Sanktionen und ihr Ende [Electronic resource] // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2000. 2001. URL: http://www.jahrbuch-politik.at/wp-content/uploads/Alexander-van-der-Bellen_Die-Torheit-der-Regierenden-oder-die-sanktionsbewehrte-Causa-Austria-als-Akt-EUropa%CC%88ischer-Verblendung.pdf S. 456-457; 469-470

³¹⁰ Hämmerle W. Jahreschronik 2002 // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2002. 2003. S. 577-582

«blues» automatically lost their status of one of the ruling parties and returned to their traditional anti-elite course.³¹¹

The following years, the fight against Islamization became one of the central topics for the FPÖ. In 2006, the party initiated an unsuccessful collection of signatures against Turkey's admission to the EU. In the economic part of the program, the FPÖ was straying from purely neoliberal rhetoric; along with calls for tax reduction and the decrease in the state involvement in the economy, they mentioned the need to preserve the welfare state in Austria. Unemployed immigrants were naturally declared to be one of the main threats to the latter.³¹² One should also mention the position of the FPÖ in relation to European integration. Thus, MP R. Bösch said the following: “The point is that the conclusion of state treaties should go through a referendum procedure every time, if the document significantly changes the contractual basis of the EU <...> If there is no proximity to citizens in this field, the European project will fail”.³¹³

It should be noted that the period of the late 2000s was marked by some deviation of mainstream parties from pro-European positions. The thesis that the future EU treaties should be generally approved at referendums were voiced not only by the FPÖ, but also by the SPÖ, which at that time was part of the ruling coalition. Fears of illegal immigration were growing: the Austrian Minister of the Interior, representing the FPÖ, criticized the idea of issuing "blue cards" to highly qualified specialists, because it could open the way for "immigration through the back door." Austria also took special measures to protect the borders after the neighboring states joined the Schengen area, which was regarded as a "violation of the Schengen agreements", for instance, by the Czech Republic. Finally, the Austrian government supported taking additional security measures to resist the terrorist threat. The main parties (primarily the SPÖ) were also involved in the discussion about the role of Islam in Austrian society, advocating, among other things, prohibiting burqas in public places, limiting Islamic immigration and the construction of mosques.³¹⁴

The regional elections of 2008 showed the general shift of Austria to the right: while the ÖVP, the FPÖ and the “Alliance for the Future of Austria” were gaining votes, the Social Democrats lost

---

³¹¹ Hämmerle W. Die Spaltung der FPÖ: Annus horribilis für das freiheitliche Lager // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2005. 2006. S. 241-246

³¹² Meret S. The Danish People's Party, the Italian Northern League and the Austrian Freedom Party in a Comparative Perspective: Party Ideology and Electoral Support. Aalborg: Institut for Historie, Internationale Studier og Samfundsforhold, Aalborg Universitet. 2010. P. 188-191

³¹³ Nationalrat, XXIII. 72. Sitzung. 24.09.2008 [Electronic resource] // Republik Österreich. Parlament. 2008. URL: https://www.parlament.gv.at/pd/stvorwww/XXIII/NRSITZ/NRSITZ_00072/B_-_01_38_07_Abgeordneter_Dr_Reinhard_Eugen_Bosch_FPO_.pdf

³¹⁴ Preglau M. Ibidem. S. 281-287

electoral support.³¹⁵ The FPÖ and the “Alliance for Freedom of Austria” received 17.5% and 10.7% of the votes in the 2008 federal elections, becoming the third and fourth parties in the country, respectively. Both traditional parties, including the right-wing ÖVP, received fewer votes than in previous elections.³¹⁶ During the 2010 presidential elections the FPÖ showed a fairly low result (15.2% of votes against 79.3% received by the winner); however, party’s candidate B. Rosenkranz became one of the main newsmakers of the campaign, after he called to terminate the Law on the Prohibition of National Socialism as contracting to the freedom of conscience.³¹⁷

In 2016 the FPÖ achieved the most impressive result in the presidential elections, when the far-right candidate N. Hofer received 35.1% of the votes in the first round, while A. van der Bellen, his main rival representing the Greens won only 21.3%. The situation changed in the second round: van der Bellen managed to secure the presidency with a small margin. The crucial clash between the "free" and the "green" in the presidential elections became a fundamentally new phenomenon for the political landscape of Austria. According to polls, the FPÖ was seriously ahead of the main parties already in the fall of 2015. F. Plasser and F. Sommer claim that the erosion of traditional party loyalty was one of the main reasons which predetermined this result. According to them, only a third of Austrian voters felt connected to a particular party. At the same time, Plasser and Sommer believe the electoral core of the opposition parties to be more consolidated; moreover, the latter have additional chances to appeal to non-party groups. Finally, the authors mention a general disillusionment of voters with parties and politicians as actors effectively solving social problems, which makes the situation conducive to the flourishing of populist forces.³¹⁸

In December 2017, the ÖVP and the FPÖ announced the establishment of the "black and blue" coalition. H.-C. Strache got the post of vice-chancellor, while young representative of the "People's Party" S. Kurtz became the chancellor. The first year of the coalition's rule was relatively calm: the Austrian press noted the desire of the coalition partners not to keep internal contradictions concealed. At the same time, a fear of possible shift to the right in the rhetoric of moderate conservatives grew in

---

³¹⁵ Ibidem. S. 302

³¹⁶ Nationalratswahl 2008 [Electronic resource] // Bundesministerium für Inneres. 2008. URL: https://www.bmi.gv.at/412/Nationalratswahlen/Nationalratswahl_2008/

³¹⁷ Rosenkranz für Aufhebung von NS-Verbotsgesetz [Electronic resource] // Die Presse. 2010. URL: <https://diepresse.com/home/politik/hofburgwahl/543760/Rosenkranz-fuer-Aufhebung-von-NSVerbotsgesetz>

³¹⁸ Plasser F., Sommer F. Bundespräsidentenwahlen 2016: Politische Einstellungen und Motive der Wähler, regionale Trends und Wählerströme // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2016. 2017. S. 3-6

Austrian society.³¹⁹ Thus, people were worried by the refusal of the government to sign the UN migration pact in 2018.³²⁰

A few months later the situation changed dramatically. In May 2019, German mass media published a video filmed in 2017, which shows vice-chancellor H.-C. Strache discussing financial support of the FPÖ with some rich Russian woman. Among other things, the acquisition of daily newspaper *Kronen Zeitung* is mentioned – it was supposed to turn it into a loyal media that supports the "Freedom Party of Austria" and provides it with additional votes. "We want to create such a media landscape, as the one created by Orbán", said H.-C. Strache, according to German media. The press interpreted the statement as a sign that the FPÖ was seeking to restrict freedom of journalism.³²¹

However, the potential future restrictions on mass media were not the only reason of why Strache was criticized. The video shows a plan according to which Russian donations in favor of the FPÖ should have been sent to a commercial organization. Such an approach would have helped the FPÖ bypass the law on party financing. During the conversation, Strache mentioned that a similar plan had already been used before.³²² In gratitude for the support Strache promised to provide his interlocutor's companies with access to governmental contracts, *Der Spiegel* claimed.³²³ It should be noted, however, that the video distributed on the Internet only contains excerpts from Strache's statements, which make it difficult to contextualize them. According to *Süddeutsche Zeitung*, only the most important part of the six-hour recording was made publicly available³²⁴. Following the scandal, H.-C. Strache announced his resignation; the head of the FPÖ fraction in *Nationalrat* J. Gudenus made the same statement some time later.³²⁵ The party decided to exclude H.-C. Strache, who used to be its leader for 14 years. As a response, a number of Strache's supporters left the party to found their own "Alliance for Austria".³²⁶ In the

---

³¹⁹ „Der öffentliche Diskurs ist nach rechts gerückt [Electronic resource] // Deutschlandfunk Kultur. 2018. URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/ein-jahr-schwarz-blaue-regierung-in-oesterreich-der.1008.de.html?dram:article_id=436248

³²⁰ Nach Nein zu Migrationspakt: Österreich will UNO-Flüchtlingspakt zustimmen [Electronic resource] // Kurier. 2018. URL: <https://kurier.at/politik/inland/nach-nein-zu-migrationspakt-oesterreich-will-uno-fluechtlingspakt-zustimmen/400340599>

³²¹ Wir wollen eine Medienlandschaft ähnlich wie der Orbán aufbauen [Electronic resource] // Süddeutsche Zeitung. 2019. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/strache-video-aussagen-1.4449588>

³²² FPÖ-Chef stellte gegen Wahlkampfhilfe Staatsaufträge in Aussicht [Electronic resource] // Spiegel Online. 2019. URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/heinz-christian-strache-geheim-videos-belasten-fpoe-chef-a-1268059.html>

³²³ Ibidem

³²⁴ Obermayer B., Obermaier F. Könnt ihr nicht das ganze Material veröffentlichen? [Electronic resource] // Süddeutsche Zeitung. 2019. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/strache-videos-recherche-leserfragen-1.4455611>

³²⁵ Strache tritt zurück – gibt es jetzt Neuwahlen? [Electronic resource] // Tagesschau. 2019. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/strache-ruecktritt-101.html>

³²⁶ Heinz-Christian Strache aus FPÖ ausgeschlossen [Electronic resource] // Zeit Online. 2019. URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2019-12/christian-strache-fpoe-oesterreich-ibiza-video-ausschluss>

elections that followed the collapse of the coalition, the FPÖ lost 9.9% of the votes, but retained the status of the country's third party.³²⁷

Similarly to their German colleagues, in 2020 the “Freedom Party of Austria” quickly came up with the thesis about the government's inability to prepare for a pandemic. Ironically, the words of the right-wing populists about the unpreparedness of the health care system turned out to be closer to the truth than the soothing statements of the mainstream parties; moreover, the requirements of the FPÖ (introduction of controls at airports, closure of borders) often anticipated the real steps of the authorities.³²⁸ However, the initial demands for tough measures to struggle the coronavirus was by no means a reflection of FPÖ’s strategic position. The right-wing populists criticized the decision to impose restrictions on business and citizens: in May 2020, head of the FPÖ N. Hofer, accused the country's leadership of “propaganda of fear” and compared coronavirus to influenza, which poses no threat to more than 80% of the population.³²⁹

Although (similarly to German right-wing populists) FPÖ publicly stated that coronavirus restrictions violate basic human rights^{330,331}, this thesis cannot be called the basic element of their rhetoric. Unlike their German colleagues, who have no real management experience, the Freedom Party of Austria emphasizes the absence of dialogue not between the people and the country's leadership, but within the political elites. Pointing to the lack of transparency in the data used by the ruling parties when making decisions, the FPÖ hints³³², that the establishment of a coalition government (with the participation of the “Freedom Party” itself) could solve the problem.

3.3 Comparative analysis of development trajectories of Austrian Freedom Party and Alternative for Germany

Since the anti-European and anti-immigrant rhetoric of the AfD and the FPÖ sounds quite similar, their general perception does have some similarities, too. However, an analysis of the trajectories

---

³²⁷ Alle Zahlen und Grafiken zur Österreich-Wahl im Überblick [Electronic resource] // Welt. 2019. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article199784328/Oesterreich-Wahl-Alle-Parteien-Zahlen-Grafiken-FPOe-abgestraft.html>

³²⁸ Die FPÖ und das Coronavirus: Einsamer Mahner oder Panikmacher? [Electronic resource] // Der Standard. 2020. URL: <https://www.derstandard.at/story/2000116073365/die-fpoe-und-das-coronavirus-einsamer-mahner-oder-panikmacher>

³²⁹ Corona für FPÖ-Hofer nur "ein Grippevirus", das großteils "nicht gefährlich" sei [Electronic resource] // Kurier. 2020. URL: <https://kurier.at/politik/inland/corona-fuer-fpoe-hofer-nur-ein-grippevirus-das-grossteils-nicht-gefaehrlich-sei/400840742>

³³⁰ LABg. Wall: „Beschränkte Freiheitsrechte während Corona-Krise auch für Volksanwaltschaft problematisch“ [Electronic resource] // FPÖ Landtagsklub Oberösterreich. 2021. URL: <https://www.fpoe-ltklub-ooe.at/labg-wall-beschaenkte-freiheitsrechte-waehrend-corona-krise-auch-fuer-volksanwaltschaft-problematisch/>

³³¹ „Schwarz-Grün greift unsere Grundrechte an!“ – Herbert Kickl über die Corona-Demo-Untersagung [Video] // FPÖ TV. YouTube. 2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=M8IyAqz4-BY>

³³² Corona-Maßnahmen: FPÖ will Allparteienregierung [Electronic resource] // Die Presse. 2020. URL: <https://www.diepresse.com/5884680/corona-massnahmen-fpo-will-allparteienregierung>

of the two German-speaking parties reveals many differences.³³³ Unlike their German counterparts, the FPÖ belongs to the “old parties” and although its positions might be perceived as more radical than those of the classical right-wing conservatives, the Austrian political system has fully accepted it as its integral part. Even in a situation where the slogans of the FPÖ are criticized by a certain part of the electorate for being anti-democratic, broad masses of the Austrian population support the party in the elections. Contrary to its image of an “anti-elite force”, the FPÖ has real experience of joining the government. As the rhetoric of the party during the coronavirus crisis demonstrates, the FPÖ seeks not only to accumulate the voices of disillusioned citizens, but to convert them into real political advantages for themselves.

The “Alternative for Germany”, on the contrary, still has a marginal status in the German political system. As the situation around the election of T. Kemmerich as Prime Minister of Thuringia demonstrated, the system is not ready to normalize the AfD's status and punishes any behavior that runs counter to the chosen strategy. Meanwhile, the AfD is showing its desire to move towards moderate electorate, even if it is necessary to cut off a part of the radical electorate from itself, as the attempts to smooth the situation with “the Wing” demonstrates. As we will discuss further, the “shift to the center” is also inherent in the FPÖ policy; the exclusion of H.-C. Strache can be interpreted as corroborating this thesis. At the same time, the actions taken by the party after the Ibiza scandal were aimed at saving its reputation by any means – and therefore, should not be placed above other observations.

Finally, an analysis of the two trajectories demonstrates the stability of the phenomenon of right-wing populism and its endogenous nature in relation to the respective political systems. In the Federal Republic of Germany, as well as in Austria, the first right-wing radical parties with anti-elite rhetoric founded in the postwar period as an instrument for adapting former National Socialists to new conditions. Despite the constant scrutiny from the authorities, largely caused by the “staff exchange” between the right-wing radical forces of the street and more moderate party forces, the parties had never disappeared from the political arena and demonstrated success in the periods when the major parties took similar positions on controversial issues or simply ignored them (here one should mention the growing popularity of the German “Republicans” who raised the topic of Turkish immigration in 1989, as well as the success of the FPÖ after the SPÖ and the ÖVP reached a pro-European consensus in 1999).

At the same time, as the examples of the German right-wing show, from time to time, some protest parties are replaced by others, which receive an additional advantage from being outsiders for the respective political system. Nevertheless, some “old” parties manage to keep an image of opposition

---

³³³ For more details see: Strakevich A. A. «Stary`e» i «Novy`e» pravyye populisty` V Zapadnoj Evrope (na primere «Al`ternativy` dlya Germanii» i «Avstrijskoj Partii Svobody`») / Rossiya i sovremenny`j mir. 2019. №2(103). P. 126-140

for many years, which, however, does not prevent new protest parties from being founded. Furthermore, right-wing populists often find themselves in a situation of split, which is usually a direct consequence of their "patchwork" structure: heterogeneous forces united by a protest idea tend to disagree on individual issues; more radical groups collide with moderates. Finally, conflicts sometimes arise around charismatic figures who play leading roles in parties. After leaving their positions in the "big" right-wing populist parties due to various circumstances, charismatic leaders often try to found their own small protest parties (as it happened with F. Petry and H.-C. Strache), but rarely achieve significant success.

4. Prospects of cooperation of German and Austrian right-wing populists

When choosing constructivism as the theoretical basis of this study, we assume that not only the alliances established by parties and the agreements they reach have real political weight, but also the values that they put into their actions. In the previous part, we made an attempt to outline the internal political trajectories of the Alternative for Germany and the Freedom Party of Austria, identifying several formal criteria that are significant for comparison. This section is intended to add the foreign policy component of the parties' activities. Therefore, we focus on cross-border strategies of parties articulated by their leadership. Furthermore, implicit representations of "friends" and "aliens" are mapped, which makes it possible to make predictions about the outcome of future interactions.

4.1 German and Austrian right-wing populists: mutual perception and attitude towards cross-border cooperation

Alternative for Germany perceives cooperation with foreign parties in a controversial and multi-layered way. In 2016 (i.e. even before the exclusion of AfD by the traditional parties of Germany became apparent) A. Gauland told the journalists of pro-party paper *Junge Freiheit*: “[We must] be wary of friendship with other parties. It might quickly with a culture of intervention [...]. We can establish contacts with states, but not with their individual representatives, whose departure from the political scene may call into question the relations in general”.³³⁴ Thus, cooperation with forces opposing their governments was claimed to contradict the privileged role of the state as an actor in world politics.

Meanwhile, already in 2017 AfD invites representatives of right-wing populist forces to Koblenz. Members of such parties as the French National Front, the Dutch Freedom Party and the Italian North League participated in the conference under the slogan of "Freedom for Europe". According to the point of view expressed by the journalists of the Saxon regional paper *Sächsische Zeitung*, one should especially mention that H.-C. Strache was not invited. The journalists suggested that by inviting M. Le Pen and G. Wilders to Koblenz, F. Petry tried to seize the initiative from more radical party members who sought to strengthen cross-border contacts with like-minded politicians.³³⁵ This version is supported by a later interview with F. Petri, in which the politician comments on her decision to leave AfD: “We do not want Höcke and his people to meet with politicians like Hans-Christian Strache from the Freedom Party of Austria or Marine Le Pen from the "National Front" and then use these connections as an

---

³³⁴ Gauland A. Die Tücken der bilateralen Parteibeziehungen [Electronic resource] // *Junge Freiheit*. 2016. URL: <https://jungefreiheit.de/debatte/kommentar/2016/die-tuecken-der-bilateralen-parteebeziehungen/>

³³⁵ Alexe T. Warum Petry weg von der AfD will [Electronic resource] // *Sächsische Zeitung*. 2017. URL: <https://www.saechsische.de/warum-frauke-petry-weg-von-der-afd-will-3782238.html>

instrument of internal power struggles”.³³⁶ However, the position of the "Alternative" in relation to the French "National Front" remains unclear within this theory.

What are the reasons behind the AfD's ambiguous perception of this Austrian colleagues? We believe that the personality of H.-C. Strache has remained the most significant irritating factor in bilateral relations for a long time. The latter demonstrated a paternalistic approach to the young German party. The contrast between the behavior of individual FPÖ members seems especially stunning when one compares the bilateral meeting of parties in Dusseldorf in February 2016 and the speech of Austrian politicians at the AfD congress in Osterhofen in March 2017. In the first case, the FPÖ was represented by H. Vilimsky who emphasized the idea of non-interference in each other's affairs. Both M. Pretzel, speaking on behalf of the AfD, and H. Vilimsky mainly concentrated on the problems of their own countries, as well as of Europe as a whole. The participants criticized euro as a tool suppressing weaker EU economies and claimed that integration processes should only take place within a narrow circle of northern European countries, whose socio-economic development is at similar levels. The internal policy of the other side, on the contrary, remained a taboo.³³⁷ However, just a year later during a meeting in Osterhofen H.-C. Strache explicitly accused A. Merkel of “betraying her own people” and pursuing a “destructive policy”.³³⁸

When mentioning the problems faced by Germany and Austria, H.-C. Strache does not formulate a general strategy of interaction, but rather rhetorically rises above the situation, assessing both the state of the German politics and the actions of the AfD: “We have come through this [...]. A party like yours, which provides an answer to the anxieties, needs, problems of people, which has the courage to explicitly discuss problems and needs of people – yes, you are dangerous for the system. This system has no self-reflection, it is ready to use all the instruments, including anti-democratic ones to suppress you. But the citizens understand this”.³³⁹ The paternalism of H.-C. Strache’s words becomes obvious when we compare them with another speech, namely, a speech of the politician at one of a joint conference with the French National Front. “We are the only true Europeans advocating the values that have made our continent great and significant. [...] We are all pursuing a common goal, namely, to protect the

---

³³⁶ Petry: Meuthen vom Höcke-Flügel der AfD abhängig [Electronic resource] // Merkur.de. 2018. URL: <https://www.merkur.de/politik/petry-meuthen-vom-hoecke-fluegel-afd-abhaengig-zr-9489380.html>

³³⁷ Die Blaue Allianz. Startschuss der Zusammenarbeit von AfD und FPÖ [Electronic resource] // Alternative für Deutschland. Landesverband Bayern. 2016. URL: <https://www.afdbayern.de/die-blaue-allianz-startschuss-der-zusammenarbeit-von-afd-und-fpoe/>

³³⁸ Politischer Aschermittwoch: Frauke Petry und Heinz-Christian Strache am 01.03.2017 [Video] // Youtube. 2017. URL: https://www.youtube.com/watch?v=vbvX-QbE_aU

³³⁹ HC Strache: «Europäische Visionen - Visionen für Europa» [Video] // Facebook. 2016. Режим доступа : <https://www.facebook.com/HCStrache/videos/10153631178928591/UzpfSTc0ODY1MDM4NTkwOjEwMTUzNjMyODkwOTAzNTkx/>

historically formed identities of European nations, which are threatened by both uncontrolled immigration from culturally alien regions and globalization following the American model”,³⁴⁰ the chairman of FPÖ said. Thus, AfD is seen by H.-C. Strache as a student hoping to repeat the success of FPÖ, while the National Front is recognized as an equal political force, waging a common struggle with the Austrian party.

A certain part of the AfD elite is ready to take on the role of students offered by FPÖ and this action clearly reflects the traditional patterns of interaction between the Austrian and German right-wingers. Back in 2000, German *ZDF* published an article revealing the numerous contacts of FPÖ with German right-wing radical forces. Since the mid-1990s German "Republicans" willingly invited the most prominent FPÖ politicians to internal events. *ZDF* journalists assess the visits of J. Haider and A. Mölzer as an attempt to spur radicalism in German politics; the split in the ranks of the Stuttgart branch of FDP is also associated with Austrian influence. Inspired presumably by J. Haider's speeches, in 1994 the so-called "Cannstatt Circle" broke away from the party. After losing contact with the "Free Democrats", the representatives of the "circle" sought support among the right-wing radicals and established links with the NDPD, "Republicans" and the "German People's Union".³⁴¹ It is noteworthy that some observers (for instance, G. Braunthal) view the contacts of the German right with J. Haider as an attempt to get closer to the moderate voter: despite Haider's personal radicalism, FPÖ, unlike the German extreme right, was by no means a marginal political force.³⁴²

Similar motives facilitated contacts between the German and Austrian Right two decades later. On a visit to Vienna in 2017, A. Gauland said in an interview to FPÖ's own channel: the Austrian party is seen by the Alternative for Germany as a model, whose success AfD wishes to repeat in German politics.³⁴³ The Ibiza affair around H.-C. Strache undermined the positions of FPÖ within Austria. "You can learn from them how to overcome difficult times", A. Gauland said at a press conference in January 2020. The second idea expressed the same day is even more untypical for the German politics: "For us

---

³⁴⁰ HC Strache beim Front National: «Wir sind die einzigen echten Europäer!» [Video] // FPÖ TV. – 2014. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=8iebYT_dT3k

³⁴¹ Haider und die Rechtsradikalen *ZDF*-Bericht über Haider [Electronic resource] // Dokumentationsarchiv des österreichischen Widerstandes. 2000. URL: <https://www.doew.at/erkennen/rechtsextremismus/rechtsextremismus-in-oesterreich/archiv-fpoe-bis-2004/haider-und-die-rechtsradikalen>

³⁴² Braunthal G. *Right-Wing Extremism in Contemporary Germany*. Springer, 2009. P. 45

³⁴³ Die AfD (Alternative für Deutschland) zu Gast bei HC Strache und der FPÖ [Video] // FPÖ TV. 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4LWsZJ3vyqI>

Germans, Austria is the country with which we cooperate closer than with others, since we are culturally, politically and linguistically united".³⁴⁴

Both the AfD and the FPÖ hardly ever use their *Twitter* accounts to talk about each other, however they sometimes exchange on Facebook. In 2016–2017 the "Freedom Party of Austria" actively praised its colleagues "who are on the right track", mentioned the meeting in Koblenz, published interviews with representatives of "Alternative" and even declared the deeper cooperation and synchronization of actions in certain areas – e. g. the cancellation anti-Russian sanctions – are needed. In 2018–2019 the AfD was practically not mentioned by FPÖ on Facebook, but in 2020 the FPÖ commented on the AfD's internal political steps and criticized the refusal of the German political system to integrate the party. In turn, the AfD regularly sent congratulations to the Austrian right following their successes (impressive election results, success in promoting anti-immigration rhetoric in Austria, etc.). The AfD gave little coverage of inter-party events and did not state the need to anyhow deepen the cooperation with the FPÖ. The AfD publications are not talking about joining efforts on any issues: even when praising the FPÖ's internal policy, the Alternative never uses the word "example" to refer to their Austrian colleagues.

Despite this coldness, in January 2020, a curious fact from the biography of the AfD and the FPÖ becomes public: according to data published by *Die Presse*, many former FPÖ employees were hired by the German AfD after the collapse of the Austrian government in 2019. However, such a staff turnover was not a result of a planned AfD policy but rather a coincidence, which was viewed by the party as a great success taking into consideration its difficulties in attracting personnel.³⁴⁵ None of the parties commented on this fact in their official statements. Nevertheless, the very fact of rapprochement with the AfD caused a debate within the FPÖ: for instance, the head of one of the regional branches of the party, K. Bitschi, recommended that his colleagues focus on internal tasks instead of establishing contacts with foreign parties.³⁴⁶

However, within the Freedom Party of Austria, K. Bitschi's approach is rather an exception. Unlike their German counterparts, the FPÖ has historically initiated contacts with foreign parties. The first FPÖ's attempt to direct multilateral contacts of the European Right dates back to November 2005,

---

³⁴⁴ Kamann M. Was die AfD von der FPÖ lernen will [Electronic resource] // Welt. 2020. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article205423351/Gauland-Weidel-und-Kickl-Was-die-AfD-von-der-FPOe-lernen-will.html>

³⁴⁵ Ehemalige FPÖ-Mitarbeiter sollen nun bei der AfD arbeiten [Electronic resource] // Wiener Zeitung. 2020. URL: <https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/politik/oesterreich/2047694-Ehemalige-FPOe-Mitarbeiter-sollen-nun-bei-der-AfD-arbeiten.html>

³⁴⁶ FPÖ-Landeschef kritisiert Kickls AfD-Besuch [Electronic resource] // Kronen Zeitung. 2020. URL: <https://www.krone.at/2088717>

when the party's leadership invited representatives of the “patriotic forces” of France, Italy, Spain, Belgium, but also Bulgaria, which was just preparing to join the EU, to a forum in Vienna. During this meeting the parties decided to establish a contact group with headquarters in Vienna, designed to pave the way for future cooperation within the European Parliament.³⁴⁷ Furthermore, the parties signed the so-called Vienna Declaration. "Since the European values are jeopardized by globalization, mass immigration and the political correctness", the signatories demand "the transfer to Europe of free and independent nations". They claimed that non-European regions of Asia and Africa (including Turkey) should not participate in integration processes, since they are culturally, religiously and ethnically alien to Europe. Furthermore, they called to protect Europe from terrorism, Islamism and “economic aggression launched by countries with low wages”.³⁴⁸

In case of its further successful development, the project of the "Freedom Party of Austria" could have become a counterbalance to the efforts of the French Right. The latter have tried to establish a dialogue with forces that cannot imagine, using the words of Charles de Gaulle, "another Europe, except for the Europe of states", since the 1980s. At various times, along with the National Front, the German Republicans, the Italian Lombard League, and the Belgian Flemish Bloc took part in the project of "technical cooperation", however, contradictions in program guidelines of individual parties invariably led to the same outcome: the cooperation turned out to be pretentious.³⁴⁹ In 1997 J.-M. Le Pen decided to regenerate the project. The French politician went on a visit to Central European countries (Czech Republic, Slovakia, Hungary) in order to attract supporters skeptical about European supranational institutions.³⁵⁰ Despite some cooling in the relations of the right-wingers by 1999³⁵¹, a new upswing took place several years later. The 2004 European elections marked an unprecedented success of the right-wing populists: never before had such parties won so many seats in the European Parliament. The French National Front, the Flemish Bloc, the Danish People's Party, the British United Kingdom Independence Party celebrated success.³⁵² While the Freedom Party of Austria tried to establish contacts with Western European parties, the French National Front focused on its *Euronat* project, which included Central

---

³⁴⁷ Belien P. Far Right Parties in Europe Join Forces [Electronic resource] // The Brussels Journal. 2005. URL: <https://www.brusselsjournal.com/node/484>

³⁴⁸ Wiener Erklärung der europäischen patriotischen und nationalen Parteien und Bewegungen [Electronic resource] // APA-OTS. 2005. URL: https://www.ots.at/presseaussendung/OTS_20051114_OTS0051/wiener-erklaerung-der-europaeischen-patriotischen-und-nationalen-parteien-und-bewegungen

³⁴⁹ Almeida D. The Impact of European Integration on Political Parties: Beyond the Permissive Consensus. Taylor & Francis, 2012. P. 139

³⁵⁰ Vejvodová P. A Thorny Way to Find Friends: Transnational Cooperation and Network-building amongst Right-wing and National Populist Parties // Exposing the Demagogues. Right-wing and National Populist Parties in Europe. Konrad Adenauer Stiftung, 2013. P. 381

³⁵¹ von Beyme K. Rightwing Populism: An Element of Neodemocracy. Springer, 2018. P. 41

³⁵² Schulz M. Kooperationsbestrebungen rechtsextremer und rechtspopulistischer Parteien im Europa-Parlament // Strategien der extremen Rechten: Hintergründe – Analysen – Antworten / Braun S., Geisler A., Gerster M. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. P. 485

European parties. The enthusiasm of politicians was so great that they declared global cooperation as a long-term goal.³⁵³

Neither the French nor the Austrian project managed to bring any fruit. The *Euronat / Mondo-Nat* gradually developed into a "dormant" project and finally ceased to exist both online and offline by the end of the decade.³⁵⁴ The FPÖ's enthusiasm sharply reduced against the background of contradictions between the more and less radical wings within the party itself. In 2005 A. Mölzer, a member of the European Parliament from the FPÖ, decided to abstain during the voting on the resolution dedicated to the release of the prisoners of Auschwitz. During the debate, the MEP said that today's Austria should not be held responsible for the past.³⁵⁵ Soon A. Mölzer, who conflicted with the leadership of the party, was expelled from the FPÖ "for behavior that harms the party".³⁵⁶ The same year J. Haider left the FPÖ and decided to found his own "Union for the Future of Austria". Following this event, the German newspaper *Deutschlandfunk* wrote: "The borders between the Alliance for the Future of Austria and the Freedom Party of Austria do not lie along ideological lines, but between supporters of the government and Haider and its critics".³⁵⁷

The initiative of J.-M. Le Pen and A. Mussolini revived the French project in January 2007 when a group of MEPs "Identity, Tradition, Sovereignty" was established. The group included, among others, deputies from the FPÖ. However, already in November 2007, the European Parliament announced the dissolution of the group; the formal reason was its inability to keep the minimum number of members required by the EP regulations (20).³⁵⁸ "Identity, tradition, sovereignty" lost some of its supporters due to the harsh comments of A. Mussolini, who declared that "crime has become a way of life for Romanians". Following this statement, the Romanian "Greater Romania", which participated in the group of far-right parliamentarians, decided to leave the association.³⁵⁹

---

³⁵³ Zúquete J. P. The new frontlines of right-wing nationalism // *Journal of Political Ideologie*. 2015. 20 (1). P. 73-74

³⁵⁴ Zúquete J. P. Ibidem

³⁵⁵ FPÖ-Politiker bestreitet Österreichs Mitverantwortung für Holocaust [Electronic resource] // Spiegel online. 2005. URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/eklat-fpoe-politiker-bestreitet-oesterreichs-mitverantwortung-fuer-holocaust-a-338876.html>

³⁵⁶ Haiders Partei schließt rechten Europaabgeordneten aus [Electronic resource] // Spiegel Online. 2005. URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/oesterreich-haiders-partei-schliesst-rechten-europaabgeordneten-aus-a-346927.html>

³⁵⁷ Haidinger M. Von der FPÖ zum BZÖ [Electronic resource] // *Deutschlandfunk*. 2005. URL: https://www.deutschlandfunk.de/von-der-fpoe-zum-bzoe.724.de.html?dram:article_id=98149

³⁵⁸ End of the Identity, Tradition and Sovereignty political group as Romanian MEPs leave [Electronic resource] // European Parliament. 2007. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?language=en&type=IM-PRESS&reference=20071109BRI12778&secondRef=ITEM-003-en>

³⁵⁹ Mussolini's Romania Comments Split Extremist MEP Group [Electronic resource] // Spiegel Online. 2017. URL: <https://www.spiegel.de/international/europe/cat-fight-on-the-far-right-mussolini-s-romania-comments-split-extremist-mep-group-a-516407.html>

Soon the former members of the FPÖ group, NF, the Bulgarian "Attack" and the Belgian "Flemish Interest" announced their intention to continue cooperation. Taking the initiative into his own hands, the FPÖ member H.-C. Strache declared the representatives of the "patriotic parties" "the only true Europeans" and announced the upcoming negotiations on cooperation with the Dutch, Cypriot, Danish, Italian, Slovak parties. Interestingly, he mentioned the "patriotic forces" of India, but any negotiations with the German "Republicans" were declared impossible. By November 2008 H.-C. Strache promised to establish a coalition called "European Patriotic Party" uniting 10 national forces.³⁶⁰

In October 2009 the establishment of the Alliance of European National Movements (AEND) was announced in Budapest. The latter brought together representatives of the French and Belgian National Fronts, the Italian "Tricolor Flame", the Hungarian "Jobbik" and the Swedish "National Democrats". Later some delegates from Great Britain, Spain, Portugal, as well as observers from the Ukrainian "Svoboda" joined the AEND. The alliance declared to share such goals as fighting against terrorism, working on the immigration problem, as well as opposing "political, economic, financial and religious imperialism".³⁶¹ It is noteworthy that the main role in the creation of the "Alliance" is attributed to the French "National Front" and personally to B. Gollnich, who was at that time responsible for the international relations of the NF and became the head of the association. However, already in 2011, the National Front leaves the association: according to *Le Monde's* commentary, the goal of M. Le Pen, who made this decision, was to dissociate herself with the radical "friends of Gollnish".³⁶²

According to the official statements of the FPÖ, it was the "excessive radicalism" of some members of the association that prevented the Austrian party from joining the Alliance.³⁶³ Apparently, the Hungarian party Jobbik, which advocates the revision of European borders (including the borders with Austria) was meant. An interview of a young Austrian researcher M. Freissler with a representative of the party B. Tomaschicz, who at that time assisted MEP A. Mölzer, sheds some additional light on the party's decision. The FPÖ skepticism towards projects with Eastern European parties' participation, which was indirectly expressed previously, got explicitly confirmed during the interview. "The FPÖ had some doubts whether this European party would exist and how long it would last. We follow to take a

---

³⁶⁰ Pink O. Eine Stunde mit den Patrioten [Electronic resource] // Die Presse. 2008. URL: https://diepresse.com/home/ausland/eu/357847/Eine-Stunde-mit-den-Patrioten?direct=357966&_vl_backlink=/home/ausland/eu/357966/index.do

³⁶¹ Vejvodova P. Transnational Cooperation of the Far Right in the European Union and Attempts to Institutionalize Mutual Relations // *The Extreme Right in Europe: Current Trends and Perspectives* / Backes U., Moreau P. (eds.). Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2011. P. 219-220

³⁶² Stolz J., Salles A., Mestre A. Les infréquentables cousins de Grèce et de Hongrie [Electronic resource] // *Le Monde*. 2013. URL: https://www.lemonde.fr/europe/article/2013/11/14/les-infrequentables-cousins-de-grece-et-de-hongrie_3513447_3214.html

³⁶³ Strache will Jobbik nicht in neuer EU-Rechtspartei [Electronic resource] // *Der Standard*. 2011. URL: <https://www.derstandard.at/story/1308680071418/eu-strache-will-jobbik-nicht-in-neuer-eu-rechtspartei>

wait-and-see strategy, to observe, leaving other possibilities open for ourselves, if we have some. <...> Furthermore – and this applies mainly to the Eastern European landscape – parties quickly arise again and again, demonstrating electoral successes and disappearing in a couple of years", B. Tomaszczak said.³⁶⁴

The withdrawal of the National Front from the Alliance opened the way for a new project with the participation of the Austrian right: in 2010 the European Alliance for Freedom (EAF) was established, which claimed to become a European political party. When entering the union, the parties declared the goal "to move beyond the political dichotomy of left / right"³⁶⁵, to fight against any tendency "leading to the establishment of a European superstate, and <...> the manifestation of totalitarian characteristics in the political development of the European Union". The Alliance unanimously refused to recognize that such community as a "single European people" exists and promised "to provide the peoples and nations of Europe with the opportunity to strengthen their own historical characteristics and traditions, religious and cultural values." The EAF was headed by the representative of the "Freedom Party of Austria" F. Obermayr.³⁶⁶

However, already in 2013, the French National Front came up with its own initiative of cooperation: M. Le Pen and G. Wilders, representing the Dutch Freedom Party, agreed to form a coalition in the European Parliament. Previously refraining from active cooperation with European colleagues, G. Wilders declared the need for a common struggle against the "monster from Brussels", while M. Le Pen said some general phrases about the freedom and independence which should be given back to the peoples of Europe.³⁶⁷ After the 2014 elections, which were quite successful for the right-wing populists, M. Le Pen and G. Wilders, who initiated cross-border cooperation, were able to unite representatives of the Italian North League, the Freedom Party of Austria and the Flemish Interest – however, they refused to cooperate with radical the right-wingers of Poland ("Nowa Prawica") and Lithuania ("Order and Justice"). As a result, the latter were invited by N. Farage, who represented the United Kingdom Independence Party in the EP.³⁶⁸ As a result, Le Pen and Wilders failed to fulfill the

---

³⁶⁴ Freissler M. Für ein Europa der Nationen. Zur Kooperation rechtsnationaler Parteien in der Europäischen Union unter besonderer Berücksichtigung der Freiheitlichen Partei Österreichs : Masterarbeit zur Erlangung des akademischen Grades «Master of Arts». Wien, 2011. S. 137

³⁶⁵ Riedel S. Die kulturelle Zukunft Europas: Demokratien in Zeiten globaler Umbrüche. Springer-Verlag, 2014. S. 153

³⁶⁶ Zúquete J. P. Ibidem. P. 76

³⁶⁷ Busse N. Rechtes Bündnis gegen Brüssel [Electronic resource] // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2013. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/europaeische-union/le-pen-und-wilders-rechtes-buendnis-gegen-bruessel-12662825.html>

³⁶⁸ Willsher K., Traynor I. Marine Le Pen fails to form far-right bloc in European parliament [Electronic resource] // The Guardian. 2014. URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/jun/24/marine-le-pen-fails-form-far-right-bloc-european-parliament>

EP's internal rule on the formation of a faction (at least 25 deputies from at least 7 countries) on the first try.

The opportunity to form a coalition arose only in 2015, after J. Atkinson, a former member of the United Kingdom Independence Party, broke away from a group of British Eurosceptics.³⁶⁹ The establishment of the Europe of Nations and Freedoms (ENF) faction was greeted by the national delegations. Thus, H. Vilimsky, the head of the FPÖ delegation to the European Parliament, said that the establishment of the ENF "laid the foundation for a politically coherent Eurosceptic group capable of being a strong opposition to the European elites".³⁷⁰ However, Vilimsky's words about the coherence of Eurosceptic voices were hardly true. The parties had different approaches to individual problems, but even more important are the sentiments that prompted certain forces to join the faction. An illustrative example is M. Pretzell, who represented AfD: after the "Alliance of European Conservatives and Reformists" expelled the deputy for racist statements, A. Gauland recommended M. Pretzell to join the "Europe of Nations and Freedoms" for tactical reasons *until a more suitable option arises*.³⁷¹

Trying to find an answer to the question of why the ENF was established during this period, researchers D. McDonnell and A. Werner, who study the interaction of the extreme right in the European Parliament, conducted a series of interviews with respective MEP and their consultants. According to their conclusions, the key factor that contributed to the unification of the extreme right has to deal with the personal ambitions of the leadership of individual parties (M. Le Pen, M. Salvini and G. Wilders), as well as their ability to implement such projects without facing serious internal opposition. According to former MEP from A. Mölzer (FPÖ), they regarded the union as an attempt to overcome the "mutual marginalization of the marginalized". At the same time, most of the interviewees followed the pattern, described by D. Almeida, i. e. tried to avoid contacts that could harm the prospects of joining internal coalitions. In other words, parties that are less active in the international arena (for example, the Danish People's Party – the same category should include the Alternative for Germany, not mentioned by D. McDonnell and A. Werner), in general, have nothing against collaborating with more active colleagues (e. g. Dutch, Austrian, French or Italian right-wingers), but assess the latter not from the point of view

---

³⁶⁹ Samuel H. Marine Le Pen forms far-Right group in European Parliament [Electronic resource] // The Telegraph. 2015. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/11678565/Marine-Le-Pen-forms-far-Right-group-in-European-Parliament.html>

³⁷⁰ FPÖ gründet mit Partnern EU-Fraktion «Europa der Nationen und der Freiheit» [Electronic resource] // FPÖ. 2015. URL: <https://www.fpoe.at/artikel/fpoe-gruendet-mit-partnern-eu-fraktion-europa-der-nationen-und-der-freiheit-enf>

³⁷¹ Zu rechts für die Rechten [Electronic resource] // Deutschlandfunk. 2016. URL: https://www.deutschlandfunk.de/afd-politiker-pretzell-zu-rechts-fuer-die-rechten.2852.de.html?dram:article_id=351144

of the mutual ideological proximity, but in the context of the possible reputational costs of such cooperation.³⁷²

It is noteworthy that the analysis of the voting patterns of the ENF MEPs carried out by D. McDonnell and A. Werner demonstrates low party discipline. The greatest consistency of actions was achieved during the voting on the internal procedures of the European Parliament – which is also consistent with the conclusions of an earlier study by R. Whitaker and R. Lynch on the coherence of the behavior of Eurosceptics in the previous European parliament. In such spheres as civil rights, justice, education and culture, the faction voted synchronously only in 70% of cases.³⁷³

Five years later, after the 2019 European Parliament elections, the Alternative for Germany officially joins the faction of its Austrian colleagues. At the same time, the “Movement for a Europe of Nations and Freedoms” changes its name to “Identity and Democracy” with an easier-to-remember abbreviation ID.³⁷⁴ The party platform on the official website has also been updated: it is noteworthy that along with the regular statements on the “inadmissibility of transferring national sovereignty to supranational bodies and / or European institutions”, it contains the thesis that the group “has no connection, in the present or the past, with any an authoritarian or totalitarian project”. Such a statement can be interpreted as obvious evidence of the desire to attract non-radical voters and dissociate themselves with accusations of reviving the fascist ideology. One should also mention fact that “Identity and Democracy” excludes any reference to the preservation of European (Christian) civilization from its platform and only relies on a general phrase about maintaining the identity of the peoples of Europe.³⁷⁵

Even though the cooperation of right-wing populists remains unstable even after the factions in the European Parliament were established, the very presence of such a framework is significant. As noted above, the European rhetoric played a significant role in the establishment of the "Alternative for Germany", and also helped the "Austrian Freedom Party" reach one of the largest electoral successes in its history at the turn of the 1990s-2000s. Individual events taking place in the countries represented by the parties can increase and decrease the significance of Eurosceptic rhetoric: being more attached to protest in general than to its specific manifestations, right-wing populists sometimes prefer to concentrate on other topics, although they do not abandon their anti-European positions. Nevertheless, the ability of right-wing populists, often severely discriminated against by their national political

---

³⁷² McDonnell D., Werner A. *International populism. The radical right in the European Parliament*. Oxford University Press. 2019. P. 144-152

³⁷³ *Ibidem*. P. 164-172

³⁷⁴ We Changed Our Name [Electronic resource] // Identity and Democracy Party. 2019. URL: https://www.id-party.eu/new_name

³⁷⁵ Platform [Electronic resource] // Identity and Democracy Party. 2018. URL: <https://www.id-party.eu/platform>

systems, to establish their own coalitions in the European Parliament, allows them to “normalize” the votes of their electorate.

Furthermore, by joining coalitions in the European Parliament, right-wing populists gain experience of interaction with “related” parties that they, most likely, would not have encountered under other circumstances – which, in the words of N. Yu. Kaveshnikov, contributes to the formation of *ad hoc* coalitions and “creates opportunities for those Eurosceptics *who are open for negotiations* to influence the outcome of the legislative and political process”.³⁷⁶ Joining the same parliamentary faction does remove all the contradictions: in this sense, the example of events that followed the 2019 scandal around H.-C. Strache should be mentioned. Many right-wing populist parties in Europe were accused of being related with Russia. Defending their own reputation, such forces as the French “National Association” or the “Party of Finns” had to distance themselves from that part of the Austrian colleagues who were involved in the scandal.^{377,378} However, it did not lead to a complete break in relations. Thus, the representative of the Danish People's Party A. Vistisen said in an interview with “Netavisen Pio”: “If you need a group in the European Parliament, you unite with those whose interests at the European level you share. The specific case does not change the fact that the FPÖ is one of the leaders among the parties demanding more space and self-determination for nation states”.³⁷⁹ Thus, openness to dialogue and moderateness become valuable tools for maintaining existing coalitions.

***

Despite speaking the common language, the Austrian and German Right historically faced difficulties when trying to cooperate. While simultaneously emphasizing the priority of national interests, the parties, nevertheless, formulate their international strategies in different ways. The Freedom Party of Austria actively speaks out on topics which are not directly related to Austrian politics. The FPÖ rhetoric contains the narrative of a common struggle; ideologically close “old” parties of Western European countries are seen by the leadership of the Austrian Eurosceptics as allies rather than opponents. Since the mid-2000s the FPÖ has been trying to take the initiative in uniting the European Right but has not been able to achieve any meaningful result so far. On the one hand, the presence of two centers of gravity within the right-wing populist camp at once (namely, the French National Front /

---

³⁷⁶ Kaveshnikov N. Yu. Vliyaniye transformacii partijno-politicheskogo prostranstva Evrooyuza na organizaciyu i funkcionirovanie Evroparlamenta // *Sovremennaya Evropa*. 2020. 2. P. 173

³⁷⁷ “Le scandale Ibiza”: Strache setzt Le Pen zu [Electronic resource] // *Kurier*. 2019. URL: <https://kurier.at/politik/ausland/le-scandale-ibiza-strache-setzt-le-pen-zu/400501408>

³⁷⁸ “Hän on täysin kontrollissamme” – Itävallan skandaalivideo on vain yksi esimerkki Venäjä-kytköksistä, joita perussuomalaisten uusilla EU-liittolaisilla on [Electronic resource] // *Yle*. 2019. URL: <https://yle.fi/uutiset/3-10792198>

³⁷⁹ DF om skandaleramt østrigsk søsterparti: Ændrer ikke vores vurdering [Electronic resource] // *Netavisen Pio*. 2019. URL: <https://piopio.dk/df-om-skandaleramt-oestrigsk-soesterparti-aendrer-ikke-vores-vurdering>

National Association, and the Freedom Party of Austria itself) can be seen as a reason. The former is focused on expanding cooperation by attracting the widest geographical range of parties, while the latter is ready to cooperate with Western European forces. On the other hand, the unclarity of the permissible "degree of radicalism" both in international contacts and within individual parties becomes a problem. The excessive radicalism of the second side has historically become one of the most frequent reasons for the collapse of the existing and planned coalitions.

Being a fairly young political force, the "Alternative for Germany" is still defining its own strategy on the international arena. Similar to the Republicans who preceded it on the right-wing populist field, the AfD is more likely to be the object of strategies of other forces (accepting their financial assistance and recommendations) than to pursue an independent and active policy. In an effort to gain recognition in domestic politics, the AfD looks as the example of the FPÖ and seeks to transfer its success to German soil. On the European arena, the AfD's position is also vague: despite a significant increase in popularity within Germany, the party failed to become an independent center of gravity and has to maneuver between other centers.

4.2 Comparative analysis of political platforms

The intensive personnel exchange that took place between the "Alternative for Germany" and the "Freedom Party of Austria" after the "Ibiza affair" demonstrates that a significant part of the agreements between right-wing populists is non-public, hidden from the eyes of external observers. Nevertheless, we are convinced that it is possible to assess the potential of cooperation between the two forces and their transformation into a transnational political actor based on data from open sources. Analyzing the rhetoric of the parties on issues that have a foreign policy component (migration issues, European integration), we strive to identify the identification patterns typical for the AfD and FPÖ's leadership, as well as to assess if a transboundary community can be the addressee of their rhetoric. The data selected for analysis includes (1) official policy documents prepared by Alternative for Germany and the Freedom Party of Austria for parliamentary elections in their countries; (2) data posted by users associated with the parties on social networks; (3) shorthand records of speeches by AfD and FPÖ members in the European Parliament.

The task of mapping the political positions of the parties is solved using electronic tools for content analysis, including the specialized software *MAXQDA*, created by specialists from the German company *VERBI Software GmbH*. First released in 1989, the program allows us to explore different

types of data – from texts and images to videos and social media content.³⁸⁰ Given the heterogeneity of the analyzed data formats, this characteristic became one of the arguments in favor of choosing *MAXQDA*. Furthermore, a significant advantage of the program is its technical ability to simultaneously analyze several documents, as well as automatically compile comparative tables. We analyze documents using Lexical Search tools, as well as *MAXDictio tools* (frequency of words, keywords in context). When it comes to quantitative comparison of data on individual topics (migration issues, foreign policy), the text of the corresponding program blocks was taken out from the main file into a separate text document. To exclude irrelevant lexical units, so-called "stop lists" were used, including articles, prepositions, conjunctions, pronouns, numerals, as well as some verbs that only acquire a meaning in combination with other units (*sein* [to be], *stehen* [to stand, to be], *gehen* [to go], etc.). Finally, the text encoding tools available in *MAXQDA* were used to study the batch identification patterns. Coding is a process in which a designation ("code") is assigned to individual lexical units, phrases or larger fragments of text, which allows further mapping of texts using variables relevant for this study.³⁸¹

When processing documents of limited volume (programs, shorthand speeches of party representatives), we mainly resorted to a combination of automated and manual coding: the fragment of the text was read by the researcher then assigned one of the corresponding semantic categories: foreign policy, domestic policy, political competitors, democratic deficit, migration issues, European Union. In the case of large volumes (e. g. a pool of messages left by party representatives on social networks), coding was performed based on keywords. Having analyzed the most frequently used words and combinations, we have compiled a system of codes and keywords that refer to them. Later all found fragments with a given keyword were marked with an established code (for instance, all the fragments containing the words "suppress", "censorship", "freedom" were coded as related to the category of "democratic deficit"). A complete list of keywords and codes is presented in Appendix 1. During the subsequent analysis, information about the coincidence of encoded fragments (occurrence of codes in one document, one paragraph, etc.) was systematized using the built-in visualization tools provided by *MAXQDA*. At the same time, the greatest attention was paid to three thematic blocks with a strong foreign policy component: (1) immigration policy and policy towards refugees; (2) foreign policy and perception of integration processes in Europe; (3) party identification and threat perceptions. Despite the synonymy of the parties' approaches to certain domestic political issues, a detailed comparative analysis

---

³⁸⁰ Our Journey So Far [Electronic resource] // *MAXQDA*. URL: <https://www.maxqda.com/about>

³⁸¹ The process of coding is discussed in details, among others, by U. Kukartz. Kukartz U. Realizing Mixed-Methods Approaches with *MAXQDA* [Electronic resource] // *MAXQDA*. 2010. URL: <https://www.maxqda.de/download/MixMethMAXQDA-Nov01-2010.pdf>

of the positions of the AfD and the FPÖ in areas such as social, economic, educational policy and health care has not been carried out.

Taking into account the significant changes in the status of the parties over the past five years (the transformation of the FPÖ from a ruling party into an opposition party that has lost political points; the successful transformation of the AfD into a party represented in Bundestag, followed by its de facto boycott from centrist parties' side), we made an attempt to expand the range of analyzed programs by including the documents of different levels and time periods. Thus, the following we selected the following date: (1) the basic programs of "Alternative for Germany" issued in 2016³⁸² and 2021³⁸³, the program of the "Freedom Party of Austria" prepared for the parliamentary elections in 2017³⁸⁴, and the government program of the FPÖ and ANP for the period 2017–2022³⁸⁵ (it should be mentioned that the FPÖ issues no comprehensive program for the parliamentary elections that followed the so-called "Ibiza affair" in 2019; (2) AfD and FPÖ programs released for the 2019 European Parliament elections^{386,387}; (3) programs issued by parties for the recent regional elections, including the elections in Vienna in 2020³⁸⁸ and Baden–Württemberg in 2021³⁸⁹, respectively. When analyzing documents, published in different political contexts, we are trying to test the thesis of D. Almeida, according to which the extreme right is more likely to cooperate with each other, when they belong to opposition parties.

***

One of the outstanding features of the AfD programs is the blurred line between global and local issue. The programs prepared for the 2019 European Parliament elections and the 2021 regional elections

---

³⁸² Programm für Deutschland. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland [Electronic resource] // Alternative für Deutschland. 2018. URL: https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2018/01/Programm_AfD_Druck_Online_190118.pdf

³⁸³ Deutschland. Aber normal. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 20. Deutschen Bundestag [Electronic resource] // Alternative für Deutschland. 2021. URL: https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2021/05/2021-05-20-_AfD-Bundestagswahlprogramm-2021.pdf

³⁸⁴ Freiheitliches Wahlprogramm zur Nationalratswahl 2017 [Electronic resource] // FPÖ. 2017. URL: www.fpoe.at/fileadmin/user_upload/Wahlprogramm_8_9_low.pdf

³⁸⁵ Zusammen. Für unser Österreich. Regierungsprogramm 2017–2022 // Freiheitliches Bildungsinstitut. 2017. URL: https://www.fbi-politikschule.at/fileadmin/user_upload/www.fpoe-bildungsinstitut.at/dokumente/Zusammen_Fuer_Oesterreich_Regierungsprogramm_2017_-_2022.pdf

³⁸⁶ Europawahlprogramm. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 9. Europäischen Parlament 2019 [Electronic resource] // Alternative für Deutschland. 2019. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2019/03/AfD_Europawahlprogramm_A5-hoch_web_150319.pdf

³⁸⁷ EU-Wahl 2019 [Electronic resource] // Freiheitliche Partei Österreichs. 2019. URL: <http://web.archive.org/web/20190527230337/https://www.fpoe.eu/sichere-grenzen/>

³⁸⁸ Wien braucht eine starke FPÖ. Unser Programm für Wien 2020 [Electronic resource] // FPÖ Wien. 2020. URL: https://web.archive.org/web/20200928201211/https://www.fpoe-wien.at/fileadmin/user_upload/www.fpoe-wien.at/documents/Wahlprogramm_2020_v5_Web.pdf

³⁸⁹ Landtagswahlprogramm 2021. Alternative für Deutschland Baden-Württemberg [Electronic resource] // Alternative für Deutschland Baden-Württemberg. 2021. URL: https://afd-bw.de/afd-bw/wahlprogramme/landtagswahlprogramm_afd_2021_a4.pdf

in Baden-Württemberg are certainly characterized by a number of differences. Thus, addressing the Baden-Württemberg voters, the AfD mentions a number of topics specific for the region, for instance, the multiple business ties of local enterprises with Russia and the key role of the automobile industry for the economy of the Bundesland. When running for EP elections, the party predictably mentions topics that are relevant to European-level politics: for instance, the need to reduce the number of European bureaucrats and cut budgets for integration projects. Nevertheless, at least 30% of the problems raised in the regional program do not correspond to the level of elections. Thus, such issues as the country's defense capability in a “multipolar world”, the formation of a “European superstate” and “ideologically motivated environmental projects” are addressed. The party also refers to identification groups that transcend the boundaries of the region (“culture”, “history”, “traditions” in conjunction with the German, not just regional context) and describe forces external to the federal state (centrist parties, left radicals, European bureaucrats) as a source of problems.

The inclination to prioritize high-level issues which is characteristic of the AfD's official documents becomes obvious when comparing their regional program with the document published by their Austrian colleagues for the elections in Vienna in 2020. Thus, the Freedom Party of Austria pays much more attention to local problems (social housing, schooling, utility bills, parking, etc.). The dominant external factor discussed in the FPÖ program is immigration: according to the document, refugees burden the social system, hinder the effective educational process, and commit more crimes compared to the indigenous population. However, most of the problems are explicitly linked to the actions of local authorities (red-green coalition); the idea of the external enemy personified by Brussels' politician is only mentioned in two short paragraphs on the first page. One should notice that a strong local component is not an integral component of the FPÖ regional agenda: for instance, the party's program for the Vienna elections in 2020 is more reminiscent of the documents of 2005³⁹⁰ and 2010³⁹¹, which accentuate local problems, than the alarmist program of 2015³⁹², which addressed to migration issues – a topic that has become more relevant 5 years earlier.

Although both parties have a reputation of immigration opponents, the content analysis of their policy documents prepared for the national elections demonstrates the difference both in their

---

³⁹⁰ Unser Programm [Electronic resource] // FPÖ Wien. 2005. URL: <http://web.archive.org/web/20051226093748/http://www.fpoe-wien.at/index.php?id=2164>

³⁹¹ Wien Gesamtprogramm [Electronic resource] // FPÖ Wien. 2010. URL: http://web.archive.org/web/20100216042952/http://www.fpoe-wien.at/fileadmin/Content/Wien/PDFs/wien_gesamtprogramm_05.pdf

³⁹² Wahlprogramm 2015 [Electronic resource] // FPÖ Wien. 2015. URL: <http://web.archive.org/web/20151001134522/http://www.fpoe-wien.at/themen/wahlprogramm-2015/stopp-der-zuwanderung-und-schutz-auf-zeit-statt-tueren-auf-fuer-alle>

approaches to the problem views on its priority. At the first stage, we analyzed how often the concepts associated with migration are mentioned in the AfD and FPÖ programs. Using the "frequency of words" *MAXQDA* tool, we made up a list of all words found in the text, ranked by frequency of their use. Our task was to determine the place of the vocabulary related to immigration among other topics. The following concepts were selected as relevant in this context: *Zuwanderung* (immigration), *Migration* (migration), *Asyl* (asylum), *Flüchtling* (refugee) and words of the same root, as well as the term *Kultur* (culture), which is often used by the right-wing parties to discuss of migration.

We have quickly discovered both parties mentioned immigration less frequently than European integration or the so-called "democratic deficit". In the list excluding vocabulary irrelevant for research purposes (prepositions, articles, conjunctions, pronouns, etc.), the most popular "migration" term is only the 24th for the FPÖ 2017 program (*Kultur*) and 22th for the AfD 2021 program (*Migration*). Interestingly, the program released by the AfD for the previous national elections contains the migration-related term *Einwanderung* ranked 8th. It means that the term was positioned higher than such categories as digitalization, energy, and climate. We believe that such a change indicates a shift in the identification processes of the "Alternative": The AfD is moving away from the status of "migration" party and is becoming a protest party in general. In order to identify the context in which the respective terms are given, we used the "keywords in context" tool that allows one to see phrases and sentences in which the selected words are used. After that the selected sentences were also analyzed for the frequency of occurrence of individual words. As a result, we managed to trace the following patterns:

- In the program released by the Freedom Party of Austria before the elections, migration is mentioned more often than in the governmental program, within the latter, the term "*Kultur*" becomes the 37^h and gives way to European, economic and even family issues. The immigration section of the national electoral program is written in an alarmist manner; migration is invariably characterized as a massive phenomenon, literally flooding Austria (keywords: *ungehindert* [unlimited], *maßlos* [unlimited], *Migrationswelle* [migration wave]). One also introduces the term *Leitkultur* [leading culture], which is not characteristic of moderate discourse; furthermore, the program calls defend the Motherland [Heimat] against immigration. The wording used in the governmental program seem to be much more moderate. Thus, within the framework of the latter, the FPÖ distinguishes between two terms denoting immigration: *Zuwanderung* is used, as a rule, to describe qualified immigration, while *Migration* is used to indicate "unwanted" arrivals. Migration is actively securitized by the FPÖ, who urges to introduce additional measures to control it (keywords: *Verfahren* [procedure], *technisch / cyber* [technical / digital in the context of measures taken to prevent

crimes associated with immigration]. The party also pays attention to the economic consequences of immigration: from the point of view of the FPÖ, the main problem here is a possible negative impact on the welfare state. It is noteworthy that the FPÖ program released for the elections to the European Parliament is stylistically more reminiscent of a government program than a 2017 election program: the vocabulary used is rather procedural than alarmist. Thus, the party tends to use such words as *überdenken* [revise], *anpassen* [adjust, correct], *einführen* [introduce].

- Unlike it happened with the 2017 program, which only contained one migration section titled “Migration, Integration, Asylum”, in 2021 the AfD also introduced a part of the text devoted to Islam. Already in 2017, the AfD did not deny that Germany has actually become a country of immigration (*de facto Einwanderungsland*). In this context, it is no coincidence that the most frequently used term in the relevant section is *Integration*: from the point of view of the party, every immigrant is obliged to integrate into German society. In 2021, migration is even more explicitly spoken of as a *fait accompli*, hence the need to deal with the consequences of a massive influx of foreigners is mentioned. The AfD claims that the country should limit future immigration, guard borders in a more effective manner and punish those who abuse the asylum procedure – paradoxically, the vocabulary used (*unlösbar* [unsolvable], *desaströs* [catastrophic], *dysfunktional* [dysfunctional], *unübersehbar* [imperceptible]) is not just alarmist, but asserting the fundamental insolubility of existing problems. One should also mention the multitude of sentences using the passive voice and impersonal constructions (sentences with *werden*, *zu + Verb*) both in the old and in the new AfD programs, which indirectly refers to the absence of an acting subject. Finally, both programs are characterized by linking migration and the democratic deficit. In 2017, the AfD explicitly mentioned political correctness as an obstacle to public dialogue, in 2021 it only claims that criticism of Islam should be as acceptable as criticism of any other religion. Both programs state the need for citizens to participate in future decisions on migration issues.

We applied similar analytical procedures to another block, namely, foreign and European policy. European themes play an important role in the programs of both parties: in AfD’s one “EU” takes the 11th place and the term “Euro” does the 15th, while the FPÖ’s program has the term “European” on the 22th line of the most mentioned words (it is noteworthy that the concepts associated with the EU have lost their positions in the AfD 2021 program in comparison to 2017 and, on the contrary, turned out to become more popular in the FPÖ governmental program). Each party’s program has a separate section dedicated to European politics; those were analyzed using the "coding" and "keyword in context" tools.

- A significant part of the FPÖ governmental program's foreign policy block is devoted to the demands for greater democracy within the EU. In this sense, one of the basic terms of the FPÖ program is "*Subsidiarität*" (subsidiarity) i. e. the principle of solving most problems at the local level instead of the European one. The FPÖ does not question the existence of the European Union, nor does it explicitly discuss Austria's exit from the EU. The party only makes some remarks on the need to jointly define the future development of the EU (keywords: *umfassende europäische Debatte über die Reform* [comprehensive European debate on reform], *EU-Konvent* [European meeting]), with proposals for future reforms to be formulated at the national level. One of the reforms proposed by the FPÖ is the formulation of clearer rules of joining the EU. An important element of the FPÖ foreign policy program as a whole (even with no connection to Europe) is the concept of security (*Sicherheit*). When it comes to discussing security, the party often uses such words as stability (*Stabilität*) and order (*Ordnung*), but also terms indicating the FPÖ's commitment to multilateral formats (*international* [international], *multilateral* [multilateral]). The 2017 FPÖ electoral program, in contrast, does not contain any reference to multilateralism. The document focuses on the need to defend sovereignty, freedom and neutrality in the face of the "*Fairness Krise*" that swept Europe. The EU development trends (imposition of its own rules and laws, massive immigration, "debt union") are mentioned in the FPÖ program as the main threats. Similar characteristics are inherent in the program prepared by the FPÖ for the European elections 2019: under the general motto "More Austria, less EU", the FPÖ calls for maintaining or restoring unanimity on most topics discussed at the European level, preventing the transfer of social issues under the responsibility of the EU, as well as avoiding the launch of European taxes and the establishment of a European army.
- Unlike their Austrian counterparts, the AfD believes that the EU will accept the reforms that can make meet the interests of the member states, and therefore consider it necessary for Germany to leave the Union and participate in the establishment of a new integration project. The lexical set used by the authors of the program when referring to the EU and national states is radically different. Thus, when it comes to nation states, such positively colored concepts as *Demokratie* [democracy], *Freiheit* [freedom], *friedlich* [peaceful], *lebendig* [viable], *konstruktiv* [constructive] are used. However, when discussing the EU, the authors always mention unwanted centralization (keywords: *Bundesstaat* [federation], *planwirtschaftlicher Superstaat* [planned superstate]) and lack of democracy (*Entdemokratisierung* [retreat from democracy]). Unlike the 2017 document, the 2021

program does not define the European integration as a "collusion of elites", but claims (without referring to any specific actors) that it's the original project was distorted. Compared to previous program, in 2021 the AfD makes more references to sovereignty. According to the AfD, the people are the source of sovereignty, while the European Union does not have its own people – therefore, it has no democratic legitimation. The euro stays one of the central topics raised when discussing the European Union, however, its importance has decreased in comparison with the program of 2017: in the previous program, the respective concept was ranked 3rd in terms of frequency, while the newest document has it as the 15th most frequent word. Unlike in 2017, the 2021 program hardly claims that euro is a “failed project of the elites” (former keywords: *Fehlkonstruktion* [erroneous construct], *Experiment* [experiment], *rein politisches Projekt* [purely political project]), and only mentions that the legitimacy of the common currency is insufficient.

Analyzing the identification of the respective parties is not an easy task. Some of their programs do not contain blocks that explicitly outline the vision of the “we” concept. Furthermore, the parties tend to use non-identical lexical units when identifying "friends" and "aliens". As a result, we came to the conclusion that the following words might be relevant for identification analysis: the pronouns *wir* / *unser* and their forms (we / our), *Bedrohung* (threat), *Herausforderung* (challenge), *Gefahr* (danger) and cognate words. Thus, special attention is given to negative identification: by including the concepts that are semantically related to threat, we are trying to outline their self-image by finding out who exactly is seen as the significant Other for the respective parties.

- Unlike the 2017 program, which was preceded by a preamble, articulating the AfD's self-image, the 2021 document contains neither an introduction nor a conclusion. In both the old and the new programs, the pronoun "we" is usually used in a narrow sense, i.e. to refer to the party itself. “We have come together on the basis of the belief that citizens have the right to a real political alternative, an alternative to what the political class thinks,” the authors of the 2017 program argue. One should also mention the reference to revolutions made by the party: “Following the tradition of 1848 and 1989 revolutions, we use our civil protest to express the desire to achieve national unity in freedom and create a Europe of sovereign democracies”. The 2021 program does not mention revolutions; moreover, the party is moving away from attaching specific characteristics to itself (“convinced democrats”, “free citizens of their country,” as it was said in 2017) and defines its self-

image through the support of certain ideas instead. Interestingly, the party makes several references to the fact that it is *the only political force* in German society advocating specific ideas (e.g. criticizing the "dismantling of historical and cultural identity" or supporting the introduction of direct democracy procedures). At the same time, almost all the problems and threats described by the "Alternative" are claimed to be a consequence of the democratic deficit. Thus, the tide of terrorism, ethnic crime, and an excessive load on the social system are claimed to be generated by the fact that the voices of citizens opposing the reception of migrants were not heard in 2015. Furthermore, the party believes that the European integration project has collapsed after the EU has become a "socialist" super-state that does not allow alternative points of view and the economic depression of was a consequence of the "totalitarian" measures taken by the German government and European institutions.

- As noted earlier, the governmental program of the Freedom Party of Austria was released after making a coalition with a moderate party, which has led to the noticeable "sterility" of the wording. The term "challenge" (*Herausforderung*) is used more often than "threat" (*Bedrohung*). The paragraphs devoted migration seem to be carefully verified: although the latter is described as one of the main challenges (thus, the party is concerned with the excessive transparency of the Austrian borders for illegal immigrants, the establishment of parallel societies and popularization of political Islam), the party hardly refers to the reasons which led to the crisis and only mentions some vague "mistakes of migration policy". Both in the preface, written jointly with S. Kurz, and in the subsequent text, the party does not draw a clear boundary between itself and the state, calls to introduce a culture of cooperation, explicitly discuss problematic issues and work together on their solution. When referring to the Austrian identity, the party uses restrained wording. Thus, the FPÖ says that "autochthonous groups" are "an important component of Austrian identity", but also makes an accent on such inclusive identification categories as Austrian cultural heritage and neutrality. The pre-election program of the FPÖ is written in a different tone. Similar to the AfD, the FPÖ tends to use the term "we" in a narrow sense to directly denote the party itself. Interestingly, the party avoids using the

regular terms (*Herausforderung* [challenge], *Gefahr* [danger], *Bedrohung* [threat]) to refer to threats in paragraphs that are not related to immigration. The term *Sicherheit* [security] is also mostly used in a narrow sense (crime fighting, defense). However, one should mention the concept of *Fairness*, which often precedes paragraphs describing the allegedly threatening tendencies. The FPÖ sees the "crisis of justice" in high taxes and excessive government regulation, the development of the "refugee industry" and mass immigration, the contradiction of the adopted internal laws to the "will of the people" and the transformation of the EU into a "centralist bureaucratic Moloch". The party manages to find "crises" in all the areas from family politics to environmental protection. At the same time, the source of threats is not named, there are no explicit references to the "political class" or "the elites".

***

After having analyzed the way the parties outline their positions in official programs, we switched to a different type of data – namely, the rhetoric of the parties on social networks. In this paper, we adhere to the approach formulated by A. Quan–Haase and L. Sloan: the space of social networks does not exist as a separate space which “reflects” the real world but is rather an integral part thereof.³⁹³ On the one hand, most of the interactions that take place on social networks are based on events happening offline. So, unlike policy statements, publications on social networks, as a rule, are not abstract statements about the desired state of affairs, but rather reactions to specific events. On the other hand, social networks are embedded in the canvas of real events and sometimes define them. As it happens with moderate parties, right-wing populists have to exercise a certain degree of caution when using electronic communications. Sometimes their reputation is threatened by ambiguous statements. Thus, despite the unacceptability of anti-Semitism officially declared by the AfD, A. Weidel was criticized for the post on Facebook, which gathered a number of offensive comments with references to the Holocaust.³⁹⁴ However, unlike the center, right-wing populists actively use the Internet space to communicate with their supporters in cases where the "moderate" political space is driving them out.³⁹⁵

---

³⁹³ Sloan L., Quan-Haase A. *The SAGE Handbook of Social Media Research Methods*. SAGE, 2017. P. 3

³⁹⁴ Brückner A. AfD-Chefin Weidel: Skandal bei Facebook [Electronic resource] // News38.de. 2019. URL: <https://www.news38.de/braunschweig/article226716617/AfD-Chefin-Weidel-Skandal-bei-Facebook-Kommentare-sorgen-fuer-Entsetzen.html>

³⁹⁵ Mijnsen I. Österreichs Politiker bauen an ihrer Facebook-Parallelwelt [Electronic resource] // Neue Zürcher Zeitung. 2019. URL: <https://www.nzz.ch/international/oesterreichs-politiker-bauen-an-ihrer-facebook-parallelwelt-ld.1501983>

According to 2020 data provided by the German statistical research agency *Statista*, the most popular social networks in Germany are *YouTube*, *Facebook*, *Instagram*, *Pinterest* and *Twitter*.³⁹⁶ When selecting materials for the research, we decided to choose the type of data which is simple to decrypt and code. Thus, unlike *YouTube* and *Instagram* audio-visual materials, most data presented on *Facebook* and *Twitter* is a text, which makes it more suitable for automated processing, especially when it comes to working with large amounts of data. Furthermore, when choosing between predominantly text-based platforms (*Facebook* and *Twitter*), we took into account their current restrictions on the use of data for analytical purposes. Although the representatives of both parties actively use *Facebook* to communicate with voters, the 2018 scandal around Cambridge Analytica led to the situation when the social network limited access to offloading large amounts of data posted by users.³⁹⁷

In order to achieve the objectives of this study, we have selected the following accounts associated with the Alternative for Germany: (1) *AfD* – the party's main account on Twitter³⁹⁸; (2) *AfDimBundestag* – account of the AfD faction in the Bundestag³⁹⁹; (3) *AfD_Bayern*⁴⁰⁰ and (4) *AlternativeNRW*⁴⁰¹ – the largest regional accounts in terms of subscribers' amount (representing Bavaria and North Rhine–Westphalia, respectively); (5) *Joerg_Meuthen*⁴⁰² and (6) *Beatrix_vStorch*⁴⁰³ – the most popular accounts of individual politicians representing the party. It should be noted that the success on social networks does not always correlate with the position of a particular politician in a party or the electoral success of a party in a particular region. Thus, only 12k people follow the publications of one of the most prominent AfD activists T. Krupalla, while his colleague J. Meythen has more than 70k readers. Moreover, the party didn't receive a significant number of votes during the last regional elections either in Bavaria, or in North Rhine–Westphalia, but the number of their accounts' followers is several times higher than that of Saxony, where the AfD reached 27.5% in 2019.⁴⁰⁴

The selection of the analyzed accounts of Austrian politicians looks somewhat different. Unlike the AfD, the APF regional accounts have practically no online influence; the most popular APF accounts on Twitter belong to individual politicians. As a result, we have selected the following accounts: (1) the

---

³⁹⁶ Anteil der befragten Internetnutzer, die folgende soziale Netzwerke nutzen, in Deutschland im Jahr 2020 [Electronic resource] // Statista. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1026109/umfrage/beliebteste-soziale-netzwerke-in-deutschland/>

³⁹⁷ An Update on Our Plans to Restrict Data Access on Facebook [Electronic resource] // Facebook. Режим доступ: <https://about.fb.com/news/2018/04/restricting-data-access/>

³⁹⁸ Alternative für Deutschland [Electronic resource] // Twitter. URL: <https://twitter.com/afd>

³⁹⁹ AfD-Fraktion im Deutschen Bundestag [Electronic resource] // Twitter. URL: <https://twitter.com/AfDimBundestag>

⁴⁰⁰ AfD Bayern [Electronic resource] // Twitter. URL: https://twitter.com/AfD_Bayern

⁴⁰¹ AfD NRW [Electronic resource] // Twitter. URL: <https://twitter.com/AlternativeNRW>

⁴⁰² Prof. Dr. Jörg Meuthen [Electronic resource] // Twitter. URL: https://twitter.com/Joerg_Meuthen

⁴⁰³ Beatrix von Storch [Electronic resource] // Twitter. URL: https://twitter.com/Beatrix_vStorch

⁴⁰⁴ Stimmenanteile der AfD bei den jeweils letzten Landtagswahlen in den Bundesländern bis Juni 2021 [Electronic resource] // Statista. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/320946/umfrage/ergebnisse-der-afd-bei-den-landtagswahlen/>

party's main account on Twitter *FPÖ_TV*⁴⁰⁵; (2) *Vilimsky*⁴⁰⁶ and (3) *Hofer*⁴⁰⁷ – the most popular accounts of MPs representing the FPÖ in the European Parliament; (4) *Dominik Nepp*⁴⁰⁸ – account of D. Nepp, who heads the Vienna branch of the party; (5) *KH Grünsteidl*⁴⁰⁹ – account of the APF press secretary K. H. Grünsteidl; (6) the party's main account on *Facebook*⁴¹⁰. When it comes to the last account, one should make the following remark: while the German right-wing populists equally use *Twitter* and *Facebook* to communicate with their supporters, their Austrian counterparts give a clear advantage to *Facebook*. However, the above-mentioned restrictions on massive downloading Facebook data did not allow us to exclusive rely on this social network as the main source of the analyzed materials. By adding manually downloaded APF publications on Facebook, we are trying to mitigate the difference in the volumes of data we are considering from the German and Austrian side.

As already mentioned, when it comes to social networks, not only the level of the actor's influence in offline political processes, but also other factors define the success of an individual actor. Such factors include the strategies of working with the audience, the representation of a specific target audience (age group, residents of a certain region, etc.) on this social network, as well as the consent of this electronic platform to allow this specific account to increase the audience. Despite the above reservations, we believe it is fair to select the most popular accounts for analysis: according to our assumption, the high activity of their authors implies that they tend to comment on the widest range of topics, which gives us the opportunity not only to outline the parties' approaches to individual issues, but also determine the importance of those issues in their rhetoric.

The raw data was downloaded from *Twitter* in the form of Excel spreadsheets using the application called *Vicinitas*. Although *MaxQDA* has its own integration with *Twitter*, the built-in tool does not allow downloading data posted on *Twitter* more than 7 days ago. *Vicinitas*, on the contrary, allows downloads of up to 3200 records; exceeding this threshold is prohibited by *Twitter's* internal rules and algorithms and cannot be implemented with any other software tool available to us. The downloaded data was automatically encoded based on a system of codes that we compiled after manually reading some of the respective texts. Subsequently, an automated comparison of the encoded fragments was performed using the *Code Matrix Browser* tool. The comparative tables compiled after this operation can be found in Appendix 2. The data were downloaded in February 2021.

---

⁴⁰⁵ FPÖ [Electronic resource] // Twitter. URL: https://twitter.com/FPOE_TV

⁴⁰⁶ Harald Vilimsky [Electronic resource] // Twitter. URL: <https://twitter.com/vilimsky>

⁴⁰⁷ Norbert Hofer [Electronic resource] // Twitter. URL: <https://twitter.com/norbertghofer>

⁴⁰⁸ Dominik Nepp [Electronic resource] // Twitter. URL: <https://twitter.com/DominikNepp>

⁴⁰⁹ KH Grünsteidl [Electronic resource] // Twitter. URL: <https://twitter.com/khgruensteidl>

⁴¹⁰ FPÖ [Electronic resource] // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/fpoe/>

Perhaps the most outstanding feature that we have identified as a result of our analysis is the particular inclination of both parties under consideration to alarmist rhetoric. Thus, after analyzing the pool of comments left in the main AfD and FPÖ accounts on Twitter, and comparing them with the pool of comments from other parties (among the German parties, the analysis includes the accounts of the CDU, SPD, the Greens; among the Austrian parties: ANP, SDPA, the Greens), we found out that right-wing populists more tend to use the vocabulary associated with the concept of threat (key words: “danger”, “threat”, “risk”, “crisis”, “problem”, “demand”) more often than their opponents. Among the German parties, the Greens also tend to rely on alarmist rhetoric, and among the Austrian ones, the Social Democrats not only demonstrate the same tendency but also leave behind to their right-wing counterparts.

Both German and Austrian right-wing populists use concepts related to the category of “democracy” (key words: “democracy”, “freedom”, “opinion”, “silence”, “censorship”) more often than other parties. Within the German political context, democracy can also be described as a fundamental concept for the Greens; in Austria, despite the slight gap between the usages of this concept by APF and other parties, the Freedom Party is the only actor actively using the word "censorship" in its public communications. Within the accounts of AfD the paragraphs referring to “democracy” are often coded as containing the “threat” code, which indicates the party's desire to describe the undemocratic nature of the existing political order as a key problem for German society. The AfD does not concentrate on one topic as the root cause of the democratic deficit: this category has an approximately equal number of intersections with codes referring to its political rivals (left-wing parties, Greens, Christian Democrats, and personally A. Merkel), as well as the European Union. At the same time, domestic "issues of democracy" prevail over foreign policy issues in almost all the largest accounts of the party. As for the FPÖ, they do not tend to place the concept of democracy in the center of their rhetoric; much more attention goes to the "Austrian People's Party" and the "Greens". Criticizing the latter becomes the backbone of the FPÖ's rhetoric in social networks. Thus, the democratic deficit is formulated in connection with those forces.

One should separately note that, although the proportion of certain domestic and foreign policy topics can be comparable (for instance, when talking about the dangers through the main party account, AfD mentions migration and democratic deficit, A. Merkel and non-European states in almost equal numbers), the total the weight of domestic politics is always higher in accounts that appeal to the domestic voter. On the contrary, the accounts of J. Meuthen and B. von Storch, who make an emphasis on foreign policy and migration issues, belong, respectively, to a current and a former member of the

European Parliament, i.e. to politicians whose audience is not limited with national borders. Similar trends are observed in the rhetoric of Austrian politicians. For both German and Austrian right-wing populists, it is fair to note that foreign policy does not have a lot of intersections with domestic political categories, which allows us to assert that both the AfD and the FPÖ do not consider the state of the global system of international relations as the root cause of domestic political problems. On the contrary, the EU is mentioned in the context of threats much more often than third countries in both the AfD's and the FPÖ's accounts, although the Austrian right-wing populists basically do not demonstrate unanimity in their vision of European integration as the main problem.

Finally, the parties' approach to the interpretation of the past should be mentioned. As noted above, one of the key theorists of populism K. Mudde mentions the orientation to the past (the mythical golden times of greatness) among the main characteristics of populist parties. However, an analysis of the publications of the AfD and the FPÖ demonstrates that they do not formulate a specific image of the past. A search for specific key words ("tradition", "history", "century", "years", "empire", etc.) in both the German and Austrian right-wing populists' accounts lead us to vague references to the Christian heritage jeopardized by Islam, as well as rare references to significant historical dates (e. g. the coronation of Charles the Great, the foundation of the German Empire). The right-wingers accuse their political rivals of rewriting history, of "being unable to remember". For instance, H. Vilimsky's tries to discursively oppose the European nations with their historical heritage to the European Union which "has no past".

From time to time, parties turn to the events of the 20th century in their rhetoric. Thus, the AfD has repeatedly stated that it is impossible to "return to socialism"; Both the AfD and the FPÖ criticize those who compare them to the Nazis and they themselves compare the modern left, who resort to "fascist methods" to instill their own points of view with the Nazis. References to National Socialism are an important part of the rhetoric of both parties, but this is not about full historical experience comprehension (specific historical plots are almost never mentioned), but about constructing one's own identity through the denial of what, according to the right, Nazi practices: an all-pervading ideology, intolerance of alternative opinions, anti-Semitism and attempts to "save the world" through aggressive interference in the affairs of neighbors.

***

Despite the fact that the mentioned parties belong to different national political systems, there is at least one format in which they participate on an equal footing. Both the FPÖ and AfD are represented in the current European Parliament convening; although the AfD delegation significantly outnumbered

the group of deputies from the FPÖ, both political forces take an active part in the debates. A significant feature of the parliamentary format is its inherent formalization: despite the variety of possible approaches to the problems under consideration, in the end, the deputies are forced to choose between three voting options (for, against, abstain). Taking into account this peculiarity, we made a choice in favor of simultaneous consideration of stenography of politicians' speeches and roll-call protocols of voting on documents adopted by the European Parliament.

Perhaps one of the most striking facts that attracts attention in the rhetoric of the AfD and the FPÖ is the special manner of the word "we" usage. Despite the positioning of both parties as opponents of European integration in its current form and even statements about the need to leave the EU in the AfD program, MPs from both parties most often use the pronoun "we" in the meaning of "Europeans" or "parliamentarians" without distancing, from their pro-European colleagues. Of course, there are exceptions, for example, AfD deputy C. Anderson, who criticizes European institutions as a source of problems, often outlines the boundaries of we-identity within her own faction or the German people, of which she is a delegate. However, the general trend assumes that right-wing populists see themselves not as potential destroyers of the system, but as an integral part of it.

In turn, when speaking about the problems and threats facing Europe, AfD and FPÖ deputies, as a rule, choose different strategies. AfD parliamentarians tend to concretize: B. Zimniok, for example, speaks about the threats of ISIS fighters with European passports returning to their homeland, and G. Beck speaks about job cuts as a possible consequence of the curtailment of economic ties with the UK leaving the EU. FPÖ deputies (G. Mayer, H. Vilimsky, J. Haider), on average, are more inclined to vaguely identify threats; the subject of discussion for them is not the abstract problem itself, but the inability of existing EU institutions to overcome it. Among the German right-wing populists, of course, there are deputies whose rhetoric is close to the style of their Austrian colleagues: for example, J. Meuthen, apparently, formulates most of his speeches regardless of the subject under discussion, as an attack on existing European institutions.

At the European level, the approaches of parties to the problems of democratic deficit also differ. With the exception of individual statements by J. Haider, Austrian deputies hardly speak out about the insufficient democratic nature of political systems existing in Europe, while the German right-wingers (for example, N. Fest, C. Anderson, B. Zimniok) vigorously point out the problems, existing both in Germany (the use of the thesis about "protecting constitutionality" to fight the opposition by the parties), and in the European Union as a whole (imposing the opinion of European institutions on the peoples of Europe). Note that this trend, in general, confirms the conclusions we made based on the analysis of the programs of parties and their publications of parties in social networks: although the "democratic deficit"

plays a certain role in the rhetoric of the FPÖ, the latter rely on the thesis that it is impossible to freely express the will of the people where to a lesser extent than AfD.

In order to further identify coinciding / differing lines of behavior between parties, the votes cast by their deputies were coded. All the votes from AfD representatives (C. Anderson, G. Beck, L.P. Berg, M. Buchheit, N. Fest, M. Krah, J. Kuhs, S. Limmer, J. Meuthen, G. Reil, B. Zimniok) were marked with the “AfD” code, the votes of the FPÖ representatives (J. Haider, G. Mayer, H. Vilimsky) were marked with the “FPÖ” code. Subsequently, all cases of coincidence of votes between parties were marked with the category "Coincident", all cases of differing choices were marked with the category "Various". Separately, cases of split within the parties were highlighted (the categories “Split within the AfD” and “Split within the FPÖ”), while the definition of cases of disloyal voting as “Coincident” or “Different” was based on the coincidence of the majority of the AfD and FPÖ votes among themselves. At the next stage, all the questions put to the vote were ordered in categories: economics, social issues, foreign policy, foreign economic issues, ecology, procedural issues, human rights, health care, budget issues, internal security, culture, science. To get a more objective picture, the votes cast in the least popular categories are taken into account only when calculating the main indicators (the total number of coinciding / differing votes between parties, the total number of disloyal votes to the party), but are not considered as evidence of a discrepancy or the consent of parties on this topic in general. Summary tables of the results obtained are given in Appendix 3.

Based on the data obtained, it was established that the MPs representing AfD and FPÖ in the European Parliament vote in the same way in about 64% of cases. Behavior disloyal to one's own party accounts for less than 4% of all votes cast, while representatives of the FPÖ vote asynchronously only in 1% of cases. The latter should probably be linked to the small number of Austrian right-wing populists in the European Parliament: as noted above, only three FPÖ members are represented in the current convening against eleven AfD members who disagree with the main group of their party much more often.

The most popular category of issues put to the vote of the European Parliament during the period under review is, according to our classification, economics. Note that the division in this case is rather arbitrary: in practice, most of the questions are at the intersection of categories (for example, the issue of the admissibility of growing modified varieties of corn has both economic and environmental aspects). The spatial aspect of categorization that we have chosen is not absolute either: for example, our system separates economic and foreign economic issues, meanwhile, the status of Great Britain does not fully correspond to any of these frameworks. Taking into account this feature, we often resorted to double coding of disputed areas, for example, voting on texts related to the so-called "sustainable

entrepreneurship" are coded as "environmental" and "economic" at the same time, which leads to an excess of the number of assigned codes over the number encoded fragments.

According to our calculations, none of the economic categories (economics, foreign economic issues) violates the general trend towards agreement between parties: more than 60% of the AfD and FPÖ votes on economic issues coincide. On average, the number of overlapping votes belonging to the largest categories (economy, foreign policy, social issues, human rights, ecology, health care) lies in the range of 60–70%. The most controversial categories are human rights (37% of the FPÖ and AfD votes do not coincide) and social issues (36% do not coincide), which include, for example, documents related to women's rights, combating unemployment, and ensuring the rule of law. In turn, healthcare belongs to the less controversial categories (31% of the votes do not coincide). Taking into account the measurement error, we can assume that the differences between the right-wing populists when voting in the European Parliament, on average, are more common in the spectrum of so-called "value" topics (democracy, minority rights, etc.) that form the basis of their internal political platform.

4.3 Prospects for cooperation between Austrian and German right-wing populists

As we noted earlier, judgments about right-wing populist parties are often characterized with a high level of alarmism: the wider public and academia are often inclined to view populism as a wave swept the West on the background of parallel electoral success.⁴¹¹ Indeed, the analysis within the framework of this work demonstrates certain similarities between the Austrian Party of Freedom and the Alternative for Germany. At a certain stage of development, each of the considered parties acquired a strong populist component, beginning to position itself as an exponent of the «voice of the people», ignored by political elites. In recent years, European integration and immigration have become the «hushed up» political topics that have brought the greatest electoral success to both parties. The Eurobureaucracy and the refugee become «ideal others», on whose side, according to the mentioned parties, European governments act against the will of their own citizens.⁴¹² A restructuring of the system in favor of greater democracy and a revision of existing agreements seems to be a way out of crisis.

Given the similarity of some foreign policy components of the parties programs, the question about the prospect for combining their efforts appears. Both parties indicated their willingness for cross-border contacts; despite the obvious inequality of roles (the FPÖ positions itself as a «teacher», the AfD as a «student»), the parties, on the whole, are ready to accept each other's positions. The parties have a

---

⁴¹¹ Mudde C. It's the fragmentation, stupid! // VOXeurop. 10.06.2019. – URL: <https://voxeurop.eu/en/2019/2019-european-elections-5123367>

⁴¹² For more details see: Strakevich A. A. K voprosu o perspektivax transgranichnogo pravogo populizma v Evropejskom soyuze / Mirovaya politika. 2020. №3. P. 55-56

similar perception of the main threats, but the difference in internal political statuses may become a significant obstacle to the establishment of strong contacts. The FPÖ's policy documents, published several months apart, show how quickly they are able to be reorganized, abandoning the image of «we are an anti-elite party» in favor of «we are the nation», which implies adherence to multilateral formats and state regulatory instruments. The «inevitably oppositional» AfD and the «lost its status» FPÖ can make similar critical statements, however, as the situation with coronavirus restrictions especially clearly demonstrated, where German populists talk about the fundamental insolubility of the existing problems and limit themselves to criticism of the “unfair” system as a whole, their Austrian colleagues are looking for opportunities to regain their positions and participate in decision-making together with other parties.

We also note that the difference in the statuses of the parties leads to a different perception of the relationship between local, national and international issues. In recent years, the Austrian Party of Freedom has generally demonstrated a process and procedure-oriented approach that is not separated from local issues. The FPÖ rhetoric is distinguished by alarmism more than the statements of their colleagues from the Austrian political scene; nevertheless, criticizing other parties, the Freedom Party does not decline the possibility of cooperation with them. Focusing on national-level politics, the FPÖ transfers the most protest part of its rhetoric to the social media space. At the European level (both during the European elections and within the framework of the elected European Parliament), the FPÖ also gravitates towards abstract protest rhetoric, more characteristic of it before joining the Austrian government.

In turn, high-level problems and protest sentiments permeate the “Alternative for Germany” rhetoric. In fact, any problem (admission of refugees, the degree of Germany's participation in integration processes, the coronavirus struggle, etc.) in the AfD's representation can be reduced to the issue of democratic deficit. As the migration issue loses its relevance, the party identity of the “Alternative” is being eroded. If in 2017 the party quite clearly formulated its image (“democrats”, “free citizens of their country”, “heirs of the revolutions of 1848–1849”, opposing the “integration of elites”), then in 2021 it actually positions itself only through articulation of existing problems and disagreement with the existing order. Unlike the FPÖ, the AfD does not formulate a clear positive signal that suggests that the actual inclusion of its members in the German political leadership would fundamentally solve the problem of silenced voices and achieve greater social justice.

Meeting on the platform of the European Parliament, FPÖ and AfD demonstrate different rhetorical strategies. Thus, on the part of the AfD, the focus is on attempts to expose the undemocratic nature of the system with a multitude of specific examples, while the FPÖ relies on vague critical

rhetoric. In 60–70% of cases, parliamentarians from AfD and FPÖ vote in the same way with the greatest differences occurring on major topics. However, even being critical of traditional parties at the supranational level, AfD and FPÖ representatives tacitly accept the rules of the game, using the pronoun “we” to mean “Europeans” or “parliamentarians”, thus not distancing themselves from their pro-European colleagues. At the same time, although the popularity of ideologically close anti-elite parties is growing at once in many European countries, representatives of the AfD and FPÖ never speak of themselves as representatives of a certain transnational group of skeptics. Speaking in B. de Cleen's terms, parties do not appeal to the oppressed people, understood in transnational terms (*transnational people-as-underdog*) and in this sense, the cooperation of the left has made more significant progress than the one of the right.

Thus, our conclusions are in a way synonymous with the thesis of D. Almeida: the entry of right-wing populists into the government prevents their cooperation. However, it is necessary to recognize the limitations of this thesis: in considered case, one of the parties can enter the government and quit it, the other retains the status of the opposition, despite its electoral successes. What happens if the status of the latter changes? In our opinion, it is wrong to assume that the AfD will "normalize" soon; The experience of recent years demonstrates the steady reluctance of the center's parties to accept the "Alternative", and the inclusion in its rhetoric of criticism of the government's measures to struggle the coronavirus has only increased the party's marginalization. Nevertheless, in a hypothetical situation of stabilization of the AfD status in the German political system, cooperation with the FPÖ seems to be a realistic scenario. It is more likely, some multilateral formats, within which the narrowness of the general range of interests compensates with the number of participants is concerned. The stability of such an organization will largely depend on the status of individual participants within their political systems; the depth of cooperation depends on the compatibility of the latter with domestic political aspirations (most of the main parties should be either opposition or ruling, provided that coalition supporters also do not consider cross-border cooperation a manifestation of excessive radicalism that threatens «we-the nation»).

As for the nearest future, informal contacts between individuals are likely to remain the predominant form of cooperation. Traditionally, multilateral formats of cooperation of right-wing populists in Europe were created by the hands of Austrian and French parties. However, in the current situation, being significantly weakened by the internal crisis, the FPÖ, nevertheless, does not abandon its ambitions acquired as a result of joining the ruling coalition – and therefore adheres to a noticeable caution in its rhetoric. In contrast to the young AfD, the FPÖ, completely embedded in the Austrian political system, demonstrates confidence in the future strengthening of its positions. At the same time,

AfD risks ending its existence in the medium term, giving way to another protest party.⁴¹³ In recent years, Alternative has gone through several crises at once: a split, accompanied by the departure of some of the party's charismatic leaders, a categorical rejection by traditional parties even after joining parliament, the erosion of the core of the protest platform – which makes its position within Germany unstable. Despite the large group of its own representatives in the European Parliament, the AfD has not been able to develop a clear foreign policy platform: the party does not initiate public contacts with ideologically similar forces (although it sometimes establishes them at the invitation of others).

---

⁴¹³ More details on AfD's prospects as they were seen when it first became a parliament party see: Strakevich A. A. Na puti k «Al'ternative dlya Germanii»: e`volyuciya krajne pravyy`x populistiskix partij FRG / Politika i obshhestvo. 2018. № 6. P. 48-49

CONCLUSION

Although right-wing radical parties that use anti-elite slogans in their rhetoric appear on the political arena of German-speaking countries shortly after the end of World War II, they have managed to achieve extraordinary electoral success over the past two decades. As a result, fears about the alleged onset of the “right tide” grow among the “moderate” public: right-wing populists are being perceived as a phenomenon exogenous for the national political system and amplified by to cross-border contacts. Within the framework of this research, we set the goal of analyzing the interactions between right-wing populists of Germany and Austria and assessing the prospects for their cooperation on the basis of a comparative analysis of the parties' positions on certain issues.

At the first stage, we studied the approaches to the concept of populism that have developed in academic circles. Researchers' interest to this topic can be traced back to the 1960s, when the framework of two main approaches to populism was laid: one perceives populism as an ideology, the other refers to it as a movement. Although researchers have been able to identify a number of characteristics inherent in it (orientation to the past, noted by D. McRae; the idea of the people as the bearer of future changes, emphasized by K. Minogue; violation of discursive taboos, mentioned by W. Beck etc.), one should mention that the term “populism” is controversial and a loaded with negative connotations. In this context, we take into account a special type of criticism, mentioning that other political practices also have the features attributed to populism (as claimed by E. Laclau, O.D. Safonova), and the concept of populism often becomes a label designed to tarnish the speaker's political rivals (C. Mouffe, G.V. Lukyanova).

Within the framework of this research, we share the thesis of populism's “thinness”, mentioned, among others, by N. Hatakka. It implies the inability of populism to explain all the diversity of social processes using its own tools and the resulting inclination to use the concepts of other ideologies. We consider the thesis about the desire of populist parties to combine left and right ideas in their rhetoric in order to maximize their attractiveness for the voter (elaborated, for instance, by D. Albertazzi and D. Vampa, by S. A. Lantsov) as complementary to the concept of “thinness”. On the contrary, the thesis of O. Garcia Agustín and M. Bricciarelli who claim that populist forces try to replace the “right” / “left” dichotomy with a dichotomy of “populism” (reflecting, from the point of view of their supporters, the “true” interests of the people) and “democracy” (reflecting the interests of the elites) is taken into account, but not accepted by us in order to avoid stigmatizing the parties in question.

When referring to the “right/left” dichotomy, we take into account the transformations in its perception that have taken place over the past decades, including the growing significance of the

component associated with ethnicity, migration, gender, etc., noted by J. Rydgren. We note the broad usage of the term "radical" by mainstream parties in relation to their right-wing populist colleagues (which is partly explained by "staff exchange" and other forms of interaction of right-wing populists with the "right street"). However, this research shows that populist parties have become an integral part of their political systems and, even when denied by elites, as in Germany, are "normalized" in the eyes of a significant share of the electorate. Furthermore, we emphasize the diversity of populist rhetoric and its irreducibility to Eurosceptic sentiments, which brought electoral successes to their spokesmen at a certain historical stage.

After having analyzed the development trajectories of right-wing populism in Germany and Austria, we found out that the preconditions for the emergence of right-wing radical forces with anti-elite rhetoric emerged in the first decade after the end of World War II. The respective parties became platforms that allowed former supporters and functionaries of National Socialism to participate in the political life of their countries. In the case of the FRG, the emergence of such forces (in particular, the National Democratic Party of Germany) made it possible to publicly question the collective fault of the Germans for unleashing the war. In Austria, right-wing radicals became spokesmen for the unresolved issue of national identification of Austrians, who survived Anschluss (unification with the aggressor) and denazification (separation from the aggressor and consolidation of the victim role). Already in the 1960s and 70s researchers note a significant interest in the right-wing radical rhetoric on the part of ordinary citizens who had a low level of education and did not belong to large social associations (church, trade union). Despite some "staff exchange" with the "groups of the street" (especially noted by researchers in the case of the German right-wingers), the right-wing radical parties were striving to expand their electorate. In the 1980s and 90s right-wing populists (it was during this period that the term "populism" started to be applied to the respective parties of Western Europe) referred to the topics of immigration and European integration which are currently associated with these parties.

At the turn of the 1990-2000s a significant divergence between the development trajectories of the right-wing populists in Germany and Austria took place. In both countries, the respective parties reached numerous electoral successes at various levels. However, while in Germany numerous right-wing populist parties (National Democratic Party of Germany, Republicans, German People's Union, Free German Workers' Party, Schill Party) kept on competing with each other and from time to time managed to win individual regional elections, in Austria the Austrian Freedom Party, which monopolized the right-wing populist part of the political spectrum, was finally accepted by the national political system and acquired the status of one of the ruling parties – despite negative reaction from other European Union countries.

The establishment of the Alternative for Germany in 2013 changed the country's political arena. For the first time in history, right-wing populist forces managed to unite and attract a wide range of voters throughout Germany. However, the 2017 elections, which made the AfD the third most influential political party in the country, did not provide the "Alternative" with the recognition from other leading parties. Throughout all subsequent years, AfD has retained its status of "untouchable": the main parties did not form alliances with it and criticized those of its members who demonstrated willingness to cooperate. As a result, the AfD, which has gone through a series of internal crises since its election to parliament, has focused on interaction with "socially rejected" electorate (e. g. opponents of anti-coronavirus measures) via social networks. By contrast, Austrian right-wing populists have consistently demonstrated the stability of their position as an integral part of the national political system. Successful performance in the 2017 elections allowed the FPÖ to join the ruling coalition. The collapse of the coalition in 2019 following the scandal around FPÖ's charismatic leader H.-C. Strache seriously weakened the party's positions. However, it did not lead to isolation and marginalization of the FPÖ.

When analyzing the previous interaction between Austrian and German right-wing populists, we found out that the first attempts thereof mentioned by researchers date to the 1980s, to the period when the Austrian Freedom Party and the German Republicans were involved in a fruitless "technical cooperation project" inspired by the French "National Front". It should be noted that the tragic events of the Second World War and the subsequent consolidation of the new world order in the context of the Cold War made any attempts of "special" rapprochement between Germany and Austria impossible. Although the right-wing radical parties included former supporters of National Socialism in the first post-war decades and their right-wing populist successors of the late 20th-early 21st century have had a reputation of those praising the "golden times of greatness", the respective forces have not made any attempts to achieve a special level of partnership. In fact, the cooperation of German and Austrian right-wingers primarily took place within the framework of broader international projects, which also included other actors. At the same time, we emphasize a fundamental difference in the statuses of German and Austrian right-wing populists. Thus, the FPÖ traditionally tends to initiate cooperation of related parties (here one can mention, for instance, the 2005 Vienna Forum; an attempt to establish a coalition under the title "European Patriotic Party", which took place in 2008; the establishment of the "European Alliance for Freedom" in 2010) and thereby competes with another active populist player – French "National Front" ("National Association"). At the same time, following the rule described by D. Almeida, the FPÖ tends to be active in the international field in the periods of being in opposition, i. e. when the party has no chances to come to power in the foreseeable future.

German right-wing populists, on the contrary, do not have explicit transnational ambitions and tend to join the coalitions established by other European actors. In an effort to gain recognition in domestic politics, the AfD tries to follow the example of FPÖ and seek to transfer their experience to the German soil. Active stagg exchange between parties after the scandal around H.-C. Strache has demonstrated the existence of numerous informal ties. Nevertheless, despite the obvious assistance to the Austrian right-wing populists from German colleagues, the publicly available comments of the parties in relation to each other give us reasons to assume that the “teacher-student” model of relations will still be reproduced by the parties in the coming years.

The constructivist paradigm, chosen as a theoretical framework for research, implies that the actors’ ideas about the world and their place in it influence their behaviour; at the same time, the texts created by the actors become a material reflection of the identification processes. It brings us to the assumption that the prospects for cooperation of the forces under consideration can be assessed based on mapping the values reflected in their communication. We selected three categories of questions as relevant for the purposes of the study: (1) perception of external contacts in general and contacts with ideologically close forces of German-speaking countries in particular; (2) perceptions of European integration; (3) perceptions of immigration. The program documents of the parties (prepared for regional, national, European elections), publications on their social networks, media materials, shorthand records of sessions of the European Parliament and lists of the European Parliament votes were analyzed within the study.

As a result, we found out that parties have a similar perception of the main threats, however, the difference in internal political statuses can become an obstacle to the effective cooperation. If we compare the FPÖ programs published with a several month difference, we see a shift from the identification “we as an anti-elite party” to “we as a nation”, implying a commitment to multilateral formats and state regulation. Even when coming up with critical rhetoric on social networks, the "Austrian Party of Freedom", which got significantly weakened by the scandal around the former charismatic leader H.-C. Strache, does not lose hope to return to the role of the ruling party sooner or later. Alarmist in its essence, the FPÖ rhetoric is not separated from local problems and does not deny the fundamental possibility of solving existing problems.

The rhetoric “Alternative for Germany”, on the contrary, is tied to high-level issues. The thesis about the fundamental insolubility of the existing problems becomes a common thread, whenever it comes to the question of integrating immigrants or reforming the European Union. Although any problem in AfD’s rhetoric is represented as an issue of democratic deficit (meaning under-representation

of the potential AfD electorate in the country's leadership), the party, paradoxically, does not formulate a signal of its willingness to take a leading role in solving problems. Thus, we believe that the AfD's leadership accepts the role of eternal opponents of the authorities imposed on it by the mainstream parties.

Within the framework of the European Parliament that unites both parties, the differences noted at the national level are preserved and supplemented by characteristics predetermined by the peculiarities of the format. We found out that the representative of AfD and FPÖ vote synchronously in 60-70% of cases, with the greatest contradictions being associated with such categories as democracy, human rights and social issues (i.e., the value topics that constitute a basis of their internal political platform). In their rhetoric, MEPs representing the FPÖ tend to formulate threats in a more abstract manner (i. e. as the inability of European institutions to cope with problems in general), while MEPs from the AfD are more likely to make their rhetoric more specific. At the same time, the FPÖ practically does not address the question of “democratic deficit”, which is one of the pillars of their German colleagues' rhetoric. It is noteworthy that neither the FPÖ nor the AfD, which actively declares at the national level that the existing contradictions are unsolvable, tend to deviate from the practice of using the category “we” to denote Europeans or MEPs (and not their own nations, as one might expect from Eurosceptic forces).

We believe that the observed trends are a direct consequence of the unequal internal positions of the parties. Thus, the FPÖ, which has real chances to strengthen its status within the Austrian political arena, is more inclined to be cautious in official statements (a signal to political elites that the party is open for cooperation) and to avoid binding political steps. The current tactics of the Austrian right-wing populists seem to be based on preserving the conquered electorate by using the time-tested protest rhetoric on informal platforms (social networks) and platforms of minor domestic significance (European Parliament) – without actively trying to put ambitions at the cross-border level into practice. On the contrary, the AfD whose excluded position seems to be the only possible internal political outcome for the coming years, receives space for deepening its protest rhetoric and making it more specific. Nevertheless, the absence of a clear European-level strategy makes the AfD's actions sporadic.

The question of why the German right-wing populists do not demonstrate any transnational ambitions is not addressed within our study. Among the promising explanation strategies one can mention, among others, the thesis about the guilt of Germans for the outbreak of World War II (the reluctance of the German right-wingers, accused of adherence to fascism, to take responsibility for a large European project) and a relatively short period of existence of the “Alternative for Germany” (it should be noted here that the ambitions of such forces as the “National Front” and the “Austrian Freedom

Party” emerged at a time when their continued existence in the political arenas of their countries was no longer in doubt).

Based on the identified tendencies, we come to a conclusion which is synonymous to D. Almeida’s thesis: as long as the internal political status of the right-wing populist parties is not equal, their coming into power prevents transborder cooperation. Unlike left-wing politicians, none of the considered parties appeals to the “transnational people-as-underdog” (here we use B. de Cleen's term) and, therefore, it does not seem true that a "truly supranational" right-wing populism exists in German-speaking space. We believe that informal contacts between individual members of the respective parties will remain the predominant form of cooperation in the near future (as it was predicted by R. Stöss in his work dated 2000).

REFERENCES

Sources

1. Abstimmungsergebnisse. Plenartagung [Electronic resource] // Europäisches Parlament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/plenary/de/votes.html?tab=votes> (access date: 12.02.2021)
2. AfD Bayern [Electronic resource] // Twitter. URL: https://twitter.com/AfD_Bayern (access date: 15.08.2021)
3. AfD NRW [Electronic resource] // Twitter. URL: <https://twitter.com/AlternativeNRW> (access date: 15.08.2021)
4. AfD-Fraktion im Deutschen Bundestag [Electronic resource] // Twitter. URL: <https://twitter.com/AfDimBundestag> (access date: 15.08.2021)
5. Alexe T. Warum Petry weg von der AfD will [Electronic resource] / T. Alexe // Sächsische Zeitung. – 2017. – URL: <https://www.saechsische.de/warum-frauke-petry-weg-von-der-afd-will-3782238.html> (access date: 30.11.2018)
6. Alle Zahlen und Grafiken zur Österreich-Wahl im Überblick [Electronic resource] // Welt. – 2019. – URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article199784328/Oesterreich-Wahl-Alle-Parteien-Zahlen-Grafiken-FPOe-abgestraft.html> (access date: 11.07.2019)
7. Alternative für Deutschland [Electronic resource] // Twitter. URL: <https://twitter.com/afd> (access date: 15.08.2021)
8. An Update on Our Plans to Restrict Data Access on Facebook [Electronic resource] // Facebook. – URL: <https://about.fb.com/news/2018/04/restricting-data-access/> (access date: 02.05.2021)
9. Anteil der befragten Internetnutzer, die folgende soziale Netzwerke nutzen, in Deutschland im Jahr 2020 [Electronic resource] // Statista. – URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1026109/umfrage/beliebteste-soziale-netzwerke-in-deutschland/> (access date: 02.05.2021)
10. Beatrix von Storch [Electronic resource] // Twitter. URL: https://twitter.com/Beatrix_vStorch (access date: 15.08.2021)
11. Blaue Partei löst sich auf [Electronic resource] // Zeit Online. – 2019. – URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2019-11/frauke-petry-die-blauen-aufloesung> (access date: 10.04.2020)
12. Blickle P. Merkel-Enttäuschte und Nichtwähler machen die AfD stark [Electronic resource] / P. Blickle // Zeit Online. – 2017. – URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-09/wahlverhalten-bundestagswahl-wahlbeteiligung-waehlerwanderung> (access date: 29.07.2019)
13. Brückner A. AfD-Chefin Weidel: Skandal bei Facebook [Electronic resource] / A. Brückner // News38.de. – 2019. – URL: <https://www.news38.de/braunschweig/article226716617/AfD-Chefin-Weidel-Skandal-bei-Facebook-Kommentare-sorgen-fuer-Entsetzen.html> (access date: 16.06.2021)
14. Bundesparteitag in Dresden beschließt Corona-Resolution [Electronic resource] // AfD. – 10.04.2021. – URL: <https://www.afd.de/bundesparteitag-in-dresden-beschliesst-corona-resolution/> (access date: 15.05.2021)
15. Busse N. Rechtes Bündnis gegen Brüssel [Electronic resource] / N. Busse // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 2013. – URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/europaeische-union/le-pen-und-wilders-rechtes-buendnis-gegen-bruessel-12662825.html> (access date: 15.09.2019)
16. Corona für FPÖ-Hofer nur "ein Grippevirus", das großteils "nicht gefährlich" sei [Electronic resource] // Kurier. – 2020. – URL: <https://kurier.at/politik/inland/corona-fuer-fpoe-hofer-nur-ein-grippevirus-das-grossteils-nicht-gefaehrlich-sei/400840742> (access date: 05.06.2021)

17. Corona-Maßnahmen: FPÖ will Allparteienregierung [Electronic resource] // Die Presse. – 2020. – URL: <https://www.diepresse.com/5884680/corona-massnahmen-fpo-will-allparteienregierung> (access date: 05.06.2021)
18. Das Jahr der Patrioten [Electronic resource] // Junge Freiheit. – 2017. – URL: <https://jungefreiheit.de/kultur/medien/2017/das-jahr-der-patrioten/> (access date: 27.04.2019)
19. Der Insider [Electronic resource] // Deutsche Welle. – 2002. – URL: <http://www.dw.com/de/der-insider/a-715271> (access date: 21.12.2018)
20. Der öffentliche Diskurs ist nach rechts gerückt [Electronic resource] // Deutschlandfunk Kultur. – 2018. – URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/ein-jahr-schwarz-blaue-regierung-in-oesterreich-der.1008.de.html?dram:article_id=436248 (access date: 12.04.2020)
21. Deutsch, aber nicht ganz [Electronic resource] // Zeit online. – 2000. – URL: http://www.zeit.de/2000/14/200014.aussiedler.3_.xml/ (access date: 21.12.2018)
22. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht 148. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 4. März 2020 [Electronic resource] // Deutscher Bundestag. – URL: <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19148.pdf> (access date: 22.08.2021)
23. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht. 154. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 25. März 2020 [Electronic resource] // Deutscher Bundestag. URL: <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19154.pdf> (access date: 22.08.2021)
24. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht. 165. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 17. Juni 2020 [Electronic resource] // Deutscher Bundestag. URL: <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19165.pdf> (access date: 22.08.2021)
25. Deutschland. Aber normal. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 20. Deutschen Bundestag [Electronic resource] // Alternative für Deutschland. – 2021. – URL: https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2021/05/2021-05-20_-AfD-Bundestagswahlprogramm-2021.pdf (access date: 15.06.2021)
26. DF om skandaleramt østrigsk søsterparti: Ændrer ikke vores vurdering [Electronic resource] // Netavisen Pio. – 2019. – URL: <https://piopio.dk/df-om-skandaleramt-oestrigsk-soesterparti-aendrer-ikke-vores-vurdering> (access date: 25.10.2021)
27. Die AfD (Alternative für Deutschland) zu Gast bei HC Strache und der FPÖ [Video] // FPÖ TV. – 2017. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4LWsZJ3vyqI> (access date: 17.03.2020)
28. Die Blaue Allianz. Startschuss der Zusammenarbeit von AfD und FPÖ [Electronic resource] // Alternative für Deutschland. Landesverband Bayern. – 2016. – URL: <https://www.afdbayern.de/die-blaue-allianz-startschuss-der-zusammenarbeit-von-afd-und-fpoe/> (access date: 19.06.2019)
29. Die FPÖ und das Coronavirus: Einsamer Mahner oder Panikmacher? [Electronic resource] // Der Standard. – 2020. – URL: <https://www.derstandard.at/story/2000116073365/die-fpoe-und-das-coronavirus-einsamer-mahner-oder-panikmacher> (access date: 05.06.2021)
30. Die verlorenen Schafe von Marzahn [Electronic resource] // Der Spiegel. – 2004. – URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/aussiedler-schicksale-die-verlorenen-schafe-von-marzahn-a-298564.html> (access date: 25.11.2018)
31. Dippmann I. Freie Wähler und Blaue Partei – Hoch gepokert, nichts gewonnen [Electronic resource] // I. Dippmann // mdr AKTUELL. – 2019. – URL: <https://www.mdr.de/nachrichten/politik/regional/freie-waehler-blaue-partei-nach-landtagswahl-sachsen-100.html> (access date: 04.04.2020)

32. Dominik Nepp [Electronic resource] // Twitter. URL: <https://twitter.com/DominikNepp> (access date: 15.08.2021)
33. Dresdner Thesen [Electronic resource] // LEGIDA. – 2015. – URL: https://legida.eu/images/legida/Dresdner_Thesen_15_02.pdf (access date: 29.05.2018)
34. Ehemalige FPÖ-Mitarbeiter sollen nun bei der AfD arbeiten [Electronic resource] // Wiener Zeitung. – 2020. – URL: <https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/politik/oesterreich/2047694-Ehemalige-FPOe-Mitarbeiter-sollen-nun-bei-der-AfD-arbeiten.html> (access date: 04.04.2020)
35. End of the Identity, Tradition and Sovereignty political group as Romanian MEPs leave [Electronic resource] // European Parliament. – 2007. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?language=en&type=IM-PRESS&reference=20071109BRI12778&secondRef=ITEM-003-en> (access date: 29.11.2019)
36. Europawahl 1989. Wahl zum 3. Europäischen Parlament am 18. Juni 1989 [Electronic resource] // Der Bundeswahlleiter. – URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/europawahlen/1989.html> (access date: 20.05.2018)
37. Europawahl 1989: Werbespot FAP [Video] // YouTube. – 2011. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7cNVKyoTJco> (access date 20.05.2018)
38. Europawahlprogramm. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 9. Europäischen Parlament 2019 [Electronic resource] // Alternative für Deutschland. – 2019. – URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2019/03/AfD_Europawahlprogramm_A5-hoch_web_150319.pdf (access date: 15.06.2021)
39. EU-Wahl 2019 [Electronic resource] // Freiheitliche Partei Österreichs. – 2019. – URL: <http://web.archive.org/web/20190527230337/https://www.fpoe.eu/sichere-grenzen/> (access date: 15.06.2021)
40. Ex-AfD-Chefin Petry kritisiert ihre frühere Partei [Electronic resource] // Welt. – 2019. – URL: <https://www.welt.de/regionales/sachsen/article194265673/Ex-AfD-Chefin-Petry-kritisiert-ihre-fruehere-Partei.html> (access date: 25.12.2019)
41. Faß auf, Augen zu [Electronic resource] // Der Spiegel. – 1996. – URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-8891349.html> (access date: 20.05.2018)
42. Faye O. Crise des migrants : le FN tient Angela Merkel pour responsable [Electronic resource] // Le Monde. – 2015. – URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2015/09/24/1-allemande-nouveau-bouc-emissaire-de-marine-le-pen_4770239_823448.html (access date: 14.06.2019)
43. Fiedler M. Wir wollen eine bundesweite CSU sein [Electronic resource] // Der Tagesspiegel. – 2017. – URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/frauke-petry-im-interview-wir-wollen-eine-bundesweite-csu-sein/20569778.html> (access date: 26.05.2018)
44. FPÖ [Electronic resource] // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/fpoe/> (access date: 15.08.2021)
45. FPÖ [Electronic resource] // Twitter. URL: https://twitter.com/FPOE_TV (access date: 15.08.2021)
46. FPÖ gründet mit Partnern EU-Fraktion «Europa der Nationen und der Freiheit» [Electronic resource] // FPÖ. – 2015. – URL: <https://www.fpoe.at/artikel/fpoe-gruendet-mit-partnern-eu-fraktion-europa-der-nationen-und-der-freiheit-enf> (access date: 12.08.2019)
47. FPÖ-Chef stellte gegen Wahlkampfhilfe Staatsaufträge in Aussicht [Electronic resource] // Spiegel Online. – 2019. – URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/heinz-christian-strache-geheim-videos-belasten-fpoe-chef-a-1268059.html> (access date: 25.12.2019)

48. FPÖ-Landeschef kritisiert Kickls AfD-Besuch [Electronic resource] // Kronen Zeitung. – 2020. – URL: <https://www.krone.at/2088717> (access date: 07.04.2020)
49. FPÖ-Politiker bestreitet Österreichs Mitverantwortung für Holocaust [Electronic resource] // Spiegel online. – 2005. – URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/eklat-fpoe-politiker-bestreitet-oesterreichs-mitverantwortung-fuer-holocaust-a-338876.html> (access date: 12.08.2019)
50. Freiheitliches Wahlprogramm zur Nationalratswahl 2017 [Electronic resource] // FPÖ. – 2017. – URL: www.fpoe.at/fileadmin/user_upload/Wahlprogramm_8_9_low.pdf (access date: 07.04.2020)
51. Gauland A. Die Tücken der bilateralen Parteibeziehungen [Electronic resource] // Junge Freiheit. – 2016. – URL: <https://jungefreiheit.de/debatte/kommentar/2016/die-tuecken-der-bilateralen-parteibeziehungen/> (access date: 30.10.2018)
52. Haiders Partei schließt rechten Europaabgeordneten aus [Electronic resource] // Spiegel Online. – 2005. – URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/oesterreich-haiders-partei-schliesst-rechten-europaabgeordneten-aus-a-346927.html> (access date: 17.07.2019)
53. Haidinger M. Von der FPÖ zum BZÖ [Electronic resource] / M. Haidinger // Deutschlandfunk. – 2005. – URL: https://www.deutschlandfunk.de/von-der-fpoe-zum-bzoe.724.de.html?dram:article_id=98149 (access date: 20.07.2019)
54. Hän on täysin kontrollissamme – Itävallan skandaalivideo on vain yksi esimerkki Venäjän kytöksistä, joita perussuomalaisten uusilla EU-liittolaisilla on [Electronic resource] // Yle. – 2019. – URL: <https://yle.fi/uutiset/3-10792198> (access date: 25.10.2021)
55. Harald Vilimsky [Electronic resource] // Twitter. URL: <https://twitter.com/vilimsky> (access date: 15.08.2021)
56. HC Strache beim Front National: «Wir sind die einzigen echten Europäer!» [Video] // FPÖ TV. – 2014. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=8iebYT_dT3k (access date: 29.10.2019)
57. HC Strache: «Europäische Visionen - Visionen für Europa» [Video] // Facebook. – 2016. – URL : <https://www.facebook.com/HCStrache/videos/10153631178928591/UzpfSTc0ODY1MDM4NTkwOjEwMTUzNjMyODkwOTAzNTkx/> (access date: 29.10.2019)
58. Heinz-Christian Strache aus FPÖ ausgeschlossen [Electronic resource] // Zeit Online. – 2019. – URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2019-12/christian-strache-fpoe-oesterreich-ibiza-video-ausschluss> (access date: 07.04.2020)
59. Jörg Meuthen und Harald Vilimsky sprechen beim Politischen Aschermittwoch der AfD [Electronic resource] // Alternative für Deutschland. – 2018. – URL: <https://www.afd.de/meuthen-und-vilimsky-sprechen-beim-politischen-aschermittwoch-der-afd/> (access date: 24.06.2019)
60. Jörg Meuthen: Österreich zeigt, wie es geht – Nein zum Migrationspakt der UNO [Electronic resource] // Alternative für Deutschland. – 2018. – URL: <https://www.afd.de/joerg-meuthen-oesterreich-zeigt-wie-es-geht-nein-zum-migrationspakt-der-uno/> (access date: 24.06.2019)
61. Kamann M. Was die AfD von der FPÖ lernen will [Electronic resource] / M. Kamann // Welt. – 2020. – URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article205423351/Gauland-Weidel-und-Kickl-Was-die-AfD-von-der-FPOe-lernen-will.html> (access date: 07.04.2020)
62. KH Grünsteidl [Electronic resource] // Twitter. URL: <https://twitter.com/khgruensteidl> (access date: 15.08.2021)
63. LABg. Wall: „Beschränkte Freiheitsrechte während Corona-Krise auch für Volksanwaltschaft problematisch“ [Electronic resource] // FPÖ Landtagsklub Oberösterreich. – 2021. – URL: <https://www.fpoe-ltklub-ooe.at/labg-wall-beschraenkte-freiheitsrechte-waehrend-corona-krise-auch-fuer-volksanwaltschaft-problematisch/> (access date: 05.06.2021)

64. Landtagswahl-programm 2021. Alternative für Deutschland Baden-Württemberg [Electronic resource] // Alternative für Deutschland Baden-Württemberg. – 2021. – URL: https://afd-bw.de/afd-bw/wahlprogramme/landtagswahlprogramm_afd_2021_a4.pdf (access date: 15.06.2021)
65. Le scandale Ibiza: Strache setzt Le Pen zu [Electronic resource] // Kurier. – 2019. – URL: <https://kurier.at/politik/ausland/le-scandale-ibiza-strache-setzt-le-pen-zu/400501408> (access date: 25.10.2021)
66. Maskenpflicht im Bundestag ist rechtens [Electronic resource] // ZDF. – 20.11.2020. – URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/corona-bundestag-maskenpflicht-100.html> (access date: 15.05.2021)
67. Mijnsen I. Österreichs Politiker bauen an ihrer Facebook-Parallelwelt [Electronic resource] / I. Mijnsen // Neue Zürcher Zeitung. – 2019. – URL: <https://www.nzz.ch/international/oesterreichs-politiker-bauen-an-ihrer-facebook-parallelwelt-ld.1501983> (access date: 16.06.2021)
68. Mounk Y. How populist uprisings could bring down liberal democracy [Electronic resource] // The Guardian. – 2018. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/mar/04/shock-system-liberal-democracy-populism> (access date: 15.04.2021)
69. Nach Nein zu Migrationspakt: Österreich will UNO-Flüchtlingspakt zustimmen [Electronic resource] // Kurier. – 2018. – URL: <https://kurier.at/politik/inland/nach-nein-zu-migrationspakt-oesterreich-will-uno-fluechtlingspakt-zustimmen/400340599> (access date: 19.03.2020)
70. Nationalrat, XXIII. 72. Sitzung. 24.09.2008 [Electronic resource] // Republik Österreich. Parlament. – 2008. – URL: https://www.parlament.gv.at/pd/stvorwww/XXIII/NRSITZ/NRSITZ_00072/B_-_01_38_07_Abgeordneter_Dr__Reinhard_Eugen_Bosch__FPO_.pdf (access date: 11.04.2019)
71. Nationalratswahl 2008 [Electronic resource] // Bundesministerium für Inneres. – 2008. – URL: https://www.bmi.gv.at/412/Nationalratswahlen/Nationalratswahl_2008/ (access date: 11.04.2019)
72. Norbert Hofer [Electronic resource] // Twitter. URL: <https://twitter.com/norbertghofer> (access date: 15.08.2021)
73. Obermayer B., Obermaier F. Könnt ihr nicht das ganze Material veröffentlichen? [Electronic resource] / B. Obermayer, F. Obermaier // Süddeutsche Zeitung. – 2019. – URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/strache-videos-recherche-leserfragen-1.4455611> (access date: 07.04.2020)
74. Our Journey So Far [Electronic resource] // MAXQDA. – URL: <https://www.maxqda.com/about>
75. Petry: Meuthen vom Höcke-Flügel der AfD abhängig [Electronic resource] // Merkur.de. – 2018. – URL: <https://www.merkur.de/politik/petry-meuthen-vom-hoecke-fluegel-afd-abhaengig-zr-9489380.html> (access date: 04.04.2020)
76. Pink O. Eine Stunde mit den Patrioten [Electronic resource] / O. Pink // Die Presse. – 2008. – URL: https://diepresse.com/home/ausland/eu/357847/Eine-Stunde-mit-den-Patrioten?direct=357966&_vl_backlink=/home/ausland/eu/357966/index.do (access date: 09.09.2019)
77. Platform [Electronic resource] // Identity and Democracy Party. – 2018. – URL: <https://www.id-party.eu/platform> (access date: 21.02.2019)
78. Politischer Aschermittwoch: Frauke Petry und Heinz-Christian Strache am 01.03.2017 [Video] // Youtube. – 2017. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=vbvx-QbE_aU (access date: 12.02.2020)

79. Positionspapier der PEGIDA [Electronic resource] // wins media UG. – 2014. – URL: <https://www.menschen-in-dresden.de/wp-content/uploads/2014/12/pegida-positionspapier.pdf> (access date: 22.05.2018)
80. Prof. Dr. Jörg Meuthen [Electronic resource] // Twitter. URL: https://twitter.com/Joerg_Meuthen (access date: 15.08.2021)
81. Programm [Electronic resource] // Blaue Wende. – 2018. – URL: [https://www.blauewende.de/programm/](https://www.blauewende.de/programm/ (access date: 05.12.2018)) (access date: 05.12.2018)
82. Programm für Deutschland. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland [Electronic resource] // Alternative für Deutschland. – 2018. – URL: https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2018/01/Programm_AfD_Druck_Online_190118.pdf (access date: 10.09.2018)
83. Protokolle. Plenartagung [Electronic resource] // Europäisches Parlament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/plenary/de/minutes.html> (access date: 15.08.2021)
84. Reifenrath I. AfD lobt Anti-Corona-Demonstranten [Electronic resource] / I. Reifenrath // Tagesschau. ARD-aktuell. – 04.08.2020. – URL: <https://www.tagesschau.de/inland/corona-demos-afd-101.html> (access date: 15.05.2021)
85. Riedel K. Liegt Spaltung in der Luft? [Electronic resource] / K. Riedel // Tagesschau.de. – 2020. – URL: <https://www.tagesschau.de/inland/afd-fluegel-streit-101.html> (access date: 07.04.2020)
86. Rosenkranz für Aufhebung von NS-Verbotsgesetz [Electronic resource] // Die Presse. – 2010. – URL: <https://diepresse.com/home/politik/hofburgwahl/543760/Rosenkranz-fuer-Aufhebung-von-NSVerbotsgesetz> (access date: 02.08.2019)
87. Samuel H. Marine Le Pen forms far-Right group in European Parliament [Electronic resource] / H. Samuel // The Telegraph. – 2015. – URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/11678565/Marine-Le-Pen-forms-far-Right-group-in-European-Parliament.html> (access date: 02.08.2019)
88. Schwarz-Grün greift unsere Grundrechte an! – Herbert Kickl über die Corona-Demo-Untersagung [Video] // FPÖ TV. YouTube. – 2021. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=M8IyAqz4-BY> (access date: 05.06.2021)
89. Schwietzer K. Der «Flügel» – radikal und doch genehm? [Electronic resource] / K. Schwietzer // Tagesschau.de. – 2019. – URL: <https://www.tagesschau.de/inland/afd-fluegel-105.html> (access date: 08.04.2020)
90. Stimmenanteile der AfD bei den jeweils letzten Landtagswahlen in den Bundesländern bis Juni 2021 [Electronic resource] // Statista. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/320946/umfrage/ergebnisse-der-afd-bei-den-landtagswahlen/> (access date: 15.08.2021)
91. Stolz J., Salles A., Mestre A. Les infréquentables cousins de Grèce et de Hongrie [Electronic resource] / J. Stolz, A. Salles, A. Mestre // Le Monde. – 2013. – URL: https://www.lemonde.fr/europe/article/2013/11/14/les-infrequentables-cousins-de-grece-et-de-hongrie_3513447_3214.html (access date: 18.06.2019)
92. Strache tritt zurück – gibt es jetzt Neuwahlen? [Electronic resource] // Tagesschau. – 2019. – URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/strache-ruecktritt-101.html> (access date: 27.11.2019)
93. Strache will Jobbik nicht in neuer EU-Rechtspartei [Electronic resource] // Der Standard. – 2011. – URL: <https://www.derstandard.at/story/1308680071418/eu-strache-will-jobbik-nicht-in-neuer-eu-rechtspartei> (access date: 18.07.2019)

94. Unser Programm [Electronic resource]// FPÖ Wien. – 2005. – URL: <http://web.archive.org/web/20051226093748/http://www.fpoe-wien.at/index.php?id=2164> (access date: 15.06.2021)
95. Wahlprogramm 2015 [Electronic resource] // FPÖ Wien. – 2015. – URL: <http://web.archive.org/web/20151001134522/http://www.fpoe-wien.at/themen/wahlprogramm-2015/stopp-der-zuwanderung-und-schutz-auf-zeit-statt-tueren-auf-fuer-alle> (access date: 15.06.2021)
96. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017 [Electronic resource] // Alternative für Deutschland. – URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf (access date: 11.03.2018)
97. We Changed Our Name [Electronic resource] // Identity and Democracy Party. – 2019. – URL: https://www.id-party.eu/new_name (access date: 02.02.2020)
98. Wien braucht eine starke FPÖ. Unser Programm für Wien 2020 [Electronic resource] // FPÖ Wien. – 2020. – URL: https://web.archive.org/web/20200928201211/https://www.fpoe-wien.at/fileadmin/user_upload/www.fpoe-wien.at/documents/Wahlprogramm_2020_v5_Web.pdf (access date: 15.06.2021)
99. Wien Gesamtprogramm [Electronic resource] // FPÖ Wien. – 2010. – URL: http://web.archive.org/web/20100216042952/http://www.fpoe-wien.at/fileadmin/Content/Wien/PDFs/wien_gesamtprogramm_05.pdf (access date: 15.06.2021)
100. Wiener Erklärung der europäischen patriotischen und nationalen Parteien und Bewegungen [Electronic resource] // APA-OTS. – 2005. – URL: https://www.ots.at/presseaussendung/OTS_20051114_OT0051/wiener-erklaerung-der-europaeischen-patriotischen-und-nationalen-parteien-und-bewegungen (access date: 17.04.2019)
101. Willsher K., Traynor I. Marine Le Pen fails to form far-right bloc in European parliament [Electronic resource] / K. Willsher, I. Traynor // The Guardian. – 2014. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/jun/24/marine-le-pen-fails-form-far-right-bloc-european-parliament> (access date: 29.11.2019)
102. Wir haben der AfD ermöglicht, die Demokratie zu verhöhnen [Electronic resource] // Zeit Online. – 2020. – URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2020-02/fdp-christian-lindner-afd-thueringen-wahl> (access date: 05.04.2020)
103. Wir wollen eine Medienlandschaft ähnlich wie der Orbán aufbauen [Electronic resource] // Süddeutsche Zeitung. – 2019. – URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/strache-video-aussagen-1.4449588> (access date: 15.12.2020)
104. Zu rechts für die Rechten [Electronic resource] // Deutschlandfunk. – 2016. – URL: https://www.deutschlandfunk.de/afd-politiker-pretzell-zu-rechts-fuer-die-rechten.2852.de.html?dram:article_id=351144 (access date: 04.04.2020)
105. Zusammen. Für unser Österreich. Regierungsprogramm 2017–2022 // Freiheitliches Bildungsinstitut. – 2017. – URL: https://www.fbi-politikschule.at/fileadmin/user_upload/www.fpoe-bildungsinstitut.at/dokumente/Zusammen_Fuer_Oesterreich_Regierungsprogramm_2017_-_2022.pdf (access date: 04.04.2020)

Literature

106. Adler E. Seizing the Middle Ground: Constructivism in World Politics / E. Adler // *European Journal of International Relations*. – 1997. – 3(3). – P. 319–363
107. Agustín Ó. G. Left-Wing Populism: The Politics of the People / Ó. G. Agustín. – Emerald Publishing, 2020. – 190 p.
108. Albertazzi D., McDonnell D. Populists in Power / D. Albertazzi, D. McDonnell. – Routledge, 2015. – 204 p.
109. Albertazzi D., Vampa D. Populism and New Patterns of Political Competition in Western Europe / D. Albertazzi, D. Vampa. – Routledge, 2021. – 314 p.
110. Alekseeva T.A. Myslit' konstruktivistski: otkryvaya mnogogolosyj mir / T.A. Alekseeva // *Sravnitel'naya politika*. – 2014. – 1(14). – P. 4-21
111. Allison M. Germany and Austria 1814-2000 / M. Allison. – Routledge, 2013. – 224 p.
112. Almeida D. Europeanized Eurosceptics? Radical Right Parties and European Integration / D. Almeida // *Perspectives on European Politics and Society*. – 2010. – 11(3). – P. 237-253
113. Almeida D. The Impact of European Integration on Political Parties: Beyond the Permissive Consensus / D. Almeida. – Taylor & Francis, 2012. – 200 p.
114. Austensen R. A. "Einheit oder Einigkeit"? Another Look at Metternich's View of the German Dilemma / R. A. Austensen // *German Studies Review*. – 1983. – 6 (1). – P. 41-57
115. Aver'yanov L. YA. Kontent-analiz / L. YA. Aver'yanov. – M.: RGIU, 2007. – 286 s.
116. Bade K. J. Migration, Flucht, Integration. Kritische Politikbegleitung von der ‚Gastarbeiterfrage‘ bis zur ‚Flüchtlingskrise‘ / K.J. Bade. – Karlsruhe: Loeper Literaturverlag, 2017. – 616 s.
117. Baranov N. A. Nacional'nye aspekty populizma kak metoda politicheskoy bor'by : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk : 23.00.02 / N.A. Baranov. – SPb., 1998. – 12 p.
118. Bek U. Vlast' i ee opponenty v epohu globalizma: novaya vseмирno-politicheskaya ekonomiya. – M.: Progress-tradiciya, 2007. – 464 p.
119. Belien P. Far Right Parties in Europe Join Forces [Electronic resource] / P. Belien // *The Brussels Journal*. – 2005. – URL: <https://www.brusselsjournal.com/node/484> (access date: 10.02.2020)
120. Bell D. The end of ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties / D. Bell. – New York: Free Press, 1988. – 501 p.
121. Betz H.-G. Die identitätspolitische Herausforderung rechtspopulistischer Parteien in Europa // *Die neue rechte Herausforderung. Rechtsextremismus in Deutschland und Europa*. – Berlin: Heinrich-Böll-Stiftung, 2005. – S. 9-16
122. Betz H.-G. The Two Faces of Radical Right-Wing Populism / H.-G. Betz // *Review of Politics*. – 1993. – 55 (4). – P. 663-685
123. Bischof G. Austria in the First Cold War, 1945–55: The Leverage of the Weak / G. Bischof. – Palgrave Macmillan, 1999. – 255 p.
124. Blasi W. Der bedrohte Staat. Über rivalisierende Wehrverbände, ein ausgehöhltes Gewaltmonopol und die latente Bürgerkriegsgefahr in der Ersten Republik / W. Blasi // *SIAK-Journal – Zeitschrift für Polizeiwissenschaft und polizeiliche Praxis*. – 2015. – №2. – S. 86-97
125. Bobbio N. Left and Right. The Significance of a Political Distinction // N. Bobbio. – The University of Chicago Press, 1996. – 124 p.
126. Borisova A. A. Avstro-Germanskije diplomaticheskie kontakty po voprosu sozdaniya velikogermanskogo gosudarstva 1918-1919 gg. / A. A. Borisova // *Vestnik VGU, Seriya: Istorija. Politologiya. Sociologiya*. – 2006. – № 2. – P. 15-23

127. Brack N. The roles of Eurosceptic Members of the European Parliament and their implications for the EU / N. Brack // *International Political Science Review*. – 2015. – 36(3). – P. 337–350.
128. Braunthal G. *Right-Wing Extremism in Contemporary Germany* / G. Braunthal. – Springer, 2009. – 260 p.
129. Bukey E. B. *Hitlers Österreich* / E. B. Bukey. – Hamburg: Europa Verlag GmbH, 2006. – 619 s.
130. Call S., Jolly S. Euroscepticism in the Populism Era / S. Call, S. Jolly // *The Journal of Politics*. – 2019. – 82 (1). – P. e7–e12
131. Campani G. The Blurred Borders of Racism, Neo-Fascism and National Populism / G. Campani // *Časopis za Kritiko Znanosti, Domišljivo in Novo Antropologijo*. – 2015. – 43(260). – P. 19-27
132. Campbell D. *Writing security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity* / D. Campbell. – Manchester University Press, 1992. – P. 235-236
133. Cannon B. Must We Talk about Populism? Interrogating Populism's Conceptual Utility in a Context of Crisis / B. Cannon // *New Political Science*. – 2018. – Vol. 40, 3. – P. 477-496
134. Canovan M. *Populism* / M. Canovan. – Harcourt, Brace, Jovanovich, 1981. – 351 p.
135. Caprara G. V., Vecchione M. On the Left and Right Ideological Divide: Historical Accounts and Contemporary Perspectives / G. V. Caprara, M. Vecchione // *Advances in Political Psychology*. – 2018. – Vol. 39, Suppl. 1. – P. 49-83
136. Cardoso F. H., Faletto E. *Dependency and development in Latin America* / F. H. Cardoso, E. Faletto. – University of California Press, 1979. – 227 p.
137. Charalambous G., Ioannou G. *Conclusions: populism and left radicalism in Europe across time and space* // *Left Radicalism and Populism in Europe* / Charalambous G., Ioannou G. (eds.). Routledge, 2020. – P. 257-265
138. CHutkov P. P. Morfologičeskij analiz ideologii M. Fridena / P. P. CHutkov // *METOD: Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskih disciplin*. – 2016. – P. 333-346
139. Copsy N. Fascism... but with an open mind. Reflections on the Contemporary Far Right in (Western) Europe / N. Copsy // *Fascism*. – 2013. – 2. – P. 1-17
140. Dann O. *Nacii i nacionalizm v Germanii. 1770-1990*. – SPb : Nauka, 2003. – 469 p.
141. De Blasio E., Sorice M. Populism between direct democracy and the technological myth [Electronic resource] / E. De Blasio, M. Sorice // *Palgrave Communications*. – 2018. – URL: <https://www.nature.com/articles/s41599-018-0067-y> (access date: 15.08.2019)
142. de Cleen B. Populism and Nationalism // *Oxford Handbook of Populism* / Rovira Kaltwasser C., Taggart P., Ochoa Espejo P., Ostiguy, P. (eds.). – Oxford University Press, 2017. – P. 342-362
143. Decker F. *Der neue Rechtspopulismus* / F. Decker. – Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2004. – 316 s.
144. Decker F. Die «Alternative für Deutschland» aus der vergleichenden Sicht der Parteienforschung / Häusler A. // *Die Alternative für Deutschland. Programmatik, Entwicklung und politische Verortung*. – Wiesbaden: Springer, 2016. – S. 7-23
145. Decker F. The «Alternative for Germany». Factors Behind its Emergence and Profile of a New Right-wing Populist Party / F. Decker // *German Politics and Society*. – 2016. – Issue 119. Vol. 34. No. 2. – P. 1–16
146. Decker F., Neu V. *Handbuch der deutschen Parteien*. – Springer VS., 2018. – 533 s.
147. Derkach M. A. *Istoriya populistских partij SHvecii i Finlyandii v 2006-2015 gg. : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.03* / M.A. Derkach. – M., 2017. – 266 p.

148. Dudek P., Jaschke H.-G. Entstehung und Entwicklung des Rechtsextremismus in der Bundesrepublik: zu Traditionen einer besonderen politischen Kultur / P. Dudek, H.-G. Jaschke. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984. – 512 s.
149. Eatwell R. Populism and Fascism // Oxford Handbook of Populism / Rovira Kaltwasser C., Taggart P., Ochoa Espejo P., Ostiguy, P. (eds.). – Oxford University Press, 2017. – P. 363-383
150. Frank P. L. Po tu storonu «pravogo» i «levogo» [Electronic resource] / P. L. Frank. URL: http://www.odinblago.ru/frank_po_tu_storonu (access date: 31.10.2020)
151. Freissler M. Für ein Europa der Nationen. Zur Kooperation rechtsnationaler Parteien in der Europäischen Union unter besonderer Berücksichtigung der Freiheitlichen Partei Österreichs : Masterarbeit zur Erlangung des akademischen Grades «Master of Arts» / M. Freissler. – Wien, 2011. – 185 s.
152. Frie E. Preußische Identitäten im Wandel (1760-1870) / E. Frie // Historische Zeitschrift. – 2001. – 272(2). – S. 353-375
153. Geden O. Diskursstrategien im Rechtspopulismus. Freiheitliche Partei Österreichs und Schweizerische Volkspartei zwischen Opposition und Regierungsbeteiligung / O. Geden. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. – 246 s.
154. Gehler M., Graf M. Austria, German Unification, and European Integration: A Brief Historical Background [Electronic resource] / M. Gehler, M. Graf. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/austria-german-unification-and-european-integration-brief-historical-background> (access date: 25.01.2021)
155. Gehler M., Graf M. Österreich und die deutsche Frage 1987–1990 / M. Gehler, M. Graf. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2018. – 789 s.
156. Gerbaudo P.: Populism 2.0: Social Media Activism, the Generic Internet User and Interactive Direct Democracy / D. Trotter, D. Fuchs // Social Media, Politics and the State: Protests, Revolutions, Riots, Crime and Policing in the Age of Facebook, Twitter and YouTube. – Abingdon : Routledge, 2014, – P. 63-84
157. Giddens A. Beyond Left and Right. The Fate of Radical Politics / A. Giddens. Polity Press, 2007. 276 p.
158. Glaser R. Aspekte der Herder-Rezeption in der deutschen Volkskunde / R. Glaser // Ethnologia Europaea. – 1994. – 24 (2). – S. 133-138
159. Grabbe H., Groot N. Populism in the European Parliament: What Implications for the Open Society? / H. Grabbe, N. Groot // The International Spectator. – 2014. – 49 (4). – P. 33-46
160. Grabow K. Das Volk, des Volkes, dem Volk. Merkmale und Trends zum Begriff Populismus / K. Grabow. – Konrad-Adenauer-Stiftung. – 2016. – 539. – S. 23-27
161. Gribovskij V. P. Pravye partii «politicheskoy al'ternativy» v Germanii, Avstrii i SHvejcarii : dis. ... kand. politich. nauk : 23.00.02 / V. P. Gribovskij. – M., 2019. – 172 p.
162. Grumke T., Wagner B. Handbuch Rechtsradikalismus: Personen – Organisationen – Netzwerke vom Neonazismus bis in die Mitte der Gesellschaft / T. Grumke, B. Wagner. – Opladen: Leske + Budrich, 2002. – 546 s.
163. Gunlicks A. The Länder and German federalism / A. Gunlicks. – Manchester: Manchester University Press, 2003. – 409 p.
164. Hafez F. Shifting borders: Islamophobia as common ground for building pan-European right-wing unity / F. Hafez // Patterns of Prejudice. – 2014. – 48 (5). – P. 479-499

165. Haider und die Rechtsradikalen ZDF-Bericht über Haider [Electronic resource] // Dokumentationsarchiv des österreichischen Widerstandes. – 2000. – URL: <https://www.doew.at/erkennen/rechtsextremismus/rechtsextremismus-in-oesterreich/archiv-fpoe-bis-2004/haider-und-die-rechtsradikalen> (access date: 12.03.2020)
166. Hainsworth P. The Extreme Right in Western Europe / P. Hainsworth. – Routledge, 2008. – 160 p.
167. Hämmerle W. Die Spaltung der FPÖ: Annus horribilis für das freiheitliche Lager / W. Hämmerle // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2005. – 2006. – S. 241-246
168. Hämmerle W. Jahreschronik 2002 / W. Hämmerle // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2002. – 2003. – S. 539-586
169. Hartleb F. Recht- und Linkspopulismus. Eine Fallstudie anhand von Schill-Partei und PDS / F. Hartleb. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. – 361 s.
170. Hatakka N. Populism in the hybrid media system. Populist Radical Right Online Counterpublics Interacting with Journalism, Party Politics, and Citizen Activism / N. Hatakka. – Turku, 2019. – 98 p. – URL: <https://www.utupub.fi/bitstream/handle/10024/148270/AnnalesB487Hatakka.pdf> (access date: 15.08.2021)
171. Hrishkevich T.G. «Al'ternativa dlya Germanii» mezhdru federal'nymi vyborami: fenomen populyarnosti maloj partii / T.G. Hrishkevich // Metamorfozy istorii. – 2017. – Vyp. 9. – P. 175-191
172. Johansson K.M. How populist parties organize [Electronic resource]. – URL: <https://www.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A699764&dswid=9130> (access date: 26.10.2021)
173. Kaarbo J., Lantis J.S., Bealsey R.K. The Analysis of Foreign Policy in Comparative Perspective // Foreign Policy in Comparative Perspective: Domestic and International Influences on State Behavior / Beasley R.K. et al. – CQ Press, 2012. – P. 1-93
174. Kailitz S. Die Deutsche Volksunion und die Republikaner: Vergleichende Betrachtungen zur Entwicklung und zum ideologischen Profil // Strategien der extremen Rechten: Hintergründe – Analysen – Antworten / Braun S., Geisler A., Gerster M. – Springer-Verlag, 2009. – S. 109-129
175. Kaveshnikov N. Yu. Vliyanie transformacii partijno-politicheskogo prostranstva Evrooyuza na organizaciyu i funkcionirovanie Evroparlamenta / N. Yu. Kaveshnikov // Sovremennaya Evropa. – 2020. – 2 (95). – P. 163-175
176. Klekowski von Koppenfels A. Who Organizes? The Political Opportunity Structure of Co-Ethnic Migrant Mobilization // Diasporas and Ethnic Migrants: Germany, Israel and Russia in Comparative Perspective / Münz R. & R. Ohliger. – Frank Cass Publishers, 2004. – P. 284-301
177. Kneuer M. The tandem of populism and Euroscepticism: a comparative perspective in the light of the European crises / M. Kneuer // Contemporary Social Science. – 2019. – 14 (1). – P. 26-42
178. Krippendorff K. Content Analysis: An Introduction to Its Methodology. – Sage Publications, 2004. – 441 p.
179. Kukartz U. Realizing Mixed-Methods Approaches with MAXQDA [Electronic resource] / U. Kukartz // MAXQDA. – 2010. – URL: <https://www.maxqda.de/download/MixMethMAXQDA-Nov01-2010.pdf> (access date: 29.03.2020)
180. Laclau E. On Populist Reason / E. Laclau. – Verso, 2005. – 276 p.
181. Landmann T. Issues and Methods in Comparative Politics: An Introduction / T. Landmann. – Routledge, 2008. – 362 p.
182. Lanko D.A. Populizm i politicheskoe uchastie: ulichnye besporyadki v stranah Baltijskogo regiona v 2007-2009 gg. / D.A. Lanko // PolitEks. – 2009. – T. 5, No 2. – P. 209-230

183. Levinson D. J. Polico-economic ideology and group membership in relation to ethnocentrism / Adorno T.W. et al. // *The Authoritarian Personality*. – Verso, 2019. – P. 151-207
184. Lewis S., Zamith R., Hermida A. Content Analysis in an Era of Big Data: A Hybrid Approach to Computational and Manual Methods / S. Lewis, R. Zamith, A. Hermida // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. – 2013. – 57(1). – P. 34–52
185. Lukacs J. *Democracy and Populism: Fear and Hatred* / J. Lukacs. – Yale University Press, 2005. – 248 p.
186. Lyutyh A. A., Tonkih V. A. *Politologiya: kurs lekcij* / A. A. Lyutyh, V. A. Tonkih. – Voronezh : Central'no-CHernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992. – 240 p.
187. MacRae D. *Populism as an ideology* / Ionescu G., Gellner E. // *Populism: Its Meaning and National Characteristics*. – The Macmillan Company, 1969. – P. 153-165
188. Mal'ko A. V. *Populizm kak tormoz demokratii* / A.V. Mal'ko // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. – 1994. – №1. – P. 104-111
189. Maly I. *Algorithmic populism and algorithmic activism* [Electronic resource] / I. Maly // *Diggit Magazine*. 26.11.2019. – URL: <https://www.diggitmagazine.com/articles/algorithmic-populism-activism> (access date: 15.04.2021)
190. McDonnell D., Werner A. *International populism. The radical right in the European Parliament* / D. McDonnell, A. Werner. – Oxford University Press, 2019. – 282 p.
191. Meret S. *The Danish People's Party, the Italian Northern League and the Austrian Freedom Party in a Comparative Perspective: Party Ideology and Electoral Support* / S. Meret. – Aalborg: Institut for Historie, Internationale Studier og Samfundsforhold, Aalborg Universitet. 2010. – 322 p.
192. Minogue K. *Populism as a political movement* / Ionescu G., Gellner E. // *Populism: Its Meaning and National Characteristics*. – The Macmillan Company, 1969. – P. 197-211
193. Moffitt B. *Transnational Populism? Representative Claims, Media and the Difficulty of Constructing a Transnational «People»* / B. Moffitt // *Javnost – The Public*. – 2017. – 24 (4). – P. 409-425
194. Mouffe C. *The Democratic Paradox* / C. Mouffe. – Verso, 2000. – 143 p.
195. Mudde C. *It's the fragmentation, stupid!* [Electronic resource] // *VOXeurop*. – 2019. – URL: <https://voxeurop.eu/en/2019/2019-european-elections-5123367> (access date: 22.02.2020)
196. Mudde C. *The Ideology of the Extreme Right* / C. Mudde. – Manchester: Manchester University Press, 2013. – 212 p.
197. Mudde C. *The War of Words Defining the Extreme Right Party Family* / C. Mudde // *West European Politics*. – 1996. – 19 (2). – P. 225-248
198. Mudde C., Kaltwasser C. R. *Populism: A Very Short Introduction* / C. Mudde, C. R. Kaltwasser. – Oxford University Press, 2017. – 136 p.
199. Mudde, C. *The Populist Zeitgeist* / C. Mudde // *Government and Opposition*. – 2004. – 39(4). – P. 541–563
200. Mufti A. R. *Global Comparativism* / A.R. Mufti // *Critical Inquiry*. – 2005. – 31 (2). – P. 472-489
201. Munck G.L., Snyder R. *Passion, Craft, and Method in Comparative Politics* / G.L. Munck, R. Snyder. – John Hopkins University Press, 2007. – 773 p.
202. *Mussolini's Romania Comments Split Extremist MEP Group* [Electronic resource] // *Spiegel Online*. – 2017. – URL: <https://www.spiegel.de/international/europe/cat-fight-on-the-far-right->

- mussolini-s-romania-comments-split-extremist-mep-group-a-516407.html (access date: 16.12.2019)
203. Myuller YA.-V. CHto takoe populizm? / YA.-V. Myuller. – M.: Izdatel'skij dom Vyshej shkoly ekonomiki, 2018. – 63 p.
204. Neubacher B. Die Republikaner im baden-württembergischen Landtag – von einer rechtsextremen zu einer rechtsradikalen, etablierten Partei? : Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors der Philosophie / B. Neubacher. – Stuttgart, 2001. – 377 s.
205. Neuendorf K. The Content Analysis Guidebook. – Sage Publications, 2002. – 301 p.
206. Neumann I. Uses of the Other: The «East» in European Identity Formation / I. Neumann. – Manchester University Press, 1999. – 281 p.
207. Neumann-Ernst N. Comparing populist communication across media channels: How political actors utilize populist messages and styles / N. Neumann-Ernst. – Zurich, 2019. – 194 p. – URL: <https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/170929/1/170929.pdf> (access date: 15.08.2021)
208. Nicoli F. Populism, polarization, politicization, participation, projecting the EU beyond the market? [Electronic resource] // Rising Populism and European Elections: Collection of selected contributions. – Institute of European Democrats, 2014. – URL: <https://www.iedonline.eu/download/2014/Rising-Populism-European-Elections-IED--2014.pdf> (access date: 15.04.2019)
209. N'yuman L. Neoprosnye metody issledovaniya // Sociologicheskie issledovaniya. – 1998. – № 6. – P. 119-129
210. Oskolkov P. V. Pravyj populizm v sovremennom Evropejskom soyuze: formy i tendencii razvitiya : dis. ... kand. polit. nauk : 23.00.02 / P. V. Oskolkov. – M., 2019. – 206 p.
211. Oskolkov P. V. Pravyj populizm v sovremennom Evropejskom soyuze: formy i tendencii razvitiya : dis. ... kand. polit. nauk : 23.00.02 / P.V. Oskolkov. – M., 2019. – 206 p.
212. Pegidas Hochburg – Pegidas Gegner [Electronic resource] // Der Spiegel. – 2015. – URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/pegida-ueberblick-wo-sind-die-anhaenger-wo-die-gegner-a-1011480.html> (access date: 29.05.2018)
213. Pelinka A. Die FPÖ im internationalen Vergleich. Zwischen Rechtspopulismus, Deutschnationalismus und Österreich-Patriotismus / A. Pelinka // Conflict & Communication. – 2002. – 1 (1). – S. 1-12
214. Pelinka A. Die FPÖ in der vergleichenden Parteienforschung: zur typologischen Einordnung der Freiheitlichen Partei Österreichs / A. Pelinka // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. – 2002. – 31(3). – S. 281-290
215. Pfahl-Traugher A. Rechtsextremismus in der Bundesrepublik / A. Pfahl-Traugher. – München: Beck, 2006. – 124 s.
216. Plasser F., Sommer F. Bundespräsidentenwahlen 2016: Politische Einstellungen und Motive der Wähler, regionale Trends und Wählerströme // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2016. – 2017. – S. 3-35
217. Politika postpravdy i populizm / pod red. O. V. Popovoj. – SPb.: Skifiya-print, 2018. – 216 p.
218. Preglau M. Umbruch der politischen Kultur in Österreich: von der schwarz-blau/orange Wende 2000 über das rot-schwarze Interregnum 2006-2017 zu Schwarz/Türkis-Blau 2.0 [Electronic resource] / M. Preglau // Universität Innsbruck. – 2018. – URL: https://www.uibk.ac.at/soziologie/dokumente/pdf/mitarbeiter/team/info_fpoe_preglau_max.pdf (access date: 10.06.2019)

219. Price R., Reus-Smit Ch. Dangerous Liaisons? Critical International Theory and Constructivism / R. Price, Ch. Reus-Smit // *European Journal of International Relations*. – 1998. – 4 (3). – P. 259-294
220. Ragozin G. P. Avstro-prusskij dualizm v Germanii, 1763-1866 gg.: ideologicheskij aspekt / G. P. Ragozin : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.03. – Arhangel'sk, 2018. – 278 p.
221. Rauchensteiner M. Der „Rest“ / M. Rauchensteiner // *Die Anfänge der Republik Österreich im internationalen Kontext*. – Wien: Österreichische Nationalbibliothek, 2018. – 76 s.
222. Riedel S. Die kulturelle Zukunft Europas: Demokratien in Zeiten globaler Umbrüche / S. Riedel. – Springer-Verlag, 2014. – 292 s.
223. Rooduijn M. Why is populism suddenly all the rage? [Electronic resource] / M. Rooduijn // *The Guardian*. – 2018. – URL: <https://www.theguardian.com/world/political-science/2018/nov/20/why-is-populism-suddenly-so-sexy-the-reasons-are-many> (access date: 15.04.2021)
224. Rosas J. C., Ferreira A. R. Left and Right: The Great Dichotomy Revisited / J. C. Rosas, A. R. Ferreira. – Cambridge Scholars Publishing, 2013. – 430 p.
225. Ross R. J. Heinrich Ritter von Srbik and "Gesamtdeutsch" History / R. J. Ross // *The Review of Politics*. – 31 (1). – P. 88–107
226. Ruggie J. G. What Makes the World Hang Together? Neo-Utilitarianism and the Social Constructivist Challenge / J. G. Ruggie // *International Organization*. – 1998. – 52 (4). – P. 855-885
227. Rydgren J. The Radical Right: An Introduction // *The Oxford Handbook of the Radical Right* / J. Rydgren. – New York City : Oxford University Press, 2018. – P. 1-13
228. Schellenberg B. Die Republikaner // *Handbuch des Antisemitismus. Judenfeindschaft in Geschichte und Gegenwart. Band 5: Organisationen, Institutionen, Bewegungen* / Benz W. – 2012. – S. 536-538
229. Schori Liang Ch. Europe for the Europeans: The Foreign and Security Policy of the Populist Radical Right // *Europe for the Europeans: The Foreign and Security Policy of the Populist Radical Right* / Ch. Schori Liang (ed.) – Routledge, 2007. – P. 1-32
230. Schulz M. Kooperationsbestrebungen rechtsextremer und rechtspopulistischer Parteien im Europa-Parlament // *Strategien der extremen Rechten: Hintergründe – Analysen – Antworten* / Braun S., Geisler A., Gerster M. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. – P. 474-490
231. SHCHerbakov V.YU. Pravyj populizm v FRG: dvizhenie "Za Germaniyu" // *Gramota*. – 2014. – No 12 (50). – P. 205-209
232. SHershneva E.L. Reformy Harca: povorotnyj punkt v politike zanyatosti i blagosostoyaniya v Germanii / E.L. SHershneva // *ZHurnal sociologii i social'noj antropologii*. – 2014. – Tom XVII. Vyp. 3(74). – P. 168-185
233. Shibkova M. O. Populizm i evroskepticizm: sootnoshenie ponyatij / M. O. Shibkova // *Sovremennaya Evropa*. – 2019. – 4 (90). – P. 119-129
234. Silva B. C. Contemporary Populism: Actors, Causes, and Consequences Across 28 Democracies [Electronic resource] / B. C. Silva. – Budapest, 2017. – 256 p. – URL: <https://dsps.ceu.edu/sites/pds.ceu.hu/files/attachment/basicpage/478/castanhoesilvabrundo-dissertation2017.pdf> (access date: 15.08.2021)
235. Sloan L., Quan-Haase A. The SAGE Handbook of Social Media Research Methods / L. Sloan, A. Quan-Haase. – SAGE, 2017. – 679 p.
236. Sørensen D. Right-wing Euroscepticism and populism: investigating the concept of ‘the people’ / D. Sørensen // *Journal of Political Ideologies*. – 2020. – 25 (2). – P. 1-18

237. Sovremennye teorii mezhdunarodnyh otnoshenij / pod red. V.N. Konysheva, A.A. Sergunina. – Sankt-Peterburgskij gos. un-t. – Moskva : RG-Press, 2013. – 361 P.
238. Steffen T. Nicht nur die kleinen Leute [Electronic resource] / T. Steffe // Zeit online. – 2017. – URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-08/afd-waehler-terrorbekaempfung-integration> (access date: 17.08.2019)
239. Steglich H. Rechtsaußenparteien in Deutschland: Bedingungen ihres Erfolges und Scheiterns / H. Steglich. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. – 463 s
240. Stöss R. Rechtsextremismus im Wandel / R. Stöss. – Bonn: Bonner Universitäts Buchdruckerei, 2010. – 239 s.
241. Stöss R. Rechtspopulismus und Rechtsextremismus // Die neue rechte Herausforderung. Rechtsextremismus in Deutschland und Europa – Berlin, Heinrich-Böll-Stiftung, 2005. – S. 17-23
242. Stöss R. Zur Vernetzung der extremen Rechten in Europa. Referat auf den DVPW-Kongress 2000 in Halle im Rahmen der Sektion «Politische Soziologie» 4. Oktober 2000 [Electronic resource] / R. Stöss // Freie Universität Berlin. – 2000. – URL: <http://www.polsoz.fu-berlin.de/polwiss/forschung/systeme/empsoz/schriften/Arbeitshefte/RexDVPW.pdf> (access date: 15.07.2019)
243. Strakevich A. A. «Stary`e» i «Novy`e» pravyye populisty` V Zapadnoj Evrope (na primere «Al`ternativy` dlya Germanii» i «Avstrijskoj Partii Svobody`») / A. A. Strakevich // Rossiya i sovremennyy`j mir. – 2019. – №2(103). – P. 126-140
244. Strakevich A. A. K voprosu o perspektivax transgranichnogo pravogo populizma v Evropejskom soyuze / A. A. Strakevich // Mirovaya politika. – 2020. – №3. – P. 51-59
245. Strakevich A. A. Na puti k «Al`ternative dlya Germanii»: e`volyuciya krajne pravyy`x populistikix partij FRG / A. A. Strakevich // Politika i obshhestvo. – 2018. – № 6. – P. 39 51
246. Taguieff P.-A. Political Science Confronts Populism: From a Conceptual Mirage to a Real Problem / P. A. Taguieff // Telos. – 1995. – №103. – P. 9-43
247. Takle M. (Spät)Aussiedler: From Germans to Immigrants / M. Takle // Nationalism and Ethnic Politics. – 2011. – 17. – P. 161–181
248. Tarasenko R.P. Sootnosimost' ponyatij «krajne pravye» i «fashizm» v sovremennom politologicheskom i politicheskom diskursah // Pravoradikal'nye politicheskie partii i dvizheniya sovremennoj Evropy / pod red. Barygina I.N. – SPb.: Izd-vo P.-Peterb. Un-ta, 2011. – P. 28-63
249. Taylor A. J. P. The Habsburg Monarchy, 1809-1918 : A History of the Austrian Empire and Austria-Hungary / A. J. P. Taylor. – London: Hamish Hamilton, 1976. – 279 p.
250. The Comparative Study of Foreign Policy: Perspectives on the Future [Electronic resource] / Caporaso J.A. et al. – 1986. – URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED271365.pdf> (access date: 07.04.2020)
251. The Rise of the Far Right in Europe. Populist Shifts and Othering / Lazaridis G., Campani G., Benveniste A. (eds.). – Palgrave Macmillan, 2016. – 289 p.
252. van der Bellen A. Die Torheit der Regierenden: Die EU-Sanktionen und ihr Ende [Electronic resource] / A. van der Bellen // Österreichisches Jahrbuch für Politik 2000. – 2001. – URL: http://www.jahrbuch-politik.at/wp-content/uploads/Alexander-van-der-Bellen_Die-Torheit-der-Regierenden-oder-die-sanktionsbewehrte-Causa-Austria-als-Akt-EUropa%CC%88ischer-Verblendung.pdf (access date: 16.07.2019)
253. Vejvodová P. A Thorny Way to Find Friends: Transnational Cooperation and Network-building amongst Right-wing and National Populist Parties / P. Vejvodová // Exposing the Demagogues.

- Right-wing and National Populist Parties in Europe. – Konrad Adenauer Stiftung, 2013. – P. 373-396
254. Vejvodova P. Transnational Cooperation of the Far Right in the European Union and Attempts to Institutionalize Mutual Relations // *The Extreme Right in Europe: Current Trends and Perspectives* / Backes U., Moreau P. (eds.). – Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2011. – P. 217-228
255. Vermeiren J. *The First World War and German National Identity: The Dual Alliance at War* / J. Vermeiren. – Cambridge University Press, 2016. – 460 p.
256. Vittori D., Morlino L. *Populism and Democracy in Europe* / Albertazzi D., Vampa D. // *Populism and New Patterns of Political Competition in Western Europe*. – Routledge, 2021. – P. 16-47
257. Volkova E.A., Lapteva YU.I. Pravyj populizm i perspektivy vyborov v Evropejskij parlament 2014 goda / E.A. Volkova, YU.I. Lapteva // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, politologiya, sociologiya*. – 2014. – №2. – P. 38-41
258. von Beyme K. Right-wing extremism in post-war Europe / K. von Beyme // *West European Politics*. – 1988. – 11(2). – P. 1-18
259. von Beyme K. *Rightwing Populism: An Element of Neodemocracy* / K. von Beyme. – Springer, 2018. – 103 p.
260. von Riekhoff H. *Unequal Partners: A Comparative Analysis Of Relations Between Austria And The Federal Republic Of Germany And Between Canada And The United States* / H. von Riekhoff. – Routledge, 2019. – 286 p.
261. Vorländer H., Herold M., Schäller S. PEGIDA. Entwicklung, Zusammensetzung und Deutung einer Empörungsbewegung / H. Vorländer, M. Herold, S. Schäller. – Wiesbaden: Springer, 2016. – 165 s.
262. Vydrin, D. I. Tekhnologiya populizma / D. I. Vydrin // *Dialog*. – 1990. – № 3. – P. 36-46
263. Walter F. Ursachen und Hintergründe für Rechtsextremismus, Fremdenfeindlichkeit und fremdenfeindlich motivierte Übergriffe in Ostdeutschland sowie die Ballung in einzelnen ostdeutschen Regionen / F. Walter. – Göttinger Institut für Demokratieforschung, 2017. – 232 s.
264. Weber R. Integrationsland Deutschland Vielfalt leben und gestalten / R. Weber // *Zeitschrift für die Praxis der politischen Bildung*. – 2011. – 2. – URL: http://www.politikundunterricht.de/2_11/integrationsland.pdf (access date: 11.03.2018)
265. Weinzierl E. Meilensteine auf dem Weg zur österreichischen Nation [Electronic resource] / E. Weinzierl. – URL: http://politicum.at/wp-content/uploads/2015/02/politicum_13.pdf (access date: 15.01.2021)
266. Weiss S. *Die praktische Deutsche Nationalökonomie in Verbindung mit ihrer Politik* / S. Weiss. – Leipzig : Fernau, 1852. – 352 s.
267. Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics / A. Wendt // *International Organization*. – 1992. – 46 (2). – P. 391-425
268. Wendt A. Collective Identity Formation and the International State / A. Wendt // *The American Political Science Review*. – 1994. – 88 (2). – P. 384-396
269. Wendt A. *Social Theory of International Politics* / A. Wendt. – Cambridge University Press, 2003. – 429 p.
270. Wettig G. Alois Mertes und die Haltung der CDU/CSU zu den Ostverträgen der sozialliberalen Bundesregierung [Electronic resource] / G. Wettig // *HPM Heft*. – 2009. – 16. – URL: <http://www.kas.de/wf/de/33.19194/> (access date: 28.06.2019)

271. Williams M.H. *The Impact of Radical Right-Wing Parties in West European Democracies* / M. H. Williams. – NY: Palgrave Macmillan, 2006. – 236 p.
272. Williams M.H. *The Impact of Radical Right-Wing Parties in West European Democracies* / M.H. Williams. – NY: Palgrave Macmillan, 2006. – 236 p.
273. Zaslavskij V. Rossiya na puti k rynku: gosudarstvenno-zavisimye rabotniki i populizm / V. Zaslavskij // Polis (Politicheskie issledovaniya). – 1991. – №5. – P. 65-79
274. Zaslove A. Here to Stay? Populism as a New Party Type // *European Review*. – 2008. – Vol. 16, No. 3. – P. 319–336
275. Zehfuss M. *Constructivism in International Relations* / M. Zehfuss // Cambridge University Press, 2002. – 289 p.
276. Zohlnhöfer R. Putting Together the Pieces of the Puzzle: Explaining German Labor Market Reforms with a Modified Multiple-Streams Approach / R. // *The Policy Studies Journal*. – 2016. – 44 (1). – P. 83-107
277. Zúquete J. P. The new frontlines of right-wing nationalism / J. Zúquete // *Journal of Political Ideologie*. – 2015 – 20 (1). – P. 73-74

APPENDIX

Appendix 1. Key words and categories applied for coding procedure

Category	Country	Key Words	Additional filters
Migration	Germany, Austria	Zuwanderung, Einwanderung, Migration, Migrant, Flüchtling, Asyl	
Foreign policy	Germany, Austria	US*, amerika-, afrika-, Rußland, russisch, syri-, chin-*, UNO*, türkisch, Türkei, Brexit, brit-	Distinguish between capital and small letters, exclude combination -schin
EU	Germany, Austria	EU*, Europa, Brüssel	Distinguish between capital and small letters
Internal policy	Germany, Austria	Arbeit, krimi-, poliz-, Rente	
Democracy	Germany, Austria	demokrat-*, Meinung, Zensur, Freiheit*, schweig-, Fairness	Exclude sozial-demokrat-, exclude freiheitlich when analyzing Austrian documents
Die Grünen	Germany, Austria	grün	
ÖVP	Germany, Austria	ÖVP, schwarz*, türkis*	Exclude der schwarze Faden, schwarzer Faden; exclude türkisch
CDU	Germany	CDU, CSU	
SPÖ	Austria	SPÖ, SPD, sozial-demokrat-, link-, rot*	Manually check words with combination -rot-, since it is difficult to automatically exclude non-relevant words
Chancellor	Germany, Austria	Kurz*, Merkel	Distinguish between capital and small letters
We	Germany, Austria	wir*, uns*, unser-	Only full words
Threat	Germany, Austria	Gefahr, gefähr-, Problem, Krise, forder-, Risiko, risk-, -droh-	

Appendix 2. Content analysis of publications on social media

AfD – main account

	Foreign policy	Democracy	Green	Left	Chancellor	CDU	Migration	Internal policy	"We"	Threat	EU
Foreign policy		12	4	4	5	2	31	13	40	32	37
Democracy	12		30	44	32	24	16	50	134	51	20
Green	4	30		32	9	22	14	31	41	30	11
Left	4	44	32		10	45	17	60	49	35	13
Chancellor	5	32	9	10		24	20	31	52	37	16
CDU	2	24	22	45	24		8	29	36	15	10
Migration	31	16	14	17	20	8		55	88	56	80
Internal policy	13	50	31	60	31	29	55		152	88	63
"We"	40	134	41	49	52	36	88	152		138	104
Threat	32	51	30	35	37	15	56	88	138		68
EU	37	20	11	13	16	10	80	63	104	68	

AfD – account of the group in Bundestag

	Foreign policy	Democracy	Green	Left	Chancellor	CDU	Migration	Internal policy	"We"	Threat	EU
Foreign policy		7	2	1	8	2	13	12	27	42	47
Democracy	7		7	10	13	6	8	15	50	31	18
Green	2	7		18	1	4	11	26	43	28	8
Left	1	10	18		1	18	5	33	28	23	9
Chancellor	8	13	1	1		2	6	14	20	19	15
CDU	2	6	4	18	2		5	10	13	16	11
Migration	13	8	11	5	6	5		35	49	66	57
Internal policy	12	15	26	33	14	10	35		94	129	37
"We"	27	50	43	28	20	13	49	94		127	51
Threat	42	31	28	23	19	16	66	129	127		74
EU	47	18	8	9	15	11	57	37	51	74	

AfD – account of the party in Bavaria

	Foreign policy	Democracy	Green	Left	Chancellor	CDU	Migration	Internal policy	"We"	Threat	EU
Foreign policy		10	3	4	8	5	14	6	12	9	16
Democracy	10		29	46	34	37	13	38	81	48	16
Green	3	29		51	30	71	31	43	61	48	18
Left	4	46	51		14	72	18	63	57	53	12
Chancellor	8	34	30	14		43	38	41	96	56	34
CDU	5	37	71	72	43		17	29	59	37	15
Migration	14	13	31	18	38	17		41	51	47	44
Internal policy	6	38	43	63	41	29	41		119	86	38
"We"	12	81	61	57	96	59	51	119		152	58
Threat	9	48	48	53	56	37	47	86	152		33
EU	16	16	18	12	34	15	44	38	58	33	

AfD – account of the party in North Rhine–Westphalia

	Foreign policy	Democracy	Green	Left	Chancellor	CDU	Migration	Internal policy	"We"	Threat	EU
Foreign policy		18	2	3	4	3	13	23	30	18	22
Democracy	18		30	51	9	28	31	44	85	40	12
Green	2	30		33	4	23	11	30	28	15	3
Left	3	51	33		5	37	16	35	44	28	10
Chancellor	4	9	4	5		8	8	6	20	7	3
CDU	3	28	23	37	8		3	9	27	16	5
Migration	13	31	11	16	8	3		38	57	27	23
Internal policy	23	44	30	35	6	9	38		83	46	28
"We"	30	85	28	44	20	27	57	83		76	39
Threat	18	40	15	28	7	16	27	46	76		24
EU	22	12	3	10	3	5	23	28	39	24	

AfD – account of Jörg Meuthen

	Foreign policy	Democracy	Green	Left	Chancellor	CDU	Migration	Internal policy	"We"	Threat	EU
Foreign policy		2	3	2	4	2	11	2	15	3	22
Democracy	2		30	19	22	11	8	12	88	13	42
Green	3	30		39	27	28	19	27	69	17	32
Left	2	19	39		13	30	15	32	46	23	17
Chancellor	4	22	27	13		38	67	26	99	42	34
CDU	2	11	28	30	38		15	11	35	6	17
Migration	11	8	19	15	67	15		44	88	37	46
Internal policy	2	12	27	32	26	11	44		76	30	49
"We"	15	88	69	46	99	35	88	76		59	141
Threat	3	13	17	23	42	6	37	30	59		27
EU	22	42	32	17	34	17	46	49	141	27	

AfD – account of Beatrix von Storch

	Foreign policy	Democracy	Green	Left	Chancellor	CDU	Migration	Internal policy	"We"	Threat	EU
Foreign policy		19	5	7	18	7	38	9	39	7	38
Democracy	19		21	32	18	20	38	31	87	15	27
Green	5	21		39	16	61	24	21	52	1	15
Left	7	32	39		21	82	26	52	94	10	28
Chancellor	18	18	16	21		54	46	21	74	15	38
CDU	7	20	61	82	54		38	21	73	5	32
Migration	38	38	24	26	46	38		67	189	27	58
Internal policy	9	31	21	52	21	21	67		104	15	31
"We"	39	87	52	94	74	73	189	104		43	83
Threat	7	15	1	10	15	5	27	15	43		16
EU	38	27	15	28	38	32	58	31	83	16	

FPÖ – main Twitter account

	Foreign policy	Democracy	Green	Left	Chancellor	FPÖ	Migration	Internal policy	"We"	Threat	EU
Foreign policy		0	0	0	0	0	1	0	0	0	1
Democracy	0		1	1	0	3	2	1	2	3	1
Green	0	1		6	1	13	2	5	3	6	1
Left	0	1	6		0	8	1	1	2	5	1
Chancellor	0	0	1	0		14	2	5	3	4	1
FPÖ	0	3	13	8	14		0	23	7	16	4
Migration	1	2	2	1	2	0		3	3	5	4
Internal policy	0	1	5	1	5	23	3		9	10	0
"We"	0	2	3	2	3	7	3	9		10	2
Threat	0	3	6	5	4	16	5	10	10		2
EU	1	1	1	1	1	4	4	0	2	2	

FPÖ – main Facebook account

	Foreign policy	Democracy	Green	Left	Chancellor	FPÖ	Migration	Internal policy	"We"	Threat	EU
Foreign policy		4	13	0	15	20	4	4	28	5	4
Democracy	4		13	0	9	17	2	1	21	5	4
Green	13	13		1	26	73	4	18	52	9	0
Left	0	0	1		0	1	0	0	1	0	0
Chancellor	15	9	26	0		37	0	4	43	2	1
FPÖ	20	17	73	1	37		4	24	75	17	4
Migration	4	2	4	0	0	4		3	11	9	5
Internal policy	4	1	18	1	4	24	3		19	1	0
"We"	28	21	52	1	43	75	11	19		24	13
Threat	5	5	9	0	2	17	9	1	24		7
EU	4	4	0	0	1	4	5	0	13	7	

FPÖ – account of Harald Vilimsky

	Foreign policy	Democracy	Green	Left	Chancellor	FPÖ	Migration	Internal policy	"We"	Threat	EU
Foreign policy		11	7	9	6	5	47	5	10	11	94
Democracy	11		11	26	8	8	10	1	7	5	25
Green	7	11		48	7	38	12	13	11	5	25
Left	9	26	48		10	23	30	16	14	8	28
Chancellor	6	8	7	10		10	5	7	10	3	16
FPÖ	5	8	38	23	10		5	4	5	1	20
Migration	47	10	12	30	5	5		20	12	17	94
Internal policy	5	1	13	16	7	4	20		6	7	12
"We"	10	7	11	14	10	5	12	6		7	32
Threat	11	5	5	8	3	1	17	7	7		31
EU	94	25	25	28	16	20	94	12	32	31	

FPÖ – account of Norbert Hofer

	Foreign policy	Democracy	Green	Left	Chancellor	FPÖ	Migration	Internal policy	"We"	Threat	EU
Foreign policy		1	0	0	0	0	5	2	6	5	13
Democracy	1		0	2	0	2	3	1	9	4	3
Green	0	0		1	0	5	0	0	0	3	0
Left	0	2	1		3	28	7	2	11	4	1
Chancellor	0	0	0	3		4	1	1	8	5	6
FPÖ	0	2	5	28	4		3	1	6	7	0
Migration	5	3	0	7	1	3		0	15	7	11
Internal policy	2	1	0	2	1	1	0		16	3	6
"We"	6	9	0	11	8	6	15	16		17	17
Threat	5	4	3	4	5	7	7	3	17		9
EU	13	3	0	1	6	0	11	6	17	9	

FPÖ – account of Karl Heinz Grünsteidl

	Foreign policy	Democracy	Green	Left	Chancellor	FPÖ	Migration	Internal policy	"We"	Threat	EU
Foreign policy		1	0	2	2	4	15	5	4	6	13
Democracy	1		4	17	2	9	2	5	6	9	0
Green	0	4		12	5	47	14	9	3	8	4
Left	2	17	12		0	7	13	5	13	11	2
Chancellor	2	2	5	0		12	7	5	4	8	7
FPÖ	4	9	47	7	12		26	12	4	12	10
Migration	15	2	14	13	7	26		4	5	24	18
Internal policy	5	5	9	5	5	12	4		4	9	3
"We"	4	6	3	13	4	4	5	4		8	4
Threat	6	9	8	11	8	12	24	9	8		9
EU	13	0	4	2	7	10	18	3	4	9	

FPÖ – account of Dominik Nepp

	Foreign policy	Democracy	Green	Left	Chancellor	FPÖ	Migration	Internal policy	"We"	Threat	EU
Foreign policy		1	2	3	0	1	4	2	5	2	3
Democracy	1		3	6	1	0	2	2	6	3	3
Green	2	3		44	2	20	3	7	7	5	1
Left	3	6	44		3	23	8	5	15	5	3
Chancellor	0	1	2	3		4	3	2	6	2	2
FPÖ	1	0	20	23	4		7	2	5	1	0
Migration	4	2	3	8	3	7		2	9	3	4
Internal policy	2	2	7	5	2	2	2		8	7	1
"We"	5	6	7	15	6	5	9	8		7	2
Threat	2	3	5	5	2	1	3	7	7		3
EU	3	3	1	3	2	0	4	1	2	3	

Appedix 3. Votes of AfD and FPÖ MEPs per category (October 2020-February 2021)

Total amount of votes with same results from AfD and FPÖ: 2128 (64%)

Total amount of votes with different results from AfD and FPÖ: 1181 (36%)

Total amount of votes where some of AfD MEPs disagreed with the main group of the party: 117 (3,54%)

Total amount of votes where some of FPÖ MEPs disagreed with the main group of the party (0,33%)

Economic issues – different	Economic issues – same	Social issues - different	Social issues - same	Foreign policy – different	Foreign policy – same	Human rights – different	Human rights – same	Environmental issues – different	Environmental issues – same	Healthcate – different	Healthcate – same	External economic issues – different	External economic issues – same
472	648	106	189	247	484	144	246	129	248	39	85	12	24
42%	58%	36%	64%	34%	66%	37%	63%	34%	66%	31%	69%	33%	67%

Appendix 4. Frequency of individual words in programs

2017 electoral program of AfD

№	Word	Number of times mentioned
1.	AfD	187
2.	Deutschland (Germany)	119
3.	Euro (Euro)	60
4.	Bürger (citizen)	57
5.	EU (EU)	54
6.	Deutsche (German)	48
7.	Kinder (children)	44
8.	Einwanderung (immigration)	39
9.	Integration (integration)	38
10.	Stärken (strengthen)	37
11.	Europa (Europe)	33
	Sprache (language)	33
12.	Staat (state)	32
13.	Kultur (culture)	31
	Mensch (human)	31
14.	Recht (right)	30
	Demokratie (democracy)	30
15.	Familie (family)	29

16.	Asyl (refuge)	28
	Europäisch (European)	28
17.	Wirtschaft (economy)	27
	Forschung (research)	27
18.	Steuern (tax/to manage)	26
	Schutz (protection)	26
	Politisch (political)	26
19.	Fordern (demand)	25
20.	Sicherheit (security)	24
	Öffentlich (public)	24
	Identität (identity)	24
21.	Land (country)	22
	Möglich (possible)	22
	Partei (party)	22
22.	Politik (politic)	21
	Ziel (aim)	21
	Frei (free)	21
	Welt (world)	21
	Infrastruktur (infrastructure)	21
23.	Immer (always)	20

	Natur (nature)	20
	Beenden (to end)	20
24.	Kosten (costs)	19
	Arbeitsmarkt (labor market)	19
	Sozial (social)	19
	Grundwert (fundamental value)	19
25.	Verkehr (transport)	18
	Schule (school)	18
	Politisch (political)	18
	Justiz (justice)	18
26.	Gender (gender)	18
	Staatlich (state)	17
	Mittel (means)	17
	Elter (parent)	17
	Banke (bank)	17
	Sicherheitspolitik (security policy)	17
27.	Zeit (time)	15
	Interesse (interest)	15
	Raum (space)	15
	Wohnen (live)	15
28.	Verhindern (prevent)	14

2017 electoral program of FPÖ

№	Word	Number of times mentioned
1.	Österreich (Austria)	94
2.	Staat (state)	51
3.	Land (country)	47
4.	Arbeit (work)	41
	Steuern (taxes/to manage)	41
5.	Forderung (demand)	30
6.	Bereich (sphere)	33
7.	Kinder (children)	32
	Familie (family)	32
8.	Sozial (social)	30
9.	Fairness (fairness)	29
10.	Krise (crisis)	28
11.	Beseitigung (abolition)	26
12.	Mensch (human)	23
13.	Frau (woman)	19
	Sicherheit (security)	19
14.	Jugend (youth)	17
	Schutz (protection)	17
15.	Öffentlich (public)	15
	Ausbau (extension)	15
16.	Betrieb (enterprise)	14
17.	Zukunft (future)	13

	Gesellschaft (society)	13
18.	Freiheit (freedom)	11
19.	Infrastruktur (infrastructure)	10
	Heimat (motherland)	10
20.	Leben (life/to live)	9
	Ziel (aim)	9
	Wasser (water)	9
21.	Neutralität (neutrality)	8
	Demokratie (democracy)	8
22.	Bürokratie (burocracy)	7
	Verwaltung (management)	7
	Euro (Euro)	7
	Zuwanderung (immigration)	7
	Rahmen (framework)	7
23.	Lebensmittel (groceries)	6
	Aufgabe (task)	6

	Pflege (care)	6
	Identität (identity)	6
	Selbst (oneself)	6
	Europa (Europe)	6
	Kultur (culture)	6
	Bewahren (keep)	6
	Investition (investment)	6
	Bedeutung (to mean)	6
	Gemeinde (community)	6
	Tier (animal)	6
24.	Schikane (cavil)	5
	Endlich (finally)	5
	Transparenz (transparency)	5
	Versorgung (supply)	5
	Zugang (access)	5
	Senior (senior)	5
	Souverän (sovereign)	5
	Politisch (political)	5
	Entlastung (relief)	5
	Verantwortung (responsibility)	5

Governmental program of FPÖ

№	Word	Number of times mentioned
1.	Österreich (Austria)	256
2.	Seite (side)	164
3.	Maßnahmen (measures)	129
4.	Ziel (aim)	125
5.	Bereich (sphere)	102
6.	Österreichisch (Austrian)	100
7.	Schaffung (establishment)	97
8.	Weiterentwicklung (development)	96
9.	Mensch (human)	94
10.	EU (EU)	92
	Ausbau (extension)	92
11.	Evaluierung (evaluation)	91
12.	Rahmenbedingungen (framework conditions)	89
13.	Unternehmen (enterprise)	88
14.	Stärkung (enforcement)	81
	Digitalisierung (digitalization)	81
15.	Förderung (promotion)	80
16.	Öffentlich (public)	79
	Prüfung (inspection)	79

17.	Entwicklung (development)	77
	Umsetzung (transformation)	77
18.	Rahmen (framework)	76
19.	Land (country)	63
20.	Sicherheit (security)	59
	Bundesregierung (federal government)	59
21.	Berücksichtigung (account)	57
22.	Sport (sport)	56
23.	Wirtschaft (economy)	55
24.	Zukunft (future)	54
25.	Kinder (children)	53
	Einführung (implementation)	53
26.	Ebene (level)	52
27.	Gesellschaft (society)	51
28.	Neu (new)	49
	International (international)	49
	Nutzung (usage)	49
29.	Europäisch (European)	48
30.	Infrastruktur (infrastructure)	47
	Unterstützung (support)	47
31.	Weiter (further)	46
	Bekanntnis (avowal)	46

	Strategie (strategy)	46
	Reform (reform)	46
32.	Bürger (citizen)	44
	Frau (woman)	44
33.	Bestehende (existing)	43
	Basis (basis)	43
	Innovation (innovation)	43
	Einrichtung (organization)	43
	Verstärkt (enlarged)	43
34.	Schutz (protection)	42
	Möglichkeit (opportunity)	42
35.	Leben (life)	41
	Ermöglichen (facilitate)	41
36.	Integration (integration)	40
	Reduktion (reduction)	40
	Verfahren (procedure)	40
37.	Kultur (culture)	39

2021 electoral program of AfD

№	Word	Number of times mentioned
1.	AfD (AfD)	246
2.	Deutschland (Germany)	141
3.	Fordern (demand)	120
4.	Deutsche (German)	75
5.	Familie (family)	62
6.	Kind (child)	55
7.	Land (country)	51
8.	Staat (state)	48
9.	Erhalten (receive)	46
10.	Bürger (citizen)	45
11.	EU (EU)	41
12.	Digitalisierung (digitalization)	37
	National (national)	37
	Sozial (social)	37
13.	Hoch (high)	36
14.	Europäisch (European)	35
	Mensch (human)	35
15.	Euro (Euro)	34
	Stärken (strengthen)	34
16.	Europa (Europe)	32

17.	Staatlich (state)	31
	Technik (technique)	31
18.	Fördern (facilitate)	30
19.	Energie (energy)	29
20.	Öffentlich (public)	28
	Sicherheit (security)	28
21.	Bildung (education)	27
	Klima (climate)	27
22.	Freiheit (freedom)	26
	Integration (integration)	26
	Migration (migration)	26
23.	Führen (to lead)	25
	Politisch (political)	25
24.	Abschaffung (cancellation)	24
	Maßnahme (measure)	24
	Wirtschaft (economy)	24
25.	Identität (identity)	23
	Verhindern (prevent)	23

26.	Gesellschaft (society)	22
	Kultur (culture)	22
	Recht (right)	22
27.	Schutz (protection)	22
	Ausbau (extension)	21
	Demokratie (democracy)	21
	Entscheiden (to decide)	21
	Gelten (to be valid)	21
28.	Leben (to live)	21
	Beenden (to finish)	20
	Elter (parent)	20
	Partei (party)	20
	Scheitern (to fail)	20
	Steuern (taxes/to manage)	20
29.	Ziel (aim)	20
	Asyl (refuge)	19
	Dienen (to serve)	19
	Leistung (achievement)	19